International Literary magazine

KRESCHATIK

Александр
ПРОТАСОВ

ОКНО

Александр ПРОТАСОВ ОКНО

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЭЗИЯ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Александр
ПРОТАСОВ

ОКНО

Роман

Друкарський двір
Олега Федорова
Киев, 2026

УДК 821.161.1(477)-31
П831

СЕРІЯ «Библиотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована у 2023 році

Иллюстрации в тексте — Автора

Протасов А.

П831 Окно. *Роман* / Протасов А. — Друкарський двір Олега Федорова, Київ 2026 — 320 с.

ISBN 978-617-8477-15-8

Это роман-размышление, на фоне непростых и драматических событий современности. От воспоминаний детства до эволюции ноосферы.

«Если память — это “машина времени”, позволяющая поворачивать его вспять, и она обязательный атрибут сознания, то существование состояния “Сейчас” невозможно без “Вчера”, хотя это уже не состояние, а тень, отголосок прошлого бытия».

УДК 821.161.1(477)-31

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)
ISBN 978-617-8477-15-8

© Протасов А., 2026
© Федоров О.М., видавець, Київ 2026

Посвящается дочерям,
Маше и Оле

Действующие лица:

Константин Аполлинариевич — далее по тексту — КА

Михаил Пахомов — друг студенческих лет, Мишка

Валерка — друг детства

Жена Константина Аполлинариевича

Валентин Абрамович — философ, эволюционист, часто по тексту — ВА

Полина Ивановна — женщина-друг героя, комсомолка 70-х

Гриша — художник

Лариса и Толик — муж и жена

Элла — случайная встреча, дочка её Рахиль — невинная жертва ХАМАС

Ван Гог, Винсент — художник — рассуждает о живописи, друг Мишки

Анюта — Мишкина первая жена

Татьяна — однокурсница, любительница змей, то есть герпетолог

Фёдор — друг и однокашник

Солдаты разных войн

Друзья и знакомые, а также исторические персонажи, например, Нострадамус

Многоугольное окно,
чернильные задворки неба…
Б. Марковский

У окна

Прошло гораздо больше, чем полвека, это очень много, даже с точки зрения какой-нибудь черепахи Тортиллы, но почему-то именно сейчас, стоя у окна третьего этажа отделения Института рака, КА, с разрезанным неделю назад, но и, как сказал хирург, блестяще зашитым животом, вспоминал тусклые какие-то картины из детства. Много лет тому назад. Райбольница, ему уже разрешили ходить. Пожалуй, именно тогда в первый раз он почувствовал счастье, свободу здорового организма. Даже скорая ходьба приводила к взбуханию грыжи, а вот теперь доктор что-то там зашил — и он может бегать! Бегать, бегать, с этим связались смутные воспоминания о том, что были у него сапожки. Настоящие хромовые сапожки, которые сшил сапожник в военном городке. Как сменяются эпохи! Он ещё застал те времена, когда офицерам выдавали такие наборы разных кож на пошив сапог. Из этого отцовского набора как раз и были сшиты те сапожки. Ещё было кому сшить! Сапожники умели забивать деревянные гвозди в подмётки и знали секрет, как организовать скрипучесть сапог. Впрочем, это, видимо, что-то вроде виниловых пластинок. Параллельно с флешками они сосуществуют, правда, не такими тиражами. В мелькнувшем воспоминании из детства был ещё моментик, уже как бы из истории семьи. В ту эпоху, когда детям всё, в особенности зимние пальто, покупалось «на вырост», и первоклашки ходили, как в мешках в этих длиннорукавных пальтищах, в штанах подвёрнутых, странно было, что родители решили сшить сапоги, недешёвые, наверное, хотя было очевидно, что на следующий год могут быть малы. Скорее всего, идея была от отца, потому что довольно-таки иррациональная. А младшего брата-то, донашивать, не было. Тут где-то рациональность матери подвела, что было странно, наверное, были некие веские причины, а может, теперь он просто был очень далёк от принципов тогдашней рациональности.

Вот, целое воспоминание получилось, целой эпохи, но произошло от какого-то лишь мгновения, вспышки, одной, невесть откуда взявшей-

ся детали. Это так же, как сны: мгновение, а кажется, что просмотрел целый фильм. Что-то происходит со временем. Нечто регулирует его плотность. Как-то существенно изменяется связь между длением и содержанием, набором, количеством и последовательностью событий. Зачем-то сознанию надо экспериментировать со степенью упаковки, казалось бы, спи себе, два часа смотри спокойно сон, но масштабы времени тогда совсем иные. Зачем-то надо, чтобы мгновенно, как вспышка сознания, назовём стробоскопическим эффектом сновидений. Такая причуда времени.

За окном было какое-то нагромождение бетонных сооружений, подсобки некие на территории больницы, без окон. Деревья акварельными потёками серо-зелёного обозначали конец зимы. Холодно за окном и жарко натоплено в коридорах и палатах. Какой-то на душе был привкус, что называется, «осадочек остался», неужели от того неудавшегося диалога с перевязочной сестрой? Чаще всего КА не мог найти оптимального способа общения с младшим медицинским персоналом. Ему представлялось, что он им видится этаким барином, или, наоборот, никчёмным старичком гипотрофированным, короче, либо в ту, либо в другую сторону, до предела. Почему-то для него было важно — настроить контакты именно с медсёстрами. Но, может, ему просто чудилось, что они к нему как-то не так относились. Никак они к нему не относились. Но спасибо за мелкую купюру после процедуры говорили, всегда от души. Ещё тогда, много лет назад, как он помнил, было хорошее чувство сына полка в этих палатах райбольницы. Больницы не те, сыны не те и полки уж не те. Наверное, просто из милого мальчика вырос, а потом состарился не очень уживчивый, грустно-требовательный человек, получился старичок с элементами застенчивой мизантропии в характере.

— Обід, обід, — работница кухни-раздатки поплелась по коридорам, заглядывая в палаты, призывая к раздаче супа и какого-то второго.

Компот в прошлый раз так явственно отдавал «Земляничным» мылом его детства, что КА, поднеся кружку к губам, вздрогнул. Но никаких воспоминаний не пришло, ни плохих, ни хороших.

Вообще еду привозила жена, значит, и готовила. Он как-то отвык от домашнего приготовления хозяйкой, то есть женой, готовил чаще сам. Утром каша с сарделькой, в обед — отбивная из курицы или индюка, вечером — суп. Он, надо сказать, готовил довольно невкусно, но в этом случае жаловаться было не на кого, некого критиковать. Важно

было то, что он мог поддерживать некий ритм, порядок, для него это было важно. Например, мог следить за припасами овсянки. Стоило отдать это дело в руки жены — и порядок нарушался. Это раздражало. Нарушение твоего порядка всегда выводит из равновесия. Но нарушение порядка — это и свидетельство того, что есть всё же кому его нарушать. Чувство связанности, зависимости, Бог знает, как к нему относиться. Делая некоторые наблюдения над собой, КА отметил, что наилучший, можно даже сказать, нежный вариант этих связей возникал, когда изредка было слышно, как жена возится на кухне. Просто присутствие. Значит, не один.

Странная вещь, подумал КА, сколько написано относительно всяких социальных отношений — и про рабочие коллективы, и про этносы, и про классы и классовую борьбу и дружбу. Но где же тома исследований одиночества? В экологии/биологии есть такой принцип — самонедостаточности организмов, мол, ни один организм не может существовать вне системы отношений с популяцией. Это понятно, более того, популяция не может жить вне связей с другими же, то есть нуждается в сообществе. Но вот что интересно, размышлял КА, глядя на двух голубей, которые только что шлёпнулись на широченный карниз за окном, даже если представить себе где-то в тёмных глубинах океана одинокую рыбку, совершенно очевидно, что она рано или поздно, а скорее, в совершенно нужный момент, встретит другую, они обеспечат развитие икринок. Очевидно, что таких пар не одна и не две, а много, потому что их существование поддерживает существование вида. Но как-то человеку удалось выскочить из этого круга обязательств, рыбку представить одинокой нельзя, а человека вполне можно.

Вот Мишкина жена умерла уж давно, и он много лет жил с сыном, а другой друг, Фёдор, давно живёт один, при живой жене, на разных концах города обитают, правда, на даче встречаются. Он подумал, что чаще стал вспоминать своих друзей, только с живыми совсем не хотелось делиться впечатлениями о здоровье, вернее, отсутствии такового, а тем, кто ушёл, это уже не интересно. Впрочем, с Валеркой, наверное, можно было бы поделиться. КА вспомнил его дневники и разные записки с письмами, переданные матерью, так много было там о разных вариантах лечения, впрочем, это уже была просто его жизнь, которая слишком зависела от периодических поездок в один институт, то на химиотерапию, то на облучение.

Кстати, о социуме, весна уже на подходе, голуби воркуют, а война продолжается. Противно чувствовать свою двойную беспомощность, лёжа на больничной койке с трубочкой в животе, по которой в мешок стекает сукровица, и понимать, что если что-то прилетит, под заунывные звуки воздушной тревоги, то даже убежать не сможешь в какое-то укрытие. Это как раз тот случай, когда социум принудительно приобщает к своим проблемам, одиночество здесь принципиально невозможно. Так бы наплевал на все эти новости BBC, но нельзя. Получается, что именно войны сплачивают популяцию *Хомо сапиенс*? Например, в качестве сплачивающей информации, особенно в этом году, всем необходимо слушать и что говорил президент США, и что сказали разномастные комментаторы по этому поводу.

По коридору потянулась редкая цепочка больных с плошками в руках: понесли обед к себе в палаты. Надо пойти посмотреть, что там дают, может, супчик сегодня, а не борщ, которого КА из-за высокой желудочной кислотности есть не мог. Одни ограничения. Того нельзя, сего нельзя, старость — это вообще сжимающееся кольцо запретов, даже и не придумаешь, что же стало можно, каковы приобретения старости. Нет, всё же, как пелось в одной песне, мои года — моё богатство! Одно радует: дабы что-то потерять, надо это что-то было иметь. Действительно — богатство, не подлежащее растрате.

Был март, год 2025 от Рождества, и уж перевалило на четвёртый от начала войны. Вчера вечером он так досадовал на себя за плохое знание английского. Хотелось прояснить: это плох синхронный перевод или, действительно, человек, который олицетворял некое могущество некой могучей державы, в планетарном масштабе, нёс такую примитивную чушь. Но чего цепляться за недостаток красноречия. Может быть, действия этого нецицерона приведут к миру, наконец-таки? Что-то не видно результатов. Мишка бы обязательно позвонил и проорал бы в телефон:

— Ты слышал этого мудака? Перевод плохой? Да я слушал без перевода. Сделать Канаду 51 штатом! А как же закон об английском языке как единственном государственном? А что же делать тогда с франкоязычной Канадой? Выслать всех нахрен в Прованс и Шампань с Парижем?! Не было там, в своё время, своего Гаранта, чтобы заняться единым канадским языком.

— Придётся продавцов серьёзно обязать говорить по-англоамерикански, там и прочие подтянутся. Ты, как я вижу, ухватил самое важное. А шо нам те канадские французы? Мы сами как французы.

— Ты не смейся, Путин сто раз повторял, мол, идём спасать своих, родных по языку и вере. Важный аргумент.

— Ну да, если Макрон придёт на помощь своим, франкоговорящим канадцам, большой или очень большой войны не избежать.

— Ага, помощь своим была поводом множества войн. Только вот нет ничего более неопределённого и ненадёжного, чем «свои».

— Ты, конечно, прав….

Не позвонит Мишка. За два месяца до войны его не стало. Сильно переживал Мишка-друг это предвоенное сгущение туч. Потом многое пришлось бы переосмыслить, увидеть по-новому. Не пришлось.

Не с кем обсуждать теперь так называемые животрепещущие вопросы. Но сконструировать этот диалог было совсем несложно. Хотя это и не была игра в шахматы с самим собой, когда, пересаживаясь на другую сторону доски, всё же знаешь, какой ход задумал визави, правда, не ясно, кто он такой. В беседах, которые КА иногда вёл с теми, кого уже нет, как он подметил, бывали какие-то непредсказуемые повороты. Казалось бы, разговор с самим собой, однако суждения собеседника обладали определённой оригинальностью. Но, вроде, в этом ничего странного и нет, как хорошо он знал их характер, образ мышления, истории жизни. Так получалось, размышлял КА, будто он сам становился тем, другим человеком, какой-то материальной составляющей того, что уже нематериально. Вроде интерфейса.

— Скажи мне, куда всё это уходит? — Мишка возник снова.

— Что именно?

— Да вот, вся эта жизнь, история. Казалось бы, ткань истории плетётся из всех этих сегодняшних дней, сегодняшних реальностей, она — абсолютная реальность, другой вообще не бывает, кроме здесь и сейчас. Но когда сегодня становится вчерашним днём, это всё уже не кажется столь интересным, важным. Оказывается, в сегодняшнем дне было так много такого, что и не стоило запоминать. Это как духи в незакрытом флаконе — сегодня такое богатство ароматов, завтра выдохлось, один уксус.

— Но старое вино поценнее молодого, — сказал КА, — получается, что оценку вчерашнего, из которого создаётся сегодняшнее, можно дать только завтра? Будущее неизбежно уродует прошлое.

— Да, мы живём, вернее, вы живёте сегодня, и ничто не указывает на важность деталей. А если указывает, то, как правило — неверно. Не на то и не про главное.

— Детали, как ни странно, есть хоть и непременный атрибут предмета, но суть предмета определяется окружением, средой, фоном, настроением, пейзажем. Детали натюрморта зависят от интерьера, а он — от ландшафта. Как же мы можем предположить, спрогнозировать важность сегодняшних деталей для будущего? Сейчас рождаются детали, но среда их обитания будет только завтра.

— Пожалуй, и что с этим делать? А с этим далёким (или недалёким?) миротворцем, который так тебя впечатлил? — Мишка вернулся к теме — Плюнем на этого заморского президента и его идеи, как будто он царь Гвидон. Вымышленный.

— Кстати, насчёт идей, вчера он с какой-то стати делал рекламу новой технопобеде великой своей страны. Мол, идёт семимильными шагами разработка новейшего, аж шестого поколения, истребителя! Никому не видим, Махи будет глотать, как устриц, вооружён до зубов — и так далее. Вот странный, не доложили, наверное, ему, что опыт войны современной, так сильно за три года эволюционировавшей, показал, что все эти истребители — полная фигня. Не уникальные баснословно дорогие истребители, а тысячи дешёвеньких дронов решают всё на поле боя. Из этого обобщения следует новая военная доктрина: надо разработать большую, очень большую армию дронов, которые бы управлялись искусственным интеллектом, а Главный центр управления, микрочип, просто вживлять бы в жопу самого главы государства. И всё! Народ безмолвствует и занимается своим делами, президент замышляет и осуществляет совместно с Интеллектом атаки на Приднепровье, или Примичиганье, куда хочет, одновременно отбиваясь от непокорных соседей. Огромная экономия на пропаганде, которая становится ненужной в силу отсутствия реципиентов.

— Это неплохая идея, пожалуй, у меня есть с кем её обсудить.

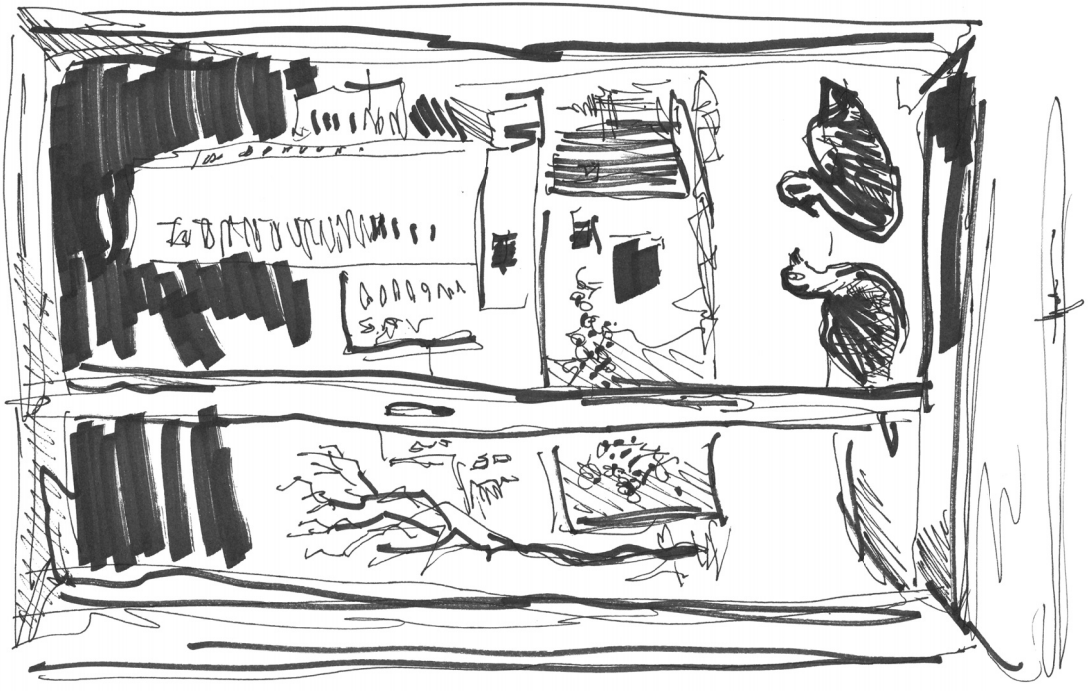
— Кроме меня?

* * *

Вот уже и вечер. Скоро должны сделать, кажется, два укола. Ещё не смеркалось, можно было бы рассматривать архитектурные детали,

если бы они были. Вид из окна палаты был совершенно удручающим, но и такой вид имеет гигантское значение в условиях замкнутого пространства, вот почему в тюрьмах окна так высоко, чтобы вида не было никакого, будто мира нет вообще.

Внизу, под окном, плоская крыша какой-то пристройки, покрыта битумом, на манер асфальтовой площадки, однако посещаема, ибо там висело несколько верёвок с прищепками. Наверное, кто-то из больных устраивал постирушки. Это отдавало двойной печалью, ибо говорило о том, что обитали они здесь долго, что за ужас — устроить быт в больнице, как дома, надолго, чуть ли не навсегда. Крыша окружена мощным парапетом, как крепостная стена, если устроить бойницы, вполне можно было поставить пулемёт. За крышей виднелось несколько невыносимо скучных стен, которые, наподобие театральных кулис, образовывали какой-то ряд, призванный замаскировать некое, видимо, секретное пространство. Одна стена, что поближе, имела незаконченный мурал в виде жёлтых цветочков по голубому фону, что, наверное, должно было обозначать патриотизм, правда, в незаконченном, заброшенном виде. Возможно, это был реликт краткосрочной эпохи, когда происходила массовая покраска всего в цвета государственного флага, сии авторы, видимо, решили внести некое оригинальное разнообразие. Давно, как давно это было, больше десяти лет тому. Акция была довольно странной, как для территории, которая просто себе находилась под сенью того самого флага. Можно было бы приветствовать порыв партизан-подпольщиков, которые на оккупированных территориях по ночам красили бы заборы в цвета истинного владельца территорий, или, там, красно-белыми полосами, в пику властям, а так, никакого подвига, кроме трудового. Впрочем, не исключено, что КА слишком много занимался вопросами *эволюции* биосферы, упустив какие-то моменты относительно тонкостей процессов *революцио*нных. Вторая стена, подальше, была бетонно-кирпичная, совсем уродливая, к тому же с несколькими зияющими окнообразными дырами. Правда, фоном для этих стен служили несколько домов-новостроек, весьма привлекательной серо-голубой наружности. Дома были высоченные, много-много этажей, но пустые, окна там не светились по вечерам, что отдавало войной, приватной собственностью и незрелым капитализмом.

— Интересное дело, — появился с таким вступлением Мишка, — интересное дело, при Союзе вроде строили, строили — и всё жилья не хватало на всех, значит, недостаточно строили. Зато построили вот этот медицинский центр, теперь, при капитализме, жилья много, похоже, что с избытком, а новых больниц что-то не видать.

— Что ж тут удивительного, тогда и то и другое строило государство, теперь жильё в частных руках, строят то, на что есть спрос, на больницы, видимо, нет. Потому и результат такой.

— Вот тебе и пример ошибочности прогнозов эволюционного развития. Как оказалось, было в корне неверно предполагать, тем паче, постулировать, как это делали классики марксизма, векторизованный процесс и последовательную смену формаций, мол, за рабовладельческим строем следует феодализм, потом капитализм. Оказалось, что эффективными могут быть циклические процессы. Лет двадцать пять капитализм строит квартиры, потом небольшая революция — будем строить больницы и ДнепроГЭСы, потом опять — за квартиры, дачи и машины. Так вообще можно до коммунистического общества дойти, особенно, если научиться гармонично сочетать все элементы циклов. И революции поставить на плановую основу.

— Мысль интересная, думаю, что и плодотворная. Но утопичная.

— Во всяком случае, прогрессивная. Она тут у нас среди философов живо обсуждается.

— Где это у вас?

— Ну, где я, как у вас говорят — в загробном мире.

История Веры

Может, когда-то будут такие беспыльные архивы: электронные, лазерные, оптические, магические, — но практика показывает, что архив бумажный намного более надёжен, правда, это как раз те рукописи, которые горят. А шумерские таблички не горят, но у них свои недостатки, своя пыль веков. Вера, надо сказать, об этом никогда не думала, она приходила каждое утро в свой архив в одном учреждении, была вполне довольна работой, пыли парящей почти не замечала, пыль, осевшую на поверхностях, стирала тряпочкой. Эта особая архивная пыль была замечаема в воздухе только по утрам, пылинки светились разными цветами. Дело в том, что были на окнах витражи, они и окра-

шивали парящие пылинки своими лучами. Вера не так давно открыла для себя этот новый мир света, проходящего через окрашенное стекло. Витражи. Не те, что в старинных соборах, гигантские, архитектурные, а маленькие, на кусочках стекла рисуночки. Техника, конечно, была детская, но принципиально правильная. Надо сделать границы, непреодолимые для прозрачной краски, и потом залить эти ячейки краской же. Эти границы и есть скрепы, точнее, имитация скреп, так всегда бывает — разъединяюще-соединяющая роль границ. Если внимательно присмотреться к настоящим большим витражам, то можно заметить, что в этих границах цвет стёкол неоднороден, но здесь, в этих маленьких, самодельных — чистая мозаика, каждое поле имеет только свой локальный цвет. А эффекта два получается от такой стекляшки с мозаикой, которая висит на окне и через которую, согласно табели о рангах радуги, проходят солнечные лучи: само окно всё в рисуночках цвета, да и становятся видимы эти пылинки разноцветные в солнечных лучах. Больше всего Вере нравилось изображать цветы, можно было не только отображать реальные, но и фантазировать. Она и фантазировала. Архив — не самое посещаемое место, о нём вспоминают в случаях необходимости воскрешения информации. Поэтому Вера вполне могла создать себе уголок, где время от времени и рисовала. Подруг у неё как-то не было, только уборщица Нюра заходила, болтая без остановки, шаркала своей шваброй по полу.

Когда-то, очень давно, ещё студенткой, Вера была в поездке, на экскурсии, в Риге. Обязательно надо было попасть в Домский собор. Витражи, ещё и орган запел. А на улице — апрель, немного снега, кирпич стен, острота крыш. Она и сейчас помнила эту необыкновенную, как из сказок, весну.

Позвонили из профкома:

— Вера, нужно личное дело Быкова А.В., работал где-то до 1998 года, помер, пенсионер, наверное, фотография есть в деле, характеристика, надо соболезнование на доску повесить.

— Не помню, поищу, около 1998?

— Да никто не помнит, а проработал, говорят, 25 лет.

Вера пошла к своим полкам, раздумывая о том, что, вот, работал человек, не просто ходил и присутствовал, наверное, с кем-то и чай пил, общался, спорил, а след остался только среди архивной пыли. Но остался же (сомнений, что дело найдётся, не было никаких), а некото-

рые просто исчезают. Без следа. Хотя, вот, сейчас повисит листочек с портретиком в чёрной рамочке пару дней на стенде профкома, кто-то, может, вспомнит, а потом забудут, окончательно. Какое различие между полностью забытыми и забытыми в архиве? Дело быстро нашлось, фотокарточка была, характеристики, листок по учёту кадров, ага, существовал такой в 6 отделе.

Были ещё какие-то мелкие работы, бухгалтерия звонила. Но в голове сидела мысль, как бы пораньше уйти, чтобы попасть на выставку, о которой сообщала СМСка, полученная три дня назад: «Выставка. Живопись. Приходите». Конечно, надо пойти. Так давно не была на выставках.

Они и с Гришей и познакомились на выставке. Эпоха уже подходила к периоду заката, но Союз художников продолжал нарезать время в соответствии с важными датами: «Українськи митці — ювілею Жовтня», «До 8 березня. Любі жинки», «Творча молодь — Комсомолу». Гришины работы на эту молодёжку взяли без проблем. Две большие картины. На одном полотне — развесистый осенний букет, яркий, с красными листьями, название — «Осінь революції», на другом была киевская весенняя улица, хороший такой городской пейзаж, далеко в глубине перспективы —две фигуры незаметные, меньшая, видимо, ребёнок, с точечкой красной, флажок, называлась «На демонстрацію». Так было на табличках написано, что на обратной стороне холста, какое же название, неизвестно. Да и не важно, работы были хорошие, добротные, даже мастерские.

— Нравится? — прозвучал молодой голос за спиной.

— Да, мне нравится, настоящая весна! — Вера обернулась, перед ней был светловолосый парень плотного сложения, с доброй улыбкой.

— Я давно за вами наблюдаю. Вы так внимательно всё рассматриваете.

— А я и сама люблю ходить на демонстрации. Люблю, когда много народа, все шумят, радуются.

— Если хотите, я могу показать эту улицу, где я делал этюды, тут недалеко.

А потом они гуляли допоздна на Владимирской горке, и было так много тем для разговоров. Какой чудный был вечер, когда они стояли так высоко над рекой, берега были в дымке, а Большая Река вся залита была золотом — и золотые пылинки носились в тёплом воздухе.

Вера подумала, что уже много лет не была ни на этой горе над рекой, ни в таком вечере.

У Гриши было какое-то особое чутьё, даже талант. Он не писал портреты вождей, лозунгов в руках тружеников полей, но в каждой работе всякий искушённый член худсовета видел: это наш человек! Работы покупал худфонд, они уходили в какие-то областные музеи и галереи, в общем, на краски и холсты хватало. На поездки тоже. Вера любила ездить с Гришей в творческие командировки по всей стране. Както они почти месяц осени творчески провели на Байкале. Несколько обязательных портретов передовиков, но главное — Байкал-море, горы, тайга и Хамар-Дабан где-то над горизонтом.

Терять зрение Гриша начал около сорока, самый расцвет, но писать становилось всё сложнее. Мастерство художника — от глаза. Вон, какая-то безрукая подарила Сталину ковёр, сама вышивала, с иголкой в зубах, но — при глазах! Гриша решил, что станет, как Майоль, у того тоже зрение просело, займётся скульптурой. Но скульптура как-то не пошла. В отличие от живописи, она требует гораздо больше средств, техники, материалов. Они всё ещё ходили на выставки, к друзьям в мастерские, но постепенно круг сужался. Детей не было. Сердечко стало барахлить…

Детей не было, жили на его пенсию и её зарплату, служила в библиотеке какого-то НИИ, потом нашла этот забытый Богом архив, но тут бывали премии в конце года. Вера на работе, Гриша дома, чем он себя занимал, Вера не особо знала, телевизор бы, да глаза слабы. Одно он требовал деспотически: после работы — домой. То ли ревновал, то ли скучал. Вот она и спешила домой, если даже в магазин надо, и то приходилось выкручиваться, раньше с работы уходить. И жалко было ей мужа, и чем больше требовал, тем чаще вспоминалась свобода какая-то, жизнь без обязанностей. Тогда ей становилось стыдно. Но на выставку-то она забежала. Это один старый знакомый, ещё по НИИ, художник-любитель устроил, хорошо у него осенние пейзажи получались.

Что такое любовь? Что происходит между таким вот вечером на Владимирской горке и вынужденным возвращением домой, а сказать друг другу нечего? Об этом Вера не думала, просто и здесь, и дома выполняла свою работу. Только вот как-то витражи выпадали из этого тихого круга. Наверное, потому, что никогда не было в этих маленьких окошечках серого цвета.

Годы, как известно, здоровья не прибавляют, скорые приезжали, потом больница.

— Вот, тебе, Гриша, супчик принесла, тут у вас в больнице не ахти как кормят.

— А ты посиди со мной.

— Бегу, на работу бежать надо.

Не стало как-то Гриши. Незаметно. Вроде бы свобода наступила, хоть иди домой, хоть в кино.

Вера сняла трубку внутреннего телефона.

— Андрей Семёнович, вы же у нас издательскими делами занимаетесь?

— Да, имею дело с типографией, а что?

— Подскажите, как это сделать. Свекровь хочет книжку напечатать, стихи. Муж, оказывается, стихи писал.

— Напечатайте в ворде, я посмотрю, трансформирую в пдф, попрошу, чтобы напечатали, думаю, дорого не запросят, за ними небольшой должок.

— Спасибо, никогда этим не занималась.

Хотя в одном городе жили, но свекровь прислала «Новой почтой» большую тетрадь в синем переплёте, амбарная книга, скорее. Вера открыла, но читать начала не сначала, а последние записи. Крупный, неровный почерк плохо видящего человека.

Жду тебя, а ты
Не приходишь,
Любовь моя.
Сумерки за окном,
Горсточка только
Снега выпала, а
Стало светлее.

Роман как зеркало души

Мимо кладовой с табличкой «Для використаної білизни», как обнаружил КА, обойдя в коридоре несколько каталок для перевозки лежачих больных, можно через неожиданно громко, но мелодично скрипящую дверь попасть в переход между корпусом 1 и отделением химиотерапии. Пол широкой галереи плавно спускался между стен, почти

полностью состоящих из окон. Поэтому в галерее было светло и даже как-то радостно. Галерея тянулась метров на пятьдесят, можно было ходить туда-сюда, прямо как по улице. И улица, природа, казалась близкой из-за этого множества окон. Даже сегодня, когда было серо и пролетал мелкий снежок, здесь было стерильно-ясно и просторно. Ещё одно удобство, кроме безлюдья, было в том, что шестиметровые пролёты окон имели широченные подоконники. Они, естественно, располагались горизонтально. При пологой плоскости пола легко можно было найти наиболее удобную высоту, чтобы, расположившись, как за конторкой, читать или писать. Это особенно радовало, поскольку сидеть было болезненно и некомфортно.

КА смотрел в серое небо, за голыми деревьями толпились те самые бестолковые стены, но трава тут и там уже зеленела. А чего б ей и не зеленеть, морозов сильных зимой не было, снега тоже. Медицина, хоть бы и радикальная хирургия — всегда перегонки со временем. Даже если быстренько отрезали, пришили, зашили, всё равно ждать, ждать, пока заживёт. Если правильно ждать, то можно и дождаться.

Времена вынужденного чтения книжек в больницах прошли. Хочешь читать или даже слушать (театр перед микрофоном), вот тебе телефон, этот инструмент для связи с миром прекрасного и не очень. КА никак не мог решить, что бы ему послушать, напрягать зрение и читать не хотелось. Не оказалось у него какой-то заготовки на случай такого избытка свободного времени. У слушанья длинного романа был тот недостаток, что после перерыва сложно было найти место остановки. Небольшие рассказы, вот что надо. Мишка бы вывалил целый список. А тут не приходило в голову ничего, кроме полудюжины знакомых имён: Хемингуэй, Довлатов, Набоков, Гоголь, Чехов, Токарева, Улицкая… Придётся положиться на выбор Ю-Тюба. Тот подсунул рассказ про трёх подруг в Нью-Йорке, которые по московской своей привычке напились — и кто жаловался, кто хвастался своими мужиками. Про любовь, короче, был рассказ. Беда была в том, что, почти поняв суть любви, героини уже не имели возможности эти знания применить в жизни — тот умер, тот спился, с третьим тоже что-то случилось. Потом его внимание переключилось на новости.

Новости были довольно обыденные, если уж считать обыденностью военные сводки, взаимные обвинения противоборствующих сторон в военных преступлениях, а также про протесты и репрессии. При-

влекла внимание одна новость: прямо на улице застрелили активиста. Слово «активист» КА очень не нравилось своей семантической смысловой неопределённостью при вполне определённой политической ориентации. Как правило, под этим термином подразумевалось, что данное лицо имеет не просто «активную жизненную позицию», но активность его протекает в русле, обозначенном властью. Например, активист-комсомолец, но не скажешь же: активист-анархист, или активист-троцкист или активист-контрреволюционер. Активист Шариков выглядит сейчас несуразно, даже плохо выглядит, но тогда!.. Естественным образом смена или реорганизация власти приводили к изменению оценок знака активности. КА ходил по этой самой галерее в одиночестве и читал комментарии к новости, даже BBC посчитало её достойной внимания.

— Ты помнишь, Мишка, несколько лет тому убили прямо во дворе его дома одного писателя?

— Да, помню. Но помню и другое, один из моих коллег тогда процедил радостно: «Одной сволочью меньше».

— Казнить человека за то, что он думал иначе, писал иначе, не так, как кому-то другому хотелось. Теперь вот, в новостях — активиста какого-то застрелили.

— Ну да, если ты радуешься смерти другого, то не стоит исключать, что кому-то и твоя жизнь представляется никчёмной.

— Мне кажется, здесь ключевое слово «враг». Назови хоть соседа по дому, хоть любого, по-другому думающего, и всё — человека нет за этим, твои действия оправданы.

— Думаю, что враг — это слишком по-человечьи, здесь другое, биологическое — «чужой». Я тебе как-то присылал цитату из дневников путешествий Гумбольдта: каннибализм в некоторых местах Амазонии или Ориночщины, по его наблюдениям, зиждился на том, что представители соседнего племени были чужими, наравне с грызунами, такими капибарами или тапирами. Но не ягуарами, ягуаров они сами боялись.

— Тогда удерживает от преступления только боязнь мести, отпора, боязнь за свою шкуру? И только?

— Посмотри, началась ли бы война эта, если бы Путин и компания предполагали получить яростный отпор? А что касается обоснований, то как раз и звучало и звучит — наши, мы за наших, против чужих. Ещё и страх вносит коррективы в обоснование агрессии и зла.

— Зла. В том и дело, что зло релятивно, я бы сказал — инвертивно, зло легко инвертируется в добро, а то и подвиг. Недавно попалась статья, вполне научный журнал, некий американский учёный бьёт тревогу, мол, не тому студентов учим. Он полагал, что есть опасность патологического, экстремистского, я бы сказал, дуализма, образа мышления, который делит людей на две крайние категории: идеально хороших и абсолютно злых. Этот черно-белый взгляд может привести к дегуманизации и демонизации других, что упрощает оправдание насилия по отношению к ним. Он также может создать чувство жертвенности, освобождая людей от моральной ответственности и позволяя им оправдывать пагубные действия во имя высшей цели. Почти цитата. Но здесь, как мне кажется, есть одно НО. Если мы заменим чёрно-белый взгляд на серый, если внушим этим студентам, что «не так всё однозначно», то не потеряют ли они ориентиры вовсе. Будет себе думать московский студент, мол, война — это плохо, но как же быть с НАТО и собственной безопасностью, Путин, он, может, и хуйло, как отмечено на некоторых украинских заборах, но за него же многие голосовали, значит, не абсолютное.

— Христос постулировал «Не убий!», ты думаешь, он должен был привести доказательства, обоснование?

— А я тебе как эколог скажу: всё дело в окружающей среде. В одной среде достаточно провозглашения аксиомы, в другой приходится доказывать теорему.

— Может, следует менять среду?

— Ага, поменяешь. Всякая власть внушает подданным, что они живут в лучшем из миров, причём, исключительно благодаря ей, власти. Менять среду — значит усомниться в этом. А кто усомнился, тот и есть чужой, враг.

— Фу, ладно, однако, напрашивается такой вывод: Христос не был теоретиком добра, впрочем, и практиком не очень успешным.

— Во-во, хотел менять среду, среда оказалась не готова.

— Что интересно, не готова по сей день. Он им: «Не убий», а ты посмотри на эту Землю Обетованную — сплошная война!

Диалог по законам сна, подумал КА — что в газете прочитал, про то и сон приснился. Если мы живём не реалиями, а только информацией о реалиях, то как вычленить информационный шум? И бесполезный

ли это шум, а может, это необходимая добавка, как соль в супе? Что есть искусство, литература? Есть, например, у Пикассо такой цикл картин, Бык, на первой — вполне реалистичный, хоть на арену выпускай, а потом идёт упрощение, к сути, к схеме, в конце концов — одна схема: четыре ноги и рога. И что здесь суть? Во всяком случае, на последней для шума места уж точно нет. Вопрос в другом: избыточен ли этот шум, эти шумовые бантики? Конструктивизм вполне обходился без завитушек рококо. Вот тебе Евангелие от Иоанна: «Сначала было слово…». Всё! И достаточно! А, может, надо просто сменить терминологию? Кроме того, какова роль связи реальности с моделью? Тот же бык — первый худо-бедно отражает взаимное расположение частей и некий целостный образ, конечный акт — никакого отношения к реальности. А мы считали это сутью, какая суть, если такого не бывает? Или роман, один весь от слова до слова придуман, люди, события, пейзажи, натюрморты, второй взят из жизни, ну, может, имена изменены. Тогда первый вообще не несёт никакой информации. А зачем информация, если высшая оценка связана со слезами над вымыслом? Или — информация есть нечто другое, то, что показывают по телевизору?

Когда-то давно КА, как бы это сказать, мечтал, явно не планировал, написать роман о счастливой любви. Его всегда задевало, что всех интересуют разные патологии, аномалии, несчастья, беды, невзгоды. Даже Толстой согласен с такой расстановкой внимания — все счастливые семьи счастливы одинаково (разнообразие счастья равно нулю), каждая несчастливая несчастна по-своему (разнообразие может добраться до дурного, когда нет даже двух похожих). Ничего подобного, счастье тоже разнообразно, потому что оно созидательно. Правда, о чём писать, он точно не знал. Предмет был таков, что писать с натуры или из собственной жизни не получалось, как-то не было у него этого великого счастья, а придумывать не хотелось, придуманное похоже на ложь. Можно было описать, конечно, мечту, но что такое мечта? Мечта — это не больше, чем идея, а тут нужен план.

Ну, вот такая, например, повесть. Была такая Вера, и была у неё любовь, а потом просто жизнь. Но когда муж умер, она узнала, что он был поэт, и она поняла, что это и было счастье. И он стал приходить к ней в снах, и они подолгу беседовали…

Татьяна

День был морозный, ясный. На дворе — конец 90-х, и до старости было ещё далеко. КА давно подметил, что существуют некие сочетания ощущений, которые вызывают строго означенные ассоциации. Вот если бы сейчас по улице прошёл какой-то трактор, то сумма мороза и дизельного выхлопа неизбежно бы сложилась в картину полигона: снег, мороз, танк урчит, холодная, как три мороза сразу, броня, бардак, приехали на два дня, а ночевать негде. А если бы не мороз, а жаркое лето было, такой же запах солярки и хоть чуть-чуть примеси какого-то речного запаха, свежий ветерок — и он уже на корме «Ракеты», чудокораблик несётся по воде, а вокруг берега реки и луга. А впереди что-то хорошее, приятное, наверное, просто молодость.

Что, если солнце, мороз, снег скрипит, а навстречу идёт Танька Хутько? Это значит, что будет интересный разговор. Живёт она недалеко, на той стороне широкой улицы, можно даже сказать, проспекта, с мужем — ботаником мирового класса, собачкой невзрачной и дочкой, умницей и студенткой журфака. А сама она герпетолог, то есть занимается герпетами — змеями всякими, ужами, удавами, изучает их в разных частях света. Изучает хорошо и тщательно, за что ценима среди коллег. Но КА знает, что задавать вопрос о сроках защиты докторской диссертации не стоит, ибо ответ тоже знает: «Некогда, вот, надо готовиться, ехать с докладом в Берлин (Найроби или Барселону)». Наверное, больше года не виделись, и вообще, за десятилетия после окончания университета встречались всего раз несколько. Глядя на синтетическое пальтишко Татьяны, КА невольно подумал, что тяжеловатая овчина, коя была не нём, купленная когда-то, по случаю, в Карпатах, больше подходила погоде.

Привет, привет! Но постояли минуты три.

— Ой, я замёрзла, рада видеть, но холодно!

— Пошли под крышу, — КА потащил однокурсницу в кафе «У Гоги», летом у них был мангал, посетители, сейчас было пусто.

— Да нет, мне домой надо.

— Сиди, мяса съедим. Водки хочешь с мороза?

— Холодно, но водки не хочу. Я же только три дня как из Африки, был конгресс в Аддис-Абебе.

— Ух ты! Рассказывай.

У Татьяны был особый дар, талант, можно сказать. Талант даже на международном уровне не зароешь. Состоял он в том, что классно у неё получалось охмурять. Во всяком случае, оргкомитеты международных конференций. Надо сказать, они получали вполне добротного докладчика, но за это им приходилось платить разными экскурсиями, поездками, приключениями. Талант состоял как раз в том, что принимающая сторона как бы сама приходила к такому заключению, которое почти граничило с чувством вины, а может, и долга. Им казалось совершенно невозможным, чтобы такой симпатичный гость уехал из их прекрасной страны, не посетив хотя бы какого-то достопримечательного места. КА вспомнил, как попал однажды вместе с ней на какую-то экологическую конференцию в Тбилиси. На заседаниях её особо видно не было, местные организовали ей какую-то экспедицию. Улетать пора, киевлян несколько стоят на регистрации в аэропорту. И тут по залу — торжественно, в стиле цыганского театра — идёт процессия с Татьяной во главе. Она с цветами, они — с её чемоданом. Провожают дорогую подругу. И так по всему свету. В Аделаиде после конференции задержалась, чуть не месяц провела среди аборигенов. В Португалии жила на берегу океана у какого-то рыбака, он ни слова по-английски, она — по-португальски, но вспоминает океан с удовольствием.

Всё это с восторгом было вывалено в пространном монологе, ещё до мяса. Ела с аппетитом, загляденье. Наверное, и старику-рыбаку нравилось смотреть, как она ест рыбу из океана. Мороз был за стеной, хорошо послушать про Африку и разные далёкие страны.

Одна из них её, правда, и сгубила. Не Африка, но где-то поблизости, и не совсем сгубила, так, поломала. Кажется, дело было в Иордании. После конференции устроили, конечно, какое-то сафари. Холмы, солнце, камни под колёсами, змеи, опять же. Щебень пустыни — не очень хороший грунт для фигурного вождения по холмам-барханам. На одном склоне перевернулись. Никто не пострадал, кроме Татьяны. Множество переломов. Пару месяцев провела в больнице в экзотической стране, потом домой доставили. И потянулось время, скучное и малоподвижное. КА несколько раз звонил, как-то поддержать. Не выдержала. На поминках однокурсники вспоминали разные случаи из студенческой жизни. Мишка что-то хотел рассказать про её смерть, да КА отмахнулся: «Какая теперь разница!».

Вспомнил КА, что, когда ей звонил, лежала она и жаловалась не на боль и не на малую подвижность, а на кошмары, которые приходили ночью. Всё горело и куда-то неслось. Это было очень страшно, и жить не хотелось.

Мишка и время

Ну вот, последняя перевязка, может, сегодня-завтра отпустят домой. А что там, в том мире, где живут и бегают здоровые люди? Придётся как-то приспосабливаться. Степень перемен пока была непонятной. Насколько сохранится былая активность, сможет ли он вернуться к прежним делам, КА не знал. Конечно, хорошо было бы обдумать это всё заранее, но что можно было планировать, на что рассчитывать, когда он не мог представить себе будущую степень ограничений обычной жизни. Он ясно представил свой кабинет на работе, там кружка на столе с уже высохшим чаем. И все книги, ноутбук с такой ценной когда-то информацией. Всё это могло остаться там, уже за пределами новой жизни. Ещё только приближаясь к пенсионному возрасту, КА всё чаще, поглядывая на работе по стенам кабинета, размышлял и планировал, что надо забрать, что кому-то отдать. Что же делать с книгами? Это было всё так важно, ценно, теперь всё это совершенно незачем было тащить в какую-то ещё непонятную новую пенсионную жизнь. Как там учил Шестипалый? — И, обязательно, надо уничтожить следы пребывания! Получается, что он это кому-то перепоручал, от этого становилось неловко. Впрочем, точки над и под і было ставить, может быть, и рано. Только понимал КА, что это какие-то отговорки, он просто перешёл уже в другое состояние, в котором очень многое просто должно выглядеть иначе, чем прежде.

— Послушай, Мишка, я всё размышляю, как это получается: тебя уже и нет в этом мире, где эта война, трамповы чудеса политики, а ты всё знаешь, проинформирован, некоторые вещи знаешь больше, чем я. Ведь это я беседую с персонажем моих воспоминаний. Вроде это совсем не диалог, а монолог должен быть.

— Пока ты меня вспоминаешь, думаешь обо мне, связь существует.

— Связь. Между мной и?..

— И мной.

— Это что-то новое в моём понимании время-пространства.

— Естественно, никуда не деться тебе от своего мира. Это пространство вашего мира.

— Вашего-нашего, а хоть вселенная одна и та же?

— Это неважно.

— Для меня это важно. Я должен понимать, это моя фантазия или какая-то вторая реальность.

— Реальность-материальность. Для тебя реально только то, что материально, что можно осязать, видеть. Но, то, что ты сейчас не видишь, оно существует? Чем какой-то персонаж политики, Берлусконий какой-нибудь, или тот же Трумп, которого ты видишь на экране, отличается от того, который, может быть, где-то там и существует, на другом континенте? А может, и не существует? Может, это изображение синтезировано машиной? Всё дело в договоре. Мы просто верим американским журналистам, что такой персонаж там, у них, действительно есть. Мы просто восприняли от них информацию. И сама реальность нас уже не интересует. Её заменила информация о её существовании.

— Тогда, если этот мир — это мир вещества и энергии, то ваш мир — это мир информации?

— Да, и мы над этим размышляем. Представляешь, сколько великих умов собрались здесь, то есть, там. Но есть несколько парадоксов, над которыми давно бьются, скажем так, учёные. Эти все категории, из вашей жизни, здесь как-то не в ходу. Первый обычно называют парадоксом стрелы время-пространства.

— Я знаю только о стреле времени, есть такое понятие в философии.

— Эффект состоит в том, что ты можешь, как это сказать, «вызвать» меня, начать диалог, а я не могу, эта связь работает только в одну сторону. Второй более интересный. Энергия и вещество, основа вашего мира, но над веществом властвует энтропия, а энергия диссипирует, расходуется. Информация же накапливается. Тогда получается, что наш мир более вечен, если можно так сказать, чем ваш. Загадка в том, что накопление информации там происходит при отсутствии какого-либо материального носителя. Нет шумерских табличек или лазерных дисков. Но за счёт этой накопленной информации наш мир, как бы это сказать, функционирует тогда, когда мы с тобой и не общаемся.

— Предлагаю оставить пока эти исследования. Для практической жизни можно принять некоторые рабочие положения и условия. Насколько я понимаю, ты можешь пригласить в нашу компанию кого-то ещё?

— В принципе, да, но, я бы не советовал тебе приглашать кого-то из своих, здравствующих, могут быть проблемы. Скорее, у тебя. Каждому надо объяснить сначала — и не обязательно всякий уразумеет. Тем более что память-время всегда индивидуально.

— Послушай, если для проникновения в ваш мир надо только вспомнить, подумать, то у вас, наверное, масса «визитёров»?

— Как бы не так, даже на «гробки» бывают только единицы, остальная масса посетителей кладбищ думают о санитарии, пластмассовых цветах, встречах с односельчанами, или как выпить рюмку-другую. Ты сам своего дедушку давно вспоминал? И второго? А бабушек?

— Скажу тебе, я никогда их, дедов, не видел, один на войне погиб, другой ещё до, его раскулачили — и сгинул где-то в лагерях. Я даже отчества его не знаю, а имя только потому, что мать была Фёдоровна.

КА покинул своё пристанище на широком подоконнике, солнце садилось. За окном, похоже, было зябко. Редкие пешеходы были тепло одеты. Поднялся по ступенькам осторожно в коридор. Все двери в палаты настежь, потому что жарко, батареи горячие. Провезли больного с операции под одеялом. Две здоровых девицы в белом вкатили каталку в палату, живо скинули тело на койку.

— Открывайте глаза!!! Просыпайтесь! Дома будете спать! — заорала одна на пациента, не хотел, видимо, просыпаться окончательно после наркоза.

Реанимация от сестёр, по-видимому, возымела действие, во всяком случае, требования проснуться прекратились. А если бы не проснулся? Бывало.

Мир информации

— Но тогда, если ваш мир зависит от потоков информации, исходящей из нашего мира, должна была возникнуть идея, как этот поток для вас увеличить — таков путь эволюций. Например, в биологической эволюции видов становилось всё больше и больше. И каждый хочет захватить побольше энергии и ресурсов, чаще всего, за счёт других.

— Да, над этим работали. Хотя информация не деградирует, но аккумулируется, существуют, видимо, какие-то пределы накопления. Знаешь, сколько информации ты принёс нам этими своими визитами? Наш «социум» тебе благодарен.

— А какая вам разница — больше, меньше?

— А ты у вашего пресловутого Маска не спрашивал, нахрена ему столько миллиардов долларов? Здесь явление, которое я для себя обозначил как «дуализм Маленького Принца».

— Не понял.

— О Маленьком Принце?

— Нет, о дуализме.

— Помнишь, там был один герой, сидит на своей планете и считает звёзды, рассматривая их как свой капитал. И путешествующему Принцу, и читателю понятно, что это глупость и абсурд. Но, как оказывается, этими мифическими миллиардами вся мировая экономика и держится. Когда, бывает, происходит что-то на биржах, и мы слышим, что какой-то миллиардер стал беднее на столько-то сотен миллионов, по сути, это то же, как если бы набежала тучка — и наш герой с планеты Х не досчитался бы нескольких сотен звёзд. Но психологический эффект влияет на другие компании, итоги конкуренции, на жизнь финансов, а значит — и жизнь социума. В этом и дуализм: оно и бред сивой кобылы, и архиважная вещь. Ты сам где-то в своей книжке одной писал: «Эволюция достатка имеет место. И никто не знает, почему это происходит». Тоже дуализм: факт есть, но нет причины. Причина, получается, в подсчёте звёзд.

— А ты не знаешь, почему чаще обсуждается именно дуализм, то есть тезис и антитезис, а если у нас три варианта? Тогда будет — трюизм, но это же совсем другое.

— Трюизм — слово французское, надо спросить у Винсента, он как раз сейчас философскими вопросами заинтересовался. Дуализм, насколько я понимаю, имеет отношение к информации. Две стороны — орёл и решка, пока не подбросишь, не узнаешь, что сверху, что выпадет, а вариантов всего два. Один бит информации.

— А если игральный кубик подбросить?

— Да ещё кубик Рубика…

— Но я никак не могу сопоставить информацию и время. Насколько время имеет значение здесь и насколько бессмысленно там!

КА выпал из диалога, просто одна мысль, почувствовав себя боле важной, сейчас вытеснила другую. Действительно, если оставить в стороне мелкую минутную суету — успеть, догнать, уложиться в обозначенный отрезок времени, не перепутать последовательность, то осознание конечности собственной жизни превращает её во время-жизнь. Состояние «Здесь и Сейчас» — как конёк крыши: в одну сторону — был труд-

ный подъём из прошлого, с другой стороны скат, по которому предстоит прокатиться к краю, за которым тот самый «Мир информации», а между ними — грань, без площади и объёма. И всё — жизнь-действие, жизнь-ожидание, жизнь-стремление, — всё на втором плане после жизни-времени. Вот он — поиск альтернативы, баланс дуализма и диалектика: жизнь-как-время — смерть — рай, он же вечность.

— А зачем нам собственное время? — Мишка возник опять. — Мы получаем информацию о нём извне. И потом, что такое время? Это дление какого-то процесса, явления. Всё дело в том, что существует постулат о состояниях: ни одно состояние не длится вечно, одно состояние сменяется другим. То есть время состояний конечно. Кроме дления, время — это и последовательность событий. Последовательность здесь не имеет смысла: каждый может прийти то с воспоминанием детства, то старости. А про дление мы уже как-то обсуждали. Дление сна десять секунд, а прожита целая жизнь, а может быть так: сон и сон, а всё одно и то же. Сны ведь тоже есть напряжённая работа с информацией.

Знаки

— Скажу тебе, я часто задумываюсь о том, что есть самое большое счастье и самое большое несчастье человека, — КА не столько обращался к Мишке за поддержкой, не что-то пока непонятное обсудить, сколько просто потрепаться, — оно в том, что человек наделён самоосознанием себя в среде обитания. Ты скажешь, что всяк живой организм строит себя и своё существование именно с учётом этого. Но что значит функционировать и что значит осознавать? Вот, ползёт жук, он не полезет между травинок, расстояние между которыми 5 миллиметров, если ширина его тела 7 миллиметров. Он соотносит размеры, он соотносит себя и масштабы среды. Я, когда выезжаю из дачных ворот, то фара проходит в двух сантиметрах от столба (жена говорит), и я этого не вижу, но я чувствую размер кузова машины. Это совершенно животное чувство, биологическое. Но это же не моя кожа. И чувство это создаёт необходимый комфорт, даже не комфорт, это гарантия выживания, по большому счёту. Самоосознание в среде, в окружении создаёт представление об индивидуальности.

— Это хорошо, но вывод неожиданный.

— Среда — это не только температура воздуха или воды, среда — это и люди. От индивидуальности до одиночества один шаг. Кроме того — среда определяет меру относительности.

— А я вот о чём думаю: вся человеческая жизнь — сплошная семиотика, знаки, знаки. Ты думаешь, что главное, чему мы учимся — речь, слова, — это возможность получить информацию и передать её? Нет, главное — это знаки, которые мы даже не замечаем. Попал как-то в Германию, чувствую, что у них совершенно иная знаковая система, но в Италии я этого не почувствовал, хотя ни по-немецки, ни поитальянски не говорю. Опять же, это связано с чувством среды. Я обратил внимание на одну вещь в сравнительной лингвистике. Распространённые, ключевые слова у разных народов имеют существенно разное происхождение. Например, время — в русском языке происходит, связано, со словами вертеть, вертится, в основе понятия цикличность, но и конечность, в немецком — время — от тянуться, продолжаться, то есть во главе угла дление, протяжённость. Правда, не совсем понятно, — что первично — слово или понятие?

— Знак первичен, — уверенно сказал Мишка. — Знак времени.

— Что это?

— Никто не знает.

— А теория о том, что язык лежит в основе влияния этносов, цивилизаций на мировые процессы. Сейчас миром правит западная с индоевропейскими корнями. А что будет, когда всё больше станет влиять Китай?

— Многое изменится, только этого никто не заметит.

— Теряюсь в предположениях, к какой области это отнести, такое наблюдение, — сказал КА, Мишка внимательно слушал, — по сути, это тоже про знаки, вот, послушай. Поначалу мне показалось, что это какая-то провокация, как тебе такое: среди какой-то рекламы — футболки цвета хаки, милитарная одежда, а украшение на груди — немецкий имперский орёл, герб Третьего Рейха, надо сказать, графика была тогда профессиональная, железная, орёл с распростёртыми крыльями в лапах держит круг, что-то вроде венка, в котором свастика, это в оригинале, а здесь в круге трезубец, герб Украины. Вот, подумал, ру-провокация, как раз про денацификацию. А недавно встречаю некоего военного — форма, тактический (сейчас что-то всё стало тактическим — ботинки, перчатки, трусы, наверное) рюкзак как раз с этим знаком: орёл и тризуб. Такие параллели.

— Странно, конечно, пусть себе, графика, вроде как, удачная, но от истории никуда не уйдёшь. Наивно думать, что, заменив один знак, символ, одну деталь, можно изменить шлейф исторических событий. Подожди, кажись, этого орла немцы подтырили у римлян, как бы общий полизнак — империи. Но есть и другой аспект.

— То есть.

— Не кажется ли тебе, что ты судишь о символах, как бы это сказать, как «государственник», ты абсолютно связываешь армейскую символику с позицией государства. А оказывается, возможны варианты. Какой-то батальон придумывает себе символику, хотя, не знаю, хорошо ли это для армии в целом — творчество масс как-то в армиях не приветствовалась никогда. Ну, взяли они себе рейховского орла, а, кстати, эти орлы имеют свойство конвергенции.

— Во-во. Я залез в интерент, мол хочу купить футболку с орлом. Пожалуйста, от 400 до 900 гривень за штуку. И в рекламе такое: «Черная футболка с коротким рукавом, украшенная контрастным изображением римского орла с Тризубом. Римский орёл с расправленными крыльями — это символ, олицетворявший силу, величие и единство. В центре композиции расположен герб Украины — Тризуб, обрамленный декоративным венком».

— Действительно, Римский имперский орёл, как раз и был прототипом рейховского. Вот она сила знака! Причём, в чистом виде, всё ведь правильно: что, сила, сама по себе, это что — плохо? Что, есть какой-нибудь народ, для которого не было бы важно единство? Насчет величия, несколько затрудняюсь, но ведь и у него есть благородная сторона. Но, как-то так получается, что за одними и теми же знаками стоят совершенно разные истории.

— Потому-то знаки эти стоит использовать осторожно. Ибо — важно. Не потому ли одной из любимых игр Государства есть упражнения со знаками и символами.

Дома

Заказали такси. Здесь, около больницы, есть их некая стоянка, но там ломят цену непомерную, контингент клиентов специфический: много приезжих, много сильно спешащих, выгодное место. Как всегда, выгоду из чьих-то проблем получать легче, чем там, где нет проблем и счастье поголовное.

Сидеть было неудобно. Как быстро человек отвыкает от нормы! Каких-то десять дней назад сел бы себе, да и поехал, да и вообще, поехал бы на метро, тут пятнадцать минут езды. Дренаж только позавчера сняли, правда, дырка быстро затянулась. А шов, сказали, будет болеть долго. И в больнице скучно, но там конвейер, никого из «бывших» больных не держат, и сказать, чтобы домой тянуло, было бы не совсем честно. КА давно заметил, что правило трёх дней работает почти без осечек. За три дня человек приспосабливается практически к любым условиям. Во всяком случае, первый и четвёртый дни не сравнить. Как было отвратительно, неуютно поначалу, и как почти всё притёрлось к концу третьего дня. Простое привыкание или сложный защитный процесс адаптации?

Вот и дом. Интересно, что бы КА с женой делали, если бы лифт старенький и дряхленький, по своему обыкновению, сломался? Как-то сложно было представить успешное восхождение. Давно известно, что для болезней нужна соответствующая, мало-мальски комфортная обстановка. Ну, хорошо, допустим, это состояние, подумал КА, временное, должно же пойти на поправку, а пришёл человек с войны, без ног, как ему жить в суровом тылу? Недавно прошла акция, их дома коснулась тоже, говорили, что идея исходила с самых верхов, наварили около домов громоздких и архитектурно весьма уродливых пандусов, мол, если в доме инвалид, то, пожалуйста… Вроде дело хорошее, сооружения, правда, после первых дождей начали ржаветь, и сильно смахивало на «как обычно». Поднялся инвалид по пандусу на коляске, а лифт сдох уже как три дня. Но факт заботы был? Был.

Вошли в квартиру, КА поставил около входа сумку с больничными вещами. Сумка была синяя. Ну, конечно! Ассоциация самая прямая:

И воздух синь, как узелок с бельём
У выписавшегося из больницы.

Он частенько вспоминал эти слова, но раньше акцент был другой. Акцент был на воздух, на синь, весну света: сначала воздух, а потом — те самые надежды на лучшее, что у каждого выписавшегося из больницы. — Товарищ выписавшийся, какие у вас надежды? — У нас надежды на то, что больше туда не попаду. — Хорошо, так и запишем: выписка без возвращения.

Он оглядел комнату, как будто в первый раз видел. Странная вещь: совершенно не казалось ему, что там, в больнице, был у какой-то грани, за которой, может быть, и видение этой комнаты, книг, стола своего было совершенно не гарантировано.

— Что будешь есть? Уже давно обедать пора, — спросила жена.

— Что-то не хочется, я вообще быстро привыкаю к казённым харчам. Супчика бы постненького.

— Хорошо, будет постненький.

— У меня сейчас такое чувство, будто я вернулся из какой-то эмиграции на родину, и понимаю, что попал туда под давлением сильных внешних обстоятельств, той же войны, например. И, с одной стороны, мне радостно возвратиться, почувствовать эту иллюзию «всё как было», а с другой — приобретённый опыт подсказывает, что всё, все мелочи, безделушки, вообще-то не стоят ломанного гроша. Эмиграция могла затянуться, вплоть до вечности.

— Да, когда началась война, я не раз думала, а если уезжать, бежать, спасаться, что взять, что ценно? И так мал оказывался список.

— Но ведь это то, что нас окружает, создаёт облик мира, нашего ближнего мира. Получается, что наш мир, ближний, ничего не стоит.

— Цена меняется от обстоятельств.

— Да, и с учётом инфляции.

КА протянул руку к аквариуму. Щёлкнул тумблером на крышке, свет загорелся, сигнал был подан — рыбки поспешили в правый угол, где была кормушка, КА высыпал щепотку сухого корма. Вот так и весь мир устроен, подумал КА. Эта маленькая экосистема ничего не знает о войне, хотя и не избежала влияний, например, при отключениях электричества. А экосистема страны тоже сосредоточена на своих заботах, и они представляются самими важными, другие войны воспринимаются либо как вспомоществование, либо как помеха, хотя в Иране или в Израиле люди гибнут точно так же, как и здесь.

Следующей по иерархии (вверх) экосистемой после аквариумной был дом, квартира, точнее. Жилище, обиталище, ближайшее жизненное пространство. Наверное, и часть города тоже входила в это самое ближнее пространство. Вот она, сейчас была видна из окна. Нет, всё-таки, это было пространство другого уровня, того уровня, который ты не в силах изменить. То был лесок, поля, какие-то строения вдалеке, теперь настроили домов, целый массив, а краны до сих пор стоят, значит, стройка

будет продолжаться. И никак на это не повлиять, никак не изменить. Вот оно, окно, оказывается, — инструмент разделения двух миров, подвластного тебе (ну, скажем, частично, начала несколько лет назад жена ремонт, и никак предотвратить этот процесс было нельзя), и совершенно неподвластного. Мир там, за окном, был совсем не чужой, только вот самому этому миру до тебя нет никакого дела.

В комнате, в дальнем углу на полке, стояли часы. Уже с историей, им, наверное, было лет семьдесят. Часы — сплошной знак, за что их КА и уважал. Во-первых, можно было их рассматривать как часть приданного, происходили из жёниной семьи, может, кому-то из старших членов подарили на какой-то праздник, часы и книги — раньше считалось ценностью. Во-вторых, корпус и подставка (часы-то настольные) были из добротного толстого плексигласа, жёлтого и прозрачного, прямо как янтарь. Наверное, все так и думали — чистый янтарь. То была эпоха, когда пластмасса была ценным, редким, почти полудрагоценным материалом. В общем-то все понимали, что жёлтый плексиглас — это не янтарь, но вполне поражала сила имитации! Уважение за ненастоящесть — это, вообще-то довольно редкое явление.

В-третьих, сами, собственно, часы поразили когда-то КА совпадением. Это были не просто часы, сделанные на каком-то обычном часовом заводе, специально для вот такого домашнего хронометра. Это были танковые часы! Вот это совпадение как-то удивило и озадачило. Когда КА служил в армии, ему запомнились в танке, одном из четырёх в его взводе, командирском, в другие он и не лазал, именно часы, на щитке. Броня, железо, мало чего, как человеческого, сродственного человеку, так и близкого тонкой механике. А вот эти часы выглядели как-то разумно, надёжно и, вместе с тем, приятно технологично. Чёткий циферблат, строгие стрелки, и завод их был при помощи вращающегося кольца, обрамляющего циферблат.

Часы давно уже не шли. Посетил как-то одного часовщика (их так мало осталось, с этими пинцетами, моноклями) и был удивлён тем, что на полке стояло штук пять таких же танковых часов, в разных вариантах обрамления. Не заглядывая вовнутрь механизма, часовщик определил стоимость ремонта — 300 гривен! По тем временам это были деньги! Пожалел. Так с тех пор и стоят, и механически, и в пространстве полки. Реликвия, короче.

КА посмотрел на эти часы, вспоминая какие-то связанные с ними истории. Что-то заставляло не ослаблять к ним внимания. Он смотрел на неподвижные стрелки и уже чуть было не стал придумывать очередную теорию остановленного, замороженного времени. Потом посмотрел на свои ручные «Cassio». На этих наручных, с индиговым циферблатом (он любил тёмные циферблаты) было 14:23. Пришло в голову, что покинули больницу после двенадцати, что-то долго добирались. Вдруг возникло какое-то странное чувство, будто он уже когда-то пережил это время. Он перевёл взгляд на стоявшие (во всех смыслах) янтарные часы и понял причину непонятной тревоги — часы показывали 2 часа 23 минуты.

Размышления о современности

Дождь полил как из ведра. Ну, может, не совсем, как летний ливень, всё-таки было начало апреля, но относительно утренней мороси было похоже на настоящий дождь. КА шёл из гастронома с неполным рюкзачком продуктов и думал, что, наверное, вода, что стекает с зонтика, за спиной, льётся прямо на рюкзак, нет чтобы перевесить его на грудь. Благо, что всё там было в непромокаемых полиэтиленовых пакетах. Время, или, можно сказать, эпоха бесплатных упаковок прошла. Он таскал в рюкзаке целую пачку старых пакетов и пакетиков со сложной смесью чувств скареда и охранника природы. Как часто мы стараемся оправдать свои слабости, например, мелочную жадность, благородным порывом. С другой стороны, как-то обидно было, что магазины, торгуя этими хилыми продуктами полиэтиленовой промышленности, получали 300% прибыли. Он как раз размышлял о причинах того, что эти 300% отнюдь не идут на охрану окружающей среды, когда завибрировал телефон в кармане, потом зазвонил, если переборы гитары можно было назвать «звонком» — такой он выбрал себе сигнал в настройках.

— Марина, привет, привет, давно не слышались.

Звонила однокурсница, единственная, кто остался на связи из университетских однокашников. Не считая Фёдора, но он был просто друг, а происхождение дружбы анализировать не стоит.

— Привет тебе от Нинки и Зойки.

— Как они?

— Нина с мужем радуются, что котёл не отключили, видишь, как похолодало. А Зойка всё со своими котами и прочей живностью.

— Видишь, как получилось, на старости лет, в селе оказались. А как их дети, хоть навещают?

— Нинкина дочь все время приезжает, лекарства привозит, а сын на фронте. А у Зойки, ты же знаешь, сын младший погиб прошлой осенью. Где-то под Харьковом.

— Да я знаю. А что Нинкин муж, я слышал, у него проблемы со зрением?

— По двору передвигается.

— Хорошо, что есть свой двор, своё пространство, что бы он в городе делал? Каждому возрасту нужна своя среда обитания.

— У всего есть своё «плохо», но и своё «могло быть хуже».

— Ну, а ты как? — КА стоял под козырьком, около «Новой почты», с козырька лило.

— Да всё так же, волонтёрю.

— Шьёшь трусы?

— Да, в госпиталь сдаём, ещё вещи собираем, маскировочные сетки плели.

— Ну, а я говорю себе, мол, я же на работе, что-то тоже полезное делаем. Налоги платим. А вообще, я тебе скажу…

— Не надо этих разговоров про политику. Опять спорить будем.

— Пожалуй, рад был слышать. Звони, девчонкам привет.

КА раздумывал, прогуляться ли по микрорайону или направиться прямо домой. Дождь стихал, но серость дня никуда не ушла. Он побрёл по обычному кругу — вдоль дороги до поворота, потом — выход на свою улицу. По пути был сквер. Местные даже называли его парком. Деревья, лавочки, детские площадки. Вход украшала солидная, сваренная из квадратных труб арка, которую обвивали какие-то совершенно не здешнего вида кольца лиан, а летом — зелень и красные цветы кампсиса. Он вспомнил, как здесь хотели построить многоэтажку, жители отстояли парк. Давно это было, стебель, скорее, покрученный ствол растения, сейчас ещё голого, без признаков листьев, был толст, как судовой канат. Так зачастую бывает — дети думают, что всё это было всегда, а на самом деле у всего есть своя история и какой-то ноль отсчёта. Можно подумать, что и Нина, и Зойка всегда жили на селе, а на самом деле…

— Ну, вот, Мишка, Марина звонила, передавала привет от наших. Через меня, получается, и тебе. Вся в делах.

— Она в делах, а я в расстройстве. Ты только послушай, что Митька рассказал. — Митька — это его сын, которому уже под пятьдесят, старый бобыль и инженер каких-то электросетей. — Оказывается, — продолжал Мишка, есть некоторые гады, которые не хотят воевать, но надо их заставить.

— Ну, и что он тебе рассказал?

— Ты же знаешь, что у него с позвоночником? Две операции. Какой из него воин, да и годы уже не те. Ехал с одного объекта на другой, у них по всему городу точки. Зашли на остановке трое в камуфляже, высадили всех мужиков, кому явно меньше шестидесяти, проверка документов. Документы с собой, всё прописано, к службе не годен, потому и ездит по своим рабочим делам спокойно. Документы забрали, телефон тоже — и отвезли на сборный пункт. Сотни людей, охрана автоматчиков. Каждое утро пытались отправить в учебку, без документов и без заключения о состоянии здоровья. Чудом ему удалось связаться с сестрой, с Дарьей, у неё муж врач, нашёл какие-то связи. Удалось доказать, что непригоден к военной службе.

— Так всегда бывает — низы перегибают палку.

— А что низы? В конце концов, они всё делают в том поле, которое им обозначили верхи.

— Я помню, как в первые дни, в феврале, очереди стояли за оружием, запись в отряды самообороны. Где очереди? Я как-то задал такой вопрос одному человеку, он принял это за сочувствие тем, кто не хочет воевать и задал мне свой вопрос: «А ты хочешь жить под российской оккупацией?». Ни к селу ни к городу, конечно, но вопрос был задан.

— Понятное дело: ни под какой оккупацией ни я, ни ты жить не хотели бы. Вообще вопрос некорректный. Из него следует, что ты должен осудить всех, кто не хочет воевать за то, что считается очевидным, а самое главное — не должен задавать никаких вопросов. А вопрос есть: воевать за что? Ты понимаешь, как всё замешано — и нормальное чувство негодования, стремление к противодействию агрессии, пусть даже не твой дом пострадал, где-то далеко, но в твоей стране. За кого и за что воевали в ту войну, за Родину или за Сталина, который не хуже врагов уничтожал свой народ? Абсолютное и относительное: враг пришёл, захватчик, агрессор, надо прогнать его из своего дома — это абсолют, а что ты, собственно, в своём доме защищаешь — это относительно.

— Никакой оккупант, никакой захватчик не сделает твой дом лучше для тебя. Ибо у него свои планы и свои интересы. Хотя были случаи, когда борцы за власть представляли себе ситуацию иначе.

— Ну да, тут тебе немцы, а тут тебе своё национальное государство. Что в Первую войну мировую, что в другую.

— А что, собственно, представляет собой оккупация? Присутствие чужеземных войск — это всего лишь военный факт.

— Да много чего, разные запреты на проявления местной культуры, например, запрет родного языка, переоценка истории, редактирование её, переименования всякие, улиц, городов, сужение до минимума политики, уничтожение какой бы то ни было оппозиции, целый список. Кстати, пришло в голову, если принимать эти признаки, то это всё похоже на последствия разнообразных революций. И чужеземных войск не надо.

— Мысль заслуживает внимания. Вот твои дед и бабушка жили в своей имперской стране, пришли Советы, сломали весь уклад, напридумывали новых названий, изменили календарь, историю переписали так, что сотворение мира произошло как раз в октябре 1917-го, воздвигли пьедесталы новым героям — и так далее, всем известно. То бывают оккупации в пространстве, а то исторические, во времени.

— Тогда, в ту войну, воевали уже за оккупационный строй? Но который был, так скажем, более прогрессивный.

— Наверное, это и есть особенность «во времени», время прошло. Представь, если бы в 41-м случилось перемирие и границы бы установились по линии фронта, ты думаешь, что 85 лет по лесам Беларуси и Украины, Брянщины бродили бы партизанские отряды под руководством внуков Ковпака? Сюжет для утопии, или антиутопии, смотря с какого конца посмотреть: граница между Рейхом и присоединённых/присоединившихся государств, с одной стороны, и СССР, с другой, проходит где-то под Москвой, и в ЦК ВКП(б) решают вернуть исконные советские земли. Сопротивление против этой оккупации с Востока было бы оказано? Или нет? Впрочем, тут уже вылезают какие-то исторические рефрены.

— Знаешь, листая страницы истории, я часто задумываюсь: так ли неизбежны и исторически предопределены были те или иные события? Если сравнить с эволюцией биосферы, раскопали мы, например, кембрийские пласты, до наших дней полмиллиарда лет, заложены ли были тогда предпосылки грядущих перемен?

— А что, Вернадский как-то предположил, что появление у каких-нибудь гидр или медуз нервных клеток 600 миллионов лет назад сделало неизбежным процессы, которые привели к появлению мозга человека и разума.

— Ну да, если в океане уже сложилась жизнь в колоссальном её разнообразии, а 1/4 планеты, суша, была безжизненна, то уж точно путь эволюции пролегал на континенты. И всё так оптимистично: на смену старому приходит новое, прогрессивное, которое скоро устаревает и подлежит замене новым новым. «Мы свой, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем!» — пели млекопитающие на костях динозавров. Чего здесь больше — неизбежной покорности эволюционному процессу или жестокого неуёмного бахвальства? Или даже глупости, ведь мало того, что *маммалия* были плоть от плоти рептилий, так эти рептилии и по сей день живут. Некоторые припеваючи.

— Ага, крокодилы как раз млекопитающих предпочитают насекомым.

— Всё же мне кажется, что у эволюционного пути больше шансов найти гармонию между новым и старым. Ты посмотри вокруг, что история, что *сегодення*, ни одна революция не создала ничего — до основанья, если получится, а вот затем… это уже другая эпоха, это уже кому-то другому делать надо.

— Но плавно текущих эволюций не было никогда, смена состояний зачастую нуждается в интерсостояниях.

— Динозаврам от этого не легче.

— Так пусть утешаются тем, что млекопитающие произошли как раз от них, а птицы — так и вообще, если сильно приглядеться к некоторым казуарам, то чистые рептилии.

— Неутешительное утешение: то, что в микромасштабах похоже на дерьмо, в макромасштабах эволюции и всеобщего неизбежного прогресса похоже на процветание.

Толик и Лариса

Лариса вышла замуж за мента, молоденького лейтенанта, маме он сразу понравился: такой открытый, весёлый — а папа, особенно не настаивая на своём мнении, спрашивал, если, мол, открытый и весёлый, почему не нашёл себе другую работу. В конце концов, романтика: погони,

раскрытие преступлений, борьба за справедливость и всё такое — можно понять, но почему же ГАИ? Толик говорил, правда, не раскрывая подробностей, что у него большие карьерные планы, как раз карьеру надо начинать с ГАИ. Был он родом откуда-то из окрестностей Мелитополя. Зажили, в общем, неплохо — получили квартиру небольшую, друзья заходили в гости, хотя и были наряды, дежурства, страшные рассказы. Уже воспитывали дочь.

Что ни говорите, а классификация семей — дело малоисследованное. Во многом — неблагодарное. И какую схему оценок ни возьми, всё расплывается, пересекается, сливается, как облака. Есть такая характеристика у педагогов: «ребёнок из неблагополучной семьи». То есть существуют некие градации, уже можно выделить: благополучные семьи и неблагополучные, более или менее. Как два портрета, как две фотографии, одна — с Доски почёта, другая со стенда «Их разыскивает милиция» или «Таким не место…».

Знаете, что такое иерархическая структура? Так и переводится — священная власть. Это, как думали древние греки, когда внизу рабы, над ними хозяева, над ними выбранные политики, а над ними всеми — царь, от Бога! (правда, говорят, у них была демократия, но, видимо, они делали обобщения на примере других, авторитарных режимов). Только при такой структуре можно было, как считалось, иметь порядок в социуме. Надо сказать, эволюция социума к этому пришла долгим и тернистым путём. Греки демократию изобрели, но, надо сказать, некоторые из них подумывали, что она должна отменить иерархию, и это было заблуждением. Демократия, как оказалось, также приводит к иерархии. Но иерархия важна ещё и тем, что помогает в классификациях. Это неправильно, когда учительница говорит, мол, папа пьёт, значит семья неблагополучная. В действительности, она подразумевает гораздо больше факторов для оценки, только они, как правило, скоррелированы. Например, на первом уровне иерархии оценок можно задать вопрос: пьёт или не пьёт, ответ: Да или Нет. И если Да, мы ещё не можем сказать, что это неблагополучная семья. Тогда следующий уровень: когда пьёт, лупит ли он всех подряд? Варианты ответа: Да или Нет. Если Да, то точно неблагополучная семья. А если Нет, то надо перейти на следующий уровень. И так далее. Просто жизнь, она гораздо богаче наших простых линейных схем.

Или вот, может быть такой вопрос для оценки благополучия: приносит ли папа домой всю зарплату? Он связан с первым, то есть не пропи-

вает ли он все свои деньги? А если тратит на что-то другое? Надо сказать, что в каком-то смысле связь пьянства с неблагополучием — это архаика. Это отрыжка социализма, дефицит всего, в том числе и вариантов зависимости для слабых натур. Кроме того, фон: застой промышленности, идеологический пресс, отсутствие предметов первой необходимости, алкоголя, в том числе. Сейчас диапазон зависимостей стал шире и разнообразней: от компьютерных игр до наркотиков, а фон, в глубинной своей сути, практически не изменился.

Денег Толик в семью не приносил. Вернее, приносил, но держал в своём кошельке. А Лариса — в своём. Как-то так сложилось сразу после свадьбы. Так повелось — жизнь маленького сообщества финансировалась из двух источников. Благо дело, Лариса довольно быстро выросла в своей фирме, в целом сохранялся паритет доходов. На общие покупки скидывались. Ни о чём это, в общем, не говорит, во всяком случае, на оценку благополучия семьи не влияет. Короче, всё как-то сложилось, и дослужился бы Толик до майора, нашёл бы себе место в каком-то МРЭО (лучше там, где регистрируют машины предприятий, спокойнее и надёжнее, относительно благодарностей), да попал в переделку, милиция-таки место опасное.

Погнались они, конечно, за той машиной сгоряча. Надо было успокоиться, доложить, её бы перехватили дальше по дороге. Ну, превысили скорость. Кто ж знал, что банда, что вооружены. Туман был и гололёд, почти настигли, да машина беглецов пошла на повороте юзом, потом в кювет. Думали, вот, догнали, а банда эта выскочила — да тикать, потом начали стрелять. Мало того, что пуля попала в живот, ещё и задела позвоночник. Живот зашили, а ходить стало почти невозможно. Хотели даже представить к награде, да потом как-тот дело затёрлось, год оказался урожайным на подвиги. Вот и стал Толик комнатным, домашним. Одно время ездил на машине с ручным управлением, а потом как-то и надобность выходить из дома сама собой отпала.

Изменилась и жизнь Ларисы. Но привязаться к дому и Толику не получалось, да и не хотелось. Командировки, корпоративы, в театр тоже надо сходить. Как-то сблизилась с подругами — одна разведённая, другая — вдова. В конце концов, раз в год надо хоть в Турцию слетать, пляжный туризм. У дочери уже своя семья. Стал Толик каким-то одиноким, заходили коллеги со службы, но всё реже. Лариса в разъездах, в конце концов, и деньги зарабатывать же надо, она так и говорила, мол,

на пенсию, Толик, твою, не проживёшь. Помощь кое-какая, по медицинской части, поначалу, потом поболее, стала Толику нужна, появилась приходящая медсестра из социальных служб.

Звали её Дарьей, была она проста и профессионально надёжна. Не красива и не уродлива. Неприметна, если бы не глаза. Что-то Толик в них с первого раза увидел, что заставляло ждать её прихода каждый раз. В день её прихода было ему как-то радостно и празднично. А что, собственно, было? Просто — внимание, хотя и профессионально-вынужденное. Стала Лариса что-то замечать, но ревности никакой не чувствовала, с тем и согласилась, в конце концов, вариант не худший — у неё свобода, муж ухожен, семья существует. А самое главное, и она это чувствовала, может, в том и было всё дело, чувствовала она, что Толик просто любит их обеих, по-разному, но душевно и без трагедий, и без мучений. И женщины как-то молча его поделили. Общались они редко и мало, и при встречах глаза не отводили, чувствовали, что обе понимают друг друга и согласны со своей судьбой. Такой спокойный треугольник получился. Спокойное счастливое, в общем-то, на несчастье, сосуществование.

Но что делать? Тяжёлая травма, малая подвижность, да и годы берут своё. Сердечной приступ случился как раз, когда Дарья была, помогала, чем и как могла, сестра милосердия всё-таки, но скорая задержалась. Умер Толик у неё на руках. На поминках было много милиции, Дарья, конечно, не пришла, но на кладбище Лариса её увидела, подошла и просто сказала:

— Спасибо, вам, Даша, — опустила голову и пошла к похоронному автобусу.

Старый секс

Вот странная вещь, подумал КА, но тут же подумал альтернативно: почему странная?.. Что странного в том, что в старости приходят воспоминания, даже не частные воспоминания, а целые картины из прошлого? Может, только несколько неуместны были эти воспоминания — не то чтобы активно-сексуальные, но явно направленные в сторону какого-никого полового взаимодействия. Наверное, это всё-таки ханжеский пережиток, может, и биологический — строго ограничивать возрастом, принятым как репродуктивный, всякие размышления сексуального толка. Детям ещё запрещено об этом думать, старикам неприлично. Следуя

этой логике, и в репродуктивном возрасте думать об этом не стоит, надо просто получать удовольствие, пока есть возможность и, попутно — размножаться. Что-то вроде тени от облака, но в обратной перспективе: во-первых, это два разных предмета (как облако и тень), туманные границы облака простираются лет от десяти и до глубокой старости, границы тени гораздо уже, от 18 до, ну, где-то 45, пятидесятилетние с коляской выглядят нелепо, что и правильно, ребёнку надо вырасти успеть, пока родители ещё в силе. Во-вторых, это разные вещи — мечты о будущем и воспоминания о прошлом (если есть, что вспоминать). Это в облаке, а в тени — план действий — поиски, находки, легализация в виде замужества, женитьбы. Сложно проверить, но есть предположение, что содержимое этого сексуального облака есть достояние чисто человеческое. Вероятно, человеку стоило бы им гордиться, а что на самом деле? На самом деле всё это как-то стыдно. Лучшая иллюстрация принципа, которого придерживается, во всяком случае, западная цивилизация, это история святого Антония, как его искушал диавол. У Босха, к примеру, целая коллекция страстей, но главный соблазн для бедного Антония предстаёт в виде женщины. Стоило бы проследить, как сложилась такая традиция. Почему так много пособий по кулинарии, ради получения удовлетворения от пищи, а для получения от сексуальных отношений — только одно — «Камасутра»?

Однако странно было то, что в моменты полусна, посреди ночи, приходили именно те женщины, с которыми не сложилось. Лиц он уже не помнил, а неоднократность повторения снов и видений переводила всё воспоминание, скорее, в разряд чего-то придуманного, фантазийного. Было? Не было?

Уже которую ночь один и тот же сюжет, который никак не мог логически завершиться. Он зачем-то проходил всё по шагам, восстанавливая события. Была экскурсия на пароходике, кораблик поднялся вверх по Десне, ткнулся в берег, устроили пикник и развлечения. Может быть, были майские праздники, такой подарочек от профсоюзов. Во всяком случае, уже не весна, но, ещё и не лето, зелень свежа и небо ясно, прозрачно и весело. Одна некрасивая, с продолговатой головой, но большими чёрными глазами Эмма, которая была коллегам интересна тем, что оформляла документы на выезд в Израиль (она бы не афишировала, да нужна была справка из бухгалтерии, а там секретов не держат, ещё и скандал был, главбухша, пронизанная неким особым бухгалтерским пат-

риотизмом, никак эту справку подписывать не хотела), пришла на корабль отдыха с подругой. Та была, наоборот, чарующе красива, той средиземноморской красотой, которую отдельные еврейские женщины пронесли через все пространства и времена, климаты, войны и прочие факторы среды обитания, уже вне исконного ареала. Пикник как пикник, авоська-другая вина, снедь довольно разнообразная, в рамках эпохи закатного социализма, потом стали играть в футбол да разбредаться по кустам. Было бы странно, если бы молодой, озорной и всегда, на всякий случай, влюблённый КА, не обратил внимания на эту Эллу (не путать с непривлекательной подругой) и не оказались бы они под каким-то большим дубом. (Эти дубы, особые, луговые — они создают целые пойменные дубравы — были всегда для него каким-то символом родного чего-то. В том, родном, была река, большая-пребольшая пойма, толстые дубы, и около маленьких озёр, наполненных белыми лилиями, пахло илом, водой, золотым вечером). Вино, как известно, в оптимальных дозах, придаёт смелости и открывает глаза на красоту мира. Вот уже нос уткнулся в шею, и губы осторожно, как верблюд колючку, обследуют кожу. Такие чёрные волосы и этот клинышек волосков по шее от затылка! Вот уже и пуговички её кофточки расстёгнуты, рука ползёт, ползёт. Что за чудо эти женские соски! Совсем не предназначены для грубых мужских рук, но от них тянутся такие нервы куда-то в будущие предчувствия. Вот она, белая упругая кожа, кружок тёмный вокруг соска и несколько волосков на этом кружке. Волоски эти, завитые, как бывают на лобке, могли бы выглядеть странно, может, даже неопрятно, если бы так не возбуждали. Это не была избыточность формы, содержание приходило само собой, из каких-то радостных глубин. Неисповедимы пути как женских чар, так и глубоко спрятанных мужских фантазий. Можно, видимо, читать и наоборот, но КА пока этого, по молодости, не знал. Дальше — провал в памяти (да и в фантазиях). Как они возвращались, куда и как ехали, только оказались у неё, у Эллы, дома, а дом — в двух шагах от улицы, где была общага, где он тогда обретался, мечтая в редкие свободные от работы минуты о каком-то своём уголке, понимая, что это мечта чересчур далёкая, сказать прямо — нереальная. Дом её был обычный, и квартира обычная, но почему-то сейчас в воспоминаниях был какой-то холл, большая комната, почти зал. Она привела его сюда как хозяйка. А родители же где? Эпоха успешных девочек на мерседесах и со своими квартирами ещё была далека.

— А ты что, живёшь одна? — ему странна была эта её власть над своим жильём, с другой стороны, это был сбор сведений, имеющих отношение к собственной безопасности.

— Родители в Израиль уехали, уже полгода, мы с братом остались, он оформляет документы, а я пока не хочу никуда ехать.

— Почему? Там же будет вся семья, а ты здесь одна.

— Сама не знаю, захотелось свободы.

— А может, больше свободы именно там? Мне кажется, что евреи едут, скорее, не За чем-то, а От чего-то.

КА никогда не был антисемитом, и вообще, все его этновзгляды были замешаны на добротном социнтернационализме, но всегда было какое-то но. У матери вся жизнь так или иначе была связана с евреями. То в войну она спасала какую-то девушку, которая выбралась из расстрельной ямы, куда падали убитые (везучая такая), то подругу лучшую опекала, тётю Цилю, когда та заболела. Благодаря материнскому жизненному опыту КА прекрасно был знаком с еврейской кухней. КА вспомнил одного своего приятеля, почти друга, с которым был знаком давно, но только как-то случайно узнал, что у него мать еврейка, а когда познакомился с ней, был очарован её рассказами из старой жизни. Но друг его как-то очень долго не хотел с мамой знакомить, стеснялся? Чего? Это «Но», скорее, шло извне, от явной или неявной оценки окружающих. Как-то, ещё студентом, он прямо влюбился в одну перуанку, жило несколько иностранных студентов в общаге по соседству, но жениться?! А как это будет выглядеть со стороны? Почему тогда этот вопрос был так важен? Что это — несвобода? А может, просто — нелюбовь.

— Не стоит ломать над этим голову, — продолжили разговор — ты всё равно не поймёшь, это не нужно анализировать, это жизнь, все люди разные, только степень разности разная. А я всегда так считала, если что-то есть на свете, значит это для чего-то нужно.

— Ну, так можно и Холокост оправдать. Нацисты хотели освободить место для себя,

— Нужность тоже разнообразна, кто-то и преступления оправдывает необходимостью. Если разобраться, то за каждым преступлением стоит адвокат. Сколько мирных людей, под какими только бомбами, ни погибло, и, большая часть — по необходимости. Необходимость всегда можно придумать, она вообще, почти очевидна.

Ой, ёлки-палки, умная какая, подумал КА (подумал, когда вспоминал, и тогда тоже подумал — и это как-то изменило угол зрения, быстрое сближение уже как-то пугало).

— А брат не придёт? — спросил КА на всякий случай.

— Нет, уехал во Львов к своей девушке на праздники. Что-то я есть хочу, но сначала надо в душ.

Такая странная трансформация. Почему бы не запомнить интерьер реальный: кухня, где они, вероятно, и сидели, коридор с двумя дверями — туалет, ванная, обои, потёртые на углах? Откуда взялся этот зал и она, уходящая в пространство, где был этот душ (наверное, надо было просто пойти за ней, смелость приходила в воспоминаниях). А этот сюжет может прийти в квазивоспоминаниях только старику: он сидит на краю ванны, наблюдает, как вода струится по телу, и волосы слипаются под действием сил поверхностного натяжения, только там, где они прямые, слипание происходит интенсивнее, а если волнистые, закрученные, то… вода струится. Брызги, а он восседает, совершенно сухой, и разглагольствует.

Но он не пошёл за ней, пребывал на каком-то диване, в каком-то зале. Потом вдруг встал и ушёл, какое-то время переживал потом, что дверь была без защёлки, так и осталась незапертой. Вспоминал и представлял, как она выходит после этого своего душа, обмотанная белым большим полотенцем, с такой же белой чалмой на голове, в тапках, по-домашнему. Оглядывается, где это он, пожимает плечами и идёт на кухню.

А он? Идёт в свою общагу и думает, что вот, хорошо, не окрутила, не заманила. Просто сбежал. Чего испугался? Похоже, что испугался какой-то спокойной власти, может, он уже был вписан в какой-то план? Но он представлял и другую картину: как она идёт к холодильнику, достаёт бутылку кефира (ни черта в том холодильнике нет, что бы они вдвоём ели?), садится за стол и сморит в окно. Там ветки тополя, все в клейких весенних листочках, и хочется уехать к своим.

Когда это воспоминание приходило, он всё чаще сомневался, действительно ли это воспоминание того, что было на самом деле? Но если это сон, то почему он повторяется? А почему бы этому не стать началом того романа, про счастливую любовь, в обществе, где нет разнообразия (или, наоборот — есть?), почему бы не уехать далеко, сначала в Израиль, потом в Новую Зеландию, жить на берегу океана, любить и растить двоих детей, мальчика и девочку, Изю и Рахиль?

Сексуальные мотивы уходили вдаль, и он уже почти сменил тему, раздумывал о причинах и свойствах многообразия жизненных ситуаций, это было вполне естественно, при прогрессирующей импотенции и плохом пищеварении… Похоже, что это была история о своих и чужих. Трудно быть гражданином мира.

Надо сказать, что автору (что не редкость — в придуманных романах) известны некоторые детали продолжения этого сна. Девочку Рахиль, сорока восьми лет, в октябре 2023 убили ХАМАСовцы. Мама ей как-то рассказала эту историю, маме казалось, что тот «кавалер» сбежал потому, что она еврейка, и это оказалось толчком для решения уезжать. Уехала, вышла замуж, была счастлива, но время от времени вспоминала того, уже и забыла, как зовут. Какая разница!

Анюта

Это всё от сильного сужения круга общения, подумал КА, уже почти месяц он торчал на больничном. В этот, узкий теперь круг, входила жена да продавщицы в гастрономе. Доктор ещё, но периодически. Интересно было то, что, вопреки прогнозам, это вынужденное отстранение от обычных, ставших какими-то далёкими теперь дел, как-то мало тяготило. Дни пролетали быстро. Находились какие-то заботы, и совсем не надо было мучительно раздумывать, чем бы себя занять. Ещё иногда беспокоил вопрос насчёт того, как это вот так взять, встать и уйти, в последний раз закрыть за собой дверь кабинета на работе. А пусть считают, что он умер: вчера был, а сегодня нет. В конце концов, не существовало никаких договорённостей, что он должен оставить пустое помещение (может, ещё и обои переклеить?). Но время от времени он напоминал сам себе, что дело не только в старости, но ещё и в болезни.

Как легко поддаётся человек иллюзиям вообще и иллюзиям большого или маленького благополучия в частности! Война-то никак не заканчивалась, и новости приходили ужасные: то в одном городе десятки мирных жителей погибли, то в другом. И не было сведений о том, сколько гибнет каждый день на фронте. Странная была жизнь в столице на четвёртый год войны. Если бы не рекламные щиты, приглашающие в армию (выбирай подразделение и должность, только приходи!), то можно было бы подумать, что вообще ничего такого ужасного не происходит. Хорошие дорогие машины, хорошие дома, правда, многие

незаселённые, вполне наполненные магазины, отключи телевизор и не тревожь своими посещениями Ю-Тюб, да и живи себе спокойно между воздушными тревогами. Правда, это был взгляд дедушки, у которого дети со своими детьми далеко от войны — можно не беспокоиться. Но одна знакомая рассказала, что зять её знакомой третий год из дома не выходит, боится, что заметут в армию и отправят воевать, тут есть предмет беспокойства.

Один бывший киевлянин, Константин Паустовский, как одну из самых характерных черт киевской жизни в 1918 году, в войну же, отмечает удивительно быстрое распространение разнообразнейших слухов, порой совершенно чудовищных. Сейчас интернет полностью ликвидировал это явление, вернее, взял на себя. Кроме того, слухи естественным образом вышли за городские стены. Стали всемирными. Чем потчуют? «Жуткий раскол в Кремле», «В плен попали фейковые китайцы» (говорят, что они, как и корейцы, воюют на стороне России), «Миллиардеры в США катастрофически обеднели», «Россия уже без денег», «Космический обман: Гагарин никуда не летал», «СБУ задержала враждебную агитаторшу, злоумышленница зарегистрировалась в запрещённой соцсети «В контакте», «Срочно! Вот теперь экономике России капут!», «Маск потерял 5 миллиардов!», «Однопартиец Мураева (это партия «Наши», некая покойная оппозиция) регулярно распространял фейки, общая аудитория его враждебного интернет-ресурса составляла 27000 пользователей), «На Прикарпатье разоблачили жительницу одного посёлка, которая была в «Одноклассниках», «в Киеве продолжается демонтаж малых архитектурных форм» и так далее. Слухи были разнообразные и даже интересные, многие обнадёживали.

— Ну что, обкакался Трамп со своими тарифами! — Мишка возник, где-то информацию уже подцепил.

— Ну да, вернул старые тарифы на айфоны и компы, он, наверное, не догадывался, что они или все из Китая, или по кускам. Это мне напоминает одного городского мальчика, который с удивлением узнал, что нет такого растения манка, а манную крупу делают из пшеницы, что такое пшеница он догадывался, но были некоторые сомнения.

Как они связаны, эти нейросети в мозге? Слово за слово — и вот уже сидят они на кухне у Мишки. Как тогда, в ту предвоенную осень. А может быть, это просто воспоминание? Интересная классификация по-

лучается — реальные воспоминания и придуманные. Вспоминаем то, что было, и вспоминаем то, чего не было. Раз не было, значит, не воспоминание. Не по сути, а по форме, совершенно одинаково получается.

День к концу клонится, за окном синее небо, под окном — улица, что идёт вдоль берега реки. Там пляж, на который можно было бы из дома прямо в тапках выходить (точно, как Пушкин в Летний сад, в халате). Но Мишка теперь редко выходил из дома, тем более на пляж, тем более — осенью…

КА встал и пошёл на балкон, внизу за окном была та самая, приглянувшаяся ему картина: берег, вода над песчаным мелководьем красноватого цвета, островок с вербами, а дальше река и длинный остров, отделяющий залив от русла, за ними — пойма и луга, и дальние отроги города на левом берегу. Этакая столичная пастораль!

— Ты хоть раз сделал этюд с балкона этого или комнатного?

— Да всё собираюсь, но раз оно близко, вроде никуда не убежит.

— Как бы нам самим не убежать. Так далеко, что и не догнать, и не найти.

— Может быть. Нас не будет, а пейзаж будет, и вода, и люди. Это особенно странно: нас не будет, а им хоть бы что.

Хорошо было бы хряпнуть по чарке-другой, но КА знал, что Мишке пить нельзя, ну и самому расхотелось. Когда они договаривались о встрече, Мишка сам готовил обед. Из того, что сын приносил с базара. Это могла быть гречка с мясом или тушёная капуста. Всего этого КА не любил, но молча потреблял, ещё и хвалил. Где эти прекрасные застолья?!

Мишка ненавязчиво гордился не только своей кулинарией, но и своим даром рассказчика. При его чудесной памяти все эти рассказы были наполнены именами, местами, точными координатами во времени и пространстве. Это придавало всему рассказу достоверность и документальность. Одним только грешил: любил рассказы про свой родной коллектив, постоянно переспрашивая, знает ли слушатель такого А, или — знаком ли слушатель с Б? Чаще всего никто персонажей этих не знал, но Мишку это не смущало и рассказ никак свою канву не менял. О, если бы КА их знал, этих персонажей, то этим рассказам вообще цены бы не было!

Пошло такое повествование. КА поначалу слушал эту историю, как они с Х (знаешь такого?) пошли в гости к девушкам (давно дело было), потом…

— Послушай, перебил Мишку КА, — ты мне когда-то в нескольких письмах, много лет прошло, как-то путанно описывал всю вашу историю с Анютой, но я так и не понял, что стало причиной того, что вы расстались. Вообще странная история. Особенно если учесть, что одно время она как бы считалась моей девушкой.

— О, это и для меня история не совсем ясная. Я раньше часто о ней размышлял, теперь как-то стало всё далеко. Не то что не помню деталей, просто интерес изменился. Интересны, вообще, особенности памяти, как я заметил. Казалось бы, существовал какой-то факт, ты его запомнил. Запомнил, как записал в какой-то бухгалтерской книге жизни. И вот, он там хранится, если вспоминать о нём раз в сто лет, то он так себе и лежит, но стоит взять его в оборот взаимосвязанных явлений, событий, какого-то анализа, раз к нему обратиться, другой, и он начинает трансформироваться, искажаться.

— Ты помнишь, когда мы были в колхозе, к Нинке М. приехал друг, скажем так, жених, что-то вроде того? Был он чуть ли не капитан дальнего плавания, правда, тогда он был ещё курсантом, любил потравить, как они в Средиземном море практику проходили. Он ещё ножом таким, с выбрасывающимся лезвием хвастался, купил в Неаполе. А мы в это время, закадычная четвёрка, «три мушкетёра+», калымили с местными на тракторе и бухали самогонку и бормотуху какую-то. Как девочки ближнего круга, кафедральные, сочувствовали мне, мол, переживаю я, что жених приехал, а я у разбитого корыта, мол, пить начал с горя. Они совершенно точно знали, что я давно влюблён в эту М. Один я этого не знал. А может, и знал, однако приехал жених, это значит, делать нечего, надо покориться судьбе, тем более что это совсем не сложно и не больно. Не переживал я нисколько, да и тогда, когда Анюта переметнулась к тебе, я тоже не переживал, а она мне действительно нравилась. Пожалуй, за всю жизнь так и не узнал, что такое ревность. Ушла — да и ушла. Может, эта неревнивость как-то и вознаграждается. А может, наказуема. Или ревность базируется на каких-то мне недоступных основах. Чем мне она была привлекательна, если вспомнить чувства давно минувших дней? Скажу честно, в первую очередь своим бюстом и, знаешь, когда уже ты от неё ушёл, удостоверился, что это не эффект хорошего лифчика.

— Знаю, она мне рассказывала в подробностях, хотела, наверное, уколоть, так получилось, что разрыв наш сильно затянулся, мы ещё до-

вольно долго после развода встречались, всё какие-то отношения выясняли, я же к дочке заходил. Вот с дочкой расставаться мне тогда было действительно больно. Но потом дочка как-то отдалилась, бабушка, экстёща, настроила против меня, а я даже глупо мечтал, что она будет старшей сестрой для моих с Лидой детей.

Одно воспоминание наложилось на другое, как сон во сне. Какое тогда было время года? Была зима, значит, праздник был — Новый год. Что за странная компания собралась, будто кто-то посторонний, совершенно не зная отношений между людьми, написал список, с потолка, что называется. Это был для КА период большой жизненной неопределённости. Временно, как он считал и планировал, пристроился в какой-то больнице, у городской черты, непонятно, с какой стороны этой черты, благо у них была небольшая общага, в небольшом домике, несколько комнат, кухня. Вот тут и гуляли. Танцы устроили, при свечах. И Анюта была в списке приглашённых, убей, не вспомнить, кем именно. Мишка тогда уже в новой семье жил-был. Интимная обстановка, свечи, зима, Новый год, надежды на будущее. Танцевали, тесно обнявшись. Потом опять за стол, тосты и веселье. На всю ночь хватило сил, когда стали ходить трамваи, начали сонные гости разъезжаться. Да не все.

Была среди гостей такая Ксения. Кто такая, откуда? Приехала с подругой, которая была как бы несколько ближе к кругу. С ней тоже танцевал. Подруга уехала, Ксения осталась (а может, и не Ксения, уже забыл, как звали, вернее, сомневался). Сожитель его по общажной комнате, молодой доктор, уехал на праздники, вот и лежат они с этой Ксенией в постели, КА разделся, уж сильно спать хочется, а она — наполовину.

— Ты так и будешь спать? Хоть колготки сними.

— Нет, боюсь.

— Меня боишься?

— Нет, себя.

Так и проспали до обеда. Уехала, КА проводил до трамвая — и всё, больше никогда не виделись. Он потом вспоминал с недоумением, почему бы не поговорить, не расспросить, как и где живёт, может, это была, как говорится, судьба? А вечером приехала Анна и увезла к себе домой. И поехал. А зачем? В центре города небольшая комната в коммуналке (соседей не видел), дочка Мишкина, симпатичная такая. Полтора дня прожил там, а зачем, сам не знал.

— Ты понимаешь, — Мишка вернулся за стол от плиты, с чайником, на столе только сухари и бублики, гречку съели, — понимаешь, со временем до меня дошло, может, она и была в тебя влюблена, но ты же не партия, чтоб замуж за тебя: приезжий, без квартиры, без ясных перспектив, — а у меня папа полковник. Думаю, её мама всё про реальную жизнь рассказала. Помнишь, как Федька вернулся с летних каникул перед третьим курсом? Я иронизировал и подтрунивал над ним за его рассказы о похождениях на сеновале с соседкой, тоже приехала на каникулы, но я ему чертовски завидовал. Вот ту грудь, что ты упомянул, я у жены впервые живьём и увидел. Давай поженимся! Как я мог ей отказать, если она так решительно мне отдалась?

— Мне кажется, твоя мать была против свадьбы. Не уберегла.

— Не давила, но про правду жизни рассказывала. История получилась такая. У Анны была мечта — увидеть Байкал, поехать на Байкал, а у меня такой мечты не было: батя военный, слава Богу, байкалов видел — от Сахалина до Германии. И она была не против одиночного путешествия, ведь это её личная мечта. Понимаешь, для неё эта поездка была ещё и символом свободы от нужды, которую, живя с матерью, испытывала с самого детства. Какие там поездки? Надо то купить, это, зарплата маленькая, выучить дочку надо, одеть надо. Да мы и сами, как поженились, скудновато жили, молодые специалисты. Но всё равно, свобода! Мать-таки моя подкинула деньжат на поездку. Поехала, полетела, почти на месяц, а дочке уж полтора года было, правда, тёща забрала к себе. Иногда думал, сказал бы твёрдое нет, нехрен ездить в одиночку замужней бабе, при малом ребёнке, всё пошло бы по-другому, но всё равно причина была не в том, хотя связано всё, как оказалось.

— Ну да, эта Лида, так и непонятно чем была, причиной или следствием, — заметил КА, отхлёбывая чай (вот, беседуют два мужика о жизни, хоть бы пива бутылка).

— Я тебе рассказывал, она там, в экспедиции своей туристической, с Лидой познакомилась, подружились они, та тоже путешествовала или дела какие-то у неё были. Как ни странно, мог бы у неё расспросить потом, никогда к слову не пришлось. Они там где-то на скалах загорали почти нагишом и фотографировались, Анна мне эти фотки показывал по приезде. Для неё, наверное, просто новая подруга, вряд ли хотела противопоставить две красоты, но я-то по-другому смотрел. У меня же до жены никого и ничего не было, меня выбрали, я и не знал этого чувства,

что я сам могу выбирать, принимать решения. Это как объяснение, но было и другое, необъяснимое. Две бабы, но вдруг одна становится нежеланной, а другая желанной. Будто тебе кто-то указывает: разлюби эту, полюби ту. Опять зависимость, но уже безадресная, не персонифицированная. Этот кто-то — я сам.

— Да, а я чувствовал, что она ко мне, так сказать, вернулась из мести, — КА задумался, вспоминая далёкое, — тебе насолить хотела. А какова же тут моя роль, в этом спектакле? Неужели думала, что я вот так женюсь, ребёнка вашего пестовать буду?

— Много лет прошло, Лиды уже десять лет как нет, Анны — шесть. Старые мы уже. И что толку анализировать, искать причины, разбираться в последствиях? Хоть бы сыну передать жизненный опыт, так он вообще жениться не собрался, уже и не соберётся. Впрочем, опыт сомнительный.

— Да, ты прав, старые и малонужные. Чуть было не добавил — «Наливай!». А слушай, это правда, что ты целую кучу своих этюдов и работ побольше сжёг?

— Это тебе Марина, наверное, рассказывала, болтливая. Было дело.

— Анюта, наверное, бы не позволила. Да и я бы тоже отговорил, взял бы да перегрунтовал. Картонов и холста ведь тоже жалко.

— Жизни жалко.

День Победы

Неожиданный погодный скандал с этим апрельским холодом. Хотя, подождите, это же еврейские Кучки (это праздник такой — и с большой буквы надо, или это славянский сленг?). КА вспомнил, лет десять назад как раз в это время перед Пасхой был в Польше, точно так же пошёл снег, холод неимоверный, форзиция в снегу цвела. (Э, подожди, в Польше Пасха католическая, так что, эти Кучки ещё и географию знают?) А почему, собственно, должно похолодать? Или наоборот… Например, где эти крещенские морозы? Все уже давно про них забыли (про морозы вообще), тем более что, как оказалось, можно с лёгкостью простыми государственными декретами, ради интернациональной дружбы с Западом, переносить все даты морозов и весеннего возрождения. Куда этим морозам деваться? Им по какому календарю приходить? По Юлианскому или Григорианскому? А тут всё незыблемо тысячи лет. Новый год в сентябре,

похолодание — перед Песахом. Холод за окном — это полбеды, но холодно в доме, хоть ты зимний подогреватель в виде «дуйки» включай. Только рыбкам в аквариуме можно позавидовать, у них терморегуляция выставлена на вечные 23 градуса.

— Ну, что там, — спрашивала по утрам жена, это обозначало: иди и посмотри, что показывает термометр на балконе.

Обратный вопрос, жене — что там? — обозначал: где бомбили ночью? (если было тихо в окрестностях, тогда было понятно и так). Жена с утра в телефоне, в новостях.

— По Харькову врезали да по Одессе.

— Опять минус два.

Но, кажется, эти кучкины дни уже уходят в прошлое, зимнее прошлое, сегодня уже плюс десять с утра. КА вспомнил об одной работе, которую надо бы сделать до конца апреля. Потому что за апрелем май, а там есть 9 число, праздник далёкой победы. Как говорили раньше, Великой Победы. Что делать, когда уже четвёртое или пятое поколение, то происходит естественное снижение концентрации великости. КА вспомнил, как в конце 60-х среди макулатуры нашёл газеты 1945 года, апрельские «Правды». Журналисты буднично писали о победах на фронтах, но для него это была ещё живая история. Может быть, вот этот номер такой же газеты держал в руках его отец. Где-то в Польше, а может, уже и в Германии. Да, так меняется восприятие: заметка та же, но для его внучки это было просто, как страничка из учебника истории про средние века. Ага, вспомнил о необходимом деле, надо было покрасить оградку одной могилы. Он подумал, что в этот год из-за его болезни и немощности они вряд ли поедут, как обычно, перед поминальными днями на родовое кладбище жены, убрать на могилах, подкрасить ограды. Тем более, надо было сходить к этой, в лесу.

Когда-то давно, они только поселились в этом районе, обследование ближнего лесочка принесло открытие — могилка под большим дубом, деревянный обелиск-пирамида с красной звездой. Потом кто-то поставил невысокую оградку, обелиск заменили на металлический, серой краской покрашенный, но с красной железной же звездой. Он не часто об этом вспоминал и думал, что это его открытие, но дочка рассказывала, что это вполне известный исторический местный объект, даже с классом на 9 мая ходили с цветами туда. Потом на обелиске появилась гранитная табличка — «Неизвестный солдат», да ещё, за обелиском со звездой —

крест православный о пяти концах. Недавно КА был там, гуляли по лесу, на могиле ярко алели уродливые пластмассовые цветы. Оградку надо покрасить, подкрасить, вернее, тогда подумал он. В четыре руки быстрее, решил позвать в помощники жену.

— Сегодня план такой: пойдём покрасим ограду могилы в лесу.

— Хорошо, конечно, — согласилась она.

Протоптанная дорожка в лесу постоянно меняла свой маршрут, потому что то тут, то там появлялись новые стволы упавших деревьев. Этот бурелом никак не украшал лес, но создавал впечатление живой стихии, не паркового, а природного явления. КА хотел представить, что было здесь много десятилетий назад, когда шли бои (неизвестный солдат неизвестного времени, в 41-м это было или в 43-м?). Скорее всего, в 41 быть не могло, это значит, что два года должна была, в оккупации, стоять могилка неизвестная, это как-то не по-немецки. Может быть, этот дуб стоял среди других таких же больших и сильных, а вокруг был простор, а может, и лес. К примеру, не так далеко, хотя уже и за окраиной города, около дороги, среди деревьев возвышается по сей день бетонная башня с амбразурами, ДОТ (долговременная огневая точка), ещё предвоенных времён. По задумке инженеров-стратегов должна была защищать Киев от гипотетического надвигающегося врага, этакая линия обороны, на манер линии Мажино. Сейчас амбразуры смотрели на густой лес, за которым была пойма речки, но, когда его строили, эта местность должна была быть открыта! Куда же стрелять, если вокруг лес? Но как-то сложно было представить, что вот так, по полю-лугу будут идти цепи вражеских солдат. Эти точечные ДОТы, эти локальные средневековые крепости! Боюсь, что этот ДОТ стал просто ловушкой для кучки бойцов. Ох, эти долговременные точки! Вид у них бы какой-то безнадёжный. Точка это всего лишь точка, она должна быть частью линии, в данном случае — линии фронта.

Когда КА ещё учился в школе, 9 мая весь класс, вся школа выстраивались в две шеренги вдоль широкой дорожки у подножья белого, довольно неуклюжего обелиска со звездой. Говорили речи, потом маршировала рота солдат, знамя впереди. У солдат были строгие лица, и было понятно, что этот большой список фамилий на мраморной доске обелиска был списком героев. Ну, может, не все были абсолютными героями, их вообще не может быть очень много, они исключительны, но, во всяком случае, нельзя было их забывать. Впрочем, тогда всё вы-

глядело иначе. Их классный, Иван Петрович, воевал, отец воевал, они были просто люди, современники, они были живы, а у живых хватает забот и кроме воспоминаний, живой герой может тебе и двойку по математике влепить.

— Ты понимаешь, Мишка, — они уже пришли, и КА начал распаковывать краску и кисточки, — наверное, я чего-то в современной политике не понимаю. Мне всегда, прямо с детства казалось, что та война, на которой наши отцы воевали, она была какая-то однозначно понятная: пришёл враг, значит надо его победить, выгнать. Это потом появились дополнения и новые материалы к размышлениям, про пакты молотовых-риббентропов, про партизанские войны и против тех и против этих, идей, мол, если бы не второй фронт, то никакой бы победы не было, про негуманные атаки и наступления, не берегли маршалы живую силу, собственную, тем более противника… Тебе не кажется, что не столь важно было знать, насколько неправильный был строй в Германии, до 41-го, именно до, до пересечения границ, за которые надо было выгнать захватчиков?

— В каком смысле?

— В том, что пусть бы они были даже сильно высокоморальными, но вторглись в наш дом — и этого было достаточно для справедливого отпора. Это, когда война была уже на территории Германии, тут надо было обосновать, почему мы вторглись, почему американцы вторглись. Потому что, как оказалось, они устроили холокост и концлагеря. Но сталинские, что, были более гуманными? Вот тебе и чёрно-белое мышление.

— Ну да, надо сгладить политические предвоенные недочёты, кстати, так никто и не признал своей вины в том, что прямо и косвенно германский строй поддерживали многие страны. Недочёты были, ошибок роковых не было. Читал, что Рузвельт со Сталиным уже в августе 1941 переписывались и договаривались уничтожить совместно гитлеризм, что ж они в 1939 не пообщались? Но политика не была бы политикой, если бы не занималась трансформациями. Когда туманно будущее, лучше всего заняться ревизиями прошлого. Интересно то, что эти новые взгляды, они чаще всего не самоцель, а как бы сами собой вытекают из всяких, больших или меньших, изменений общего уклада жизни.

— Поразительно, как быстро после той войны расклеилась вся дружба между победителями. Тут мне попалась одна книжка…

— Давай ты будешь красить сам памятник, а я ограду, — это жена, надев перчатки, уже взялась за кисть.

— Хорошо, посмотри, довольно прилично краска сохранилась, я ещё до войны красил. Вот какие странные вещи происходят. Когда-то выражение «до войны» имело вполне определённое временное значение, то есть до 1941 года. До той, как нам говорили, «нашей» войны. Как будто и не было 39 года. То была «ихняя» война, наверное, сейчас так же со стороны, издалека, смотрят на теперешнюю. Вот сейчас мы ухаживаем за могилой какого-то неизвестного человека. Может, он был украинец, тогда это правильно, а может, он был русский, тогда, глядя на сегодняшний день, это неправильно?

— Ты же видишь, здесь не только пирамидка с красной звездой, но и крест стоит, с загадочной надписью «ИНЦИ». Это по-христиански, неважно кем он был.

— Ну да, если вспомнить то кладбище, что недалеко от Виты-Почтовой, по одесской трассе, недалеко тут, где четыре десятка тысяч немецких солдат, и все под аккуратными стелами. Поимённо, тоже по-христиански. ИНЦИ — это значит: Иисус из Назарета Царь Иудейский, правда, тут распятия нет.

— Тот, если можно так сказать, некрополь открыли через 50 или 60 лет после войны. Бог его знает, как будут относиться через полвека к этой.

— История полна поворотов и разворотов. Но к любой войне надо бы относиться одинаково, как к катастрофе. И как к преступлению. Повороты и развороты. На фоне последних новостей с этим крахом надежд на мудрого президента за океаном, который всё быстренько урегулирует одним махом, очень интересны параллели, я тут одну книжку на мусорке нашёл…

— Да, кстати, мы тут красим, как бы к «9 мая», а праздник-то перенесли на 8.

— Традиция уже: то Рождество, то крещенские морозы…

Документы для политинформации

С приходом электронных книг и интернетовских библиотек бумажные несколько, а точнее, катастрофически сильно потеряли свою надёжность и силу. Беда не в том, что содержание их стало малоинтересно, а в том их беда, что они — материальный предмет, со

своими габаритами, массой, запыляющейся поверхностью. Но, если бы они были только предметами! Впрочем, отношение к книге так же разнообразны, как и сам этот печатно-страничный народец. Для КА это была некая живая система, это сборище книг, которое закрывало стену, и не одну, в их квартире (а ещё на работе сколько!). Книжная экосистема. Среди этого сообщества были особенные, которые живо влияли на ход мыслей, даже на поступки, были и подзабытые, которые, видимо, ждали своего часа. Рядом с полками стоял аквариум. Как это можно — не покормить рыбок? Как это — выбросить книжку?

Около гаражей собралась кучка мусора, похоже, что у гаража появился новый хозяин, а всё старьё прежнее было выброшено, только не вывезено, будем надеяться, пока, подумал КА, наклоняясь к кучке. Вид несчастных книг со слипшимися от снега страницами удручал. Собак бродячих сдают в приюты, а книги? Судьба их была обычна для нашей эпохи: сначала в гараж или на дачу, потом — на свалку, хорошо, если в макулатуру. Нельзя мимо пройти, поднял одну, «Анна Каренина», ещё одну, тоже некая классика. Положил обратно. Дома есть. А вот: «Политиздат», 1958 год, «Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министром Великобритании. 1941–1945 гг.». Это должно быть интересно, особенно на фоне засекреченной пока, известной только по телеотголоскам переписки между президентами и премьерами (возможно, они как-то и кроме Твиттера переписываются).

КА открыл почти в начале.

И. Сталин Ф. Рузвельту
4 августа 1941 г.
СССР придаёт большое значение вопросу о нейтрализации Финляндии и отходу её от Германии…

КА отломал веточку и сделал закладку, дома почитаю.

Книжка была сырая, прямо так в рюкзак и не положить. Завернул в розовый, от какой-то базарной покупки, пакет. КА был доволен своей функцией санитара леса, да и находкой. Прекрасное состояние — предчувствие интересной книги. Это больше, чем предчувствие новой информации.

Дома, после ужина, умостившись за столом, открыл на закладке. Итак, Сталин президенту США писал:

— Если бы правительство США сочло бы необходимым пригрозить Финляндии разрывом отношений, то Советское Правительство могло бы пойти на некоторые территориальные уступки Финляндии, с тем чтобы замирить последнюю и заключить с ней новый мирный договор.

Ага, не плюй в колодец! Теперь и Финляндия нависла опасностью с севера, ох как нейтралитет её стал нужен! Ёлки-палки, три года не прошло, как отдавал приказ ползти по снегам аж до Хельсинки, покорить и подчинить, а теперь давайте, мол, пересмотрим договор.

Интересная книжка, а оказалась никому не нужной. Сбой системности информации. Но судьба книжке всё-таки улыбнулась. Информация, хоть под снегом, но сохранилась. Приёмника информации не оказалось.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль И. Сталину
15 августа 1941 г.

Наши ресурсы хотя и огромны, тем не мене они ограничены, и речь должна идти о том, где и когда эти ресурсы могут быть наилучшим образом использованы…

Мы полностью сознаём, сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза, и поэтому мы считаем, что в этом деле планирования программы распределения наших общих ресурсов на будущее мы должны действовать при любых обстоятельствах быстро и без промедления.

Два месяца прошло, а уже скоординировались. Два года назад был Сталин для них агрессор, теперь жертва и союзник. Жертве надо помогать, вроде это постулат, но, как оказалось, не для таких, как Трамп.

И. Сталин Ф. Рузвельту
3 октября 1941 г.

Как и Вы, я не сомневаюсь в конечной победе над Гитлером стран, которые теперь объединяют свои усилия для того, чтобы ускорить ликвидацию гитлеризма.

Памятная записка Сталину от Посла США

2 ноября 1941 г.

В личном послании г-ну Сталину Президент Рузвельт заявляет:

Что он дал распоряжение начать поставки немедленно и продолжить их в возможно наибольшем объёме. Чтобы избежать финансовых затруднений, он отдал распоряжение о немедленном проведении мероприятий, при которых поставки могут производиться согласно закону о передаче вооружения взаймы или в аренду на сумму 1000 000 000 долларов.

Он предполагает, что, если Советское Правительство это одобрит, чтобы США не взыскивали процентов с задолженности, которая может возникнуть у Советского Правительства, и чтобы платежи по этой задолженности начались только спустя пять лет после окончания войны и производились в течение десяти лет после этого пятилетнего срока.

Президент надеется, что Советское Правительство приложит особые усилия, чтобы продать Соединённым Штатам те товары и сырьё, которые имеются в его распоряжении и в которых могут нуждаться Соединённые Штаты, причём выручка будет зачисляться на счёт Советского Союза.

Интересная смесь байденовского и трампового подходов, честно сказать, запутался, кто кому будет должен, но, во всяком случае, дело пошло.

И. Сталин Ф. Рузвельту

4 ноября 1941 г.

Правительство СССР готово сделать всё необходимое, чтобы поставлять Соединённым Штатам Америки те товары и сырьё, которые имеются в его распоряжении.

Вот какие интересные исторические параллели! Только сегодня миллиарды не России, не Союзу, а Украине, для борьбы с Россией. Однако, тогда заранее оговаривали американцы, что это не жест альтруизма бескорыстного, а торговая сделка, ты мне — я тебе. Только то, что приходило из-за океана, сгорало в топке войны, а то, что получали они, шло на пользу экономики. И это хорошо, иначе бы не было первого.

Ф. Рузвельт И. Сталину

6 ноября 1941 г.

Американский Красный Крест готов предоставить материалов на сумму приблизительно 5 миллионов долларов в качестве подарка американского народа. Красный Крест передаёт послание, в котором указывает на важность соответствующего наблюдения со стороны представителя Американского Красного Креста за распределением материалов последнего. Я был бы весьма благодарен, если бы Ваше правительство могло заверить меня в том, что желаемые организационные формы приемлемы.

Были и подарки. Но стоит обратить внимание, даже за подарки Красный Крест просит отчитаться! И это правильно!

Секретное и личное послание Президента Рузвельта г-ну Сталину

11 февраля 1942 г.

В январе и феврале нами было или будет отгружено 449 лёгких танков, 408 средних танков, 244 истребителя, 24 бомбардировщика В-52 и 233 А-20.

Имеющиеся здесь у нас сообщения указывают на то, что Вы успешно отгоняете нацистов.

Несмотря на трудности, испытываемые нами в настоящее время на Дальнем Востоке, я надеюсь, что мы в ближайшем будущем настолько укрепимся в этом районе, что сумеем остановить японцев. Но мы подготовлены к некоторым дальнейшим неудачам.

А ведь шла и немаленькая война на Тихом океане, мало нам известная.

Ф. Рузвельт И. Сталину

13 февраля 1942 г.

Моё внимание только что было обращено на тот факт, что Советское Правительство разместило у нас заказы на товары и вооружение на сумму, превышающую миллиард долларов. В связи с этим я предлагаю, чтобы по тому же закону второй миллиард долларов был предоставлен в распоряжение Вашего Правительства.

Хорошие были времена, когда миллиард долларов это были действительно большие деньги! Теперь война менее масштабная сжирает десятки миллиардов. Как это понимать: мир стал богаче или глупее? Инфляция налицо, но чего?

Личное от Президента г-ну Сталину
12 апреля 1942 г.

Я имею в виду весьма важное военное предложение, связанное с использованием наших вооружённых сил таким образом, чтобы облегчить критическое положение на вашем западном фронте. Этой цели я придаю огромное значение. Мне нужен Ваш совет, прежде чем мы примем окончательное решение о стратегическом направлении нашей совместной военной акции.

Американский народ в восторге от замечательной борьбы ваших вооружённых сил, мы хотим оказать помощь в уничтожении гитлеровской армии и материальных сил лучше, чем мы это делали до сих пор.

Получается, что вопрос о Втором фронте первым поставил именно Рузвельт, наверное, СССР и не надеялся на такой жест, ведь американцы вели свою войну с японцами.

И.В. Сталин Ф. Рузвельту
20 апреля 1942 г.

Советское правительство согласно, что необходимо устроить встречу В.М. Молотова с Вами для обмена мнениями по вопросу организации второго фронта в Европе в ближайшее время.

Ах, этот дипломатический язык! Как мило читать такую переписку, — КА просто не мог оторваться, — это вам не Трамп с его писульками в интернете. О чём говорит эта смена стилей и смена времён? Эх, Неизвестный солдат, не знаю, когда ты погиб, но ничего ты этого, конечно, не знал. Да никто не знал, может, Молотов, секретная же была переписка.

— Вызывали, товарищ старший лейтенант? — КА вздрогнул, уж сколько десятилетий к нему так никто не обращался.

— Ты кто такой?

Перед ним стоял по стойке «смирно» невысокий щуплый солдатик в гимнастёрке и давно не чищенных сапогах. Лицо было молодое, но со следами страшной усталости и какой-то горечи.

— Рядовой Петренков. Для вас я — Неизвестный солдат.

— Получается, что теперь известный. А почему ты ко мне так обращаешься, я же без погон?

— Кто служил, того видно, особенно солдату.

— Ну да, служил, давно, это правда, очень давно. Был у меня во взводе хлопчик один, на тебя похожий. Но фамилии уже не помню. А ты чего явился-то?

— Так вы ж сами подумали: вот, мол, Неизвестный солдат ничего этого не знал. И ещё подумали, хорошо бы таким, несведущим, политинформацию сделать.

— Насчёт политинформации, пожалуй, я не конкретно думал, не полит-, а просто информацию. Вот, читаю, да ты садись, Петренков, а мысль такая: сотни тысяч людей воевали, шли в атаку по команде взводных, которые выполняли команду ротных и так далее, а на самом верху пирамиды сидели Рузвельт со Сталиным и Черчилль — и обменивались вежливыми письмами. И от итогов этой переписки миллионы людей приходили в движение. От Африки до Аляски. Вот и сейчас… А ты знаешь, что сейчас происходит? Тоже война.

— Война? Вы ж приходили с женой памятник красить. В войну не до этого.

— Да, война идёт, сама настоящая. Тут недалеко, на днях, в дом врезала ночью ракета.

— Это наподобие «Катюши»?

— Если бы «Катюши»! Ракету запускают за тысячу километров отсюда с самолёта, получается, что этот самолёт нашим не сбить.

— А чьи самолёты? Неужто немец опять голову поднял, то в Первую мировую, батя рассказывал, с ними воевал, то мы вот воевали.

— Не поверишь, но с Россией.

— Это вы что-то, товарищ старший лейтенант, меня путаете. Как можно с Россией воевать, или тут теперь немцы?

— Ну, вот, посмотри, — КА обращался уже к Мишке, который возник в кресле под окном. Одет он был в такую же, как у Петренкова, гимнастёрку, КА вспомнил, что в университете на военных сборах их одели в это старьё (нет, не старьё, всё было новое, только модели старые, ещё послевоенные, а может, и военные: гимнастёрка под ремень, пилотка, штаны-галифе, сапоги кирзовые). Тогда такие вояки встречались, резервисты старенькие или студенты с военных кафедр, в народе кличка была

у них «партизаны». Так вот, таким партизаном Мишка и предстал. КА подумал, может, и ему стоило соответствующе костюмироваться, да остался у него от армии далёкой один офицерский ремень, добротной кожи, но короток стал, вправляя его в шлёвки джинсов, КА всегда недоумевал, как это он этот ремень с портупеей таскал на шинели, ещё и с пистолетом? Сейчас коротковат стал и для джинсов. Вот они, приметы текущего времени.

— Как же насчёт коммуникаций, там у вас, — обратился КА к Мишке, — человек, скажем, душа человека, свершено не информирована.

— Это только подтверждает мои наблюдения. Товарищ Петренков, когда в последний раз вы общались с теми, кто вас вспоминал? — нарочито строго спросил Мишка.

— Да вот, товарищ старший лейтенант год назад приходил памятник красить, тогда и вспоминал. Мне ещё хотелось спросить, почему это уже много лет пионеры на 9 мая с цветами не приходят. Только постеснялся, мало ли что.

— Пионеров уже давно нет. Упразднили. Да и 9 мая отменили, перенесли День Победы на 8 мая, к тому же, теперь и не Победы, а Памяти. Но насчёт цветов указаний особых не было. Надо, наверное, краткий курс новейшей истории для таких как ты написать, — Мишка задумался, — а то такой симбиоз глобуса и истории получился, невнятный.

— Ты лучше для обозрения прошлого сначала составь рабочую таблицу, как программу, — вмешался КА, — в первой колонке — что было при царе, точнее — царях, во второй — что стало после 17 года, в третьей — что было после Второй мировой, в четвёртой — что стало после 1991-го.

— Ещё добавить, что — после 2013–14 было, наверное, надо таким пособием заняться, назову «Память поколений». Интересно, что в колонках может быть много совпадений.

— Ну, попробуй, «Краткий курс Новейшей истории для бойца», а тебя, боец, как зовут-то? Откуда родом?

— Иван, — ответил Петренков. — А мы как раз на границе с Украиной жили, на реке Псёл было наше село, мы ещё и в Сумы ездили, там базар был хороший.

— Ну да, — заметил Мишка, фамилия у тебя, если без последней буквы, то украинская. А если по-русски, всё равно обозначает, что сын-внук какого-то Петренка.

— Про то, что война в 1945 году закончилась, это ты от пионеров, наверное, слышал, учительница им, очевидно, говорила: «Вот здесь могила воина, погибшего в Великую Отечественную войну (1941–1945), — сказал КА. — А после войны что самое важное было? — посмотрел на Мишку.

— Я думаю, что два события: первое — военные друзья — СССР, Британия и США — рассорились и началась Холодная война.

— Да, я тут заинтересовался, с чего начался этот раздрай послевоенный, особенно странный после всех этих связей и помощи, почти дружеской. Я сейчас поищу выдержку из речи Черчилля, которую считают, как бы началом Холодной войны, — КА пощёлкал по экрану телефона, разыскивая цитату в разделе «Мои заметки». — Вот, слушайте: «Никогда не было в истории войны, которую было бы легче предотвратить своевременным действием, чем ту, которая только что опустошила огромную область на планете. Такой ошибки повторить нельзя. А для этого нужно под эгидой Объединённых Наций и на основе военной силы англоязычного содружества найти взаимопонимание с Россией. Тогда главная дорога в будущее будет ясной не только для нас, но для всех, не только в наше время, но и в следующем столетии».

— Ну-ну, — Мишка оживился, — это же прямо про сегодняшний день! Посмотрел на Ивана, который явно мало что понимал в этом диалоге. — Объясняю: Советский Союз воевал с Германией и примкнувшими к ней больше четырёх лет, союзники, после высадки в Нормандии, во Франции — меньше года, правда, ещё и в Африке, на Тихом океане. Понятно, что Сталин считал себя главным победителем, во всяком случае — европейским. Кроме того, война сильно повернула, скажем так, общественное мнение в Европе в сторону социалистических и коммунистических идей. Думаю, что это не совсем правда, что блок социалистических стран, вроде Польши, Чехословакии, был образован только за счёт оккупационных войск СССР, народы действительно надеялись на лучшее, в каком-то смысле победа над нацистами рассматривалась как победа идей социализма. Хотя тройка союзников и обсуждала создание Организации объединённых наций, но велик был соблазн решить судьбы целых стран и народов в узком кругу, или самолично. Знаешь, как делили Польшу в конце войны? Вернее, воссоединяли после 39 года. Черчилль взял три спички (достоверный факт, на тегеранской конференции; спички

у его были, он же курил сигары, правда, и у Сталина тоже, он же курил трубку), одну спичку положил где-то посредине воображаемой Польши, а восточную перенёс на запад, тем самым подтверждая, что земли, полученные Украиной и Беларусью в 1939 году, остаются за ними, и столько же нарезается Польше у Германии на западе. У Сталина тоже были в уме спички. Наверное, потому, уже после войны предъявил территориальные претензии Турции, хотел трохи прирезать землицы Грузии и Армении. И так далее. Вместо мирного мира и восстановления жизни взялись за переделы. А что до цитаты из речи Черчилля, то как раз Трамп сейчас эту идею найти общий язык с Россией и воплощает в жизнь. Кстати, о личностях. Может, если бы был жив Рузвельт до осени 45 года, то Хиросимы и не было бы, может, и с Союзом отношения бы по-другому сложились. Человеческий фактор.

— Если судить по вежливым письмам, то американский Президент был как-то слишком вежлив и уступчив. Да, ты забыл про «во-вторых».

— А во-вторых, как раз об этом. Был, Ваня, такой XX съезд известной тебе партии коммунистов. Или большевиков, можно сказать. Оказалось, что Вождь и Отец народов, известный тебе Сталин И.В., оказался совсем не отец, а мерзавец и палач, и вся его политика была ошибкой. И войну не он выиграл лично, а советский народ.

— Как же так? — Ваня помрачнел. — Мы же завсегда — за Родину, за Сталина!

Наверное, подумал КА, у Вани сейчас в голове то же самое, что у славян при Владимире: верили в Перуна, а тут сверху пришло уведомление, что старые боги неправильные. Надо поклоняться новым. Князь, оно конечно, всегда прав, но боги-то выше, это всем известно, а княжеская власть от бога, но какого? Интересно, если язычество до сих пор сидит в душах народа, то как насчёт старых развенчанных вождей? С вождями, особенно после их смерти, легче справляться, чем с народными иллюзиями.

— Заешь, я тоже об этом думал, — вмешался Мишка, — всё же за язычеством вполне естественная вера в божественность главного — Природы. Это не идеология, в отличие от Христа, природа проповедовать не может, она просто породила жизнь и всё, жизнь разумная ей поклоняется. Заставить разочароваться в вождях гораздо легче, чем в природе. Тем более, что существование вождей зиждется не на любви, а на страхе.

— Я, когда читал эту переписку вежливую дипломатическую, будто слышал голос Сталина, который тем же ровным голосом отдавал приказания собственный народ уничтожать.

— Мне как-то в голову пришло: два тирана в похожих ландшафтах, похожими управленческими методами пользовались, интересно было бы посмотреть на Петров Санкт-Петербург, если бы он получился как Беломорканал.

— Может, в XVIII веке методология Петра, которая была ближе к фараоновому стилю, была ещё эффективна? Но в двадцатом что-то сломалось.

— Ну так вот, Ваня, — продолжал Мишка свой исторический рассказ, — было и «в-третьих». Это, Ваня, было более неожиданно, чем нападение Германии на Советский Союз. Прошло полвека — и Союза этого не стало.

— Как это так, — Ваня был в недоумении, — как же так, такая большая страна, как же она в одночасье могла перестать быть?

— А вот так. Страны-то все остались на своих местах, понятно, только связи между ними изменились. Россия наконец-таки стала собственно Россией, а то всё бедные обитатели 1/6 части суши путались: то КПСС есть компартия всего СССР, то Российской Федерации.

— То Академия наук СССР, а своей академии наук у РФ нема, — встрял КА, — теперь стало всем понятно — Российская академия наук.

— Вот и Украина в 1991 году отделилась от всех, хотя частично, некое подобие союза ещё долго оставалось.

— Да, про этот союз независимых государств, СНГ, уже мало кто помнит, — КА продолжил повествование. А к этому времени, чуть не вся Европа объединилась в такой экономический союз, поначалу назывался Общий Рынок. Потом просто — Евросоюз.

— Видишь ли, Ваня, — Мишка решил добавить, — ещё с петровских времён вошло в моду хвалить всё европейское, западноевропейское, если быть точным, географически, Урал оказался ни при чём. Поэтому, например, стали предлагать вам сделать в квартире не просто ремонт хороший, а «сделать евроремонт» или, например, такое объявление: «продаётся еврозабор».

— Глядя со стороны, например, из Украины, всё в Европе (надо понимать, не от Урала, а в Западной) выглядело очень толково: единый рынок рабочей силы, можешь спокойно поехать в Лондон из Праги, к

примеру, и устроиться там шофёром двухэтажного автобуса, правда, если хочешь министром, уже сложнее, а мандарины собирать в Испанию — запросто! Кроме того, при таком Союзе появился некий общий кошелёк. Конечно, за счёт самых богатых стран, например, Франции или Германии (да, кстати, Ваня, Германия не только очухалась после войны, но с помощью своего трудолюбия и американских денег опять достигла экономических высот). Так что те страны, что победнее, могли получить от своего Союза разные вспомоществования, конечно, не бескорыстно, но это уже детали. А песни-танцы народные, школы — всё осталось по-местному.

— Вот, — вставил слово КА, — я тоже предлагал, правда, постфактум, и непонятно кому, надо было и в СССР объединить экономики республик, но культуру, образование, всё оставить регионам.

— Сейчас дойдём до регионов. Короче, посмотрев на это благополучие, да возможность вспомоществований, украинский народ тоже захотел в братскую семью европейских народов. А в это время главным в Украине, иначе сказать, президентом, наподобие упомянутого Рузвельта в Америке, был из партии как раз регионов, но не всех, скорее восточных, например, Донбасса. Было над чем ему задуматься: союзов много, а страна одна. Решил посоветоваться в столице одной из них, в Москве, те оказались не сильно за, а скорее — против.

— Так и так, мол, говорит этот президент народу, СНГ против того, чтобы ещё и ЕС, а вместо, так и совсем некстати. А народ сказал: «Мы не поняли… Как так, если нам так больше нравится?!» — и пошёл на площадь митинговать и требовать.

— Дошло дело до войны. Прямо внутри государства.

— Да, я знаю, — оживился Ваня, — когда внутри между своими, это называется почему-то гражданская, а если с чужими, то что — это военная?

— Пожалуй, — задумался Мишка, — альтернатива гражданской это не военная, такой вообще нет, это новый тип — федерально-региональная. Например, в Штатах была, правда, уже давно.

— И тянулась эта война, правда, уже при сильном участии России, то сильно, то слабо аж почти десять лет, — сказал КА и посмотрел на Ваню, с мыслью, хорошо ли тот связывает эти все события, которые и у него самого, свидетеля этих эпохальных перемен, не очень-то хорошо связывались в логику истории.

— Я уже начала войны не застал, но как танки на границе собирались в ударный кулак, по телеку видел, — Мишка обозначил на лице задумчивость. — Я всё надеялся, что это какая-то инсценировка, трудно было поверить в реальность начала настоящей, как ты, Ваня, говоришь, военной войны.

— Тем не менее, началась. Танки эти реально перешли границу. Как там Черчилль говорил: «Никогда не было в истории войны, которую было бы легче предотвратить своевременным действием…» — это точно. Отчего же так не произошло? — спросил КА.

— Оттого, Костя, что не так мало тех, кому война выгодна, а большинство вообще живёт далеко от войн, всегда на планете кто-то с кем-то воюет, замучаешься предотвращать.

— Меня не политика, не экономика больше интересует, а люди, — КА взял со стола тетрадь, — вот, записал некоторые наблюдения. Прочитаю.

Три богатыря

У КА было несколько дневников. Нельзя сказать, что это был продуманный план накопления информации, с чёткой каталогизацией и распределением впечатлений, просто так сложилось. Когда счёт пошёл на десятки тетрадей и блокнотов, а страниц в отдельных папках — на сотни, стал задумываться о целесообразности умножения и накопления всего этого наследия. Интересный жанр, эти дневники. Вот, к примеру, письма, они могут тоже быть похожи на дневник, серия писем, собственно, и представляет собой последовательное изложение во времени каких-то событий, связанных с ними рассуждений и умозаключений. Однако, письмо тем и отличается от простого дневника, что имеет вполне определённого адресата, читателя. Приёмник информации не только известен, но связь с ним определяет её, информации, качество и количество, композицию. Кроме того, есть очень большая вероятность, что информация будет принята, ведь обмен письмами — это некий обоюдный договор. Совсем другое дело дневник, часто эти записи становятся привычкой, и тогда теряет смысл вопрос — зачем этот дневник? — просто сам пишется. При этом, есть у него одна малоисследованная функция — превращения события в информацию. КА иногда по разным поводам вспоминал слова одного профессора (был он курсе на втором, кажется, на

лабораторных практикумах по неорганической химии, профессор имел совершенно классический облик — в белом лабораторном халате и с седыми усами щёточкой). Слова эти он произносил довольно часто, зная по своему, видимо, опыту, что студентам лишний десяток раз повторить мудрую истину не помешает, слова были такие: «Что не записано в протокол, того не существует!». Наверное, эта мудрость имеет и другое прочтение: «Все события, что были и прошли, принадлежат прошлому, но продолжать существовать в настоящем может то, что занесено в протокол и стало информацией».

Однако, надо признать, что никакое писание дневников-протоколов не спасает от забвения, с одной стороны, и, с другой стороны, неписание дневников не гарантирует полное забвение, ибо многие неписатели попадают в чужие протоколы.

КА не мог решить, в какую тетрадь внести ту заметку, наблюдение, о которой он говорил. Может быть, стоило внести в дневник «Своего Я», где накапливалась информация просто о жизни, «текучка»? Или в очередной листок довольно солидной уже пачки, где так-сяк запечатлялись события социума? С некоторых пор это был вялотекущий «Дневник войны». Был ещё дневник рабочих записей, наука всякая, конспекты, размышления, идеи. Сюда, конечно, не стоило, не по теме. Было ещё одно хранилище фактов и впечатлений, уже не на бумаге, а в электронном виде. (Историческая практика, однако, показала, что информация на бумаге, при всей её хрупкости, хранится более надёжно, чем какие-то дискеты, диски, поскольку для чтения букв на бумаге достаточно глаз, а дискету уже, к сожалению, некуда вставить). Пожалуй, в обществоведческие записки. Очерк назывался «Три богатыря».

Когда мы учились в школе, были такие уроки — военная подготовка. Маршировали, разглядывали какие-то стрелялки устаревших образцов. В университете ходили на военную кафедру. Потом, уже на работе отставники активно захватывали должности начальников гражданской обороны. Сейчас, когда пришла пора войны, оказалось, что нет в помине старых добрых бомбоубежищ, а раздача оружия экспромтной территориальной обороне проводилась в очень неумелые в военном отношении руки. В давние времена считалось, что каждый мужчина есть потенциальный воин, и очень часто им приходилось быть реально. Гораздо позже появилась профессия военного. Войны из явлений со свойствами неизбежности стали явлениями вероятностными. И так хотелось, чтобы ве-

роятность стремилась к нулю. Впрочем, хотелось далеко не всем, разных Цезарей, царей Дариев, патологически стремившихся расширять свои империи было предостаточно. Но если принять это стремление приближающимся к нулю, который всё-таки преобладал в сознании «мирного населения», тогда приготовления военные сами собой становились неуместными. Сложно было определиться с отношением к дилемме: бороться «за мир во всём мире», разными способами предотвращать войны или фаталистически готовиться «на всякий случай»? Наблюдения за разными вариантами ответов на эти вопросы в попадающиеся там и сям электронные и печатные материалы, как всегда, были отмечены, если по-научному, бинарностью мышления. То есть, чёрное и белое — только так или только этак. Причём, бинарность, скажем, ориентированная. Если детям в школе, по ту сторону явного или условного фронта (имеются в виду фронты всех времён и народов) рассказывают о том, как выживать при разных внешних воздействиях, включая ракеты и БПЛА — это стоит осудить. Вообще-то дилемма решалась просто. Все, независимо от возраста, боятся вражеских (возможны и свои) ракет и снарядов (страх это и есть первая жизненная функция мирного населения), однако стоит обратить внимание на школьный контингент. Нет, не так, школьно-детский можно и не различать, важно то, где они потом потенциально могут применить эти начала военных знаний. Или тебя пошлют завоёвывать другие страны, или ты восстаёшь против агрессии. Концепция двойных стандартов не так уж проста. Вот, тот же Рузвельт, в переписке со Сталиным в каждом втором письме упоминает о своём долге перед законами, а во время войны взял да и отправил всех американцев японского происхождения в концлагерь. Ни суда, ни вины доказанной. Война? Некогда выяснять? А вероятность, что могут стать шпионами, пятой колонной довольно велика. (Так же велика, как и вероятность высокой плодовитости жителей Хиросимы, что может способствовать росту численности императорской армии). Или такой пример, из воспоминаний академика Ювеналия Зайцева. В северном Причерноморье ещё со времён Екатерины было много колонистов немецкого, швейцарского происхождения. Перед войной, где-то в 1936 году, приезжали вербовщики из Германии и завлекали немецкую молодёжь на родину предков. Многие уезжали. Напрашивается вопрос: хорошими ли они стали бы солдатами советской армии, если бы остались? Ещё один вариант своих и чужих. В каком-то смысле после февраля 2022 похожая реакция была в украинском

социуме, маркировка «чужой» возникла по такому поверхностному признаку как язык. Почему только русский олицетворил вражеское? Много в Буче, например, было чеченцев и бурятов.

А про контакты, с теми, что «там», тоже много изменилось, сегодня — это тебе не 1940-е годы, средства коммуникации совсем не те. У многих родичи в России, что из этого? Кто-то потерял связи, кто-то поддерживает. Коллега рассказал случай. От жены племянника сообщение в вайбере, оттуда: «Здрасьте, как здоровье? Были в парке, фото вот». На фото действительно племянник (почему-то племянники — это всегда дети, нет, здесь дядька за пятьдесят, правда, молодо выглядит), стоит, держась за древко бронзового копья, а другая, бронзовая же рука на этом копье принадлежит русскому воину в кольчуге и шоломе. Памятник такой — о трёх фигурах (племянник не в счёт). Другой бронзовый персонаж с винтовкой и в плащ-палатке образца 1943 года, а третий похож на космонавта, такая модерновая амуниция. Вояки, короче, и связь поколений. Кстати, и племянник вписался, служил когда-то в армии. Такая композиция. Чёрт его знает, что было в голове у приславшей, для неё же это просто снимок в парке, семейная летопись, а может, и не просто, но они про войну не общаются, только про погоду и здоровье. Беда, что скульптор был не большим мастером по части мужественной красоты: все три головы из бронзы имели совершенно бабьи, с пухленькими щёчками, какие-то обиженные физиономии. И буквы на монументе обычные: «За Родину в веках!». И что? В Киеве или Запорожье такой же памятник, только вместо богатыря, руського воина, казак с длинными усами и кривой шаблей, турецкого образца, солдат современный в британском шлеме и бронежилете натовского покроя. Вот с третьим некоторая заминка. Вроде, как вот они, поимённо, на всех этих обелисках по городам да весям, по всей Украине, и известно, против кого воевали, и в союзе с кем, тоже понятно, но не совсем понятно теперь — «за что». Как-то витает, но не выкристаллизовалась основательно версия, что надо бы воина УПА изобразить, но как ему примириться с тем, что в плащ-палатке? Наверное, четырёхфигурная композиция была бы оптимальной. Впрочем, если вспомнить, что Илья, хоть и Муромец, имел отношение к конфликту с Соловьём-Разбойником не где-нибудь, а на Черниговской дороге, и вообще по сей день мощи его (биография Ильи, впрочем, довольно запутанная) в Киево-Печерской Лавре — то и пяти персонажей. В каждой стране можно такой монумент воздвигнуть, как символ защиты, охраны своего, отечественного. Но исто-

рия плетёт более сложные сети. Что за композиция может стоять в Берлине, или Мадриде, или Риме? А в Токио? В Берлине есть — большой солдат с мечом и ребёнком на руках. Вариантов множество… Персонажам, прототипам таких памятников уже всё равно, у властей, которые властвуют над всем, ещё и над историей, понятно, главный вопрос в тех, кто просто ходит, гуляет вокруг памятников, фотографируются.

— Так вот, — КА обращался теперь к Ивану и Мишке, закончив читать, — всё это, в общем, банальные вещи, только всегда то, что просто в голове, на деле оказывается таким запутанным.

— А что здесь запутанного? — Мишке, как всегда, было всё понятно. — У всякого агрессора есть комплекс вины и необходимость оправдания, оттого и это мифотворчество, впрочем, стоит заметить, мифотворчество есть обязательная часть деятельности любой власти.

— А я так и не понял, — вмешался Ваня, — 9 мая будет кто-то приходить? Раз пионеров больше нет, то, может, ветеран какой заглянет.

— Пионеров упразднили, а ветеранов сама жизнь упраздняет, сколько уж лет прошло...

— О, как раз по теме памятников и памяти, — КА провёл пальцем по экрану телефона, — аналитика от Би-Би-Си. И знаете, сколько они насчитали в РФ памятников в честь агрессии против Украины? Почти 450! Вот, прочитаю пример, описание одного. «Семиметровую фигуру из пяти человеческих фигур расположили у «Дома чекистов» в Перми на постаменте, в центре города. На памятнике современный солдат держит знамя с ликом Иисуса Христа, с ним рядом стоит оператор дрона и солдат с ребёнком на руках, а позади их женщина, за спиной у которой развевается флаг с буквой Z и надписью «Своих не бросаем».

— Во, нагородили! — Мишка рассмеялся.

— Журналист, нет, как пишет обозреватель, это «исследовательница мемориальных практик» так и заключила: «Это есть показатель того, что никто не знает, что нужно об этом говорить». Там дальше рассуждения о том, что монументы и знаки в память о погибших просто, по христианскому обычаю, так сказать, всё больше стали заменяться «абстрактными» вроде этого, с ликом Христа. Здесь какая-то очень важная, я бы сказал, страшная граница проходит. Вот скажи, Ваня, как бы ты отнёсся к тому, что, если по прямой, то километрах в 5–7 от твоей могилы, с обелиском этим серым и крестом, целое поле каменных стел, на которых тысячи фамилий немецких солдат, там кладбище было в 41–43-м?

— Да никак, тоже были люди, может, кто и не хотел воевать. Кто-то и о них плакал. Да и почти сто лет прошло. Я же на татаро-монголов зла не держу.

— Ох уж эти памятники! Пирамида Хеопса стоит, а ведь угнетатель народа был ещё тот. Я бы ни одного памятника не убирал, не памятники надо заменять на новые, а мозги менять, — Мишка задумался, — закончится война, хай все 444 стоят и пусть пионеры ходят потом и возлагают цветы в память о всех безвинно убиенных, вот этими, что с хоругвью возвышаются, да каются за них, своих непутёвых предков. Я только боюсь, что язык этот монументальный слишком груб.

— Да, память — вообще дело тонкое.

Парад

Если уж интернет надыбает какую тему, тут держись! Будет ли парад в Москве? Какой будет парад? Может, что-то главный парадолюбитель скажет этакое с трибуны? Да хрен с ним, с тем парадом! Задолбали, будто нет других новостей.

Мишка взял гитару, что стояла, несколько запылённая, около стола, в углу, жёлтая дека тускло сверкнула, и пропел:

— Известны итоги парадов, а чем же закончится бой? — была такая песня, действительно, два разновероятностных события.

— Вот, Ваня, в 41 году, на праздник Октября тоже был парад, — заметил КА, — не знаю, насколько он был известен тогда в стране, в киножурнале «Новости дня», может быть, ни телевизора, ни радио толком на было. И всё то оружие, что было на параде, было для победы, для правого дела — дать отпор врагу. И сейчас та же площадь, тоже идут солдаты, машины разные, но это не тот парад, что для красоты строя и демонстрации достижений бесполезной техники. Для реальной войны. Только цели совсем другие.

— А, слушай, Ваня, — вмешался Мишка, — а ты не скажешь ли, до войны ты видел кинохроники какие-то, про ту же Германию? Смотри, какие параллели: те тоже парады любили, и тоже то оружие, пушки, что на парадах провозили, уже были готовы не защищаться от врага, а захватывать новые территории, как можно больше. Где-то похоже.

— Нет, я не помню, до войны нам говорили, что мы с Германией дружим.

— А вы знаете, — КА начал прокручивать в телефоне ролик назад, — я не на технику смотрел, а на людей на трибунах, на тех же солдат. Смотрите, празднуют же! Что празднуют? И вот думаешь, по какому сценарию живёт каждый?

— А я вам скажу, жизнь усложнилась, полисценарность имеет место, — заметил Мишка. Хорошо было Ване — как в газете прочитал, так и живи, что по радиоточке сказали, так и действуй. А теперь приходится — хочешь ни хочешь — выбирать.

— Можно сказать и так: информация умножает печали, — предложил КА.

— Я вам скажу: путинская камарилья весьма толковый ход пропаганды сделала, связав свою войну с той, с Победой.

— Единственное, не хватило побед собственных.

— Что простому Ване сейчас делать? Цели и задачи той войны ясны, цели этой непонятны, ну так давайте их свяжем! Всего-навсего продолжим, если с детства вдалбливать да повторять на каждом шагу, можно просто привыкнуть к мысли, что наша Родина вообще в неправедных войнах не замешана.

— Тем более что следовать линии партии всегда спокойнее, чем думать самому. Что партия и Главный сказали? Что история продолжается, а она — это вечная война. Мы правы были в ту войну? Правы! Надо бороться с социал-нацистами было? Надо! И сейчас тоже надо, если таковые имеются? Надо! Историческая логика. Где враг? Да вот он!

— Ты знаешь, я видел одно интервью, взяли на улице российской, так одна дамочка прямо так и воскликнула: «Бандера, иди сдавайся!». Она думает совершенно серьёзно, что это современный исторический персонаж. Думаешь, таких мало?

Ваня смотрел то на одного, то на другого. Чудно́ ему было слышать про всё это. Вот, как если бы ему сказали: «Иди воевать с украинцами», — что бы он стал делать? Но отец-то в Гражданскую воевал, почти до Варшавы дошли, потом с финнами. Приказали — и пошёл воевать.

— Э, да тебе, Ваня надо объяснить историю, изложить, так сказать, в современном варианте.

— Ну да, кто этот Бандера? Я, знаете, до сих пор не верю, что Россия напала на Украину и идёт война.

— Да ну, ты же про гражданскую войну помнишь, тоже воевали между собой люди одной империи, ты на Россию и Украину смотришь как на две части одной страны, а уж давно это просто разные страны. То есть война не гражданская, а вполне военная.

— Не знаю, как тебе в школе рассказывали, — сказал Мишка, — а ведь в 1918 году Украина хотела стать самостоятельным государством, но… не получилось.

— Вот, Ваня. Тебе, Мишка, тоже будет интересно, история прямо на глазах вершится, благо историческая информация поставлена на поток, почти как реклама, — КА, постучал ногтем по экрану телефона. — На следующий день, после парада 9 мая, прошла информация, что Франция, Германия, Польша, Украина при поддержке США предъявили Путину ультиматум — или начинаем 30-дневное перемирие и переговоры, или удушим Россию страшными санкциями. Надо сказать, подействовало: Путин не откладывал до понедельника, а прямо в ночь на воскресенье собрал своих на совет, а потом в 2 ночи уж изложил в лекционной форме, сначала про историю, потом про дружбу с Си Цзиньпином и ещё 20 лидерами, а уж потом — про войну сегодняшнюю, мол, какие они ни нехорошие, эти украинцы, сопротивляются и всё тут, но мы согласны в Стамбуле встретиться, как в 2022 году. Про перемирие и ответ на предложение о перемирии — мол, на переговорах и будем договариваться, наверное, ждал, когда Трамп очередных пиздюлей вломит. Вот так, товарищи, развиваются события.

— А Бандера, что ж, так и воюет, или он уже сдался? Запутали совсем, — сначала задумался, а потом спросил Ваня.

— Ты знаешь, Ваня, я тебя понимаю, сам уж четыре года обрывками информации питаюсь, — Мишка устроился на стуле поудобнее. — Надо тебе, наверное, в двух словах историю, рассказанную дополнить.

— В двух вряд ли получится, — заметил КА, — особенно если начать с Богдана Хмельницкого, тем более, с Трипольской культуры.

— Ты знаешь, любую историю можно ужать до одного предложения, правда, длинного.

— Дело, конечно, не в лаконизме, а в поисках каких-то законов. Как говорят историки, закономерностей. Когда-то один мною сильно почитаемы учёный, Валентин Абрамович, да мы его, наверное, можем как-то и пригласить, развил целую теорию о переходе эволюции биологической у человека — в эволюцию социокультурную. Жизнь всех экосистем вроде

бы и самостоятельные явления, для каждой, но в едином потоке эволюции биосферы. В таком случае, жизнь отдельных социумов не только взаимосвязана с другими, так сказать, в статике, она ещё и часть некоего эволюционного процесса человечества.

— Ну да, одна попытка наметить тренды уже была: от рабовладельчества к феодализму и так далее…

— С коммунизмом несколько поспешили, знаешь, как если бы мамонт вдруг оказался в сообществе динозавров, но не может же такое состояние неизбывного капитализма существовать вечно, что-то должно прийти на смену. Но мы сейчас говорим о совсем иных временных масштабах.

История обществ

— Давай всё-таки посчитаем предложения, — КА готов был слушать Мишкину версию истории некоторой части мира. Про Хмельницкого, про Мазепу, про Тараса Бульбу, про Екатерину, за Одессу и за Крым, про Шевченко, про Скоропадского, про Петлюру, про Сталина, про Бандеру, про развал Союза, про Майдан, про Донбасс, про войну. Итого — пятнадцать предложений. Давай! Ещё забыл 39 год, а про строительство социализма?

— Так вот, жила себе Украина в Польском королевстве, пока не пришёл 1648 год и Богдан Хмельницкий не поднял восстание, которое переросло, с точки зрения поляков, в гражданскую войну, а с точки зрения украинцев — в национально-освободительную революцию. Но воспользоваться плодами победы, самостоятельно воспользоваться, не смогли, надо было с кем-то заключить союз и получить кое-какие гарантии безопасности.

— Ох уж эти гарантии, — заметил КА, — за гарантии надо платить, хоть королю, хоть царю, хоть хану. Эти гаранты что-то всегда норовят сделать гарантируемых своими вассалами.

— Ага. Выбрали царя Московии, тогда был Алексей Михайлович, в качестве гаранта и, в каком-то смысле — защитника. Полвека как-то прожили, выбирали гетьманов, имели своё казацкое войско, с крымским ханом воевали помаленьку, периодически, пока нелёгкая не принесла Карла XII, шведского короля с его войском. Тот, вообще-то, враждовал с царём Петром, но пошёл как-то в обход, через Полтаву, где ему и не по-

везло, Пётр его армию победил, а вместе с этим рухнула идея гетьмана Мазепы насчёт подружиться с Карлом и пригласить его на должность очередного гаранта. Пётр, конечно, осерчал и, к тому же, передал эти чувства осерчания по наследству: императрица Екатерина всякие вольницы малороссам окончательно упразднила, стала Украина окраиной большой империи. Правда, строились города — Одесса, Екатеринослав, а там и Крым у хана отобрали. Но простой народ жил себе, да и жил, песни пел, а такие таланты, как Шевченко и Гоголь, эти песни слушали да про своих земляков вирши писали. Правда, Гоголя царь привечал, а Тараса в ссылку отправил на берега Каспийского моря, в скучные места. Так бы и жили, да Европа неспокойна была, начал по ней бродить призрак коммунизма, который был замечен сначала товарищем Марксом, а потом и Лениным. На фоне этого брожения страны капитализма принялись переделивать мир, началась Первая мировая война, ты, Ваня, ещё и не родился. Но призрак, на пару с войной, довели дело до революции, как тебе и нам говорили, Великой, а теперь её переименовали в Октябрьский переворот. Важно то, что империи начали рассыпаться. Австро-Венгерская-таки совсем, а Российская, в принципе, устояла, только Польша с Финляндией откололись.

— Знаете, для меня это большая историческая загадка, — вмешался в рассказ КА, — огромная, плохо управляемая страна, с такой массой противоречий, выдержала смену системы хозяйствования, массу национальных конфликтов и сохранилась тогда, не развалилась. Никакая федеральная Красная армия не смогла бы сдержать центробежных сил, оказалось, крепко сшито.

— Пожалуй. Вот, к примеру, Скоропадский, он был, Ваня, во главе украинского движения к своей собственной стране в 1918 году, он же был царский генерал — и вся государственность прежняя ему была близка, и немцы — тогдашние оккупанты, в принципе, были не против. Если бы не немецкая революция, они бы задержались, может, и построил бы последний гетьман украинское государство по своему разумению.

— Кстати, в восемнадцатом году Вернадский легко убедил его, то есть Скоропадского, что в своём государстве нужна своя Академия наук, как в Москве, Питере или Париже.

— Вместе с немцами пропал и Скоропадский. Появился Петлюра, казалось бы, со всеми атрибутами национальной государственности, да, похоже, планировал создать нечто по уже устаревшим моделям. Утвер-

дилась тебе, Ваня, известная советская власть, модель совершенно новая, в чём-то интересная, но, блин, довольно идиотская, хотя понятно это стало не сразу. Но за Польшей осталась большая часть земель, где жили украинцы, которые недавно считали себя подданными Австро-Венгерской империи, где, кстати, национально-культурный климат был довольно либеральным. Поляки же считали, что пришли-вернулись дохмельницкие времена.

— Вот на этой почве и сложилось там национальное движение, одним из лидеров которого стал Бандера.

— Но Москва своих идей вернуться к границам хотя бы 1917 года не оставляла и в 1939 году, сговорившись с Германией, где уже расцвёл нацистский дух, Советский Союз вернул территории Западной Украины и Беларуси, отвоевал то, что было некогда частью империи. Народу оповестили, что наконец-то справедливость восторжествовала. Но Бандера сотоварищи свои планы не оставлял, планы автономного государства, поэтому перед началом войны Германии с Союзом вёл переговоры с немцами о помощи в этом деле. И таки, в 1941 году, когда уже пришли германские войска, эти революционеры объявили о создании своей республики. Немцы на этот раз не одобрили идею, посадили по тюрьмам и лагерям, Бандеру в том числе. Но всех не посадили, появились партизанские отряды, воевали с немцами, понятно, за свою землю, а когда пришли войска советские, продолжали воевать, опять же, за свою землю.

— Ага, я понял, — сказал Ваня, — стал он врагом и для тех, и для других.

— Да, и любой федеральный или имперский центр на таких сепаратистов смотрит плохо. А все эти обвинения в сговорах, переговорах, избыточная, как они считают, приверженность своему, национальному, всё это просто инструменты макияжа, для создания полноценного образа врага, относительно большого Целого, от которого кто-то хочет отхватить Кусок.

— Что-то мы вышли за рамки пятнадцати предложений, — Мишка опять взял инициативу в свои руки, — однако надо продолжать, история ещё не вся. Так вот, в сорок пятом Вторая мировая война закончилась, Европу перекроили по разумению победителей, Союз выплачивал военные долги Штатам, Штаты давали деньги Европе, в соревновании капитализма и социализма, в области развития простой жизни, а не полётов в космос, капитализм явно выигрывал. В конце концов, в 1991 Советский

союз как Союз перестал существовать. Тридцать с лишним лет Украина, уже отдельное государство, сотрудничала с Россией, поглядывая на Запад, но в 2013 году завязался крепкий узел. Страна-то немаленькая, на западе её — память о древней Австро-Венгрии и Бандере, на востоке — о Союзе Советов. Наступил — Майдан, революция. А Россия не дремала, в революционной суматохе отхватила Крым, а когда конфликт на Донбассе перешёл в фазу антитеррористической операции, стала военным образом поддерживать сепаратистов.

— Подожди, мы про это уже говорили, — вмешался КА.

— Да я помню, но для стройности изложения можно повторить. Так и тянулось годами (страшно вспомнить): переговоры, соглашения (даже Запад вяло пытался конфликт, который из внутреннего реально превратился в международный, уладить), а война на Донбассе продолжалась. Чтобы надёжнее закрепить Крым за собой, россияне построили мост через Керченский пролив. Что-то послужило толчком, непонятно что, но стали в тучу собираться на границе танки и пушки, никто не верил до последнего, но в феврале 22 года танки эти границу перешли. Вот уже четвёртый год война, приличный кусок земель украинских под оккупацией. Формально, если сформулировать причины своего нападения, Россия объясняет так: Крым получила Украина незаконно, а это наши деды-прадеды у турок его отвоевали, мало ли, что Хрущёв Украине его подарил, на Донбассе говорят по-русски, значит это наши люди, мы их защищаем, Бандера с немцами-нацистами договаривался, значит вы все такие, его идей наследники, надо вас перевоспитывать, и вообще, у вас правительство неправильное, вы в НАТО хотите, значит собираетесь на нас напасть, да мы вообще защищаемся, а не нападаем. Вот такие аргументы.

— Ерунда какая-то, — Ваня призадумался, — соседи же, надо было как-то договариваться.

— Договариваться можно, когда обе стороны считают себя равными, Россия ж думала за пару дней порядок навести за забором, у нерадивого безалаберного соседа, как они думали, да не получилось. За четыре года не получилось, да и вряд ли получится вообще.

КА часто размышлял как о причинах, так и о следствиях всего этого. Блаженны, кто воспринимает информацию из одних ворот, уверенно и не задумываясь! Хорошо, что здесь, по эту сторону фронта, хотя бы мотивация была очевидной: пришёл непрошенный гость, к тому же, ведёт се-

бя недопустимо отвратительно, надо его выгнать. Да, это всё хорошо, но как сформулировать причины войны так, чтобы была правда, не кривя душой и не боясь? А где эта правда? Есть не правда, а мнение, точка зрения, или есть-таки правда? Как сказал когда-то В. Ленин, «практика — это критерий правды»! Возьмём как практику долговечность социума, тогда, если Римская империя просуществовала десять веков, а Союз Советов всего семь десятков лет, то рабовладельческая правда более правдива, чем социалистическая?

— Знаете, с этой, что Михаил представил, версией истории можно в общих чертах согласиться, но вот я предложу ещё один вариант для размышления. У нас в микрорайоне, ещё со времён Майдана, сохранился такой народный самодельный мемориал. Витрина из старых оконных рам, пластиковая строительная каска, которой бастующие шахтёры любят стучать об асфальт, выцветшие портретики героев Небесной сотни, а кроме того, щит-плакат небольшой с датами истории страны, от времени не пострадал, некая вполне добротная печать, часть какого-то тиража, очевидно. Я сфоткал, могу зачитать, в сравнительном плане, относительно изложенной версии:

«XIX-XX століття — Багаторазові хвилі еміграції
1914–1918. Перша світова війна
1917–1937. Братовбивство і репресії
1932–1933. Голодомор — геноцид
1939–1945. Друга світова війна.
1946–1947. Розруха, голод
1979–1989. Афганський надлом
26.04.1986. Чорнобильська атомна трагедія
1985–1991. Перебудова, зубожіння, розпач
2004–20014. Боротьба за справедливість, гідність і єдність
Боже, Україну збережи!
Слава Україні!»

— Как тебе, Мишка-историк, такая версия?

— Что ж, даты, в целом, правильные. Я только не пойму одной вещи: вся история как тёмная туча, а народ ведь жил, создавал, радовался, любил, размножался. На полях пшеница колосилась, а сахара сколько вырабатывали! Ну, не может история целого народа выглядеть как чёрное облако. История сама акцентов не расставляет. Кроме того, человеческая история всегда оптимистична.

— Вы знаете, — вступил в разговор Валентин Абрамович, только думали пригласить, а он уже и тут, — меня всегда в истории как-то удручало отсутствие связей её с географией. Ведь все эти границы государств, на планете, на глобусе, они либо случайны, либо на такой замешаны политической неразберихе, что и концов не найти, а историю пишут именно для таких неопределённых образований. Хотя, строго говоря, каждая граница есть функция взаимодавления двух субъектов, которые эта граница и разделяет.

— Как жаль, и как хорошо, что историю не переделать, не изменить, — вставил КА, — представьте себе, если бы можно было вмешаться! Постфактум. Вот, если бы вам дали такую возможность?

— Я бы в первую очередь, — сразу откликнулся Мишка, — надавил бы на Трумэна, чтобы он отказался от бомбёжек Хиросимы, повернул бы его мозги. А ещё, вдруг Путин проиграл бы выборы, посчитали, посчитали, нет, говорят, не набрал голосов.

— Ну да, и пришёл бы к власти Зюганов!!! Хи-хи. Это бы как-то изменило кардинально политический пейзаж России?

— Знаете, переехав в Израиль, не думал, что придёт время так часто задумываться о бывшей моей стране, — ВА, было видно, хотел высказать что-то много раз обдуманное, — Я же большую часть жизнь прожил в России. У меня сейчас, хоть я уж давненько не там, огромное чувство вины. Множество людей, с которыми был связан, я их перебираю, как в картотеке: те с нами, а те поддержали войну, и тогда мне больно за всё это. Казалось бы, далеко, своих войн хватает, а душа болит. За тот же Бибиковский бульвар.

— Бибиковский, Приморский, Монпарнас — все они заслужили мирных вечеров, — Мишка сказал задумчиво, будто все эти локации прямо стояли перед ним, в лучах тёплого летнего вечера, — а, скажите, есть ли надежды? На какую-то смену парадигм, общего уклада жизни, в этой самой России? Так бы, чёрт с ними, хай живут как хотят, но, как оказалось, от их мозговых сдвигов зависят наши вечера и тёплые летние ночи. Недопустимо глупо не учитывать внешние климатические факторы.

— Я, знаете, всегда в подобных предположениях и прогнозах, — сказал ВА, — сетую на Некрасова, толку-то в этих прогнозах, если вот жить в эту пору прекрасную… Но всё равно, немного радуют эти предположения. Знаете, хочется верить…

— Вы о чём, — спросил КА, — о каких-то конкретных прогнозах?

— Не совсем о прогнозах, но, скажем так, предчувствиях. Хорошая сентенция попалась мне у Герцена…

—Того, что «Былое и думы»? Средина XIX века?

— Ну да, вот: «… немецкой работы китайские башмаки, в которых Россию водят полтораста лет, натёрли много мозолей, но, видно, костей не повредили, если всякий раз, когда удаётся расправить члены, являются такие свежие и молодые силы, — он грамотно, как публицист, добавил: — Это нисколько не обеспечивает будущего, но делает его крайне возможным».

— Ну и что, — парировал Мишка, — исторически, в историческом времени, следующим моментом «будущего» была революция, потом гражданская война. Ленин, это что — свежие и молодые силы?

— А я подумал, какова сила удачной метафоры, — заметил КА, — «немецкого пошиба китайские башмаки»! Супер! Несколько слов — и вся подноготная целой страны!

— Да, специфические башмаки ведут к специфическим мозолям. Притча о сове и глобусе. — ВА заметил в задумчивости. — Вот Герцен, или там Быков, уповают на «свежие молодые силы», а куда им идти, к какой модели? Смотрите, столкнулись две силы в этой войне: за агрессором — неправда и неправильная модель устройства, за жертвой и её поддерживающим, получается — правильная?

— Чёрт с ней, с моделью, — воскликнул Мишка, — хай живут по любой модели, нравится им китайский падишах, хай и радуются, главное, чтобы не бомбили соседей!

— Так-то так, принцип невмешательства, только как раз от этой самой модели и зависит, будут бомбить или нет.

— А, Вы, Валентин Абрамович, правильно подметили этот дуализм. — КА нащупал какую-то цепочку, связи, — Дуализм оценок. Мотивация насилия, объективного зла оказывается многоликой, разнообразной, во всяком случае.

— А тут простая формула, вполне даже логичная, — Мишка предложил свой вариант дискуссии, — жертва агрессии не совершала бы военных преступлений, если бы агрессор не совершил то, что совершил — акт агрессии. Кто виноват в бомбардировках Дрездена? — Гитлер! И это справедливо!

— Я бы выделил концепцию системы «агрессор-жертва» в отдельную проблему. Если отбросить эмоции, хотя бы на время анализа, — ВА почувствовал, что появился новый тренд дискуссии, — понятно сочувствие к жертве и осуждение агрессора, но не дорого ли обойдётся всей системе этот самый дуализм. К примеру, тут, в Европе, страны Балтии, очевидно, что жертвы пакта Молотова-Риббентропа, полвека потеряли, могли бы давно жить совсем в другом мире. Однако, конкретный русскоязычный в Латвию попал, пусть и вследствие пакта, но в этом он не виноват, а гражданином не считается, в своей стране. Лакуны в принципах демократии подтачивают саму идею демократического союза, Европейского. Рано или поздно это выплывет наружу, как проблема уже системная. Пренебрежение принципом системности чревато для самой системы.

— Знаете, вы интересно провернули вопрос, — неожиданно появилась Татьяна.

— Слушай, я вижу, ты совсем забросила своих гадов, вопросы культуры и языка тебя больше волнуют, — заметил КА.

— Может, — заметила Татьяна, — это следствие странного парадокса: человек, простое млекопитающее, переходит из материально-энергетического мира в мир информации, а прочие *маммалия*, вместе с рептилиями, артроподами, вирусами — нет.

— А что за парадокс? У них, очевидно, нет души?..

— Я хотела спросить, почему Европа, как декларирующий себя центр демократии, озабочена ракетами и никак не озабочена вопросами соблюдения Хартии о языках меньшинств? Вы, Валентин Абрамович, совершенно правы: изъяны в одной части системы чреваты последствиями для других частей и для всей системы.

— Я думаю, что этому самому системному мышлению сильно вредит принцип приоритетов, мол, сейчас главное — победить, выиграть войну, а там разберёмся и с демократией, и с вопросами языков и культур. Только системный вопрос и говорит, что войны-то и проистекают из этих самых верных или извращённых взглядов на культуры, языки, дружбы народов.

КА подумал о зигзагах всех этих бесед. Какие-то штрихи жизни, что всегда там-сям встречаются, то в разговорах, то в прочитанном, то в сетях, они из мелких сосудов вдруг превращаются в какую-то пульсирующую вену. Прочитал где-то, как в каком-то одесском театре… Опять кто-то что-то не так сказал, не в той знаковой системе. А что подумал?

Письма

Большое дело — привычка! Глаз привыкает к определённому сорасположению вещей, что можно называть «порядком». Если вы думаете, что порядок — это, в первую очередь, регулярное расположение предметов, явлений, как клетки на шахматной доске, то это не вся правда о порядке. Если пойти от обратного, то энтропия — отнюдь не показатель хаоса, а показатель изменчивости, движения, непостоянства. Понятно, клетки на доске неподвижны, Е2 всегда рядом с Е3. Но вот появились фигуры, позиция первая: чёрные против белых, две шеренги. Порядок! Но вот первый ход, Е2–Е4, порядок нарушен — и всё пришло в движение… Но конь, как известно, ходит буквой Г, здесь свой порядок. Сколь беспорядочно расставлены фигуры в средине партии, с точки зрения незнатока, и сколько скрытого порядка видит в этой суматохе гроссмейстер! Короче — представление о порядке сугубо субъективно. Так размышлял КА, поглядывая периодически на балконный стол, который служил местом концентрации всего. Он был далёк от планов навести порядок — и это далёкое расстояние никак не сокращалось. Кроме того, одной из предпосылок отсутствия порядка всегда выступает количество: чем больше предметов и явлений, тем меньше вероятность того, что их взаиморасположение будет рассматриваться как порядок. Но увеличивается вероятность находок давно забытых вещей.

КА выдвинул шуфляду стола, которая открывалась Бог знает когда, и уже давно забыто — зачем. Какая-то пачка, бумага стала рыжей от времени. Вот тебе раз, это же письма, старые письма. Среди прочих — знакомый почерк и давно забытый обратный адрес. На конверте остался, а улицы больше нет (хотя, кажется, сохранился асфальт, но окружение уже не то). Улица спускалась на большую площадь, а около площади недалеко был пруд. Тогда вида улица была совершенно деревенского, вся в огромных кустах сирени. И странную дружбу наблюдала эта улица. Странная дружба. Никогда потом в жизни у него не было такого друга-женщины. Была дружба, впрочем, не такой уж долгой. Может быть, и жаль. Конечно — жаль.

КА достал два листа бумаги из пожелтевшего конверта, даже, показалось, услышал голос: она всё рассказывала и рассказывала — и так много было историй разных, наблюдений и обобщений.

«В райкоме по средам собирается «Комсомольский прожектор» районного комитета ЛКСМУ, членом которого я состою. Поскольку в среду у меня занятия, то на рейды ходим мы по субботам. Поэтому свободны целиком только воскресенья.

На выставке, посвящённой 50-летию ВЛКСМ, к сожалению, не была, кроме как в зале на Красноармейской».

Тут возник Гриша, с сообщением, что как раз на этой выставке его работы сильно хвалили. КА ему ответил, что, конечно, выставки этой не помнит, но в своё оправдание заметил, что ходил на все выставки регулярно. Благо, это было несложно, ибо было их не так много, точнее — мест выставочных. На Красноармейской был зал, вернее, целый комплекс залов, да около Октябрьского дворца некое сооружение, тоже зал. Не было тогда никаких галерей.

Вот как интересно получалось: между адресатами можно было проехать на 38 автобусе, не более 20 минут, а писали письма друг другу, как в XIX веке. А темы были простые: про жизнь. Наверное, в своём письме КА выразил некий скепсис относительно праздников и демонстраций. Получил развёрнутый анализ впечатлений с другой стороны:

«А на праздник я буду идти в колонне демонстрантов, кричать «Ура!» и смеяться. В этом ты совершенно прав. Ты вот едешь на праздники домой, к родителям. А мой дом — Киев, куда мне ехать? Единственный мой дедушка не живёт больше в деревне, куда в детстве я ездила летом, теперь живёт с нами. А другие родственники живут в разных городах и сёлах, но с какой радости я вдруг поеду к ним на эти четыре праздничных дня? А праздники я предпочитаю проводить дома. Если хочешь знать, у меня уже выработался лёгкий условный рефлекс, связанный с праздниками. Ты, наверное, сразу после школы поступил в университет, ты не работал. Вам, студентам, особенно приезжим, странно ходить на какие-то там идиотские демонстрации и кричать заученные лозунги, и махать руками в отрепетированных движениях. И вы всякими способами стараетесь отвертеться от этого дела. Студенты вообще считают дураками тех, кто ходит смотреть на демонстрации, тем более, в них участвует. Смотреть — не очень интересно, я согласна, но быть участником…

Когда я училась в школе, довелось только раз участвовать в демонстрации. Нужно было только 30 человек, но желающих было много больше. Выбрали самых-самых, конечно, и меня. И мы должны были

скандировать: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!», а лозунг этот, по моему тогдашнему мнению, заслуживал того, чтобы его орать во всё горло, что мы и делали».

КА остановился. Как забавно читать это через много лет! Интересно. Но в чём, собственно, этот интерес? В том, что дети кричали, как оказалось, неправильные лозунги? Но это же не новость. Чем это отличается от похожего лозунга «Христос воскрес!»? Многим, в разные эпохи, и этот лозунг считался неправильным. Стал читать дальше.

«И было весело! Пока дошли до Крещатика, перепели все песни. Причём, у нашей школы были самые громадные и самые алые маки! По десять штук у каждого. Но больше всего мне нравилось участвовать в параде физкультурников, я занималась лёгкой атлетикой. Рано-рано, до 8 часов, мы должны были собраться у стадиона «Динамо». Хотя нам выдавали пропуска, пропуском была наша форма. Гостиницы «Днепр» не было ещё, а что было на этом месте — не помню. Улица вся запружена танками и всякой техникой для военного парада. Солдаты ходят, охраняют. Мы одного окружили и стали водить вокруг него хоровод. Нам разрешали трогать автоматы, но в руки не давали, говорили, что заряжены. А в 10 часов солдаты и техника уходили на парад. Мы оставались и играли в «ручеёк», который был метров 100. Однажды с нашей группой рядом были 15 республик — девушки из консерватории, одетые в национальные костюмы братских народов. Они пели украинские песни. А ещё — форма, мы же все были в одной форме — белые свитера и куртки, легкоатлеты были в голубом. Эта форма как-то нас сплачивала и объединяла. Особенно на репетициях: до праздника ещё далеко, а мы по вечерам, бывало, и до полуночи маршируем по пустому Крещатику.

С тех пор прошло добрых лет семь, но я помню всё. И вот я уже пятый год работаю на своём заводе. И каждый праздник для меня — это и муки, и радость. Не знаю, как вы там в университете готовитесь к празднику, но знаешь, что такое убрать к празднику механический участок цеха? Из грязного, замасленного становится чистым: всё вымыто, вычищено, выскоблено. На выбеленных стенах красуются праздничные лозунги, в углу алеет монтаж, посвящённый 100-летию Ленина, на противоположной стене монтаж к Октябрю. На дверях праздничные поздравления, в лучах света из окон, которые мы выдраили. А пол асфальтовый выметен, а потом посыпан белым песочком, но не просто так, а высыпано «Да здравствует Великий Октябрь!».

— Тут, по-моему, попахивает какой-то оруэлловщиной, или кимир-сенщиной, — встрял Мишка.

— А ты чего подглядываешь через плечо? Это же мне письмо было.

— Ты так громко и растроганно думаешь, что я не мог не вмешаться. И, потом, это уже, за давностью лет, не частная переписка, а свидетельства эпохи.

— Пожалуй, но к свидетельствам любой эпохи надо относиться с уважением просто потому, что они были, как эпохи, так и свидетельства. К тому же это заставляет отказаться от доминантоцентрического определения эпохи.

— Это что за подход?

— А как в экологии. Один из рабочих принципов — называть сообщества по доминантам. Например: лес ДУБОВЫЙ, что означает, что доминирующим видов в данном случае выступает дуб. А может, надо делать ударение на другом? А именно — ЛЕС дубовый. Дуб один не живёт — и все, большинство, скажем, видов также важны.

— Тогда что, всем известная сталинская эпоха — совсем не сталинская?

— Совершено верно, Сталин — всего лишь маркер эпохи. Скажем так: эпоха социалистического абсолютизма. По Оруэллу этот убранный цех с лозунгами на полу близок к «скотному двору», но почему бы не навести порядок на рабочем месте, хотя бы раз в году? Вполне можно предположить, что сам Оруэлл в детстве мог радостно кричать: «Наш король — самый лучший король в мире! Ура!». Особенно в толпе единомышленников. И, скорее, без всякой задней мысли.

— Да, но почему-то в Германии в 33 году тоже ходили смотреть парады, и кричали радостно «хайль»! А потом — доходились. Думаешь, надо предполагать, что все, кто ходит на демонстрации и смотреть на парады, всегда склонны к агрессии или оправданию агрессии? Межу карнавалом в Рио и первомайской демонстрацией в Москве какое различие?

— На карнавал все идут по велению сердца, праздника хотят, а на демонстрацию ходили по разнарядке от райкома, но ходили и за праздником. Вот, читаем дальше свидетельство эпохи:

«После уборки и проверки комиссией цех опечатывают, и мы идём в столовую, где на премию, данную цеху за первое место, уже накрыт стол — и мы торжественно отмечаем начало праздника. А потом будет торжественный вечер — и будут поздравления, грамоты, будет концерт самодеятельности. Я буду танцевать!».

— Чем тебе, Мишка, не карнавал? Вот у тебя батя военный был, ты что, в Дом офицеров на праздники в красном галстуке не ходил, не приветствовал славных военных?

«Это всё приготовления, а сам праздник так я представляю: я иду в колонне демонстрантов и кричу «Ура!». Потом, часам к 19 еду с ребятами на Крещатик, «на салют». Салюты бывают часто, раз двадцать в год. Но праздничный салют — это совсем другое дело. Если ты не видел вечернего праздничного Киева во время салюта — ты ничего не видел! Отменяется движение на Крещатике, музыка, весёлые лица, танцы, и над всем этим весельем праздничной толпы — зеленеющее небо от вспышек салюта. И я брожу одна в этой толпе. Там попою, там потанцую. То слышны «Подмосковные вечера», там «Києве мій», а там «Ша-ла-ла», а там водят хоровод. И желающих так много, что не хватает ширины Крещатика — и тогда получается два хоровода, один в другом. Огни, улыбки, музыка, смех. Эта карусель кружит меня до двух часов ночи. Прихожу домой и валюсь с ног. Это и есть для меня праздник. В следующие дни я хожу на праздничные вечера во Дворцы культуры, в театр или кино. Но седьмого ноября меня не троньте, у меня праздник! Поздравляю и тебя с праздником!».

Эти старые письма. Не мог он их читать отстранённо, как «материал» для бесед, рассуждений и обобщений. Письмо от правоверной комсомолки, но это же была дружба, в конце концов, сам был более или менее правоверным, во всяком случае, линию партии не критиковал. Чтобы критиковать, надо что-то иметь за душой, в противопоставление. У него, как и у каждого, была какая-то модель прекрасного устройства мира, но не было уверенности в её работоспособности. Где искать для проживания благоприятные эпохи? Некоторые пытаются их творить самостоятельно, но, как правило, получается хреново. И как правильно жить в неблагоприятных? И потом — тот день, в котором мы живём, это совсем не эпоха, это просто жизнь. Но каждый день — это отрезок времени, в котором что-то должно происходить.

— Ты, знаешь, Мишка, если поведение человека, как отражение его образа, можно сравнить с климатом, то отдельные поступки — это погода сегодня или завтра, климат этот складывается годами, как усреднённый образ прожитых дней и отдельных поступков. Непросто бывает соотнести вот этот климат с его весьма разнообразной погодой, бытовухой. Ведь, сочиняя свою сказку про животноводческий двор, анимальный кол-

хоз, Оруэлл как бы делал слепок с нашей социалистической жизни. Если посмотреть со стороны, поверхностно, то вроде сатира в точку. Но, глядя изнутри, с территории этого самого «скотного двора», усматриваешь детали, которые утверждают: погода бывает разная, хотя климат действительно — говно.

— Мне не нравится современный сарказм, с которым умники произносят: «Не всё так однозначно!». Это хорошая у тебя метафора, про климат и погоду — неоднозначность, иерархия оценок в самой сути явлений, ибо большое, если оно живо, состоит из деталей, связанных частей. Кроме того, для изучения целого форма важна, инструменты, скажем так, микроскопы и телескопы, чтобы изучать как микробов, так и галактики. Как по мне, Войнович со своим 2042 годом сильно далёк от Босха, с его истинно трагической живописью.

— Я вот пытаюсь понять взаимодействие частей и целого на примере наших дней — государство, ихнее, ведёт войну, совершает акт агрессии, а люди ходят на работу, в кино, на свидания. Но государство это и есть люди. Так кто ходит в кино?

— Они не только ходят на работу, они платят налоги, некоторые, чтоб подзаработать денег, воюют. Одни молчат, другие поддерживают, так машина государства и складывается, механизм есть, работает. А ты вспомни, не маленький ведь был, припёрлись в Афганистан, чёрт-те знает, зачем, ты что, как Сахаров, вышел на какую-то трибуну, сказал: «Нет войне!»? Тот вышел, помню его выступление на каком-то съезде, нет, чтобы сказать: «Предлагаю поставить на голосование съезда вопрос об осуждении и прекращении войны!», начал проповеди читать. Кому?

— Чего голосовать, они же, весь зал, и проголосовали, ладонями же — захлопали, да так, что старику пришлось с трибуны слезть.

— А что, все письма от этой твоей подруги были в таком комсомольском стиле? Что ж вы с ней там обсуждали? Впрочем, жизнь всегда разнообразна.

— Нет, конечно, письма были разные, простые, лирические, умные, надо сказать. Да вот и она сама. Ты, Мишка, пойди погуляй, хорошо?

Вот она какой стала! Почти полвека не видел.

— Постой, Полина, если вы с Мишкой вместе появились, значит, и ты тоже…

— Да, ковид оказался сильнее, да и почки давно пошаливали. А я тебя время от времени вспоминала, письма твои, неразборчиво напи-

санные, иногда перечитывала. А письма-то были очень пёстрые, в смысле, то очень интересные, а то просто для отписки. Сразу было видно, что ты человек долга — если девушка пишет тебе, ты должен ответить.

— Я думаю, мы могли бы переписываться всю жизнь, как друзья. Но тогда я хотел не этого, ты бы стала, наверное, хорошей, заботливой женой, но как об этом было говорить, если мы ни разу толком не поцеловались?

— Да ты как-то пробовал, но меня это не вдохновило.

— Обижаешь, а другим-то нравилось.

— Чего-то мне тогда не хватало в жизни такого, что тянуло бы меня к тебе, как к мужчине. Вроде всё было так насыщено — работа, хоть и на заводе простом, занятия, мечта поступить в университет, друзья, даже «Комсомольский прожектор». Всё это было в сплошной круговерти насыщенной жизни. Тебе, кроме как слушателю и читателю, места не было.

— Может, ты этим прожектором простые гормоны ущемила?

— Не знаю, всего так много было, а потом как-то вдруг образовалась пустота. Раньше я каждое дело, за которое бралась, любила. Завод свой любила, кружки самодеятельности, друзей, даже в райком комсомола приходила по любви. Знаешь, на четвёртый год моего поступления в университет, когда я забирала документы, мне одна такая пожилая тётя из приёмной комиссии сказала: «Милочка, если вы хотите на исторический, хоть бы и потом просто учить детей в школе истории, надо не на заводе работать, а в райкоме, в органах…». А я думала, что важно знать всех царей поимённо да полторы тысячи дат исторических.

— Как это здорово — высыпать песочком по полу большими буквами «Слава Октябрю», не задумываясь о некоторых нюансах. Я вот думаю, ведь такие энтузиасты, как ты, хоть наивные, но честные — это же клад для власти, для покладистого социума. Чёрт его знает, на что эти власти во все времена рассчитывают, на кого опираться хотят? Какой-то патологический недоспрос на нормальных людей, причём, во все эпохи. Может, это специально эволюцией социума устроено, чтобы не засиживались — окружают себя всяким дерьмом, потом всё рушится, даже удивиться не успевают. Про дерьмо — это не про от всей души посыпанный песочек, это про тех, которые от этого песочка жили, причём, неплохо.

— Я всё равно историком стала, потом в Исторический музей устроилась работать, отдел феодализма, самый интересный период. В конце концов своего добилась, но с заводом пришлось расстаться, зато полюбила музей.

— Да, с феодализмом проще, что было, то прошло. Вот проблемы с новейшей историей! Не успеет народ и учёный люд врубиться, что это было, как уже оказывается, было совсем не это и интерпретировать надо вот так. Слушай, ты так красочно описывала праздничные толпы, наверное, в 2013 году ты сразу же очутилась на Майдане? В гуще этой самой истории.

— Знаешь, не сразу. Я позитивный праздник люблю, а здесь стоило подумать. Есть магия многотысячной толпы. Не просто понимаешь умом, что ты не один, а чувствуешь себя, наверное, так, как нервная клетка в мозге — вроде индивидуальность сохраняется, но как-то уже теряет смысл. А индивидуальность должна сохраняться, иначе мозг — не мозг.

— Подожди, то ты радовалась Великому Октябрю, теперь Великому Революционному Майдану, ты не видишь противоречия? То радостно на демонстрации мимо памятника Ленину, то верёвками обмотали и свалили? Памятник, кстати, хороший был.

— А мне памятника жалко до сих пор. И, потом, эта психология талибов — помнишь, они взорвали одно уникальное изваяние Будды? — мне, как историку, не близка.

— Vox populi совпал с vox potentia. Я полагал сразу, как ты появилась, что услышу от тебя упрёки, чисто по-женски, я иногда сам задумывался, почему бы и не сложиться нашим отношениям, какой-то небольшой, но важной вещи не хватило. Мы и сейчас от лирики перешли к политике, вернее, к новейшей истории. Тут есть один товарищ, тебе, может, интересно будет познакомиться. Вот, знакомься, мой старый друг, пожалуй, был шанс познакомиться ещё тогда.

— Михаил.

— Полина Ивановна, очень приятно. Мне кажется, КА рассказывал о вас, вы вместе увлекались походами и рисованием.

— Да, давно дело было. Извините, чтобы не было недомолвок, мы обсуждали ваше старое письмо, простите, это не очень корректно, но как-то мне показалось, что вы похожи на недалёкую восторженную комсомолку двадцатых годов, в красной косынке. Сейчас вижу, что ошибся.

— А что вы имеете против этого образа? Одухотворённость, мечта — поди знай, что через сто лет будут некоторые историки, от цеха инженеров душ общественного мнения, доказывать, что они, эти комсомолки, были вообще ошибкой, вроде трилобитов, к счастью, вымерли. Знаете, косыночку можно и снять, если она для вас вроде символа револю-

ционного максимализма. Любого, особенно в молодости, может покоробить предложение, хоть в явной, хоть в неявной форме сотрудничества с властью, однако, компромиссы возможны. Как активного кадра в райкоме меня поддержали, и рекомендацию дали, поступила. А компромисс был в том, что вернулась, уже с дипломом, к своему феодализму. Тем более что, как показали правильные исторические исследования, угнетающая феодальная сила была не местная, а со стороны разнообразных географических соседей. Феодализм в условиях колониализма. Но все эти нюансы профессии как-то проходили мимо, я просто любила всякие исторические артефакты: мантии там разные, иконы, мечи. Ну, как, например, биолог восторгается красотой разнообразных насекомых.

— Но, погрузившись в феодализм, на сегодняшний день глаза не закроешь. Не дадут события. Вы, как историк, вообще, верите в целесообразность революций? В историческую их ценность.

— Вопрос интересный, — подал голос КА, — я думаю, если бы революционный путь развития был эффективным, то вся история биосферы состояла бы из одних революций. Однако преобладали медленные эволюционные процессы. Я думаю, и для человека важнее всего определённая стабильность бытия.

— Пропаганда брежневского застоя? — спросил Мишка, всем своим видом показывая, что для него этот вопрос решён.

— Почему же? Стабильность и застой — это разные вещи, стабильность может быть динамичной, а застой — всегда болото. Понимаете, что спокойная эволюция, что революция, всё равно, требуют затрат энергии. Только в спокойном эволюционном процессе эта энергия расходуется экономно, более или менее контролируемо, в революционное время — как при взрыве, осколки летят невесть куда, и цель их — разрушение, а не созидание.

— Так вы считаете, что Янукович мог бы постепенно, эволюционно вывести страну к светлому будущему? — это Полина Ивановна вступила в разговор.

— В том-то и дело, что это в революциях могут худо-бедно проявляться какие-то пассионарии или антипассионарии, эволюцию же творят массы, хоть динозавров, хоть людей. Причём, не мне тебе, Полина, рассказывать, что, как правило, в истории большинство прежних пассионариев на поверку оказываются если не полным говном, то близко.

— Мне кажется, может я и ошибаюсь, — Мишка заговорил, подперев в раздумье голову кулаком, — что сегодняшняя война показала вполне, что вся эта причина бурных перестроек, скажем так, начиная с 2013 года, была всё-таки достаточно преждевременным шагом. Экономический союз, безусловно, свои плоды приносит Европе, но насколько рыхлой и неустойчивой, неэффективной оказалась политическая основа. Да и экономика, заточенная на потребление. Ракеты нужны сейчас, а не после — дебатов, согласований. Как ни парадоксально, но, думаю, война сделает нашу страну намного мощнее, поиски гарантов всегда эфемерны, самоукрепление всегда плодотворно.

— Вы знаете, в 1939 году Британия была очень даже за Польшу, но фактически не помогла ничем. А если бы Германия почувствовала эффективное противостояние, может, и Второй мировой не было бы, — заметила Полина Ивановна.

— Пожалуй, в конце 2021 года одной танковой дивизии, хоть бы даже из Польши (надеюсь, у них она есть, одна из многих), под прикрытием авиации Голландии, где-то под Сумами, а второй на белорусской границе было бы достаточно, чтобы сесть за стол переговоров, — высказал предположение Мишка.

— Ну да. А третьей — под Мелитополем и так далее. Что теперь говорить, — КА почувствовал, что начал уставать от разговора. — Ты забыл, что тогда шёл уже не первый год войны на Донбассе.

— Знаете, мне кажется, — Полина Ивановна вздохнула, — что, хоть и все знают, что история никого ничему не учит, но всё же позволяет смотреть в будущее с оптимизмом.

Растаяли образы, за окном был вечер, КА встал из-за стола, чтобы сдвинуть занавеску, а то солнце, садясь за дальней полоской городских домов, светило прямо в левый глаз. Даже хотелось отгородиться ладонью. Такие высокие деревья, подумал он, а вижу их сверху, эти кроны, они имеют такую сложную структуру. Ещё его поражало то, что все эти ветки могли быть просто паутиной, а вся жёлто-зелёна масса потом появлялась из ничего. Добро бы, в этих ветках были спрессованы листочки, которые бы, как крылья бабочек из куколок, вылезли бы наружу и наполнились каким-то внутренним давлением. Нет же, их просто не было, они непостижимым образом были созданы из углекислого газа, воды, каких-то там элементов. Чтобы поглощать солнечную энергию, чтобы передавать её разным гусеницам и жукам, чтобы осенью умереть, раствориться

до этих самых элементов. Хорошо жить на высоком этаже (конечно, если исправно работает лифт), да ещё, если окно выходит на сторону, где садится солнце. Пришло в голову, что Маленький Принц поступал, может быть, не очень рационально, переставляя стул, чтобы продлить созерцание заката на своей планете. Надо было просто подниматься на этаж, потом на следующий. Возможно, переставляя стул, Принц сетовал на Сказочника, который не снабдил его планету хоть бы небольшим небоскрёбчиком. Много раз КА, возвращаясь почти в тёмных дворовых сумерках домой, поднявшись на свой четырнадцатый этаж, и входил в квартиру, ещё залитую солнцем, хотя уже и низким, не горячим. Впрочем, что он знал об особенностях высотного строительства на малых планетах? Да и вообще, давать советы Принцам бестактно.

Паутина света

Туман. Давно не было такого тумана в городе. КА вышел из подземного перехода от метро и приостановился перед переходом улицы. Туман был очень хорош, вернее, всё в тумане: голые ещё деревья, с чёрными ветками в капельках дождя, дома, вершины которых, как вершины гор, были спрятаны в тумане, люди, которые шли так, будто это в кино, которое снимали в режиме не 24, а 40 кадров в секунду, вся резкость движений пропадала. Сумерки ползли вместе с туманом, зажглись фонари. Мокрые ветки затеяли свою игру со светом. КА мог рассматривать эти концентрические фигуры бесконечно. И каждый раз в такой вечер, с этими мокрыми ветками, с этими фонарями, он задавал себе вопрос — почему так получается? И всякий раз подробно описывал оптический эффект. Эта разгадка доставляла ему удовольствие каждый раз, будто это было впервые, разгадка после долгих и трудных поисков.

— От источника света во все стороны распространяются лучи — это первое условие. Луч встречает на своём пути поверхность, и потому, что она мокрая, свет отражается, она блестит и сияет. Ярче всего блестит точка, на поверхности которой луч падает точно под прямым углом, чем дальше от этой точки, тем меньше она отражает света, поэтому ярко освещённый отрезок блестящей поверхности ветки имеет некий конечный размер. Вот из этого пунктира мокрых и блестящих чёрточек и создаются концентрические круги вокруг источника света. Вот такой оптический эффект: если между глазом и фонарём в мокрый

туманный вечер присутствует *веточный хаос*, то сам свет организует *упорядоченную картину*. То, что выросло не под тем углом, пропадает, будто его и нет вовсе. Типический дарвинизм, — подумал КА, — отбор из хаоса случайностей. А ещё подумал, что вот эта мысль, про хаос и дарвинизм, пришла в голову действительно впервые. И он обрадовался. И вечеру, и хорошей идее.

Из тумана выползла знакомая чёрная шляпа. Жора, медленно и солидно, как всегда, приближался, на плече всегдашний же, довольно обшарпанный рюкзак. Как всегда, можно не сомневаться, содержащий небольшую библиотеку. Он был учёный, историк и религиовед, писал статьи и монографии, с недавних времён — стихи. Писал научные статьи по-русски, по-украински, по-английски, ещё читал на иврите.

— Здравствуйте, Георгий, куда это вы в такую сумеречную погоду собрались?

— Важное дело, а да, здрасьте, важное дело. В одном арт-кафе на Подоле будет презентация моей новой книги стихов. Кстати, не хотите ли купить? Издатель напечатал как бы задарма, но я теперь должен распространять, чтобы ему хоть как-то компенсировать расходы. Сборище в семь, время ещё есть.

— Так надо было сделать просто электронную книгу, да повесить в интернете.

— Нет, я всё-таки люблю бумагу. Вот, посмотрите, — он полез в рюкзак, достал серенькую книжку: — это же книга! В твёрдом переплёте. А что такое электронная версия? Это просто ничто. Так что, покупаете?

— Да уж надо поддержать автора, почём стоит шедевр полиграфии?

— Двести гривён, переплёт, как заметили, твёрдый.

КА прочитал заглавие, о! да книжка, стихи, на украинской мове! Полез за бумажником.

— Я помню, мы ещё до войны встречались, тоже были стихи. Это авторский перевод или пишите теперь по-украински? Дань историческому моменту или жизненная адаптация?

— А тут оказалось довольно сложно. На русском сейчас хоть и печатают, правда не все издательства, но в магазины не берут. Мой издатель так сформулировал: боятся репутационных рисков. Может пострадать репутация книгопродавца-оптовика, а может и продавец, наверное.

— Ну да, если закон о языке регламентирует соотношение языковое издаваемого, но никак не регламентирует соотношение продаваемого. Я помню, ещё до войны в одной книгарне была табличка на книжных полках: «Обережно!!! Може бути книга російською мовою!». То есть, токсично. Почему — не уточнялось.

— Ну да, сейчас буду делать презентацию, ни одного слова на русском не будет. И что бы я со своей книгой делал, если бы она была на русском?

— То есть, это элемент приспособления?

— Не совсем. Мне как-то интересно стало попробовать не на родном языке писать.

— Вы прямо как Бродский!

— Киев же не Крым, здесь все билингвы, даже если не говорили, то два языка понимали все. Формально мне не сложно писать на украинском, но чувствовать прелесть неродного языка начинаю только сейчас, когда начал писать стихи.

— Ну да, вы же местный, в школе изучали, стихи Шевченко наизусть для уроков учили, «Реве та стогне…».

— Ну да, когда сам начинаешь писать, язык оживает.

— Всё это понятно, рад за вас. Адаптация совпала с творческим интересом, но бывают и другие сочетания, совпадений — несовпадений. Понятно, война, всё, что связано с врагами, отрицается, но началось-то всё раньше. А что другому писателю, неукраинскому, делать? Как при Андропове, втихаря печататься на Западе или, может, на Востоке? Такой писатель может стать внутренним эмигрантом. Как Шевченко в Петербурге.

— Думаю, что всё это утрясётся, — Жора закинул рюкзак за плечи, походя на дальнего неутомимого пешего путешественника, похоже, что он действительно потихоньку начинал спешить.

— Да вас уже устали ждать… Успехов на вашем бенефисе!

КА направился к дому, вот и берёза за углом, и фонарь. Ветки дерева свисали вниз почти вертикально, но всё равно, вокруг очага света кружились пунктиры блестящих веток. Странное отношение метаморфоз со временем, ведь днём хорошо видно, что большинство веток близки к вертикальному положению, а ночью, при фонаре, такие почти все пропадают, и оказывается, что других достаточно для образования окружностей. Мощная сила, оказалось, этот свет. Может, не хватает ка-

кой-то подобной силы, чтобы образовывать красивые фигуры, а может, так исторически и задумано — зачем создавать какие-то сложные формы, если и так большинство свисает себе в одном направлении, тоже ведь какая-то система?

Дома было тепло, и лифт исправно работал уже целую неделю. КА вспомнил неприятные прошлую и позапрошлую зимы. Эти аккумуляторы, самодельные лампы, главное — холод. До чего же неприятно чувствовать, как в неотапливаемый дом через, казалось бы, такие надёжные стены легко просачивается холод с улицы.

Ах, да, надо книжку посмотреть, приобретение. Не просто себе книжка, а от автора. Автор и книжка — тесная связь, но разнообразная. КА пришлось жить в двух эпохах книжно-авторских отношений. Та, давняя, была эпохой полной зависимости автора от внешних сил и оторванности автора от книги, уже родившейся. Теперь другое дело: пиши, печатай, продавай — правда, это, скорее, любительский вариант.

КА открыл книгу где-то посредине. Почитал немного, как он и ожидал, философия была запакована в довольно сложную форму.

Що з того, що кавун
Не вживає каву?
Це ні разу не магія.
Філології з філософією.
Але вщент руйнує
Наші уявлення про життя.

А вот стихотворение про козу. Стоит Мишку позвать, может, с ним порадоваться за автора.

— Вот, посмотри, новые стихи. Про козу, в частности. Прочитаю. Это, надо понимать, не козёл отпущения, а коза отпущения.

Коза[1]
Кізонька відбування.

— Нет, такого украинского слова раньше не слыхал. Интересно, этот образ, козла, в данном случае, козы, это русизм или конвергенция? Почему у разных народов одно и то же животное взяло на себя эти муки — быть в ответе за всё. Кстати, ты не знаешь, в других языках есть аналогичное понятие? И какое животное, например отвечает за всё у американцев?

[1] Из сборника И.Турова.

— Нет, не знаю аналогов, можно прогуглить. Ну вот, странные вещи, в похожих смыслах в английском и испанском животные не фигурируют, в английском — fall guy, что-то вроде парня, который упал, а в испанском вообще мало понятно — cabeza de turco, что переводится как голова турка… Что козёл, что эта голова — интересно, как появляются, а потом закрепляются такие словечки и обороты?

— Сложно сказать, как появляются, но закрепляются, думаю, потому, что делают речь образнее.

— А, вот, попалось, — КА всё ещё листал странички объяснений в телефоне, — fall guy — это от судьбы каскадёра на съёмках фильма — приходилось падать и набивать шишки за других.

— Что ж, очень даже образно. Ну, читай.

Кізонька щиродушна
Несе на собі всі гріхи
Всього людства, бо
Рівність гендерна пере-
Могла…

— Как-то слишком очевидно всё, и по форме не зацепило. Впрочем, насчёт формы я лучше помолчу, никогда на украинском языке стихов не писал. Но я тебе скажу, твой знакомый все же большой молодец, исподволь ты хочешь его уличить в конформизме, мне кажется, что тут сложнее. Такое пришло в голову: вот ты, например, моряк, и год за годом всё таскаешь всякие грузы из порта А в порт Б, но что-то переменилось — новые острова! А они хороши, и хочется их запечатлеть. Для твоего приятеля открылся новый мир, а ты возьми и сам попробуй.

— Чего пробовать, я несколько месяцев назад такой здоровенный отчёт наваял, конечно же, на українській мове. Я не о многоязычии. Помню, как-то принёс тебе книжку стихов, уже не помню автора, кажется, Муромцева, я бы сказал, максимальное доминирование формы, ты дал оценку кратко: «Цепляет». Это, пожалуй, из тех оценок, которые не подлежат анализу. Кстати, новую его книжку в интернете нашёл, в серии журнала «Крещатик», могу прочитать, если хочешь.

— То, что цепляет, стоит почитать.

— Я ещё подумал, а где он сейчас? Он же москвич, правда, в аннотации к книге прочитал, что стал украинским подданным незадолго

до войны. Познакомился с ним на одних литературных посиделках. Эх, больно вспомнить, стихи, новеллы, на балконе покурить, разговоры про издательства да про тиражи. Вот тебе пример, он же никогда по-украински писать не станет, почему же мне его книжку в книгарне не купить? Думаю, что и украинскому поэту интересно почитать было бы. Может даже, и поучиться чему. Муромцев найдёт, где напечататься, вряд ли в журнале «Нева», но всё равно, зачем устраивать ему проблемы из-за Путина?

— Кстати, об информации, ты же помнишь, Танька Хутько как-то в 90-е написала статью в какую-то газету, мол, если есть желание писать статьи научные по-украински, нет вопросов, но вообще-то лучше писать по-русски, потому что аудитория больше, английские журналы были сильно ещё за бугром…

— Здравствуйте, мальчики, — Татьяна возникла напротив, у окна, — нет, Миша, ты не совсем так помнишь, я написала, что природа научной информации такова, что национально-языковые границы мешают распространению научной мысли, если и не мешают, то не способствуют. Именно поэтому греческий, а потом латынь были языком науки несколько веков, теперь английский. А на просторах одной шестой был русский. Это факт, и его просто надо принимать.

— Да, — Мишка помахал приветственно рукой, — привет, помню, однако, как тебя чуть не съели, оказалось, что есть так много коллег, которые исправно писали в московские журналы, но круто стояли и стоят за национальное достояние.

— Я особо и не спорила, не отбивалась, Бог с ними. Честно сказать, сама не знаю, зачем написала, ведь для меня таких проблем нет, я на трех языках свои статьи писала, вообще не задумываясь об этом. Ещё одну и на французском, правда, со словарём.

— Тебе бы тогда переводчик Гугл, ты бы и на хинди написала, про каких-то кобр.

— Чёрт его знает, — вмешался в разговор КА, — надо ли нормальным людям вообще поднимать и обсуждать эти вопросы, хай кто хочет-может, на таком языке и пишет. В конце концов, история всё расставляет по местам. Но вот, скажи, — обращался скорее к Татьяне, — как бы ты отнеслась к таким сегодняшним реалиям, сейчас зачитаю.

Он взял со стола лист, распечатанный с утра файл приглашения на какую-то конференцию.

— Вот, получил намедни: «Запрошуємо Вас взяти участь у науково-практичній конференції…». Перво-наперво — «Вимоги до оформлення матеріалів доповіді: Заборона використання наукових праць країни-окупанта».

— С этим можно согласиться, на данном историческом этапе, — одобрил Мишка, — это проще, чем фильтровать, кто за, а кто против войны.

— А дальше мне не совсем понятно, — КА продолжил чтение.

«Забороняється цитування в тексті та внесення до бібліографічних списків тих джерел, які опубліковані російською мовою в будь-якій країні, а також джерел іншими мовами, якщо вони опубліковані на території росії та білорусі».

— Интересно, а если я свою собственную статью хочу процитировать, — поинтересовалась Татьяна, — написанную десять лет назад, скорее всего, на русском?

— Тебе же ясно пишут, что нельзя!

— А ведь что интересно, — подал голос Мишка, — два документа эпох — Танькино эссе газетное о свободе языкового научного выражения и этот императив, наверное, можно проследить между ними целую цепочку исторических событий.

— Что ни говори, я бы не стала судить военное время, вооружившись мирными принципами, простите за каламбур.

— Рассуждая архаически, так сказать, стоя на принципах далёкого прошлого, КА покрутил в руках лист бумаги, — можно спросить и так: вот эти организаторы какой-то конференции, почему они формулируют правила и законы? Знаете, мне не нравится это недоверие и уничижительное отношение к авторам, они — бараны, что ли? Автор что, не понимает, что сейчас писать: Ломоносов с Менделеевым — наше всё — неуместно, хотя и до войны так писать было глупо?! А если я философ и хочу изучить особенности росфилософии на данном этапе, выявить, так сказать, некие корни зла, то как мне Дугина цитировать?

— Устанавливают правила потому, что они заказывают музыку и за неё же платят. Но, во-первых, это иррационально. В-третьих, тоже, думаю, неуважительно к согражданам, — заметил Мишка.

— Пришли конкистадоры в Империю инков, их власть принесла испанский, но на кечуа говорят до сих пор миллионы. Бог не зря устроил вавилонское многоязычие, он боролся за разнообразие биосферы, ещё в

одном аспекте. И никакие империи обратно к довавилонским временам не приведут. Не помню, что на этот счёт писал Гарсиласо де ла Вега, про инков и конкисту, но если испанцы так жёстко тогда насаждали католицизм, то, видимо, и язык тоже. Вообще-то у инков и письменности-то не было. С литературой бороться было не надо. А её и не поборешь, всегда найдётся, кому до зарезу надо написать что-то своё, например,

оттого что любовь милосердствует и согревает
мы обнимем любого кто прибыл из ада и рая
очагом для него якорями его парусами оттого
что последняя родина это мы сами[1]

Повесть или роман

Хорошо жить на высоком этаже — стоп! — эта мысль уже где-то звучала. Звучала, перезвучала, да недозвучала. Почему бы правильному эмпирическому обобщению не прозвучать ещё раз? Это были мысли автора, а наш герой действительно размышлял похожим образом, стоя у окна и наблюдая за стрижами, которые наподобие тех орлов носились «со мной наравне». И подумал, действительно, есть два принципиально разных пространственных взгляда на этих стрижей, или там, ласточек. У Александра Дольского была такая песня — «та-та-та-та… неба синяя кастрюля и чаинки чёрных ласточек на дне», наверное, лучше было бы миска или тазик, потому что ближе к сфере. Ты как бы в центре небесной полусферы, а они там, высоко, летают, кружатся, ловят свой аэропланктон. КА подумал, что давно он этих самых ласточек не видел, классических, деревенских, с длинными, вилкой хвостами, красной манишкой. В детстве КА с друзьями всегда чтили народную примету: если ласточки низко над землёй, значит будет дождь. И это было больше, чем простая примета, мелким шрифтом в календаре, это был образ — бреющий полёт, не где-то там, в недосягаемой выси, а рядом, это было соприкосновение с природой, которая предсказывала самоё себя. И вот, другой взгляд, другой ракурс, правда, и персонажи другие. Эти стрижи отнюдь не были вечными летателями, для ночёвки выбирали укромные места. Например, приоткрытое окно, которое потом,

[1] Из стихов И. Иванченко, 2025

чтобы выбраться на свободу с лоджии, найти не могли. Пришлось на окно ставить сетку. А ещё по утрам в небе парили маленькие соколы. Такая вот городская орнитофауна.

Хорошо бы написать роман, или хотя бы повесть, чтобы длинно, и сюжет чтоб был. Размышлять над этой идеей КА нравилось потому, что он, совершая какие-то круги, никак не мог подобраться к рецепту, как написать придуманный роман? Хотя бы рассказ. Это было так заманчиво — придумать совершенно придуманных людей, с придуманной жизнью. Как он ни старался, всё время приходил к собственным наблюдениям, прожитым деталям и сюжетам.

С кем пообщаться на эту тему? Никто из друзей ничего не писал, романов, во всяком случае, впрочем… мало ли скрытных писателей.

Как придумать то, чего не было никогда? Точнее — как создать новый мир?

Новые миры создаются просто. Берёшь Старый мир: там отрезал, там пришил — и получается уже другой. Да, другой, но не Новый. Интересная вещь, вспомнил КА одну статью. Если представить себе какую-то далёкую планету и жизнь, там развивающуюся (если жизнь, то развитие, эволюция — неизбежны? пожалуй, да). Если жизнь, то у неё есть среда обитания и, в том случае, когда какой-то тамошний организм живёт в относительно плотной среде, как вода, то эволюция в сторону обтекаемой формы неизбежна. Что-то похожее на ихтиозавра, рыбу. То есть, пока есть одна биология, может быть масса вариантов, а когда вступает в игру физика, число Рейнольдса, тут уж детерминация неизбежна. А если в том, Новом мире, появится разумная жизнь? Любовь, ненависть, радость — также неизбежны? Вот такой результат — никаких принципиально Новых миров существовать не может! Новизна — в деталях!

Ночь шумна

Тревогу объявили сразу после полуночи. Собственно, завывания сирены он и не слышал, а вскочил с постели при довольно близком взрыве. Потом затарахтел пулемёт. Несколько ночей назад в дополнение к подобной картине ещё было слышно жужжание шахедов, что-то было в этом от жужжания роя недружелюбных, никчёмных пчёл, от которых и мёда-то не получишь.

Опять бахнуло, встал, раскатал валик спального мешка, захватил подушку с постели. Спальник был уже за двумя стенами, а не под окном, как кровать. Жена умостилась в другой комнате, подальше от окон. Сильно хотелось спать, в то же время всё обострено — слух, в первую очередь, а ещё какое-то особое чувство, сродни чувствам рыб, которые обладают боковой линией. КА уже несколько раз замечал, что у него появилось какое-то новое ощущение: можно было явственно не слышать взрыва далёкого, но ощутить какую-то вибрацию, может, это было просто преодоление слухом инфразвукового порога.

— Будьте вы прокляты, — КА выполз из сна, как из кокона, лежал на спальнике, укрывшись пледом.

— Да, похоже, ночка будет шумной, — Мишка обозначился где-то в сумраке коридора.

— Ты же помнишь, как закончилась Вторая мировая? Через полгода после капитуляции Германии две атомные бомбы — и капитулировала Япония. Вот я проклинаю этих современных идиотов, но ты у меня спроси: смог бы я отдать приказ сбросить пару бомб на Саратов и Тамбов? Я бы не ответил быстро и прямо. А ты бы смог?

— У меня такого опыта нет, военного, военных впечатлений, вопрос некорректный, умозрительный. Однако и нет у меня такого чувства, что там живут вполне конкретные враги. И, потом, бомба, она же не избирательного действия, может, в сорок пятом радионуклиды через Океан в Америку прилетели?

— Сложное, я тебе скажу, чувство. Вполне понимаешь, что одни летели с запасом бензина только в одну сторону до Перл-Харбора, другие их боготворили, третьи сомневались в целесообразности войны, четвёртым было наплевать на всех, на их принципы, идеи. Но тем же самым умом понимаешь, что все они связаны в одно общество, сообщество и что разгром Перл-Харбора не есть идея только императора, а продукт всего общества в целом. Но то японцы с американцами, а тут как-то сложно принять, что операция против Украины разрабатывалась не только в Кремле, но и на кухне в Тамбове. Но получается, что так.

— Это оправдывает Хиросиму? Или ковровые бомбометания на Дрезден в конце той войны?

— Это делает невозможным прямолинейное решение вопросов, которые имеют циклическую природу.

— В смысле?

— Например, Россия начала эту войну, потому что она испугалась, что НАТО слишком близко будет у границ (это версия России, верно это, не верно, но версия существует), но — НАТО расширилось, потому что страны Балтии, покинувши Союз, поспешили под крыло Запада, теперь ещё и Украина хочет. НАТО появилось, потому что Сталин, почувствовав себя победителем, стал то тут, то там требовать новых территорий, но Сталин стал победителем не в последнюю очередь потому, что друзья и союзники колоссально помогли в войне, сами вступили в войну. Всегда есть причины и следствия. Сами причины, как правило, политики, в разрез с расхожим мнением, не придумывают, а просто переносят акценты.

— А где же здесь ответ на вопрос о целесообразности и оправданности удара по Саратову?

— А ответ в том, что в зависимости от угла зрения картина меняется, в этих координатах «хорошие» и «плохие» постоянно меняются местами, — как бы сделал какой-то вывод КА.

— Тогда нужен некий краеугольный камень, отсчёт от незыблемой скрижали. Оценок добра и зла.

— Есть такой камень: «Не убий!». Всякий, кто совершает агрессию или шаг к насилию — совершает преступление.

— Прекраснодушен был этот Иисус. Он им: «Не убий», а они: «Есть уточнение — во имя чего…», «Лозунги решают всё», «Есть же восстановление исторической справедливости…», — Мишка стал развивать мысль. — Вот, в сороковом году финны отбились, а могли же и поляки отбиться, если бы Британия с другими их не кинули, могли, не только от Союза, но и от немцев. Трудно сказать, на чьей стороне была бы историческая справедливость.

— Вообще-то международное право совсем не рекомендует решать вопросы взаимоотношений путём войны, и это правильно. Опыт, международный, в том числе, рекомендует: «Не плюй в колодец». Ты знаешь, уже летом 1941 года Сталин просил Рузвельта, чтобы Штаты повлияли на Финляндию, чтобы та не вступала в союзы с Германией, обещал финнам даже некоторые территориальные уступки за это. Да я, кажется, эти документы зачитывал. Бог с ним, с переделом земель, так называемых «территорий», я про мирное население, — КА взял телефон, — вот, смотрим в Гугле, Женевская конвенция, 1949 год. Читаем: «Лица, которые непосредственно не принимают участия в военных

действиях… должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением без всякой дискриминации». То есть все, кто не на фронте, и есть мирное население.

— Думаю, что это соглашение основано на каких-то древнеримских реалиях, когда было очевидно, кто входит в войска, кто нет — землю пашет.

— Но сеет и пашет, чтобы кормить армию… Значит, снабженцев надо тоже устранять. Хотя они формально относятся к мирным жителям. А кто мечи куёт? И так далее.

— Есть и особенные варианты расчётов. Трумэн прикинул, что количество потерь своей армии для завоевания Японских островов недопустимо велико, и решил показательно уничтожить часть мирного населения.

— И кто назвал это военным преступлением? — спросил КА.

— Я назвал.

— Ну и что, к тому же — ты был. Можешь сказать только мне.

— Если многие скажут…

— Не скажут. О, слышишь, опять грохнуло, и пулемёты застучали. Это они по шахедам. Чёрт его знает, что они там ночью видят, куда стрелять? Но докладывают, что сбивают.

— Очевидно, что за сто лет, не говоря уж о тысяче, война катастрофически изменила технологию убийств.

— Ну да, ты в курсе, наверное, на днях Израиль врезал по Ирану, мол, не дадим создать исламистскую атомную бомбу! Точнее — ракету. Те ответили беспилотниками и ракетами. Ты видел на карте их расположение? Война через головы других стран. Никакого фронта. Нет и не будет обычного фронта. И куда всё летит? Говорят, что точечно по объектам, так и россияне тоже докладывают про высокоточное оружие, которое почему-то врезало по жилому дому. И где теперь это мирное население, если фронта нет? Всё — фронт, — КА покосился на окно, где редкие огни в домах не освещали ночи. — Война требует изысканных технологий, а технологии требуют денег и затрат энергии. Уродливая эволюция ноосферы. И что здесь первично? — уродливая эволюция уродует мозги или кризис ноосферы определяется уродливыми мозгами?

— Что ты имеешь в виду?

— Недавно российская ракета прилетела в один дом, какая-то Х-111, так её стоимость равна двум таким домам и школе рядом, но никого

это не поражает, этот абсурд. Я у Ремарка как-то читал: убийство одного солдата при Юлии Цезаре обходилось в 1 доллар, в Первую мировую войну — 1000 долларов, это, наверное, можно назвать прогрессивной эволюцией. Понимаешь, люди как бы согласились с тем, что миллионно-долларовая ракета, выпущенная хрен знает куда и зачем — это не за рамками здравого смысла. Такое наблюдение, из жизни, впрочем, стоит отметить, что война не столь изменяет процессы, сколько переносит центры тяжести. Инфляция — вообще дело обычное, даже для экономики, говорят, нормальное, но военное положение приводит к ускорению: идёшь в магазин, особенно в аптеку — и диву даёшься динамике цен. Причём, ты же понимаешь, что это циклы: за подъёмом цен идёт вялый подъём зарплат — и так всё крутится, важно найти место, где можно с этого что-то ухватить. Но меняется и психология. Раньше, лет десять тому, в первом отделении кошелька были гривны, десятки (десятки были ещё бумажные), 100 гривен считались существенной суммой. Теперь в первом отделении пятидесятки, во втором — пятисотки и тысяча. Килограмм картошки за 100 гривен не шокирует. Ты понимаешь, дорогой, что мы живём в мире инфляции, в том числе — инфляции войны?

— Боюсь, что также инфляции мира. В обоих смыслах — как вселенной, так и состояния без насилия и агрессии. Я тебе скажу, во времена Иисуса, при всей «неоднозначности», никто, в общем, не сомневался в основах морали, теперь же инфляция морали в основе политики целых стран.

— Печально то, что эти процессы имеют признаки цикличности. Ты помнишь, была такая суррогатная валюта — купоны, дошли до миллиона, зарплату в миллионах выдавали, потом — раз — стала гривня, однако, она тоже ползёт, уже до тысячи, глядишь, десять тысяч бумажка будет. Может, и обесцененная мораль тоже резко пропадёт пропадом, настанет высокая, потом — опять вниз.

— Чтоб катиться вниз с горки, надо, сначала, на неё залезть.

— Знать бы, что есть горка… Недавно такое мне показалось интересным наблюдение. Ты же в курсе, американцы при Байдене огромные деньги передавали нам на оборону, войну, мирному населению — на их нужды. Я даже проводил параллели с той войной. Но потом всё как-то изменилось, денежные потоки оскудели, поддержка перестала быть массовой. Но остались инициаторы поддержки среди тамошнего политического бомонда. И вот, один бомондовец в интервью (как-то количество

интервью в наше время вышло за рамки обыденного информационного потока), который числится там рьяным защитником наших военных, в том числе, интересов, грозно предрекал, мол, ошеломляющие санкции против России грядут. Но с одной ремаркой: после июльских каникул конгресса! Ты можешь себе представить в письме Рузвельта такой пассаж: самолёты, танки и миллиард долларов будут поставлены, но только после каникул. Тоже — инфляция? Впрочем, у Рузвельта тогда тоже была война, своя, понятная, что позволяло лучше понять чужую.

Как ни отвратительно это вынужденное бдение, в страхе, под звуки то взрывов, то пулемётного тарахтения, а то и жужжания шахедов, сон пришёл, как болезнь и как спасение. Было, к несчастью, много таких ночей, но уже не тревожили звуки сирен, потому что это было довольно абстрактно, реакция была только на ближние воздушные бои. Где-то там в глубине, мозги, самостоятельно анализируя бытие, приходили к заключению, что хоть бы и сотня ракет и тысяча шахедов (цифры большие, но как оказалось, приближающиеся к реальности) удары наносили точечно, если рассматривать в масштабе страны. Они хоть и идиоты, но всё же ориентируются на какие-то цели, объекты, вроде не было поблизости таких. А всё остальное — сугубо вероятностные явления.

Ван Гоги

Память — это вроде путешествия во времени. Один из тех атрибутов бытия, которые выглядят обязательными, облигатными — как предпосылками, так и свойствами жизни. А почему, собственно, облигатными? Если память — это машина времени, позволяющая поворачивать его вспять, и она обязательный атрибут сознания, то существование состояния «Сейчас» невозможно без «Вчера», хотя это уже не состояние, а тень, отголосок бытия. Что же такое память, в самом общем виде?

КА потянулся к полке за философским словарём. С чего вдруг пришло на ум задуматься о памяти? Просто он прочитал в своих записях старых: «Память и время. Память — это путешествие по времени вспять». Это красиво звучит, подумалось тогда. И это, пожалуй, единственный инструмент для воспроизведения прошлого в настоящем. Где же хранится это прошлое? Можно, например, записать то, что вспомнилось, на бумаге, а если неграмотен? Не владеющий буквами или иероглифами как бы видит эти картины, может описать словами, слова

можно записать на пластинку, флешку. Превратить в информацию. Начал читать: «Память, как философская категория, представляет собой сложное и многогранное явление. Затрагивает вопросы познания, идентичности, времени и бытия. Память определяет наши знания о мире, самосознание и идентичность. Кроме того, память сохраняет прошлый опыт, то есть создаёт базу для обучения, прошлый опыт есть основа для прогнозирования последствий разных действий, память объединяет и разъединяет социумы».

Однажды КА долго боролся с крупнозернистым холстом, пытаясь натянуть его на подрамник, холст прочно помнил своё цилиндрическое состояние и не хотел превращаться в плоскость. КА тогда ещё подумал, что так бывает и с народами: какая-то внешняя сила давит на него, пытается выровнять под свой подрамник. А почему только внешняя? Всякие революции равнозначны внешним воздействиям, главная задача — по возможности, обнулить память. Что интересно, каждая ниточка холста мягка и податлива, но скреплённые грунтом, который никак не хочет распрямляться, все вместе хранят память о прежнем состоянии. Ну да, и что из этого? Странная вещь: этот скрученный холст и картинки прошлого в голове — такие разные вещи, но мы легко и то и другое называем памятью. Значит, их что-то объединяет? Объединяет их время.

— Ты, Мишка помнишь, как…

— Да, конечно, помню.

— А тебе не кажется странным, что мы оба видим одну и ту же картину, которой больше нет? Я недавно был у врача-офтальмолога, попал в большой кабинет, много приборов разных, проверка зрения, надо было подождать. Тут же на высоком стуле мужик какой-то, тоже проверка зрения. Я смотрел на некий экран на стене. Синий крест в зелёном круге, всего-навсего, вся картинка, а…

— Что вы видите? — спрашивает у него сестра.

— Вижу крест, а рядом зелёный круг.

— Рядом? С какой стороны?

— Слева от креста.

— Вот тебе, Мишка, и объективная реальность! Некая эмпирика делает для сестры очевидным то, что у пациента расстройство бинокулярного зрения, но я-то не знаю, как должно быть на самом деле. Может быть, эти фигуры действительно рядом, но это я неправильно вижу?

— Для сомневающихся Владимир Ильич уже давно написал: «практика есть критерий истины»! Возьми да пощупай.

— Но как пощупать то, чего уже нет? И, потом, я не уверен, что это действительно важно — доказать идентичность того, что в моей памяти, и того, что было на самом деле. Вот я смотрю на пейзаж, всем нравится смотреть с какого-то холма, или, например, с высокого берега реки, хоть бы и с Владимирской горки, на дали, на большую реку. Нет, пожалуй, сейчас приходит на ум (опять же — воспоминание) вид с Тарасовой горы в Каневе. На Днепр, что блестит в вечернем солнце, дали, дали… И вот, сделай тут же фотографию. Потом сравним, как я пейзаж запомнил, с этим фото. А важны для меня не детали, важно настроение. Сама картинка тоже есть где-то, но она на втором плане. Умиротворённость вечера, восторг от этой жемчужной реки… Или, вот, обсуждаем мы сейчас что-то, пройдёт время, вспомню я об этом. Но что здесь реальность?

Хороший вопрос, подумал КА, что, действительно, есть реальность? Вот, два фильма припомнились. Один, документальный, по следам жизни Ван Гога, по его местам: вот улица, вот дом, вот вокзал, вот гора, вот кипарисы, кафе. И всё это — реальность. И реальность такая, что глаз остановить не на чем. И чего он звал Гогена, чем хотел удивить? А, вот его картины, картины — это тоже реальность. Причудливые скалы, танцующие кипарисы, ночь, кафе. А в другом фильме попробовали две реальности слить: мультипликация жизни в вангоговских мазках. Смотрится как реальность.

— Смотри, Мишка, разные реальности, какая из них реальней?

— Вопрос и сам подход, в общем-то, не философский, а с бытовой точки зрения — так и неинтересный. Реальность есть существующее, а картина — это всего лишь отражение. Как прекрасно отражение в воде, но нам не нужна точная копия, отражение украшает рябь, зыбь, блики. Потому отражение в живой воде всегда интереснее, чем отражение в зеркале. Зачем выстраивать ранжированный ряд реальностей? Зачем искать реальную, настоящую реальность, истинную? Пусть будет мультиреальность, множественность. Ты думаешь, что именно человек, с его мозгами, искусством, стал творить новую реальность? А что и как видит стрекоза своими фасеточными глазами? Пчела видит ультрафиолет и инфракрасный, её мир совсем иной, чем наш. Ван Гог был такой же пче-

лой, видел в другом спектре, чем остальные. Да мы можем спросить его самого. Вот, Винсент, КА интересуется твоим миро-воззрением, особенностями взгляда на мир, в прямом, оптическом, смысле.

Около окна появилась невысокая фигура, рыжий парень рассматривал стены, полки с книгами, потом, как бы спохватившись, посмотрел на КА с Мишкой. Да он совсем молод, подумал КА, только усталость в лице, много усталости.

— А, Мишель, рад видеть. Спасибо твоему другу, мне будет интересно, никогда не бывал в этой части Европы.

— Я даже не знаю, — сказал КА, — извиняться за беспокойство ли, но мне показалось, что вам всем там нравится, когда беспокоят. Но уж вам-то, Винсент, не приходится жаловаться на отсутствие внимания?

КА несколько некстати подумал, что по-французски-то он не говорит, как же происходила коммуникация? И тут же объяснил сам себе: наверное, есть что-то вроде переводчика гугловского, это же мир информации…

— Как вам сказать? Совсем не каждый, кто читает книги обо мне или смотрит на мои картины в музее, думает обо мне так, чтобы мы могли с ним встретиться.

— Мы с Михаилом обсуждали вопрос, что есть истинная реальность, вспомнили о вас, — КА встал, снял с полки толстую книгу: — Вот, ваша переписка с братом. Прочитаю, это был апрель 1888 года:

— «Вчера при заходе солнца я был на каменистой равнине, где растут маленькие скрюченные дубы. На заднем плане, на холме — руины, в долине — клочок поля. Все линии были прекрасны, и общее впечатление — волшебного благородства». Прекрасно написано, но как передать в живописи?

— Всё дело, наверное, в том, — подал голос Мишка, — что мы смотрим, как написаны скрюченные дубы, как они переданы, а надо постичь — как передано волшебное благородство.

— Нет, я так не думаю, — сказал Винсент, — я никогда не писал волшебное благородство, я писал предметы, дома, горы, людей. Я не писал воздух, как это делал Моне, у меня просто не хватало умения. Я просто хотел оптические впечатления отобразить как можно лучше.

— Но тогда почему же вы не переняли манеру и приёмы вашего друга Гогена? — спросил КА. — Согласитесь, его бретонские работы гораздо ближе к реальности, чем ваши.

— Да, я видел, как он пишет, но у меня так не получалось. Кроме того, у него в картинах какая-то особая, мне не доступная энергия, знаете, как энергия крестьянина, он основательный.

— Если он похож на крестьянина, который работает прочно, без лишних эмоций, то тебя бы я сравнил с моряком на корабле во время шторма, — сказал Мишка, поглядев на Винсента, — все чувства обострены и все решения надо принимать мгновенно. Впрочем, ответственность та же, что и у крестьянина.

— Знаете, когда я читал ваши письма к брату, — опять вступил в разговор КА, — обратил внимание, что многие приёмы вашей живописи рождались спонтанно, на ходу, так и сложилась ваша собственная манера письма, техника, стиль. На основе подражания вашей технике не так давно сделали интересную вещь. Сняли фильм, кинофильм, — КА спохватился, Винсенту не хватило пяти лет до эпохи кино. — Если нарисовать много картинок, например, фазы движения человека при ходьбе, а потом быстро прокрутить перед глазами, то создаётся иллюзия движения.

— Да, я про такие стробоскопы слыхал, этакие трюки на рыночной площади.

— Да нет, теперь это стало искусством, хотя трюков предостаточно. Так вот, в вашей манере множество художников нарисовали множество картинок, получился фильм, движущийся Ван Гог, вернее, не он сам, а люди, пейзажи, которые его знали. Помните Армана Рулена?

— Конечно, хороший был парень.

— Я видел его портрет вашей работы, тот, что в жёлтом пиджаке, в одном германском музее. Очень сильная работа. Что в глазах? То ли тоска, то ли мудрость.

— Я несколько раз смотрел этот фильм, — сказал Мишка, — хорошо поработали художники. И вот вам тот же вопрос, но с другого конца. Винсент написал портрет Армана, ещё — доктора Гаше и других, скажем так, в статике, а техника их оживила, заставила двигаться. И мы наблюдаем за этим движением уже как за реальной жизнью. Круг замкнулся.

— Я думаю, он замкнулся ещё раньше. Я смотрю на портрет и переживаю за *человека*, который сидит перед художником в каком-то там 1888 году.

— Так вот, могу задать вам вопрос: создала ли живопись вторую реальность, а может, это первая?

— Ты, Мишель, как всегда, приукрашаешь, вообще, если честно, тогда меня больше всего интересовал его жёлтый пиджак.

— Вы знаете, господин Ван Гог, я вас очень даже понимаю. Григорий, — я тоже художник, — представился Гриша.

— Мишка, обрати внимание на феномен! — в голосе КА была большая заинтересованность феноменом. Феномен присутствия без пожелания присутствия. Я про него совсем и не думал, как он тут появился? Я, конечно, ничего не имею против, вполне гостеприимно предлагаю с нами поболтать, но само явление…

— Пожалуй, тут надо разбираться, — сказал Мишка, раздумывая.

— Если я правильно понимаю, то вы удивлены моим появлением, насколько мне известно, вы, КА, были всего лишь шапочно знакомы с моей женой. Мы вообще не знакомы. Но связь какая-то есть, без причины не было бы следствия.

— Да, встречались с ней несколько раз, на выставках. Она говорила, что надо спешить домой, и убегала.

— Все у нас тут, или, с вашей точки зрения — там, знакомы так-сяк с общей схемой мироздания. Потом, циркулируют в обществе всякие байки о связях миров. Могу предложить такое объяснение: когда зашла речь о приглашении господина Винсента, вы несколько раз подумали, вспомнили фразу: «Он был украинским Ван Гогом», — так кто-то сказал об одном художнике, которого вы любите.

— Да, помню, это как-то прозвучало на большой выставке Анатолия Лимарева. И что?

— А то, что я был с ним знаком, если не друзья были, то хорошие коллеги, правда, я моложе. Вот эта фраза, дошедшая до меня какими-то путями от вас, меня задела. Почему меня никто не сравнил с Ван Гогом, а его сравнивали?

— А что, так важно быть похожим на кого-то?

— Смотря в чём. Он тоже был одержим живописью. А я, честно сказать, никогда не чувствовал этой одержимости. Я просто писал, когда было настроение и задевал за душу какой-то сюжет, и писал, когда не было настроения, потому что живопись — это тоже ремесло, техника, навыки. Не всем так повезло, как таможеннику Руссо, или даже Сезанну, которого совершенно дикие купальщики висят в музее. Могло и товарищу Винсенту повезти. Тогда ни одной картины никто не купил, считалось, что дичь какая-то. Но ещё неизвестно, какого Сутина вдруг откроет общество. Это уже ближе к вам — биологам, зигзаги эволюции.

КА задумался, что сравнение истории искусства и эволюции вполне подходящее. Вопрос только в том, что если в эволюции биологической бритва отбора — это коса смерти, то что в искусстве? Кто умер оттого, что Ван Гог изобразил на ночном небе какие-то круги и драматические изгибы далёких галактик? Или оттого, что Моне вдруг накалякал спросонья большое красное солнце над заливом? Умерла непререкаемая ценность зеркально точного отражения реальности, художник перестал быть камерой-обскурой, знающей способ перевернуть изображение и поставить его на ноги. И это тоже не вся правда. Длинноносые герои Эль Греко никак эволюционно не выше и не ниже, чем вполне реалистичные, анатомически правильные герои Сурбарана. Впрочем, и динозавры никак не выше трилобитов, и те и другие жили-поживали, процветали, пока соответствовали вмещающему — свой среде.

— Эти аналогии жизни, живого, и творчества весьма разнообразны, — КА вернулся в разговору. — Нельзя оторвать человека, со всеми его культурными штучками от природы, от его биологических корней. Недавно у меня получилась интересная переписка с одной корреспонденткой, писательницей. Вот, пишу ей, мол, малопостижимая для меня вещь, хочу написать, например, рассказ, или даже роман, но не могу придумать ни одного героя. Хочу создать образ Анны Карениной, а получается соседка Светка. А она мне отвечает: «Лучшие фантазии произрастают на чернозёме реализма!». Конечно, если принять во внимание численность человеческой популяции, как ныне живущей, так и прошлой, то какого бы ты персонажа ни придумал, уже такой был. Эта Анна из некоторого количества Светок и слеплена была когда-то.

— Ну да, однако где же здесь параллели и сравнения с биологией? Может, в том смысле, что все муравьи управляются одними и теми же инстинктами, живут по одной генетической программе? — спросил Мишка.

— Нет, тут другие аналогии. Если фантазии растут из чернозёма, то посмотрим на чернозём, как говаривали Докучаев с Вернадским — как на биокосное тело. Он потому ЧЕРНОзём, что не все травинки, что произрастали под солнцем, были утилизированы, органика осталась в перегное, как фонд, запас, на будущее процветание экосистемы, наверное, самый лучший чернозём был в карбоне…

— Простите, — перебил Винсент, — не так сложно, экосистема — это что?

— Экосистема — это вся степь, в которой этот чернозём образовался. Под солнцем растут травы, их поедают разные животные, кузнечики и антилопы, их тоже кто-то поедает. Несъеденная трава, какашки и трупы попадают в почву, а поскольку в степи мало дождей, сухо и то жарко, то холодно, эти все остатки не перерабатываются сразу другими организмами, а скапливаются слой за слоем. Часть этого запаса в природе, скажем так, перегнивает, так что появляются опять нужные для растений питательные соли, растения растут под солнцем — и круг вечно повторяется.

— Я понял, это как у крестьян: посеяли, вырастили растения, собрали урожай, весной надо землю удобрить навозом и опять посеять.

— Похоже, вернее, оно самое и есть. Так вот, написал я ей, что это прекрасная метафора. В чернозёме много остатков прежней жизни. Но как быть с тропическими лесами? Эти красные почвы бедные совсем, а какие разнообразные фантазии растений, животных. Одни бабочки или колибри чего стоят! И всё жизненное богатство идёт не от почвы, вся сила биогенов в самих деревьях, лианах, в биомассе, в живом.

— Вот здесь и парадокс, — вмешался Мишка, — если не будет циклических процессов, не будет вечности жизни. Где же тут оборот, если весь запасной ресурс в деревьях?

— Всё верно, есть и там циклы, не о том речь, я хотел провести параллель: фантазии могут рождаться как из чернозёма реальности, так и из самих же фантазий. Вот, например, кубизм, никакой реальности, или Дали — все фантазии сюрреализма происходят из фантазий же.

— Помнишь, я как-то скинул тебе ссылку на фильм, — Мишка обращался к КА, — так и назывался «Ван Гоги». Там было такой трогательный финал, он обращался уже к Винсенту, — сидят старики в каком-то доме-приюте, краски, кисточки — и они старательно на дощечках изображают того, в соломенной шляпе, с покрасневшими от солнца Прованса глазами старика. Жёлтая солома, покрасневшие глаза, квинтэссенция труда под палящим солнцем.

— Ага, я вспоминаю этот фильм, когда жена собирается в клуб пенсионеров, скорее пенсионерок, у них там кружок рисования. И такие у них высокие запросы, смело копируют всё — от Боттичелли до Сезанна. Неизбывная тяга к самовыражению.

— Их копии Боттичелли — это, пожалуй, уже третья реальность.

Знаки

Есть такой закон: делай одно дело. Делай внимательно, спокойно, без суеты. Выстраивание сетей — это один из иллюзорных путей делопроизводства. Не надо ставить на плиту утром кашу, которая должна сварится, «пока побреюсь», потому что всё выкипит: дым, чад, суматоха. Выговор от жены. Правда, иногда бывает, что сети выстраивать приходится, например, в последний день перед отпуском. Сегодня как раз тот случай. Кроме того, есть ещё один закон: уж если начали складываться сети, а не индивидуально — последовательные цепочки, то они имеют ярко выраженную тенденцию к малоконтролируемому росту. К общему списку дел добавилось: «Папа, пришла книжка, на «Новой почте», пожалуйста, зайди и забери, что-то перепутали, не знали, что я пока ещё не в городе, книжка там». Придётся заехать, по дороге с работы домой. КА ещё раз осмотрел свой рабочий кабинет, держась за ручку полуоткрытой двери. Не забыл ли чего на столе, флешку, например, закрыл ли шкафы, самое главное — выдернул ли вилку общего электроснабжения стола из розетки. В который раз подумал, что его рабочее помещение не выглядит слишком презентабельно, не академически как-то выглядит. Впрочем, кабинеты многих учёных, которых он знал, выглядели приблизительно так же. Книги, стопки журналов, таблицы на стенах, рулоны бумаги, те же таблицы на шкафах (таблицы ещё со времён презентаций на листах ватмана и, конечно же, всё под слоем пыли).

Особого внимания заслуживало окно. Окно — это вообще один из самых важных элементов архитектуры. Много он их видел — от простой дырки в стене, в каком-то домишке на Мадагаскаре, до гигантских витражей в соборе, в Кёльне. Что дверь? Она лишь временно приоткрывающаяся часть стены, она в системе разделения пространства на моё и внешнее, но вот окно, оно — связь с миром, закрыто оно или открыто. Впрочем, в его кабинете этот, казалось бы, непреложный принцип был нарушен, ибо между стёклами, большими и сильно запылёнными с уличной стороны и слабо запылёнными с внутренней, была штора, которая очень редко перемещалась на своих пластмассовых крючочках, по какой-то там алюминиевой рейке под потолком. Какие хорошие (а может, странные) времена ушли в прошлое! Времена предзимней заклейки окон. Размоченная газета в пазы и щели, нарезание бумажных полосок, клейстер из муки или крахмала. А в детстве, перед осенней заклейкой

окон, надо было проложить ватные сугробы между рам, даже какие-то украшения. Потом появились поролоновые жгуты, потом наступила эра пластиковых рам (однокамерные вам или двухкамерные ставить?). Но не в этом учреждении. Рамы рассыхались, щели увеличивались, пришлось заклеить всё навечно, связь с атмосферой — только через дверь. Штора закрывала подоконник, как от самого хозяина кабинета, так и от глаз уборщиц, впрочем, подоконниками, насколько он помнил историю клининга, эти уборщицы не интересовались никогда, их кровная обязанность имела прочную сексуальность — была связана только с полом, была только в том, чтобы махнуть мокрой тряпкой по половой поверхности да пошипеть на сцыкунов, оставлявших следы посещения около унитаза в туалетах. Эта штора, неопределённого цвета, когда-то тепловатых, коричневатых тонов, была для него самим воплощением времени. Время, ультрафиолет обеспечивали деструкцию ткани так же, как время и разные недуги приводили к деструкции тканей в нём самом. Между ними, шторой и мышцами, например, шло нечто вроде соревнования — кто кого переживёт. Приходил на ум один офорт Гойи, на котором крючконосая старуха сидела перед зеркалом, прихорашиваясь, когда КА при помощи нескольких больших канцелярских биндеров скреплял две половинки штор, стараясь при этом защепить несколько дырок в ветхой ткани. Один из законов хронологии гласит: ни одно из состояний не может быть вечным. Это значит, что у каждого состояния есть начало и есть конец, а между ними и располагается время. Этот самый промежуток — оно и есть. Как ни странно, часто бывает сложно определить, как выглядит окончание состояния. Где реальные рамки, границы состояний? Простая старая штора как символ. Эти символы везде. Знаки! Впрочем, можно повернуть и так: дряхлые шторы совсем не символ времени, а символ бедности и бесхозяйственности, да и всё. А чем или, скорее, кем был он сам? Тоже символ, то же время (та же — бесхозяйственность). Нерадивое отношение к здоровью, диете, чрезмерности всякие, пренебрежение к мудрым советам: «Пойди к врачу!».

КА всё ещё стоял, держась за ручку двери, вроде ничего не забыл. А всё ли заслуживает того, чтобы переводить его в знаки и символы? И во что нам обходится этот перевод? Но это действительно рационально — мыслить символами. Все эти размышления о пыли времени и судьбе старых штор промелькнули за доли секунды, пока он обводил глазами помещение, а всё это — старая тряпка как символ. Это как дву-

мя взмахами кисти начертать иероглиф 人, а какая масса ассоциаций! Человек! Главное — условиться в смыслах, даже не во всех, совсем не надо во всех. Если я могу общаться с Мишкой, значит, знаковые системы совпадают, подумал КА, уже выйдя на лестницу.

— Это очевидно, — Мишка ступал рядом.

— А, привет, давай вечером обсудим.

А что, собственно, обсуждать? Конечно, приёмник информации и передатчик должны пользоваться одними символами, оба должны знать азбуку Морзе. Но сама эта азбука — вторичный код, потому что точки и тире кодируют буквы какого-то алфавита, который сам отражает, кодирует звуки речи. Символы рождают символы.

Вот какая странная вещь, такие совпадения: книжка дочки, которую надо было забрать на почте, называлась «Символізм, його значення та дія», какого-то британского философа позапрошлого века. «Всё вокруг — символы», — писал он на самой первой странице. Впрочем, вникнуть в старую английскую философию в новом украинском переводе было достаточно сложно. Автор писал, что и сама Жизнь есть символ, но на следующей странице оказалось, что символ, знак — всегда часть. Целое не может быть символом. Тогда — может ли быть нечто символом всего?

На даче

Вставал, только чтобы опорожнить мочевой пузырь, никакой тревоги, вернее — ни одной тревоги. Но, как учил когда-то в древние времена начальник штаба полка, тревожный чемоданчик, как и порох, всегда должен быть сухим. Вчерашняя ночь была хорошей иллюстрацией. Впрочем, та ночь закончилась таким же прекрасным летним утром, как и сейчас. Сон разума рождает чудовищ, а утро их разгоняет, что-то вроде этого думал, видимо, Гойя. Там у него на листе офорта какие-то рукокрылые, вполне безобидные млекопитающие, интересно, как бы он изобразил стайку шахедов?

Пора вставать, за дачные дела приниматься, но КА лежал с закрытыми глазами, размышляя о контрастах. Вчера проснулся где-то около трёх, да, фонарики на окне, которые светят от аккумуляторов, заряжаемых от солнечных батарей, уже погасли, аккумуляторов хватает где-то до трёх часов, он давно это заметил. Проснулся от далёкого взрыва, а когда коротко пробубнил пулемёт, понял, что пора предпринимать какие-

то действия. Спектр возможностей был небольшим. Один вариант — спать дальше, но мешал простой страх и нервы. КА уже пять раз посмотрел в телефоне карту тревог, вся территория (без разделения на «неподконтрольную» и просто контрольную) страны была оранжевой, то есть прилететь могло куда угодно. С одной стороны, это могло быть статистическим утешением, потому что, с учётом большой площади державы, незначительной была вероятность прилёта именно в эту точку (если, без всяких оснований, принять, что эти шахеды распределялись в пространстве по случайному закону, не имея целеуказания), с другой, это означало, что налёт серьёзный. Поэтому следовало выбрать второй путь. КА встал и пошёл будить жену, которая спала в соседней комната.

— Вставай, стреляют.

— Вот, чёрт, а я не подготовилась, — была первая реакция, — где же мои носки? А «Телеграмм» предупреждал, что будет мощный налёт.

— Уже, надо понимать, предчувствие «Телеграмма» оправдалось. Пошли вниз.

Дом имел такую конструкцию: собственно жилые помещения, как на стилобате, возвышались на техническом этаже, гараже, стены которого были из фундаментных блоков, перекрыты бетонными же панелями. Получалось нечто вроде укрытия, во всяком случае, если обломки сбитого БПЛА свалятся прямо на дом, то можно надеяться на то, что потолок этого бункера не пробьют.

В гараже было тесно, машина помещалась еле-еле, а вдоль стен, как и полагается в гаражах, были скопления всяческого всего. Тем более что дачное существование требовало разных предметов — от детских игрушек до лопат и особо ценных стройматериалов. КА втиснул между машиной и полками два садовых кресла, положил два поролоновых матрасика от качалки, дверь оставил открытой. Чувство тревоги и самосохранения не позволяли включать свет, всё делалось при фонарике. Спустилась жена, продолжая сетовать на слабую подготовку, несмотря на предупреждение, информирование и т.д. Через десять минут сидения стало чувствоваться, что ночь-то несколько прохладная. Хотелось спать.

КА с недоверием относился к этой информации, которая оповещала в режиме реального времени о запусках ракет, маршрутах шахедов. Интернет, что с него взять, проверить всё равно невозможно. Однако недавно прочитал некий репортаж ВВС с американского пункта слежения

запусков ракет. Тысячи спутников болтаются в космосе, большая часть как раз из военной разведки, почему бы не отследить тепловой след ракеты? Вопрос в том, как быстро передать эту информацию?

— Десять шахедов курсом на ДВРЗ и Левый берег, — читала жена в телефоне. Потом, через пять минут: — Теперь несколько в нашу сторону летят.

Как подтверждение послышался далёкий звенящий звук-жужжание. Звук нарастал. Несколько выстрелов сделал пулемёт, казалось, совсем недалеко. КА как бы представил себе карту местности, где могут быть эти зенитчики, скорее всего, где-то на опушке ближайшего леса. Темно на улице, что они там видят, куда стрелять? Одно время пытались ловить эти дроны прожекторами, но, видимо, шахеды научились отслеживать источник света и лететь на него. За короткой очередью прогремел взрыв. Сбили, значит. Обломки куда-то свалились. Жена продолжала следить за продвижениями БПЛА, а КА, обнаружив подушечку на стопке вещей, подложил её под голову, начал дремать, прислонившись к капоту машины.

— Вот, опять летят.

Да, КА тоже услышал уже знакомый звук. Ближе, ближе. Один выстрел — и за ним взрыв в небе, стекло в окошке гаража противно зазвенело.

— Вот молодцы! Одним выстрелом поразили!

Потом с гулом реактивного самолёта куда-то на запад пролетела ракета. Это уже серьёзно. Обещанных, но не переданных Трампом «Пэтриотов» явно не хватает.

— Опять пуски ракет из района Курска, — подтвердила худшие опасения жена.

Ночь прошла, в общем, без потерь. Даже поспал, правда, болела спина. Надо быть готовым к этим тревогам. Ещё подумал, что сидя перед открытой, хотя и железной, дверью, поглядывая в ночь, иллюзорно думать, что ты под некоторой защитой, но это всё-таки лучше, чем оказаться в метро «как убежище». Когда врезали наверху по Лукьяновской, потом, как сообщили утром, «началось задымление» внизу, где прятались. Опять пришло на ум, что в определённый исторический период строили не только медицинские центры, но и правильные убежища, центры почему-то остались, хотя и были созданы при неправильным социальным строе, а убежища, увы…

Памятуя о ночном, какой слабой была подготовка, КА постарался днём предусмотреть некоторые детали, например, подзарядил фонарики. А что можно предусмотреть, если не знаешь масштабов беды? Исходить из максимального? Тогда вообще ничего предусматривать не надо.

Утреннее солнце пробивалось через дачное окно, довольно выцветшие занавески, впереди маячил план работ (это наличие плана всегда вдохновляло, как хорошо, как писал Хемингуэй, закончить работу и знать точно, с чего начать завтра, это даже больше, чем план, это отложенное вдохновение). Ушла, к сожалению, эта детская способность просто радоваться летнему утру. Может, это даже и не была радость, оформленная, это было ощущения возвращения в дневной мир, наверное, так чувствовало себя само солнце, поднимаясь над дельтой Нила, понимая, что его встречают не астрономически, а сакрально, как чудо.

Вообще-то КА проснулся совсем не с воспоминаниями о прошлой ночи, а с мыслью — как перейти из состояния календарной старости в состояние реальной. На столике лежала дневниковая тетрадь (вчера в общих чертах занёс впечатления о полёте шахедов), дабы не потерять нить текущего рассуждения, а она обязательно в суете дня потеряется, сделал записи по горячим следам:

Необходимо принять к сведению (к вопросу о старости):

1. Что, собственно, придётся отбросить (или смириться с отброшенным спонтанно) и что стоит (скорее, может быть, стоит) приобрести. И чего это стоит.

2. Разобраться с конфликтом противоречий: как малоболезненно для мозгов заменить активность созерцательностью?

3. Какая форма жизни совместима с неактивным существованием?

4. Поскольку неактивное состояние равносильно смерти, надо задуматься, скорее, о смене типа активности.

5. Тип активности, класс активности, вид активности — похоже, что придётся разработать классификацию. При этом окажется, что некоторые не то что виды, а целые типы уже отошли в мир иной. Из этого следует, что упражнения старости с активностью — это всего лишь продолжение давних игр.

6. Тогда — ничего особенного в этой старости нет, просто один из вариантов существования.

Хорошо, когда есть план действий. Вот тут, наверное, и главный парадокс: действие — это явление как раз из того состояния, которое при-

дётся покинуть, то есть предлагается решить задачу перехода к бездействию через действие. И потом, что значит — определиться с содержанием состояний? Содержание текущего — это просто вся жизнь. Тогда, получается, что последующее состояние — это вроде как другая жизнь.

В этот день получил сообщение по Вотсапу, от друга по переписке, издалека сообщение, почти с другого исторического континента. Он, пожалуй, уже решил эти вопросы, бродит, в порядке заполнения чем-то своего состояния, по интернету и присылает время от времени понравившееся. КА показалось, что в данный момент размышляли они когерентно.

«Почитайте, был такой бразильский поэт, Марио де Андраде:

У нас две жизни, и
Вторая начинается, когда
Ты понимаешь, что у тебя
Только одна…».

Встреча с органом

Собираясь на работу и перекладывая из карманов вчерашнего пиджака в карманы кожаной куртки обязательный набор — бумажник-деньги, пенсионный проездной, ключи — подумал, что довольно толстенький пакет с документами носит с собой уже который год, знамо дело — война, документы при себе надо иметь! Потому и приходилось выбирать одежду с карманами, чтобы всё документальное имущество было где разместить. Пакет от долгого перекладывания по карманам поистёрся, надо в новый переложить. Среди документов наиболее солидный вид у загранпаспорта. Не так часто приходилось им пользоваться. Ба, да в начале того года уж и заканчивается его срок. Вот ещё один вопрос: а нужен ли он вообще? Куда ехать? Как ехать? Самолёты не летают, автобус — не то здоровье и выносливость. Но, для порядка и на всякий случай, надо оформить новый.

Заграница, как раньше говорили — «за бугром». КА подумал, что это вполне подходящая тема для мемуарного исследования: от железного занавеса до шенгенского безвиза — жизненный опыт моего поколения. А в чём он, собственно, состоял? Если брать общие представления об устройстве мира, то понятие «граница на замке» представлялось вполне естественным. К примеру, где-то под Анапой вечером пограничники об-

ходили пляжи и всех выгоняли, типа, как бы кто ночью не уплыл в Турцию или, наоборот, если будет шпион выныривать, то на голом пляже в свете прожекторов будет видно — это выглядело глупостью, но знаете, на всякий случай… И потом, порядок должен быть. А Север! КА как-то прошёлся по немногочисленным фотографиям в Гугл-Земля, чуть ли не по всему евразийскому побережью Ледовитого океана. Бараки да кучи бочек от горючего, однако, всё это была закрытая приграничная зона. Одна шестая часть суши имела (точно вряд ли можно сказать, но), процентов 5–10% недоступных для самих обитателей это шестой территории, уже не говоря об иностранцах. Эти проценты принадлежали пограничникам, читай КГБ.

Давно замечено, что какие-то мелочи почему-то, как гвозди, забиты в память, и от какой-то поездки, хоть бы и за границу (казалось бы, всё интересно, важно, ново) остаётся малюсенькая деталька, эпизод, штрих. КА вспомнил, как был он однажды в Белграде, ещё в те чудн*ы*е времена, когда социализм производил там вполне приличную обувь, где-то, наверное, нарушая какие-то законы природы. Серым фоном город, река большая, с какой-то горы, возвышенности. Одна деталь только сто раз потом всплывала. Стоит он перед цветочным базаром, вечер, малолюдно, розы такие прекрасные, и мысль: никто же их не купит, и очереди нет, куда же их потом девать? И так оно озадачило, что пронёс эту картинку через годы. Это сущая правда: ездить надо за границу либо в крайне контрастные твоей страны, либо в контрастное время. Трудно вообразить уровень новизны, который охватил Афанасия Никитина, когда из средневековой Руси да в древнюю Индию! Так и КА, где-то около 90-го года, страна-город в Юго-Восточной Азии. Масса интересного, но больше всего поразили косцы травы с какими-то мотокосами: косят, невозможно поверить! — косилками с вращающимися барабанами, на которых леска! А ещё — на пустыре каком-то недалеко от моря было много пустых пластиковых бутылок от воды. Почему их никто не использует? Например, для… да мало ли для чего.

Чёрт его дёрнул пойти в ЦНАП[1] за этим новым паспортом, надо было идти в бывший ОВИР[2], так часто бывает: вляпался в очередь и уже как-то трудно увильнуть от ожидания, мол, а что будет в другой раз? — может, ещё хуже.

---

[1] Центр надання адміністративних послуг.

[2] Отдел виз и регистраций.

— Буду за вами, надо понимать, у вас номер 765? А у меня 766. Тоже за паспортом? — спросил КА у соседки по лавочке под окном (позиция выгодная — видно табло с номерами очереди и к какому окошку подходить — лавочка под окном внутри).

Соседка была рыже-крашенная, средних лет, среднего размера, но с большой сумкой, какого-то пляжного вида.

— Зря пришла в этот ЦНАП, столько народа, была же в паспортном отделе, но тут преимущество, можно сразу здесь же оплатить, а там надо идти в банк.

— У вас тоже заканчивается? Или хотите сделать второй?

— У меня хуже — я с неподконтрольных территорий, у меня вообще проблемы с документами.

— Как же оттуда вырвались, давно?

— Тысяча и одна ночь. Бога ради, не спрашивайте, для меня вот так среди людей в очереди посидеть, не оглядываясь — просто удивительное чувство.

— Да, понимаю, натерпелись…

Просидели ещё час, рыжая уже зашла в дверь, на табло «№765, стол 6». Зашла и быстро довольно вышла. КА ей улыбнулся, мол, моя очередь, а вас поздравляю, так быстро.

— Сказали, что если *оттуда*, то процедура совсем другая. Пойду по кругам. Счастливо.

Вот и его номер, вот и номер «стола», КА очутился в просторном зале, где были какие-то перегородки и просто стояли столы, присутственное место называется. За столом тётка, вида неприветливого. КА внутренне поёжился, дело-то серьёзное. Вот она, встреча с органами. Или органом. КА как-то некстати подумал, что в последнее время пошла мода на трансформацию маскулинных названий и наименований в феминические (был: министр, например, Министр культуры Фурцева, теперь надо — министерка, если вспомнить старое, и не путать — министерша, это жена министра, второй план). Так вот, если орган мужской, понятно, а если орган — вот эта тётка?

— У вас два паспорта, — сказала тётка сурово, глядя в экран компа, вроде как мимо КА, — один действующий до января, а второй просроченный, старый. Где он?!

— Да, вы знаете, — КА растерялся, потому что знал, что старый зачем-то хранится в тумбочке, после него был новый, никто не спрашивал и не конфисковывал старый, сильно захотелось соврать, — я его, наверное, потерял, не знаю где, время сложное искать.

На самом деле КА врал потому, что боялся, что пошлёт его тётка домой за старым паспортом, как школьника, забывшего тетрадку. А потом надо будет опять стоять в этой очереди.

— Так и напишем, паспорт утерян! Теперь передадим данные в ИНТЕРПОЛ.

Вот, блин, ещё только этого не хватало. Ещё с нашими погранцами как-то можно договориться, а тут… Признаться, что ли? Но признаваться в мелком вранье как-то несолидно.

— Вы что, не знаете, не читали? — подала голос другая тётка, с другого стола, — в паспорте написано: является собственностью украинского государства! Вы что, нерадиво относитесь к государственной собственности?

— Что вы, я просто думал, что раз просрочен, то уже не имеет силы документа.

— А если попадёт в руки врага?

— Я как-то не подумал. Да мне никто и не сказал сдавать. Виноват.

— Вот сюда ставьте пальцы, все по очереди, — первая продолжила свою деятельность.

КА старательно прижимал палец, но тётка совсем не была удовлетворена такими стараниями.

— Компьютер не показывает.

— Палец не показывает, вот же он, — КА покрутил указательным пальцем перед глазами.

— Не показывает линии, стёрлись. От времени.

— Вот беда, что же делать?

— Так и запишем: отпечатки пальцев нельзя сделать.

— Так на границе меня не пропустят, это что, только у меня?

— Нет, с Нового года вы 74 такой, — сказала, доставая и открывая журнал учёта.

Интересны свойства границ. Почти всякий, кто посягает на их преодоление, должен подвергнуться каким-то унижениям. Похоже на Праздник Нептуна, когда пересекающих экватор мажут дёгтем, обливают гряз-

ной водой, прогоняют через какую-то брезентовую трубу — «чистилище», чтоб знал, что граница — дело священное! Ну вот, мало того, что пальцы без отпечатков, даже если и пропустят, то по ту сторону ждёт тебя ИНТЕРПОЛ.

Заплатил, вышел, сел на лавочку. Почта в телефоне. Ага, новая книга, прислал знакомый издатель книжку одного известного писателя. Вот тебе и здрасьте — книга-то называется по-другому.

— Да, — сказал знакомый издатель месяц назад, — наш знакомый писатель написал новую книгу, приурочил к своему 77-летию. «Топорики». Знаешь, когда в старину играли в лото, если выпадало 77, надо было говорить «Топорики».

Действительно, две семёрки похожи на топорики, подумал КА, и название книги хорошее, отдаёт ностальгией по старине. КА уже чуть не план книги представил: детство, юность, жизнь писателя на фоне.

Но, как оказалось, название было совсем другое, «Топорики» — это издатель сам придумал, так бывает — творчество масс. А была книжка про французских поэтов, про Рембо да про Верлена. Про Аполлинера. А как дань «Топорикам» были там ещё и фрагменты из записных книжек, к ним примыкали фотографии семейного толка, всё же «о времени и о себе». И дохнуло из этих записных книжек горячим асфальтом летнего Крещатика, нехитрым застольем на простенькой кухне, дым коромыслом, табачный, спорами о стихах, и очередью за «Биомицином».

— Ах, Мишка, ты помнишь, как ни с того ни с сего ты начинал декламировать?

Белорунных ручьёв Ханаана
Брат сверкающий — Млечный путь!
За тобой к серебристым туманам
Плыть мы будем. О, дай нам взглянуть
Мертвым взором на звёздные страны.

И не было тут никакого хвастовства, мол, Аполлинер — мой лучший друг, просто жили мы в мире, где далеко, за тем самым «бугром», внук белорусского шляхтича ваял французскую поэзию, где были Сутин и Шагал, тоже почти земляки, и всё это было подальше и позагадочней ручьёв Ханаана. Это было так далеко, не географически, политически,

потому и привлекало. Наверное, в это время наши местные Митьки творили не хуже, да и на близком, родном языке. Но голос их был нам не слышен.

Мишка сидел рядом на лавочке около ЦНАПа и листал томик Аполлинера (где это он его взял?), тот самый томик, академическое издание, который он подарил КА, когда тот уезжал далеко, к счастью, не навсегда. Открыл на знакомой странице:

Срываю вереск, осень мертва.
На земле, ты должна понять,
Мы не встретимся больше,
Шуршит трава,
Но встречи я буду ждать…

В кольце

То, чего ожидал КА и с нетерпением, и с опасением, с тревогой, произошло. Дочка с детьми приехала. Автобус пришёл на полтора часа раньше графика, поскольку, к счастью, не было задержек на границе, и поэтому он как-то засуетился, когда прозвучал звонок — мы уже приехали, а он — ещё в дороге. Он спешил от метро к автовокзалу по каким-то слабо освещённым дорожкам, когда этакими силуэтиками возникли желанные гости с чемоданами. Было досадно, что не встретил «у трапа», и как-то обидно за них, что встреча в потёмках, не на машине приехал, в метро надо идти. Потом, уже в метро, мелькнуло в полупустом вагоне, мол, как хорошо, что на полтора часа раньше, а то пришлось бы ехать совсем в ночном вагоне. Дети ночью в поездах, электричках, метро вообще вызывали у него жалость и какое-то чувство стыда за взрослых.

Несколько дней, вернее, ночей, были тихими, вполне мирными. Как легко и быстро человек поддаётся иллюзиям благополучия! На четвёртую ночь, около 11 завыла сирена где-то (у этих сиренных звуков интересное свойство — они льются как бы отовсюду, будто нет источника звука, локального, материального), всякие телеграмм-каналы превратились в подобие диспетчерских эфиров большого аэропорта.

— До пяти шахедов на Боярку.

— Голосиевский район, три дрона. Все в укрытие!

Бахнуло раз вдалеке, бахнуло второй. Бежать или не бежать в метро-укрытие? Уже и бежать небезопасно, тут хоть какой-то городской бетон.

Крутился, вставал с матраца. Дочка с её дочкой забились в ванную. На даче всё как-то ближе, слышнее, здесь только «бух-бух» слышно. Страх за своих. Беспомощность. Пришёл на ум тот самый раджа, которого он начал считать оберегом дома. Какая-то фигурка из папье-маше, раскрашенная индийским мастером кукол, купил случайно у базарного антиквара. Серый плащ должен всех укрыть. Сказочка. И опять в мозгу то же недоумение — с какой стати эти идиоты бьют? Выпустить тысячу стрел в сторону обороняющегося врага — ума не надо, но все эти ракеты, дроны, всё это направлялось, рассчитывалось. Высокие технологии, чтоб они провалились!

Всего не предусмотришь, вот, надо дверь приоткрыть внешнюю. Вдруг что, перекосит раму, не откроешь, чтобы выбежать. На кухне в углу стоит огнетушитель, купил два года назад, подумал, вряд ли про него вспомнит, если вдруг надо тушить пожар. А где документы, деньги, думаешь, мол, должно быть под рукой, а на самом деле? Эти все тревожные чемоданчики, что и говорить, хороши были для учений, замначштаба по строевой предъявить, мол, инструкция выполнена. Вся жизнь состоит из формализма и реализма, и нельзя сказать, что формализм — вещь сугубо лишняя, все эти инструкции созданы из опыта. Но как чужой опыт совместить со своим?

В четыре утра дом подпрыгнул, резкий звук и вертикальная пульсация совпали. Значит, рядом совсем. Уже потом КА подивился первой мысли. Была она о том, что латеральной составляющей в колебаниях дома не оказалось. Чемодан с антресолей на голову не свалился, книги с полок не посыпались. Как подпрыгнули, так и опустились туда же. Все обитатели подскочили со своих лежачих мест (на этот раз, вопреки обычному, даже жена улеглась на полу, как бы под прикрытием кровати от возможных осколков стёкол). КА почувствовал, как повеяло в коридор холодом из его комнаты, скорее всего, вылетело окно, подумал он. Инстинктивно боясь включить свет, с фонариком пробрался в комнату. Действительно, на балконе всё было

вверх дном, большая створка окна распахнута, дует ветер. Осколков нет, слава Богу. С других сторон не дуло, значит прочие окна закрыты, целы. Вспомнил, как говорила одна знакомая, обитательница дома на Печерске, куда на крышу прилетело: «Сюда больше не прилетит», — с таким выводом-гипотезой вернулся к своему матрацу. При последнем взгляде в окно отметил, что на горизонте что-то горит и сильно дымит, наверное, на Борщаговке.

В телефоне уж был отбой тревоги, казалось бы, можно отдохнуть и поспать, но спать мучительно не удавалось. Большой силой обладают эти телевизионные образы, особенно, если когерентно ложатся на твои собственные душевные переживания. Этот психоз трампоцентризма продолжался. Какое было разочарование в массах, когда этот Трамп выдал индульгенцию Путину ещё на 50 дней! И все следили за тем, как последний посылал потихонечку первого нахер, а тот делал вид, что ничего не происходит. Вот и КА пошёл вчера по этой психически неблагополучной дорожке. Какой-то репортаж, уже Миротворец заявляет, что не 50 дней, а 12, а потом…. А что потом? Этого никто не знал. Был трумэновский вариант окончания войны, но вряд ли он был пригоден в данном случае, тем более что ничем эта война американцам не угрожала, только расширяла рынок, оружия, во всяком случае. Через несколько минут этих рассуждений, попыток анализировать неанализируемое, более того, даже каких-то переживаний за этого незадачливого миротворца, мол, ущемили его самолюбие, КА спохватился — то был мир другой, мир оцифрованных интервью. А это был мир реальный. А в реальном мире надо было просто поспать. Тем более что окна остались целыми. Однако этот чёртов интернет цепко держал его за шкирки. Но двуличие и лицемерие политиков известны, и разве есть новость, заслуживающая переживаний? По приглашению каких-то высоких кругов, в Женеве, на трибуне форума, не последняя чиновница из России рассказывает всему миру, что война эта — всего лишь благородный ответ её страны на угрозы извне. Приходило не только удивление, но и негодование, хотелось изложить чувства прямо словами своей родной, местной украинской пропаганды (вполне уместными в данном случае). Но и не пример ли того, как полуправда рождает истинную ложь? Прав-

да — это то, что не оглядывается и не боится. Думал КА, конечно, совсем другими словами, но в общем, где-то так. Надо спать, тем более что окно… Окно не пострадало. Отбоя тревоги он не слышал.

Вчера на подоконнике они с внуками вырезали фигурки из пенопласта. Сестра забеспокоилась за младшего брата, внука КА, ему ещё рано вырезать ножом. Ничего, пусть учится, технике безопасности, в том числе. Смог сделать он только кубик, и то хорошо, ощутить равенство всех рёбер куба — это тоже важно. С внучкой они сделали самолётик, несколько пузатый и ширококрылый. Теперь всё это в беспорядке валялось на полу балкона. КА подумал, что это хороший, хотя уже и заезженный кадр: растрёпанные игрушки, детские книжки как символ внешних разрушительных жестоких сил. Спасло окно то, что не выдержал какой-то шурупчик в системе запора стеклопластиковой рамы, сыграл роль предохранителя. Больше часа пришлось повозиться с наведением порядка, даже пришло кощунственное: «нет худа без добра», навёл порядок на балконе, что откладывалось давно. Уборка привела к скоплению множества ненужных предметов, надо вынести в мусоросборник.

Внизу, около дома, КА постоял, задрав голову, осматривая фасад, особенно пострадали почему-то нижние балконы, асфальт был усыпан битым стеклом. Подошёл знакомый Петя, из соседнего дома. КА подумал, как давно уж живёт он в этом доме и как давно знает этого Петю (много лет назад, помнится, дворничиха как-то его к чему-то вспомнила, вот тут же, практически на этом месте: а, Петя-афганец). Афганец имел уже дефицит зубов, а скорее, дефицит денег на хоть бы и стальные, если не золотые, коронки.

— Ну, бля, ти розуміеш, вибило на балконі вікна, ще й балконні двери! — негодование Пети можно было понять. Он живёт на втором этаже, у них тоже, видимо, пострадали больше те, которые живут внизу

— А у нас только открыло окно, сорвало, правда, с запора.

— Повезло.

— Да, что называется, лёгким испугом. Там написано, — КА покосился на криво прихваченное скотчем объявление на двери подъезда: — в школе штаб, сдавать заявления, кто пострадал.

— И шо? Дают десять метров плёнки, шоб замість скла була.

-— А закрепить как?

— А це вже твои проблемы. Ты бачив, що там біля десятого дома?

— Слухай, а ты заметил, месяц назад был взрыв около школы. Я тогда ещё вспомнил, как в фильмах про войну — в одно место два раза не прилетает. А теперь, ты видишь, в десятый дом.

— Ага, а мы посередине. Певно, коло стискается.

— Вот и я думаю, на что больше рассчитывать — это всё одно и то же место и не прилетит сюда, или то, что было два раза, будет и третий?

— А хто його знає? Поживемо — так побачимо.

— Хорошо бы пожить, але не побачиты.

Тянуло его к этому злополучному десятому номеру. Хорошо ли это — быть ротозеем, особенно там, где у людей горе? Но это же всё история, к тому же никто не пострадал. Ротозеи ходят и снимают на телефон, тоже хотелось поснимать, уподобляясь корреспонденту «Рейтарс». Как это было раньше, рассказывал знакомый художник. Спрашивает дед в колхозе, где он агитацию наглядную рисовал: «А у тебя есть разрешение Ленина рисовать?». А у меня есть разрешение снимать катастрофы? Где граница съёмки для ротозейства и для истории? Может, как раз эти ротозейские снимки и станут настоящей историей?

Между десятым домом и соседними, уже в другом жилмассиве, были деревья, КА удивился, что толстые тополя стояли себе, только веток было много на земле. А ведь сколько повалило деревьев ветром как-то, а тут взрыв. Но вот гаражи железные вокруг, которые ветра не боятся, тут сплоховали. Сплющенные, вместе с машинами. Были и наоборот, раздувшиеся, будто взрыв был внутри. Все балконы были без стекла, все окна были пусты. Наверное, кто-то при таком потоке осколков всё-таки пострадал. Люди перемещались вокруг на манер броуновского движения. КА постеснялся и снимать, и даже остановиться поглазеть. Что смотреть? Ничем он не мог помочь. Знакомых среди жильцов не было, коммунальщиков с их полиэтиленовой помощью хватало. Три полицейских сидели на бетонной плите под деревом и курили.

Дом стоял, слепой на все окна, понуро и безрадостно, но муравьиная суета обитателей внушала надежду.

Друг детства

Вот и осень. КА подумал, что с годами стал как-то больше придавать значение совпадению календаря и реальной погоды. Вот осень по календарю пришла, но зелено вкруг. Зелёная осень, это что? — состарившееся лето или уже эмбрион осени, в котором, преформистски где-то скрывается зима? У его осени был некий особый, в чём-то оригинальный дневник. Ещё в студенческие годы в свой день рождения он старался уехать куда-то один, с блокнотом, фотоаппаратом, этюдником. Этот день в октябре так и оставался в зарисовках, стишках, этюдах. И чем старше, независимее становился, тем эти уединения становились всё более важными. Бог знает, что было за этим стремлением запечатлеть, сохранить не то окружающий ландшафт, не то своё собственное настроение, не то — время? В этом ряду были свои интересности. Например, пленэрный этюд 2009 года демонстрировал нам дубы, уже бронзовые, а они теряют свой хлорофилл совсем не первыми. В 2014 году было совершенно зелено, ездил, ездил по окрестностям, так и не нашёл пейзажа, сколь-нибудь похожего на осенний, не то чтобы золотой, хотя бы охристо-оливковой осени. Теперь он понимал, что эти одинокие странствия были и свидетельства того, что он мог, силы позволяли вполне, мог поехать, уехать, может, и куда-то далеко. Пленэр как диагноз относительного здоровья, наличия сил физических и желаний психических. Значит, было не только здоровье, но и некие кошты на поездки, это значило, что не было войны, небо было свободным. Не только для ласточек, но и самолётов, обычных рейсовых, пассажирских. КА отметил, что в этой мысли сначала в голову пришло «стрижей», они действительно, и теперь целое лето мелькали за окном, ничего не зная о закрытом небе, но замкнулся какой-то контактик в сетях памяти ассоциацией: по ту сторону фронта существовала какая-то образцовая эскадрилья истребителей с таким же названием, поэтично, мать их так. Эта самая война напоминала о себе в самых неожиданных местах.

КА корил себя за то, что не сделал до сих пор какого-то отдельного хранилища этих своих памятных картинок. В чём была их ценность? Событие знаменовало переход в новый год, свой новый год,

индивидуальный. Когда-то, давно очень, Земля сделала полный круг своей орбиты, а за это время он из какого-то неподвижного, судорожно дёргающего конечностями существа превратился в почти прямоходящую экоморфу. Какие-то звуки осмысленные произносил. Жалко, что долговременная память включается довольно поздно, даже о себе трёхлетнем мало что помнишь, а что говорить о годовалом. Было бы интересно, если бы память сохранила первый год жизни, переход от чистой биологии, зоологии, точнее, — к антропологии. Говорят учёные, что младенец вначале всё видит в перевёрнутом виде, то есть правильно, как и показывает ему камера-обскура глаза. Вся последующая жизнь, как оказывается, зиждется на неестественном, мозгами подсунутом образе восприятия мира.

Он давно заметил, что интересно ему поразмышлять о временах года. Это деление года на сезоны средних широт, эти переходы между контрастами, эти обобщённые образы Лика Земли, меняющиеся в соответствии с наклоном планетной оси! Сказка про Двенадцать месяцев его почему-то раздражала, как газета «Правда» относительно правды жизни. Было в них что-то от Политбюро ЦК, какая-то надуманная псевдоантиэнтропийность, натянутая упорядоченность, может быть, навязанная сказочниками линейность, там, где очевидна цикличность… Мол, всё расписано: январский Дед мороз в шубе и Июль в шортах. Именно от этой самоуверенности власти над природой шли разные эксперименты властей, например, с переносами дат традиционных морозов, игры с летним временем (а что же осеннее или весеннее?). На самом деле, времена года есть явления космические, это всё от движения по какой-то строгой орбите, которая так хорошо прочерчена в учебнике по астрономии, но которой нет в космосе, есть только путь в космической пустоте и силы тяготений разных космических объектов. Да ещё какой-то вращательный момент.

Время от времени он возвращался к разным моделям времён года. Была такая модель, циферблатная: полночь указывала на зиму, а 9 часов вечера это была осень. Простенько, циклично. Циклов никак не уберёшь из представлений о времени. И почему они кружатся? Летели бы себе, Земля и Юпитер, вместе с Солнцем, по прямой, благо бесконечна вселенная, так нет, зачем-то крутятся, возвращаются, будто повторяют какой-то урок, чтоб не забыть.

Была модель геометрическая — зима как плоскость, весна как восхождение, как пирамида, вершина — зацвела сирень. Лето, наоборот, как спуск в долину, где было душновато, а потом как-то и скучновато. Осень — как китайские шары один в другом — самый внутренний, как таинственное ядро осени, наподобие ядра Земли, которого никто не видел, но было множество доказательств его существования. Это ядро, скажем так, сердцевина, иногда являлось как та самая «золотая осень», как бы в упаковке, сначала из зелени ещё, а потом уже и голых веток. У него в маленькой его «мастерской», так он называл кусок балкона, застеклённого, утеплённого толстым пенопластом, но всё равно холодного зимой, висел один осенний этюд, подаренный давно одним любителем-живописцем. Ничего, кроме кадмия жёлтого среднего! Уж как он старался, так хотел выразить свой восторг, эх, надо было только подчеркнуть яркость жёлтого синим небом!

Вот в такой осенней сердцевине он и брёл сейчас по недалёкому пригородному лесочку. Лес был меланжевый — то грабы, то берёзы, то дубы, некоторые — очень большие. Масса оттенков жёлтого, охра, зелень кое-где. И всё так гармонично! Никогда этот узор, осенний орнамент не выглядел скучно или безвкусно. Листья опадали, стала проявляться графика стволов и веток. Первая заявка на минимализм зимы.

Постоял, полюбовался. Чёрные стволы грабов, земля, вся в листьях, кадмий жёлтый, от лимонного до тёмного, охра, сиена, индийская жёлтая. Всё посветлело. Свет не только с неба, но и от яркой земли. Тропа между редкими деревьями поднималась вверх, лиственная дорога. Две фигурки появились вдалеке, перспектива уходящих вдаль стволов деревьев — вполне законченная композиция. Бывает, когда одиночество некстати. Хотелось с кем-то композицией поделиться. С кем, было понятно, ибо он уже несколько дней читал недавно обнаруженные в шкафу Валеркины письма и дневники, эпистолярные следы своего друга детства. Не читал, а перечитывал, все они были читаны, правда, несколько десятилетий назад. В каждом возрасте своё прочтение. Теперь КА ясно чувствовал, что видит и находит в этих записках нечто совершенно иное, чем тогда, много лет назад. Вот этот новый взгляд и мучил его последние дни. Может, он действительно набрался какой-то мудрости?

— Ты посмотри: готовая композиция! — подумал КА, — я люблю готовые композиции. Ты писал, что у вас в изостудии хороший преподаватель, как раз о тонкостях композиций перспективных рассказывал.

— Привет, старик, привет, — Валерка зашуршал листьями рядом, — что-то давненько ты меня не вспоминал. Да, композиция прямо так и просится на бумагу.

— А мне казалось, что я часто вспоминаю. Не так давно писал главу в книжку мемуарного толка, вспоминал, передумывал старые мысли. Наверное, воспоминания бывают разные. Разнокачественность воспоминаний. Сейчас я как-то погрузился в твои дневники, перечитал и письма. Спасибо, что сохранил мои конверты. Ещё один повод для меня поразмышлять о самом жанре записок, писем. Знаешь, меня кто-то из знакомых упрекнул, мол, какой смысл в этих старых дневниках: была жизнь, прошла, сейчас новая жизнь. А я теперь понял, что смысл есть, старые неравнодушные записки интересны и оставляют след в душе. Мне кажется, что я читал и дневники, и наши письма уже как посторонний. И мне было интересно вернуться в ту жизнь. Это меня трогало.

— Так много изменилось с тех пор, когда мы писали эти письма. Было тогда замечательное чувство — ожидание писем. Ты и сам, наверное, помнишь, как с досадой отмечал в голове или в дневнике тогда: «Писем сегодня не было».

— Стремительно всё меняется. Даже странно сейчас представить, что кроме этих конвертов практически не было каких-то других доступных каналов общения, если ты далеко. Мне кажется, что XIX век закончился только тогда, когда в быт вошёл интернет и сотовый телефон.

— Да, но вы теперь лишены того самого замечательного чувства, вернее — предчувствия, ожидания писем.

— Многое упростилось, но ожидание как жизненный элемент никуда не пропало, это в самом человеке, не столько в его окружении. Кроме того, есть, видимо, какая-то потребность в этом чувстве — ожидании. Письма теперь приходят мгновенно, главное, чтобы написали.

Так, вспоминая разное, дошли до границы лесочка, дальше был город, по улице тут недалеко и до дома. Валерка поглядывал по сторонам, город был незнакомый.

— С тех пор, как мы приехали сюда в первый раз, ты поступать в Политех, я — в университет, город уже не тот.

— Да, я вижу, дома огромные. Как вообще можно жить в таком доме, улей какой-то.

— А что, люди живут в отдельной квартире, а сколько их в этом конгломерате, уже неважно. И, потом, в среднем, наверное, получается дешевле строить большие дома, правда, эту прибыль покупатель вряд ли чувствует. И все эти соты улья — частное жильё. Я иногда задаю себе вопрос: почему на углу Толстого и Владимирской стоял и по сей день стоит дом, что был доходным домом Морозова, да и множество было этих доходных домов, а теперь эта категория напрочь пропала? Застройщики хотят быстренько построить и быстренько продать, получить прибыль сегодня. Если бы я был богатый и знал особенности этого рынка, я бы купил большой дом и сдавал бы его в аренду поквартирно, на годы, а ещё комнаты, с пансионом.

— Может, если бы ты вник в особенности рынка, то и не купил бы. Ты думаешь, что один такой хитрый.

— Да, наверное, но дело и в общем фоне. Всё малоустойчиво, хватай прибыль и тикай, долгосрочные проекты не в чести.

Так и подошли к дому.

— О, это хорошее изобретение, — заметил Валерка, когда увидел, как КА поднёс к панели домофона ключик, дверь ответила красной надписью «Open», — от воров?

— Про домушников классических давно не слышал, а вот какие-то катушки от лифтов воруют постоянно. Цветной металл, провода.

— А милиция что?

— Давно не милиция, а полиция, но смена названий ничего не изменила, одни так и воруют, другие так же констатируют факты.

Это было интересно: Валерка обращал внимание на какие-то вещи, которые стали привычны, которые КА уж не замечал. Интересно было объяснять особенности современной жизни. Приехал друг, издалека, из прошлого.

Поджидали лифт, какой раньше придёт — большой грузовой или маленький. Большого все боялись, он поднимался и опускался очень нервно, дребезжал и конвульсивно вздрагивал, сопротивляясь движению. Наверное, не было жильца, который бы хоть раз не пострадал от этого подъёмника. КА как-то доехал сверху до первого этажа, но лифт выпустить не захотел, может, пассажир ему понравился? Боязнь лифтов — она из тех мудростей, которым противостоит другая — ехать-то, особенно вверх, особенно после работы, надо!

Лифт остановился на 15 этаже.

— Теперь по пожарной лестнице спускаемся на этаж, — сообщил КА с интонацией гида, который проводит экскурсию по памятным местам. — Уж сколько заявок давали, на нашем этаже не останавливается.

— Беда небольшая. Кроме того, у кого окна выходят на другую сторону, при вынужденном спуске или подъёме могут полюбоваться с пожарного балкона на ландшафт.

— Я этим ландшафтом любуюсь со своего. Нам повезло: все закаты наши. Вон, посмотри, — как раз на пожарном балконе и остановились, — городские дома на горизонте, кажется, что большой город далеко, а это просто его излучина. Когда-то, уже давно, тут, почти до горизонта, был лес, поля были видны. Теперь застраивается всё вокруг. Я когда вот так стою, смотрю на ландшафт с этого балкона, вспоминаю февраль 22 года. Началась война — и никто не знает, что с ней делать. Около дома какое-то ополчение, территориальная оборона, крутится, а мы стоим с женой ночью на этом балконе, холодно, зима, смотрим на огоньки. Почему-то ожидали, что вот-вот появятся танки на дороге, ополченцы об этом говорили, дорога, что видна там, слева, ведёт от пригородного села. Там, где наша дача, километров 35 отсюда, говорили, что прорывались. Это воспоминание — холод, огоньки, чувство нереальности происходящего, ожидание какого-то материального объекта, как, может быть, признака, открытие, что всё-таки нечто страшное существует на самом деле — для меня как пограничный столб: жизнь до и после.

— Я из такой давней жизни, из совсем другой жизни, в которой нет места объяснению таких войн. Ну, представь, сложилась бы жизнь по другому сценарию, жил бы я себе теперь в своём Иваново, а тут приходит весть, мол, началась война с Украиной, это что, мы с тобой теперь враги?

— Получается, что так. Не день, не неделя, даже не год, уже скоро будет четыре. И всё это время не идёт из головы вопрос, тот же самый, что и ты мне задал, только в другой форме. Ну, хорошо, политики, для них — власть, деньги, но простой народ… На четвёртом году войны соцопросы показали, что больше половины россиян «устали от войны», не против неё, а устали. Не против, а почувствовали некий дискомфорт. А знаешь, что за этой «усталостью»?

— Очевидно — требование закончить, прекратить, вернуться к миру.

— Не совсем. Мне мать когда-то несколько раз рассказывала такой случай из жизни: была у нас такая соседка, несколько уставшая — характер, болезни, муж-подкаблучник. А где-то в соседнем дворе была собака, которая любила лаять по ночам, иногда — выть. Все окрестности засыпали под этот лай, а соседка не могла заснуть. Лежала, лежала, а потом говорит мужу: «Муж, пойди убей собаку!». Когда она устала, то ей просто хочется причину усталости убрать, любыми средствами. Тем более, что не понимает, что причина-то, в общем, не извне, а у неё самой в голове. Народ говорит (между собой): «Сделайте же что-то, чтобы война закончилась! Мы устали». И ему неважно что, хоть мир заключите, хоть атомную бомбу сбросьте. Это говорит в нём усталость без раздумий. Тут протестами и не пахнет. Когда эту историю вспоминаю, ловлю себя на вопросе — а как это рассказчица её знала, что говорила соседка ночью? — но соседку эту встречал — вполне правдоподобная история, да и суть не в том.

— Пример из психологии хороший, но дурак может параллели неправильные провести.

— Дураков хватает, и это следует учитывать, но и постоянно оглядываться тоже не стоит.

— Знаешь, а у меня опыт неправедной войны был, сейчас стыдно вспоминать, но что тогда мог сделать. Помнишь, я тебе писал, я же служил в Германии, в один, не сказать — прекрасный, день, в 1968-м, подняли по тревоге и пошла колонна наших танков в сторону чешской границы. Цветами нас, конечно, не встречали, но как-то обошлось без шума и греха. Дали команду, мы и пошли. Замполит потом всё кратко и убедительно обосновал.

— Понятно, солдат, срочник, пешка подневольная. Но пошёл бы ты записаться в армию, за деньги, по контракту, на своей броне ворваться в чужое государство? Не так себе, а убивать, разрушать?

— Не знаю, до какого уровня надо дойти, чтобы найти себе такую, с позволения сказать, «работу».

— А их тысячи. А у них семьи, которые думают, мол, пусть поскорее он там всех поубивает да вернётся невредимым домой. А у семей друзья, сочувствующие. Помножь тысячи на ещё десятки и сотни. Вот тебе и армия. Где-то — народная.

— Мы вроде как спорим, а ведь оба сходимся в главном: война — это дерьмо, и кто поддерживает её — тоже дерьмо. Я понимаю, мне на это со стороны смотреть, во всех смыслах, а тебе жить в этом.

Повеяло осеним вечером. Действительно, сердцевина осени хороша была также и с птичьего полёта. Остатки леса несколькими планами уходили к горизонту. Даже дома-новостройки, благо, не громады небоскрёбов, с элементами камерности, поблёскивали окнами и первыми редкими огоньками как-то спокойно, по-домашнему. Но, всё-таки, куда подевались эти праздники бабьего лета? Где эти паутинковые дирижабли, а как много их было в детстве! Исчерпан лимит счастья.

— Знаешь, — КА заколебался, продолжать ли, мысль как-то не была до конца сформулирована, — я когда читал твои и мои записки, письма, чувствовал какую-то вину.

— В том смысле, что у тебя жизнь удалась, а у меня нет, что ли?

— Нет, не про это. Вина, ну, знаешь, может, за какую-то бестактность, такого рода, из которого может вырасти цинизм, может, голый профессиональный интерес. Но там, где ему как бы и не место. У Акутагавы есть такой рассказ «Карета», представляешь, заказчик одному художнику заказал картину, нет, ширму, кажется, с требованием максимального драматизма. И чтобы художнику было более понятно, какой уровень должен быть драматизма, он посадил в карету его, художника, дочь, поджёг и пустил под откос, в пропасть. И художник смотрел на это, но не как отец, а как мастер, который должен как можно лучше выполнить свою работу. Драматизма бы хватило на много картин. Я, конечно, не такой художник, и совсем не писатель, но время от времени ловил себя на том, что всё читаемое выстраивается в некую, скажем так, законченную композицию.

— Ну, да, были два друга детства: один пошёл, пошёл по жизни от успеха к успеху, ну, или хотя бы спокойно жил нормальной жизнью, а второй, ему как-то не повезло, то заболел, то девушка от него ушла, а потом вообще помер. Ты помнишь, мы в своей переписке делились всяким прочитанным. Ты посоветовал мне почитать Леонида Андреева, я пошёл в библиотеку, нашёл, правда, не без труда. Там такой был рассказ «У окна», может быть, ты хотел, чтобы я именно его прочитал?

— Нет, такого адресного совета не было, я просто тогда для себя открыл писателя, хорошего и умного. А рассказ помню. Про одного маленького чиновника, что всю жизнь свою превратил в обсервацию чужих жизней, окно и было инструментом его связи с миром. Не, я не стал бы проводить параллели с твоей жизнью. Это, во-первых, было бы некорректно, у тебя совсем другие обстоятельства, во-вторых, это было бы и

жестоко, я был здоров, ты болен, мог ли я тебя в чём-то упрекать? А впрочем, в чём упрёк? В неактивности социальной? Надо, мол, занимать «активную жизненную позицию», как любили когда-то увещевать властители дум народных. Знаешь, мы все живём «у окна», мне сдаётся, это необходимый компонент разнообразия взглядов на жизнь. Ты живёшь в собственном мире, как в доме, а то и как в крепости, посиди у окошка, понаблюдай за внешним миром, подумай. Знаешь, Шариковы читали, наверное, этот рассказ с негодованием — «Хватит смотреть-наблюдать! Революция нужна! Действие, и немедленное!».

— Да, наверное, возможен и такой анализ. Но иногда обстоятельства так загоняют за окно, что приходит страх, страх перед тем, что там, вовне. Хочется захлопнуть ставни.

— Да, это важно, и если тебя обошла доля таких обстоятельств, то надо иметь милосердие. Ты знаешь, когда я читал про эти твои поездки в лечебницу, эти возвращения к неприкаянности жизни дома, то подумал, вот, как по сценарию — должна появиться любовь! Да! Появилась эта Татьяна, и эти ожидания писем, и неуверенность, вправе ли ты кого-то обременять своими недугами. А когда ты нашёл, хоть и дурацкую совершенно, работу, я уже был так рад и думал о каком-то чудесном преодолении и болезней, и хандры, и неустроенности. А эта рука болела и отекала, и не давала работать. Но нет, писем нет, потом она вышла замуж. Потом тебе всё равно пришлось ездить в больницу, а она была там медсестрой. И даже сказала, что помнит все твои письма.

— Да, прямо сценарий голливудского фильма, мелодрама, но с хреновым концом. Ты знаешь, я часто вспоминал тебя в те годы. Не только потому, что ждал твоих писем, следил за твоими перемещениями по Союзу, по какой-то лестнице больших и маленьких успехов. Не об этом. Я завидовал тебе, но в другом — у тебя был прекрасный отец. Ты понимаешь, матери все одинаковы, они любят, каждая по-своему, своих детей. И чем беспомощнее ребёнок, болен, слаб, тем больше она его любит. Для таких, несчастных она просто как Бог. Есть, была и будет всегда. А вот отец, он может быть другом, а может и врагом быть, или просто безразличным. У него диапазон гораздо шире. Отец постоянно в чём-то упрекал мать, был недоволен, вымещал на нас с братом какую-то свою злобу. Мне всегда казалось, что он обвиняет меня в моих же болезнях, в том, что не я смог устроиться в жизни. А я ему ничего не был должен, жил на пенсию, подрабатывал, как мог. И всё время вспоминал,

как твой отец, не то чтобы сильно, но интересовался нашей жизнью, он исподволь, ненавязчиво учил нас каким-то ремёслам, мы были ему небезразличны. Помнишь, как мы с ним на лодке в луга, причём, без всякой утилитарной цели, просто так, погрести?

— Мне приятно было это читать. Я в старости как-то почувствовал, что иногда перевоплощаюсь в него. Знаешь, у нас в семье тоже особой любви не было. И жизнь была не совсем простая, и какие-то непонятные мне тогда конфликты между родителями. Единственное, что за батей не водилось всегда и прочно — не пил. Как-то обмолвился, мол, выпил своё на фронте. Чёрт его знает, что матери было нужно, может, как раз какой-то забулдыга, чтобы всегда было за что пилить и гнобить. Впрочем, не мне их судить. У самого семья далеко не в идеале.

— А мне казалось, что вы живёте душа в душу. Мне тогда казалось, что если бы у меня была семья, то я бы так старался, чтобы душа в душу.

— Танго хорошо танцевать вдвоём. Как это ни парадоксально, но могут твои желания и действия, чтобы «душа в душу», обернуться совсем другой стороной. Всё, включая семейную жизнь, исправно вертится, если известен и оберегаем главный стержень, ось, у каждой семьи он индивидуален, хотя типизация возможна. Для одних деньги и тряпочное благополучие, для других секс, для третьих дети, и так далее, вплоть до попугайчиков. К тому же, все семьи живут, развиваются, эволюционируют, если рождаются, значит взрослеют, старятся, потом умирают, или умирают в молодости. И тому, что с годами уходит, проходит, надо искать замену. Валентин Абрамович, я тебя с ним как-то познакомлю, называет это в самых общих чертах — историзмом. Всё имеет свою историю. Вот Татьяна твоя помнила все письма, хотя вышла за другого, а проживи она с тобой лет сорок, ты уверен, что она так же относилась бы к тому, что ты пишешь? Сказала бы: «Не пойму, нафига ты эти дневники всю жизнь пишешь? Зачем это писать? Жизнь идёт и пройдёт, и кому будут нужны эти записки?». А ещё хуже — ничего бы не сказала, ей просто было бы всё равно. Историзм.

— Большая часть людей имеет свой опыт семейной жизни, жизни в семье, с детской точки зрения. Но правила игры и степень ответственности совсем не те. Этого не понять, пока не выйдешь на первые роли уже в своей семье, где ты глава. Если даже не совсем голова. Но, мне кажется, семейный детский опыт всё равно проносится через всю жизнь. А у меня другого и не было.

— Да, конечно, — КА был рад, что они обсуждают как раз то, что мучило его последнее время, — давно замечено, опыт истории, семейной в том числе, мало кого учит. Только лишь констатируешь, что в чём-то копируешь ошибки своего отца. Ты помнишь, мы в классе, наверное, восьмом вдруг все захотели играть на гитаре, мне даже удалось достать какую-то поломанную, ремонтировал. А потом бренчал. Некому было научить. А казалось, что гармонические звуки. Только уже в возрасте, когда и гитар стало много, и денег не то чтобы много, но на маленькие мечты хватало, купил, начал учиться, благо в интернете этих уроков завались. И, знаешь, что меня поражает до сих пор? Уже каких-то два десятка аккордов освоил, их в общем совсем не много. С десятком можно прослыть вполне хорошим аккомпаниатором всех песен, которые мы пели в молодости. Понимаешь, не надо совпадение «нота-в-ноту», надо, чтобы в тональности. Мне кажется, так и семейная жизнь: совпадение частностей маловероятно, главное, чтобы в одной тональности, лучше ля-мажор, оптимистичнее. Эту свою семейную тональность родители должны детям передать.

— Не знаю, наследственности должна противостоять некая оценка уже своей жизни. Насмотревшись на своего отца в семье, я бы всячески старался быть другим. Но это тема бесконечная, в гипотетической части, во всяком случае. И потом, скажу я тебе, чужие ошибки, они всегда виднее. Философия, диалектика семьи: единство и борьба противоположностей. Лирика и гормоны, свобода и несвобода, наследственность и мозги, любовь и быт. Противоположности предполагают, однако, некую двойную систему, двухстороннюю, а если три? Я встретил недавно одного, Анатолий зовут. Он мне историю свою рассказал. Тоже долго болел, жену не хотел нагружать своими проблемами, стала навещать его медсестра, делала уколы. А потом он запутался, кто ему ближе. Понял, что обе, и даже почувствовал себя счастливым. Но сестра эта не побоялась ни жены, ни болезней, ни явно печального будущего. И что здесь преобладало — любовь или долг? Может, она себя почувствовала ответственной за него.

— Ты систему эту представлял в самом простом варианте: ты да она, — заметил КА, — добавим ещё: отцы и дети. У меня, кстати, двое. Вроде, одинаково воспитывали, дочка каждый день звонит, как вы? — спрашивает, а сын сам никогда не позвонит, то мать, то я пишем или

звоним, новости узнать, а у внуков вообще свой, новый мир, в котором нам места как-то нет. Давай лучше о нас с тобой. Знаешь, у меня не выходит из головы одна запись в дневнике твоём, план, скорее, мечты.

— Да там одни мечты. Планы — это всё-таки оценки возможностей, целесообразности, оценки баланса затрат и результата. А мечты — они что? Они никому ничем не обязаны.

— Я не об оценке выполнения планов и мечт, о другом. Я вообще — за мечту. Иррациональная вещь, она балансирует на грани здравой мысли и какой-нибудь чепухи, но всегда вызывает уважение. В, казалось бы, иррациональности мечты есть какая-то смелость, а главное — свобода. Я помню почти близко к тексту: «Хочется жить в домике, как в детстве, топить печку ароматными дровами, писать, о чём думаешь. Сделать главным то, на что теперь остаётся час времени». Но, ты сам не заметил, как то, что ты писал, и оказалось самым главным. Здесь бы и план никакой не помог. Главное рождается не из планов, а как раз — из мечты.

— Но тут одна вещь: есть писатель, есть четыре тетради и пачка писем, но есть всего один Читатель!

— Ты думаешь, количество читателей имеет значение?

— Ты не простой читатель, ты знаешь историю, ты сам — персонаж истории этой. Ты же понимаешь, что должна быть гармония содержания и формы. Для тебя важнее содержание, но для постороннего небезразлична форма.

— Ты, Валерка, конечно, прав. Только соотношение, по важности, зависит от системы «писатель-читатель», эта система всегда существует. Кроме того, что вложить в понятие формы? Язык, структура повествования, размер текста? Для меня, если взять Гоголя или Набокова, то форма, язык занимают процентов 70–80, а уж потом смысл, содержание.

— Форма, форма. Я что-то вспомнил твою фотографию, в военной форме. Очень тебе шла. Если бы жизнь сложилась по-другому, пошёл бы я по военной линии. Ты бы, думаю, дослужился бы до генерала.

— Ой, нет, только не про армию, тем более что сейчас так много переплетений, как тех нейронов в мозгу дурной коровы. У меня были вполне пристойные воспоминания, и про строевую подготовку, и про звёздочку на околыше фуражки, даже про танк Т-54. Всё обгадили эти идиоты. Что-то наподобие стыда за родство с кроманьонцами, которые плохо относились к таким же членам биосферного сообщества, неандер-

тальцам. Потом ещё и мамонтов истребили. Стыдно за них. Насрали прямо в ДНК. Лучше давай вспомним, какую шикарную стенгазету мы выпускали в школе! Ты же был главным художником, правда, и единственным, я как-то стеснялся с тобой соревноваться. Зайдём в хату, я тебе свои картинки покажу. Хотя, со стыдом признаюсь, изостудий я не заканчивал, и даже не посещал. Один раз, правда, пошёл и сбежал, скучно как-то там было. Самодеятельный художник я — самоучка. Всё сам. Особенно люблю иногда сам себя похвалить.

Постояли, ещё раз окинули взглядом панораму. Говорят, есть в человеке такая атавистическая тяга к полёту, мол, некое возвращение к свободе, природе. Это только с земли кажется, что летать легко, помахать крыльями — работа ещё та! Не в том тяга совсем, а в желании подсознательном взглянуть пошире на землю, на простор, за горизонт, который виден тем, кто при земле, не выше травы. Полёт Гагарина не тем был велик, что ракета, там, техника, триумф технической мысли… а тем, что он как никто до того не взглянул на Землю и на мир. Вся Земля сразу! Похоже на глобус, но как живая птица на чучело.

Техника, архитектура. Как хороши эти чертежи, эскизы и дипломные проекты фантастических строений из картона! Всё продумано архитектором: пожарный балкон за двумя дверями, и двери все открываются по команде «толкать», если бежать от пожара. Только от красоты проекта при постройке остаётся процентов 40, а уж дальнейшая жизнь дома под дланью ЖЭКа уверенно смещает этот процент к нулю. Дверь, забитая, там, где должно было быть стекло, кусками фанеры, открывалась с трудом, потому что просела и возникли сильные взаимодействия её с полом. Вторая дверь была со стеклом, некая нерадивая, а может, и злоумышленная рука сильно повредило старое, пришлось пойти к знакомому стеклорезу, вырезать новое, уже с проволочной арматурой внутри. Впрочем, и это не вечно. Лифтовый холл именно благодаря этой двери со стеклом всё-таки освещался днём. А ночью горела тусклая лампочка. Эти лампочки были большой загадкой для КА, потому что от лифта дверь вела в длинный коридор, который ну никак не мог освещаться естественным светом, хотя бы и днём. Поэтому, в нём уже 35 лет без перерыва горели лампочки, пять штук. Когда какая-то выходила из строя, приходил электрик (не без нажима, естественно, на ЖЭК) и заменял на новую. И так на всех 16 этажах, а рядом стояли ещё два таких же дома, КА посчитал, всего что-то около 250 лампочек. Он как-то пофантазиро-

вал, что если на крыше поставить уловитель солнечного света и подвести оптоволокно к каждому этажу, то в светлое время суток можно было бы обходиться без лампочек. С большим интересом наткнулся на информацию, что где-то в Штатах такой проект уже осуществлён для частных домов. Война, правда, внесла свой вклад в экономию электричества, отключение света вырубали эти 250 лампочек то на два часа, то на 4.

Остановились перед дверью, КА достал ключи. Открыл сначала одну дверь, за ней была вторая, обе металлические. Валерка посмотрел уважительно на такую степень охраны, но промолчал. Потом КА объяснил, что дело не столько в охране, сколько в сквозняках.

— Газету помню, помню очень хорошо. Знаешь, как ни странно, она мне много дала, я почувствовал какую-то уверенность, Я могу! — это очень важное чувство. Казалось бы, стенная газета школьная, но мы просто делали её очень хорошо. Я обратил внимание, когда мы зашли, много картин на стенах. Все твои?

— Нет, конечно. Вон тот угол посвящён коллекции настоящих, так сказать, художников, есть подаренные, есть купленные. Раньше было много у меня знакомых художников, теперь смена поколений, с молодёжью не знаком почти.

— Хороший пейзаж. Я бы, наверное, побоялся сделать дерево таким голубым. Однако, выглядит вполне логично, цветовая композиция выглядит богаче.

— Это моя любимая турецкая зелёная. А дерево, скорее куст — это лох, он отдаёт таким серебром, осенью, как раз в сочетании с красным и жёлтым, вполне отображается этой турецкой. Я вообще люблю чистыми писать, не смешивая. Мне эти импрессионистические штучки по душе — делать мозаику из мелких мазков чистым цветом, а мозаика даёт эффект оптического смешения. В общем, экспериментирую.

— А я так до масла не добрался. Всё не мог решиться. Мне всегда казалось, что это какая-то вершина, к ней просто так не подступиться.

— У каждой техники свои вершины. На гитаре можно бренчать в три аккорда, а можно играть как Пако де Лусия.

— Мне никогда не хватало смелости. Если честно признаться, когда рисовали газету, я почувствовал самую большую смелость. Но как отличить нахальство от свободы полёта? А как оценить результат?

— Мне кажется, в идеале — никак. Просто подчиняйся своей потребности отобразить нечто. Опыт так или иначе приходит. Работай,

смотри. Впрочем, этим я как бы оправдываюсь, ибо полный неук. Ты, наверное, правильно сделал, что пошёл учиться рисовать. Я только думал, что ты вот-вот вырвешься из окружения этих конусов-цилиндров и гипсовых розеток.

— Ты прав, смелость — великая вещь. Вот, посмотри, вот смелая вещь, твоя работа?

Большой картон в узкой раме. Натюрморт с несколькими сосудами, керамика, стекло. И розоватый фон, и всё в такой цветовой гармонии. Неброско, но сильно.

— Нет, не моя, это Мишкина работа. Вот у кого хватало и смелости, и результата. Это, наверное, и есть талант. В каком-то смысле он был моим учителем.

— Ну, этого я ещё не слышал! — Мишка возник около своей картины, у стены. — Это я, как мне казалось, у тебя учился.

— Вот и он, стоило только вспомнить-подумать, познакомьтесь — Валерка, мой школьный друг. Конечно, все чему-то учатся друг у друга. Но почему так всегда в жизни бывает? Сколько желания было тогда, но красок не достать, картона и холста купить негде, лазали воровать оргалит около мебельного магазина, денег не было, теперь есть краски, есть холст, даже деньги, но нет друзей, и не та жажда творить.

— Тогда не было главного — опыта, — сказал Мишка, — дай тебе тогда всё, не думаю, что эффект был бы огромный.

— А тут ещё и фактор, скажем так, главного, который был озвучен в той фразе от Валерки: хорошо бы сделать главным то, на что остаётся час!

— Меня это всегда мучило, — Валерка задумался, — на что уходило время? Быт, ненужная суета, немного — учёба, которая не всегда была рациональной. Смотришь, а сесть спокойно, написать письма, записать в дневнике события, как-то некогда. При этом у меня больше было времени, я то работал, то на пенсии. А вы учились, потом работа, всё заботы.

— Мне кажется, что выделение главного, в этаком практическом плане, и есть отделение профессии от любительства, аматорства, — сказал КА. — «Настоящий» писатель садится с утра за стол, за машинку, комп и пишет. Помните, воспоминания Хемингуэя? Он садился и писал свои десять, если повезёт, то и больше, страниц в день, дойдя до места,

с которого точно знал, как начать завтрашнюю работу, и с чувством выполненного долга шёл в кафе, где мог ещё что-то править, редактировать, или мог прогуляться по набережной Сены. И так — годами.

— Но ему хлеб давала ещё и какая-то журналистика, — Мишка вставил своё замечание. — Творческая работа, она, как известно, весьма нестабильна в смысле материальном. Это только Союзы писателей и художников социалистического толка давали какую-то стабильность, но за это надо было платить свободой. Вот и получается, что «творец»-профессионал, настоящий, должен где-то подработать. Обеспечить себе стабильность. Мало у кого был такой брат, как Тео. Есть одна глупая мысль, мол, только бедные художники могут создавать нечто новое, стоящее, даже революционное.

— А что, художник, — КА показалось, что может возникнуть спор, а этого ему не хотелось, — он как все. В смысле материальных благ. Какой-то минимум нужен всем, а то, что сверху и сверху, может иметь разный эффект. Как уверял Дали, художник должен быть богатым, это даёт ему свободу.

— Интересно, — Мишка тоже решил увести разговор в другую сторону, — как вы думаете: свобода и независимость — это одно и тоже? Если художник независим от какого-то донора, становится ли он свободным? Например, гипотетично, Ван Гогом заинтересовался какой-то киевский сахарозаводчик, что-то другие специальности капиталистов в голову не приходят в связи с Киевом, и потихоньку начал скупать, Тео вздохнул с облегчением, можно уже не отрывать от своих небольших заработков на холсты для брата. Винсент почувствовал независимость, но стал ли он свободен, свободнее?

— Может, я и не прав, — Валерка вступил в разговор, — но, по-моему, мы вошли в некую область, где не можем быть экспертами, ведь никто из нас не был и не есть художником, основным занятием которого есть живопись, работа в искусстве. А вот всегда мне было интересно: что возникло раньше — искусство или художник?

— Тебя точно с Валентином Абрамовичем познакомить надо. Ты всё время интересуешься происхождением, прямо как Дарвин.

Зашуршало, это вошла в комнату жена. КА и не заметил, как она вернулась домой, так увлёкся беседой.

— Мне показалось, что ты с кем-то разговариваешь.

— Да это я старые видеоролики прокрутил.

— А, то-то я слышу, вроде голос Мишки Пахомова. Хорошо, что записи остались, можно вспомнить. Ты мне как-то поставь, с удовольствием посмотрю. Как его, кстати, дети поживают? Я его чего-то не так давно вспоминала, как мы с ними были на каком-то пикнике, дети ещё маленькие были.

— Дети как дети, недавно дочка-внучка родилась.

— У кого?

— У Анастасии.

— Вот молодец, не так уж молода она, Мишка бы порадовался. Я чего пришла сказать, хотела запеканку сделать, всё купила, а смотрю, дома сахара совсем нет, пойди сходи в «Кишеню», а то я уже начала замешивать.

— Прежде, чем замешивать, надо посмотреть, есть ли все ингредиенты.

Рондо мудрости

Казалось бы, что тебе соседи по даче? Отгородился забором, да и всё. Жалко, конечно, хотелось бы по-дружески соседствовать. Ну, а если не получается? Это ж надо иметь железные нервы — слушать их музыку, ощущая постоянный стресс, и наблюдать в себе какие-то пещерные инстинкты относительно затаившегося близлежащего врага. А может, просто не хватает мудрости?

— А ты воспользуйся чужой мудростью, если не хватает своей, — Мишка дал совет, из тех, что имеют вполне приличную оболочку, но маловыполнимы по сути.

У КА появилось весьма надёжное предчувствие начала нового разговора. Наверное, где-то, не обозначенная словами, была затравка, например, началось с того, что знание не рождает мудрость, так же как старость, книги, телевизор и правильная интерпретация новостей. Но точно, мудрость имеет отношение ко времени. Аристотель мудр не столь потому, что придумал лестницу существ, сколь потому, что давно это было. А всё, что было придумано так давно и не пропало в веках и тысячелетиях, не могло не быть мудрым.

— И кого ты предлагаешь в доноры мудрости?

— А хотя бы Марка Аврелия.

— Того, что был император и философ?

— Да, полжизни провёл в военных походах.

— Ну вот, и что дала ему его мудрость, — заметил КА, — если он не смог предотвратить все эти войны? Вот если бы он не воевал с варварами, а торговал, просвещал их, даже за деньги, тогда бы можно было назвать его мудрым правителем. Равноценна ли мудрость удачного ведения войн и мудрость жить в мире?

— С точки зрения этики и общего гуманизма, наверное, их, войн этих, следовало бы избежать, но вряд ли с точки зрения эволюции человечества. В те времена войны, как примитивный инструмент политики, наверное, были неизбежны.

— Боюсь, Миша, мы стоим с тобой на позициях разных эволюционных принципов. Ты, видимо, ближе к принципу поступательности, где-то близко к марксизму. Мол, человечество развивается подобно стратиграфии геологических пластов: более примитивные социальные конструкции сменяются более сложными. А мне как-то ближе концепция наложенных циклов: все конструкции появляются чуть ли не сразу, а потом в разных вариантах повторяются. Вот, смотри, малоструктурированные примитивные социумы превращаются в моноэтнические, монокультурные, потом формируются структуры имперского толка, империи распадаются — и циклы повторяются. Тот же Марк Аврелий, римский император, умер, говорят, где-то недалеко от нынешней Вены, где через столетия пришёл конец Великой Римской империи, а потом та же Вена стала столицей следующей империи.

— Наверное, простых моделей здесь нет, но исторические циклы имеют место. Интересно, что, какое общество ни возьми, все проповедовали свою вечность. Это что-то вроде «ложного постулата об остановленном состоянии».

— Некоторые и существовали столетиями, тыщу лет. Для человека это практически вечность. Но мы завели речь о мудрости.

— Да, Марк как бы предупреждает и даёт совет (цитата не точная): «Каждое утро скажи себе: сегодня мне придётся столкнуться с людьми неблагодарными, алчными, корыстными, заносчивыми. Эти свойства проистекают из незнания ими добра и зла». Но, я, продолжает Марк, не подвержен их заблуждениям, потому что я понял добро и зло.

— Сомневаюсь, стоит ли с утра так себя накручивать на негатив. Хотя, если я скажу себе, что мне сегодня придётся встретиться с людьми благодарными, вежливыми, порядочными, добрыми, это явно не вся

правда. Хотя, по логике, если свои свойства первые, те, что плохиши, приобрели от незнания добра и зла, то мне второе менее важно, чем первое допущение. Ибо второе мне ничем не грозит. Так что Марк был, видимо, прав: стоит предупредить себя о худшем.

— Я думаю, Марк, как философ, здесь недоработал. Знают они прекрасно, что такое добро и что такое зло, и те и другие. Однако знать и познать, наверное, категории разные. Первых надо уличить не в незнании, а в недиалектическом мышлении. Это то самое бинарное мышление. А вторые, скажем так, хорошие, чувствуют диалектику добра и зла, одного без другого не бывает. Вот они, делая добро, задумываются, не причинит ли кому оно зло? Поэтому и выглядят в наших оценках «хорошими».

— А кроме того, упустил он принцип релятивности. Для тебя они, особенно с утра — алчные, а может, они просто экономные? Это как посмотреть. Это всё относительные оценки, относительно твоих представлений о добре и зле.

— Философия и жизнь. Хотя Марк и познал сущность вещей, воспринимает он их не относительно их сущности, а такими, какими они ему, лично ему представляется. Вот тебе и символизм жизни, можно сказать, закон символизма жизненного восприятия: мир вокруг (включая дачных соседей) состоит из символов, а не из сущностей.

— Прекрасно, но символы есть вещь индивидуальная, тогда как же быть с единством мира?

— Очень просто, ребята, — вдруг появился Валентин Абрамович, наверное, КА подумал, что послушать в этой полемике хорошего философа было бы неплохо, — на то есть общественный договор. Он унифицирует символы. Вы меня навели на одну мысль, может быть, в этом договоре и есть самое важное, что отличает социум пингвинов от социума людей.

— О, Валентин Абрамович, рад приветствовать, — КА заулыбался, — Мишка, вот, настоящий философ, не из тех, что нам когда-то преподавали диамат. — Согласен, в символизме, — добавил КА, — договор появляется как следствие, скажем, как инструмент.

— Да, пожалуй, — согласился Валентин Абрамович, продолжая разговор, — вот он вам, пример, для одних — специальная операция, даже и символы свои появились, для других — война, всего лишь — отрицание Z-символа, и весь мир выглядит по-другому. Пингвины же видят сущность вещей, символы им практически не нужны.

— Парадокс эволюции, — заметил Мишка, — потеря столь важного — видения сущности, причём без всякой философии, и, в то же время, развитие!

— А думаю, парадокса нет, — задумчивую паузу сделал Валентин Абрамович, — человеческий символизм есть способ свернуть бездну информации, которая пингвинам недоступна, в символ. И опять же — договоры могут иметь своё разнообразие. Может быть такой общественный договор: социум как бы принимает, что сущность вещей знает какая-то секта, вроде ЦК КПСС, или какой-то мудрый вождь, вроде Путина или, прости Господи, Лукашенко. Знает сущность, но общается с народом своим набором символов. Новояз, например, оруэлловский или, там, Слава КПСС и прочие Славы.

— Тогда, — Мишка подхватил идею, — получается, что социумы, государства, а может, и этносы, стоит дифференцировать как раз по отношению к этому договору? Или по конструкциям договоров. Знаете, Валентин Абрамович, мы, кажется на пороге социологического открытия! Во всяком случае, это новый шаг после Макиавелли…

КА как бы вышел из полемики, стал размышлять «без свидетелей» об этой, во многом новой для себя идее. Договор рождает доверие к государству и обратно, или точнее — договор есть следствие доверия. В том и дело, что договор — это не конституция! День конституции — вещь формальная, хорошо бы праздновать День договора! Но доверия ли? Чем был хорош кроманьонский следопыт-охотник? Знанием повадок зверей, знанием окружающей среды вообще. Волк избегает человека, человек боится волка, что обусловливает минимизацию контактов. Можно ли считать это договором? Интересный случай был на днях, КА всё ещё прокручивал детали прошлой субботы.

Звонок с незнакомого номера:

— Капитан полиции Тарасов, прикомандирован к СБУ.

— И чем вызван звонок именно ко мне?

— Вы такой-то? Хорошо. Раскрыта сеть торговли наркотиками, может, и оружием, вы и вся ваша семья в базе этой сети. Вы получали, может, по интернету посылки?

И так далее, ошеломляющие новости, в конце которых намёк, мол, мы сомневаемся в вашей причастности и хотели бы вам помочь…

— Вам не звонил полковник Устименко, из СБУ? Позвонит, хочет поговорить по видеосвязи, под запись.

Что и сказать, становилось страшно. И вот что потом, уже позже, анализируя происшествие, подумал КА. Ведь и этот звонок, звонки, точнее, и этот образ «полковника» (совершенно бандитского вида, на фоне полудюжины эмблем разных полков и бригад ВСУ), развалился в кресле, поигрывает пистолетом — мы вас всех вызовем и проверим на полиграфе, вы этого не выдержите… всё это где-то в подкорке оценивалось как плохая оперетка, но в самом мозгу была тревога. Отчего тревога? Ведь договор между гражданином КА и государством гласит: «Я, государство, тебя защищаю, а ты всегда лоялен ко мне». Эти мошенники, а именно они тревожили КА (как потом оказалось, многих), они как раз и рассчитывают на этот вопрос-сомнение: если в мире так много произвола, так много несправедливости, то почему бы и сейчас не отошло бы государство от своего договора? Человеку свойственно видеть худшее? Въедается прямо в генетическую память история несправедливостей, жестокостей государства? На чём зарабатывают эти шахраї? На неверии в абсолютную справедливость государства и соблюдение им договора. КА при всём своём жизненном опыте не смог просто отмахнуться, позвонил-таки на горячую линию СБУ (оказалось, что такая есть, в чём можно было и не сомневаться, мало ли кому понадобится срочно передать какую-то важную информацию…), после нескольких гудков приятный женский голос успокоил, мол, это мошенники, мы приглашений к себе… по вайберу… не присылаем…

Ах, да, собеседники-то никуда не делись, обсуждение продолжалось. Остановились на Макиавелли, почему его Мишка вспомнил?

— Это льёт воду на мою мельницу, — заметил КА, — смотри, Мишка, ты с XV века перескочил в XXI, это и говорит о том, что за полтыщи лет ничего не изменилось, только циклы, повторения.

— Макиавелли, — Валентин Абрамович, подошёл к полке и безошибочно, будто сам туда поставил, вытащил из ряда книжку «Государь» и раскрыл сразу в нужном месте, будто вся она была у него перед глазами, — да, он писал так: «Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно». Мне кажется, Миша, что это вполне совпадает с нашей концепцией, этакое взаимодополнение. Интересно, что он ставит знак равенства между демократией и деспотией, главное — власть над людьми.

— Вот, я же сказал! — Мишка просиял, — смотрите: единовластное правление, каким бы жестоким оно ни было, держится на принципе договора, например, о «вере в солнце мудрости». Хотя бы тот же сталинский возьмём, режим, бесспорное доминирование веры в вождя, пусть и с оговорками. А при демократии — на вере в парламент, как сосредоточение мудрости, или, там, в вере в мудрость же президента.

— Ещё интересный вопрос, вполне близкий к эволюции, — размышляя о чём-то своём, проговорил Валентин Абрамович, — должна эволюционировать как система символов, так и система, структура договора, думаю, что он из относительно примитивного должен был становиться всё более сложным, изощрённым.

— Вот, прямо перед глазами, пример из новейшей истории, — сказал Мишка и сделал паузу, выглянув в окно, как бы наблюдая ход этой самой истории на улице. — Жили себе при Кравчуке, при Кучме, договор был такой: они там сами по себе, а мы помаленьку выходим из кризиса 90-х, накапливаем. Но резко изменилась суть договора, и пошёл народ на Майдан. И, что важно отметить, произошла резкая смена символов, знаков.

— Должен поддержать вас, уважаемый Константин, в том, что полтысячи лет прошло, а мало что изменилось, — Валентин Абрамович продолжал листать книгу, — тут, у Макиавелли, советы Государю, как надо строить власть на оккупированных территориях. Это же прямые советы Путину и К°. Интересно, что бы сказал о таком сходстве ситуаций сам сеньор Никколо? При этом налицо существенные изменения в самих глобальных моральных оценках. Вот послушайте, как, на ваш взгляд, выглядит такая сентенция? «Поистине страсть к завоеваниям — дело естественное и обычное, и тех, кто учитывает при этом свои возможности, все одобрят или никто не осудит». Мир всё же изменился, вот, хоть бы эта война против Украины, осудили и осуждают.

— Но посмотрите на историю после Первой мировой, после Второй, — заметил Мишка, — да, осудили, но что-то нюрнбергские процессы не стали носить эпидемический характер, там осудили, там промолчали, там помогли агрессии.

— Пожалуй, вы правы, изменилось, но осуждение должно иметь системный характер, оно должно подкрепляться действием, иначе мало в нём смысла. С одной стороны — изменения моральных принципов, но с другой — некоторые поучения и советы остаются актуальными, будто полтыщи лет и не прошло.

— Вы имеете в виду те поучения, которые связаны с удержанием власти на захваченных территориях?

— Именно! Вот, например: «в действительности нет способа надёжно овладеть городом, иначе как подвергнуть его разрушению», — это вам не из сводок ли нынешней войны? Я могу представить, что такой совет дал бы мне искусственный интеллект, но как чувствовал себя живой человек, который давал такие советы?

— Пожалуй, спросить у автора было бы интересно, — сказал КА, в тот же момент в проёме двери возникла сначала неясная тень, потом проявился образ, КА ещё подумал, что очень похож на портрет в Википедии, работы какого-то флорентийского художника.

— А, сеньор Никколо, — КА нимало не удивился, — извините, что побеспокоили. Зачем догадки, если можно услышать автора?

— Приветствую вас, достопочтенные сеньоры. Не скрою, я несколько устал от этих упрёков, но меня радует, что по прошествии столетий мои скромные труды всё ещё не забыты, да и анализ оценок, изменения их во времени, весьма уж продолжительном, дают много пищи для размышлений.

— Знаете, дорогой сеньор Никколо, — сказал КА, — меня сильно удручает то, что сделанные вами наблюдения по-прежнему актуальны для кое-кого.

— Уважаемый сеньор Константин, вы же сам учёный и вполне понимаете, что функции повторяются скорее всего на базе повторения структур. Насколько я понимаю вашу мысль, которую, правда, вы ещё не озвучили до конца, вы имели в виду мои эмпирические обобщения относительно того, как поступает успешный оккупант при оккупации страны с близкой культурой, языком?

— Да, меня поразили именно параллели с современной войной России против Украины. Вы писали, извините, если цитата слишком велика: «Завоёванные владения могут принадлежать одной стране и иметь один язык, либо к разным странам и иметь разные языки. В первом случае задержать завоёванное нетрудно, в особенности, если новые подданные и раньше не знали свободы. Чтобы упрочить власть, надо искоренить род прежнего государя, ибо при общности обычаев ни от чего другого не может произойти беспокойства. Так обстояло дело в Бретани, Бургундии, Нормандии, которые давно вошли в состав Франции».

— Ну да, вмешался Мишка, — а современные французы, из слабо знающих свою историю, думают, что Франция такой была всегда, единая страна. Так она единой страной стала или просто замаскированной империей? Думаю, у нормандцев и парижан до сих пор разные мнения.

— Продолжая мысль: «Надо лишь только проследить, чтобы род прежнего государя был искоренён окончательно, да сохранить прежние законы и подати». Как-то ничего не сказано о культуре и языке. Сеньор Никколо, гасконского языка, как видим, не стало, остался язык межнационального общения, парижский. Или в ваше время фактор языка, культуры местной не был столь важен, по сравнению с податями?

— Я уже отметил, сеньоры, что это не советы мои государям, а обобщения опыта истории, — ответил Макиавелли, — а он показывает, что государи не столь были искушёнными в вопросах культуры. Если бы я давал советы, то обратил бы на это внимание. Сохранение своей культуры, обычаев и языка создают немалый социальный комфорт для захваченных оккупантом, а, значит, делают власть господина более надёжной. Однако здесь есть и своя опасность для власти государя, а если ближе к вашим понятиям и времени — для государства. Думаю, у нас совсем разные представления о том, кто и что есть Государь.

— Что вы имеете в виду, насчёт культуры? — заинтересовался Валентин Абрамович, — впрочем, я догадываюсь.

— Да, наверное, мы вместе подумали одинаково.

— Когерентно, я бы сказал.

— Прекрасный термин, именно, не идентично, а в одном направлении. Так вот, опасность для государя в том, что аборигенные культура и язык излишне объединяют и сплачивают народ оккупированной территории и обособляют от империи. Но и здесь у государя есть механизмы управления — разделение милостей. Те, кто получают больше доходов и видят перспективы в этом для своих детей, на первое место поставят деньги и доходы, а не культуру. К слову сказать, я несколько знаком с обустройством нынешних государств, есть ведь вполне жизненные примеры процветающих многоязычных и разнокультурных. И потом, это уже по вашей специальности, сеньор Валентино, умелое использование естественных эволюционных процессов, а не давление даёт весьма благоприятные плоды для государя. Только весьма неумный правитель может запретить читать, тем более, писать книги на родном языке.

Что-то звякнуло на кухне.

— Дорогой, я просила тебя вынести мусор, — донёсся голос жены.

КА нехотя поднялся из-за стола, посмотрел на страницу своей повести, что висела на экране монитора. Пожалуй, надо пройтись.

— Да, пойду прогуляюсь, могу зайти в гастроном, надо что-то купить?

— Посмотри овощей.

КА пошёл на кухню, взял мусорный мешок. Быт всегда приходит в какие-то моменты, когда человек так далёк от этого самого быта. Однако и здесь можно найти приметы эпох, веяния времён. КА решил смотреть на окружающее философски и не без пользы. Вот, к примеру, совершенно эпохальным был ковид: пандемия, болезни, катастрофа мирового уровня. Отголоском мировой суеты, в очень локальном масштабе, стало то, что под шум ковида ЖЭК заварил мусороприёмники на этажах. Чем тебе не глубокое наблюдения социума? Никакого отношения мусор к эпидемии не имел, но выглядело вполне в духе времени — «Чистота есть залог здоровья». Сказать честно, КА всегда соболезновал дворничихе Нине, когда она возилась в этом зачуханном помещении, куда с высоты 16 этажей валились отходы жизнедеятельности, к счастью, не все. Особенно летом, когда падали прокисшие арбузы, помидоры и прочие дары полей, теперь, конечно, стало санитарнее. Может, в будущем у каждого квартировладельца будет свой мусороперерабатывающий портативный комбинатик? Во всяком случае, тенденция от социалистического образа обобществления мусора и переход к индивидуальному с ним общению был очевиден. Ещё вспомнилась, тоже локальная, небольшая эпопея с мусором у его родителей, в небольшом городке. Государь в лице горисполкома никак не мог выработать приемлемую модель мусоросбора. Апофеозом многолетних экспериментов был сценарий, по которому машина мусорная приезжала по некоторому графику, на десять минут, и надо было успеть выскочить со своим мусорным ведром, иначе пришлось бы ждать сутки до следующего визита. Надо сказать, что вынужденная ритмизация жизни кое-кого очень даже дисциплинировала. А ещё он подумал, что с народом можно делать самые разные эксперименты, но вот народ с государем делает такие нечасто, и, как правило, они бывают не очень удачные. Хоть бы и радикальные, с помощь гильотины. Ещё вспомнилась фраза одного эссеиста о том, что интеллигенция всегда находится в оппозиции к власти, хоть к Государю персонально, хоть к «Государю» как образу, потому что всё ставит под сомнение, включая и Договор, но чаще она это делает по привычке.

Дневник войны

Чтобы задумываться о глобальных проблемах, совсем не обязательно иметь какой-то конкретный повод. Глобальные проблемы, например, войны и мира, они как-то сами выползают наружу из общего фона жизни. К проблемам заставляют обращаться проблемы. Не рассуждаем же мы о войне и мире, когда вокруг царит мир! Правда, бывает, что какой-то внешний фактор, случай направит соображения из маленького ручейка конкретного в русло каких-то обобщений.

Две войны — Афган и Украина, бессмысленные и продолжительные. Провёл параллели КА потому, что попалась в инете передача, такой один известный и довольно симпатичный российский путешественник даёт кому-то интервью после поездки в Афганистан, недавно. А до того бывал там в конце 80-х, работал аж 4 года как журналист. Что писал, о чём писал, теперь уже неважно. Наверное, про интернациональный долг. Теперь повёз группу туристов. А что, сами талибы делегациями приезжают в Москву. Что остаётся от этих войн? Ненависть к бывшим врагам? Долго, наверное, живёт. Вон, ту, мировую, КА вообще не видел, но как долго жила в нём неприязнь к «немцам». Правда, этот образ нелюдей, захвативших страну, множество раз тиражировался в фильмах, книгах, уроках истории, живых рассказах.

— Ты понимаешь, Мишка, годы прошли, уже не враги, но не друзья, однако ненависти никакой нет. Может, где-то и памяти. Шесть миллионов беженцев, в том же Афгане, тысячи погибших, и война была не такая, как сейчас, в том смысле, что не было, собственно, линии фронта, где основная война, весь народ был в партизанах.

— А я не вижу здесь ничего выходящего из исторического ряда вон. Если бы эта память, эта ненависть жила бы веками, то как налаживать новые связи? Жизнь-то идёт. Посмотри на Европу. Кто может сказать сейчас, что каких-то восемь десятков лет назад это было поле битвы?

— Может, новые войны и происходят от, или вследствие этой забывчивости?

— Трудно сказать, но основной тренд истории всё-таки в забывчивости. Ведь если оглянуть исторический путь человечества, то окажется, что почти все воевали почти со всеми. Всё ушло, новые отношения, новые связи.

— Но есть один момент: не вспоминать это не значит — всё простить.

— Да, война и сама — преступление, но ещё и поле для преступлений частных.

— Это понятно, только вот оценки тоже проходят свою эволюцию. Что в мирное время ужасно, то в военное — просто быт. Мне сейчас в голову другое приходит.

Уже несколько дней КА был под каким-то странным впечатлением от собственных своих записок, начатых года за четыре до войны. Была у него такая привычка, такой грех — записывать какие-то впечатления, мелкие соображения, в данном случае — на тему дня, скажем так, с политическим уклоном. Одна запись, в день рождения отца, в феврале, всё не выходила из головы. Сейчас, кажется, он понял: может, Мишка чем-то подсказал, вот эти записки, они были важным мостиком между прошлым и будущим: «Он освобождал Киев, был и на Букринском плацдарме, и на Лютежском. И перед ним был Днепр, а за рекой — враг. Однажды, в один из его приездов в Киев, пошли с ним в музей, что под той самой железной Родиной-матерью. Там были фамилии героев, кто-то мог быть его сослуживцем. А он был живой, читал эти списки, для него это была не бумажная история, это была часть его жизни». И что его было спрашивать о его отношении к немецкому народу? Никак он не относился. Пришёл враг, захватчик, надо его победить, а немецкий народ пусть сам разбирается со своими историческими ошибками. Уж точно никогда он не вспоминал этих самых немцев как какую-то ненавистную субстанцию.

Связь времени. В этом предвоенном дневнике то тут, то там попадались то побольше, то поменьше, причины и причинки событий, которые уже произошли. Которые ещё произойти должны. Февраль, 2018: «В Чернигове памятник Хмельницкому развернули спиной к Москве», «Польский государственный деятель осудил Хмельницкого за его холокост во время гражданской войны 1648 года». Почему одни новости проходили мимо, другие, наоборот, останавливали, привлекали внимание? Уже четыре года тогда шла жёсткая конфронтация, правда, никто не предчувствовал большой межгосударственной войны.

— Вот, Мишка, смотри, — ещё четыре года до войны, но ты тогда мог себе представить такой исторический сценарий, вряд ли, но можно ли утверждать, что была неизбежность? Ведь были шансы избежать войны?

—Ты знаешь, историческая неизбежность — штука более, чем тонкая. Ты же знаешь, вся та самая революция Хмельницкого начиналась с маленького конфликта, частного. Мог ли польский король предполагать, что из этого разгорится огромный пожар? Вряд ли, иначе пошёл бы навстречу обиженному, может, и не было бы восстания. Не было бы этого сепаратизма. Надо сказать, что имперские методы удушения сепаратизма редко давали приемлемые плоды. Я бы тут провёл некоторые параллели с советами Макиавелли: дайте немного свобод, ибо, если начнётся силовой вариант, ещё неизвестно, кто победит. Объективности ради, надо сказать, что в глубине сепаратизма, не всегда, но сильно часто, как раз и лежит стремление не к свободе вообще, а претензии к конкретным, скажем так, неудобствам. Это потом слагается соответствующий эпос.

КА листал свои записки, наткнулся на такой набросок. Путевая заметка, путешествие в историю:

«На подходе к Майдану, по Хрещатику, на стендах, около здания почтамта — история 100-летней государственности, ну да, с 1918 года (скажем так, новейшей государственности, не считая Ярослава Мудрого). Плакаты с портретами уходили в перспективу улицы. А в конце перспективы сидела, нет, стояла на коленях, какая-то старушка-побирушка, тоже с каким-то плакатиком. А за ней, фоном, вдалеке, на доме Профсоюзов — ужасающего вида цепи, разорванные (мелькнуло — похоже на те, что олицетворяли освобождающуюся от колониализма Африку), с лозунгом «Свобода — наша пристрасть!». Три в одном пейзаже — прошлое, настоящее и будущее».

— Кстати, о свободе, — КА наткнулся на ещё одну заметку, — послушай: «В Кривом Роге отмечали, тот же февраль, 18-го, день освобождения города от оккупантов, наверное, в 43-м году, шёл строй военных, что-то вроде парада, впереди украинский флаг, за ним — красное знамя из музея, некий чиновник исполкома потом комментировал, что использование исторических флагов было согласовано со службами безопасности».

— Так это не про свободу, это про порядок, надо же кому-то следить за порядком, хотя бы и ношения знамён.

— Пожалуй. Ой, послушай, вот это запись! Некие рассуждения об империях и тут такой пассаж: «Империи, более выраженные, как РФ, или США, или Евросоюз, в некоем смысле дают экономические выгоды (что, военная мощь России — не показатель таких успехов?)», — КА расхохо-

тался, за ним и Мишка. — Как это звучит теперь?! А те же США в конфронтации с Ираном… И где эта мощь? Вот тебе и к вопросу об империях и их пользе в истории человечества! А также о пользе прочтения старых заметок. В новое время.

— Да, — Мишка вполне согласился, — что-то с мощью не сложилось, это точно…

— Но как задурили всему миру голову! Не один я таким херовым пророком оказался, оценщиком мощи.

А что, это, видимо, вполне логично — вести несколько дневников. Тем самым как бы разделяя жизнь не то на страты, не то на частокол, или — как поля в Велкапольске (полоски, полоски, совсем не то, что украинские колхозные, без конца и края). Сортировка впечатлений единой жизни. Но что-то теряется, целостность пропадает. С другой стороны, вроде работа не связана с политикой, а быт напрямую с работой. Но всё, так или и иначе, было связано с войной.

Война, война, но, ведь, в целом, это только часть огромной несправедливости, жестокости, глупости, которые существуют в мире. Всегда кажется, что всего этого негативного, ненужного именно в нашу эпоху с избытком, но, вероятнее всего, этот негатив довольно равномерным слоем размазан по всей истории человека. Формы менялись, суть оставалась. Всякого дерьма в мире было предостаточно всегда. Что, сожжение живых людей на кострах во имя гуманнейшего Христа — это не одна из вершин дикости? А хождение на аутодафе как на аттракцион — это не обнищание души — дальше некуда, замешанном на страхе, скотском своём страхе? Страх. Все антиутопии меркнут перед множеством разных историй из простой обыденной жизни.

Перечитывая свои записки предвоенного и военного времени, КА наткнулся на интересную мысли, высказанную, неожиданно, одним поэтом, Антонио Мачадо: «Некоторые думают, что страх перед ужасами, последствиями, может предотвратить войну. Но это не так. Под воздействием страха точат зубы и вооружаются до зубов». Серьёзное наблюдение!

— Да, хорошо подмечено, — сделал заключение и ВА, где-то был поблизости, — причём, это, видимо, главная причина вооружения.

— Я думаю, стоит ответить, что страх перед ужасами предполагает более сложную систему отношений, связей между возможными или реальными противниками. Мачадо не мог знать про Хиросиму, оказывает-

ся, принцип работает и ныне. Та самая доктрина ядерного сдерживания. Но тут важен договор. Оформленный или подразумевающийся. Страх, назовём его страх первого рода, провоцирует более сложные, более рациональные отношения между странами.

— Это, как знаете, принцип ворона — имея одинаковые мощные клювы, один другому глаз не выклюет, договорённость. В каком-то смысле это продукт прогресса: не было атомной бомбы — страх был совсем иным: фронт, окопы, а тыл худо-бедно переживает невзгоды.

— Без меня обсуждаете? — Мишка явился, не запылился, — я бы отметил, что история мировая сейчас переживает такую же революцию, как при начале массового применения пороха; стрелы, конечно, можно уподобить винтовке, но досягаемость и эфемерность защиты сильно изменились. Хиросима только сделала намёк на кардинальный поворот относительно защищённости всей территории. А вот украинская война всё более показывает революционный переворот: от войны гладиаторской к войне роботов.

— Это верно, — подтвердил Мишкину мысль КА, — вот что бы нам Ваня сказал относительно военных перемен?

— Да, товарищ старший лейтенант, — Ваня не то чтобы по стойке «смирно», но со вниманием, — у меня, правда, опыт небольшой.

— Вот, скажи, чувство солдата, ползёт на тебя немецкий танк, а в танке, ты знаешь, командир, механик, ты не с танком воюешь, с людьми. А представь — ползёт танк на твой окоп, а в нём никого нет! Ты гранату, а он ползёт, уже в дыму, но там же никто не задохнётся, никто не струсит, не бросит машину, она ползёт, неотвратимо.

— Это страшно вдвойне, что тут сказать.

— Но мы должны продолжить логику: зачем Ване быть в окопе? В окопе тоже робот — и окоп выкопал робот, — заметил Мишка.

— Ну, вот, — ВА вышел явно на какую-то новую мысль, — мы так придём к тому, что ужасы войны сильно трансформировались и будут трансформироваться. Роботы воюют, эмоции — как в битве между оловянными солдатиками.

— Вроде, логично, — задумчиво сказал КА, — но в этом обсуждении меня потрясает другое: мы (даже, наверное, и Ваня) вполне успешно рисуем себе картину будущего, на манер Уэллса — наземные, воздушные беспилотники ползают, противоборствуют, там и ближний космос можно задействовать… Но! Наша фантазия ни на сантиметр не сдвигается в

сторону здравомысленного вопроса: «А нехрена? Нахрена эти роботы воюют?». Мы не прогнозируем эволюции здравого смысла на фоне очевидной эволюции технологий.

Подумал КА, что тут, в этих рассуждениях, скрыты два важных вопроса, а может, и три. Вопрос первый: откуда это всё берётся? Ведь должны быть какие-то причины, этакая инварианта эпох, превращения богоподобных людей в скотов?

Вопрос второй: как этому всему противостоять? Для точности — а можно ли, а нужно ли? Недавно попался в пресловутых интернет-сетях рассказ о трагическом происшествии, за которым целый глобальный путь этого противостояния, один из. Может быть, самый трудный. Имя запомнил — Александр Окунев, парень из Калининграда, просто вышел к какому-то памятнику героям-жертвам Второй мировой, написал на снегу краской из баллончика: «НЕТ войне», — и поджёг себя. Без всяких назиданий миру и человечеству. Обгоревший труп нашли случайные люди, власти сделали всё, чтобы не было огласки. Журналисты раскопали. Что творилось в душе этого парня, может, не один год? Такая диалектика: отрицание мира через отрицание себя. Впрочем, отрицание никудышного мира имеет много форм. Бороться со злом… вдруг КА как током ударило: вот же, только на днях читал одно эссе, о французских поэтах, ещё подумал, что Мишка должен их знать. Что там было у какого-то из них, фамилия, кажется, на Л? Он стал лихорадочно шарить по папкам в телефоне. Вот он, этот пдф-файл, где-то в начале была та самая фраза. Ага, вот она. Из «Песен Мальдарора» Лотреамона: «Бороться против зла — значит оказывать ему слишком много чести. Если я позволю людям презирать его, пусть не преминут сказать, что я сделал для них всё что смог».

— Как тебе?

— Да, — Мишка задумался, — да, я бы сказал, неожиданно. Можно ли достичь торжества света только презрением дьявола? Я не говорю — бороться, но я говорю, что зло должно быть всегда под давлением, давлением добра.

— Мысль твоя экологически правильная: давление жизни всегда превосходит давление смерти, иначе бы биосфера не существовала. Только тут есть неразрешимый парадокс.

— Какой же?

— Эта концепция предусматривает некое подвижное равновесие, баланс, что идёт в разрез с концепцией полного отрицания зла, в идеале.

— Да, полное, это не диалектично. Если уничтожить всё зло, его место займёт часть добра. И это неизбежно.

— Тот парень выбрал презрение ко злу. Ты веришь, что это пошло на пользу добру?

— Даже если просто кого-то разбудило, я не говорю — потрясло. Потрясло или не потрясло, но человечество совсем не готово обливать себя бензином, отказываться жить в этом дерьмовом мире. Наверное, есть и другие формы презрения?

— А у меня появилась такая мысль, — ВА задумчиво огляделся, погружённый в свои размышления, — если по-научному, то это мысль о законах существования дерьма в дерьмовом мире. Вообще-то, дерьмо — это отходы. Отходы жизнедеятельности одних, что может быть, однако, ресурсом для других. Более того, должно быть. Иначе циклы созидания и разрушения остановятся. Машина живой природы перестанет работать.

— Но ведь случаи были, — заметил Мишка, — в карбоне накопилось так много отходов непереработанных, что до сих пор копают километровые слои угля. Сбой системы был или подарок биосферы грядущему человечеству? А эти горы гуано — чистейшее дерьмо, тоже застряло на берегах Перу.

— Исключения только подтверждают правила, — ответил ВА, — это было локально и достаточно кратковременно.

— Вы как-то сильно обуквальнили проблему, — попытался перевести разговор в иное русло КА, — фраза того самого шофёра у Хемингуэя: «Война — это дерьмо!» — потрясающая по образности, но я бы не стал проводить буквальных параллелей.

— А я так не думаю, — парировал Мишка, — параллели — это не идентичность. Возьми хотя бы мощные мировые религии: гуманистическое, скажем так, доброе начало можно напрямую сравнить с первичной продукцией, созиданием. Древо жизни радует, цветёт, даёт плоды, из них потребители берут всё самое ценное, жизненное, но есть некий матрикс, он идёт в отходы. И они неизбежны, но диалектика природы превращает их в ресурс для других уровней жизни. Циклы замыкаются. Жизнь не останавливается.

— И тогда мы приходим к простому заключению, — поддержал ВА, — что возникновение и существование божественного невозможно без производства дьявольского, которое неминуемо должно быть переработано далее в божественное…

— Да, вывод ещё тот, — заметил КА, — явный конфликт теории с практикой. Самое главное: не слишком ли высока цена?

— Разумный вопрос — стоит ли катарсис, научно-технический военный прогресс, тем более сверхприбыли пушечных магнатов, хоть одной человеческой жизни? Боюсь, — в задумчивости сказал ВА, — принципы биологической эволюции здесь заканчиваются. Никто не оплакал трилобитов, лепидодендроны и ракоскорпионов, они честно поработали на прогресс биосферы и ушли со сцены жизни. Но… с человеком совершенно другое.

— Сострадание, жалость как факторы антиэволюции, — заметил Мишка.

— Не только. Думаю, что ключевое слов здесь не жалость, а бессмысленность. Возьмите экономику, заточенную на войну, хотя бы той же России, тоже ведь аналог экосистемных процессов: энергия, продукция, потребление — люди трудятся, создают, производят, и всё для того, чтобы переработать плоды труда в дерьмо войны. Хотя некоторым выгодно называть это прогрессом.

Так и вечер пришёл. За окном облака чернильно темнели по краям видимого горизонта, солнце, прямо перед тем, как скрыться, выскочило из облака, какая примета? Формально говоря, солнце село не в тучу. КА подошёл к окну лоджии, с досадой оглядел пейзаж, в котором появился на днях ещё один подъёмный кран. По его высоте и длине стрелы можно было составить прогноз о проекте будущего дома. Не очень высок, но горизонт закрыть может, досадно. Впрочем, кучка появившихся за последние годы домов уже как-то привычно смотрелась, к счастью, были элементы простенькой неформальной архитектуры. Вспомнилась недавно купленная книга об архитектурных украшениях Киева лет так сорокпятьдесят назад. Почему-то считалось нормой украшать мозаиками не только школы и детские сады, но и атомные электростанции. Ещё живы мозаики и фрески! Беда только в том, что смальта кое-где потихоньку стала осыпаться. В том жилмассиве, что был внизу и пытался завоевать горизонт, никаких мозаик. Экономия? Немодно? Одно был очевидно: мо-

заики были от государства, безмозаики — от частных предпринимателей. На простой вопрос: стоимость квадратного метра квартиры в доме без мозаики на фасаде дома равна X, а с мозаикой X+y — платить будете? — ответ очевиден.

КА наблюдал за размазыванием чернил по высоким облакам, разлив розового по нижним ярусам, когда пришла мысль, что, вот, нет способов запечатлеть всё это, казалось бы, возьми телефон и щёлкни — не получится, слишком много контрастов. Можно взять из тумбочки цифровик — баланс белого, экспозицией поварьировать, всё равно точности не будет. А нужна ли эта точность? Как-то у Набокова наткнулся на великолепное описание заката, но что подумалось: слово — это слово, но оптический образ — это совсем другое, и, наверное, вот эти коды слов каждый расшифровывает индивидуально, исходя из своего визуального опыта. Сколько слепому ни читай про красоту закатов…

Кстати, о Набокове. На столе лежал томик, «Лолита», мягкий переплёт. Купил недавно на базаре у старьёвщика. Одиноко так лежала книжка среди всякого хлама, прошёл в одну сторону, подумал, если будет ещё лежать на обратном пути, куплю. Читал когда-то, перечитывать не хотелось, так только, погрузиться в хорошую прозу. Оказалось, перечитать стоило, ибо главного самого в первый раз и не увидел. В исповеди этого Гумберта самое не то чтобы важное, скажем — значимое, это его детская ещё любовь. Конечно, по всем законам жанра она должна была умереть, та девочка, умереть, чтобы остаться каким-то эталоном любви и счастья, за которыми надо идти, ползти, преодолевая страх перед целомудренным обществом.

Пару дней назад был массированный налёт. Ещё днём полетели ракеты и дроны на запад, а ночью ударили по столице. Шумная была ночка. Несколько ночей потом не высыпался. Хотя только одиннадцатый час, надо спать.

Проснулся, ещё не было шести. Конечно, надо было встать, сделать зарядку, включиться в жизнь. Но лень пересилила. И, в назидание, наверное, пришёл длинный и хорошо читаемый сон, тревожный и цветной. Со звукорядом только были какие-то перебои.

Было много чего. Но яснее всего запомнилась картина большого футбольного поля. Действительно — поля, зелёного и совсем не прямоугольного, прямоугольность — такая формальность! Над горизонтом стояли высокие облака, которые начали темнеть, приближался

вечер. Вдруг на фоне облаков появились два ударных вертолёта, все обвешанные ракетами, началась стрельба. Облака стали превращаться в какие-то дымные тучи. А футболисты продолжали бегать по полю, игра для них была важнее, тем более что и ворот-то видно не было, успех игры как раз в движении и был. Взметнулся какой-то дым, уже в другой стороне горизонта. А ещё было какое-то застолье, и надо было куда-то уезжать. Оказалось, что всё это происходило где-то в России, у каких-то родственников, и надо было уезжать домой, где тоже была война. Однако родственники были дальние не только по родству, но и по географии, где-то за Уралом, так что, наши вертолёты залетели так далеко?

—Так где ж теперь фронт?

— Где-то по линии Пермь—Вологда, — ответил родственник, наливая самогон в хрустальную рюмку.

Проснулся со странной смесью чувств: злорадства и вины.

Проспал. Конечно, не рабочий день, можно и трохи понежиться в постели (если бы спина не болела), но суббота — это поездка на дачу, пока соберёшься, уж будет совсем поздно. Ещё на базаре отметиться надо с закупками.

Выехали около десяти, благо, не очень далеко, не сотня километров. На желдорпереезде была большая очередь. Тянучка, то шлагбаум пропускает электричку, то странный базар, что по две стороны дороги, но с пешеходным переходом, туда-сюда гоняет дачников по этому переходу, а машины их пропускают. Впереди в очереди машин громоздился здоровенный ассенизатор оранжевого цвета. Деваться некуда, ждали, рассматривал шланги, рычаги, в кормовой его части.

Возникло как бы продолжение диалога. Едет машина забрать чьи-то отходы, частное дело, но потом она эти отходы провезёт на поля орошения, то есть выбросит в биосферу, на съедение бактериям. Элементы вернутся в природу и разными сложными путями выплывут на этом же базаре. Как же локальное дерьмо войны переработать? Надо локальное направить в глобальное? Ну, блин, додумался! Очередь тронулась.

Эх! Майский базар дачный! Но что-то овощей простых купить негде, хоть и перекупленных на оптовом рынке, какую-нибудь турецкую капусту. Всё в цветах! В рассаде! Бывают, конечно, и в конце мая холода, а то и заморозок, но лето пришло, сажать надо. Ампельные петуньи — здоро-

венные цветки, фиолетовая вербена, красная вербена, белые шапки лобелий, розеточки суккулентов — всё здесь! Прямо Бродского можно приглашать, дописать «Летне-весеннюю эклогу»!

— Почём базилик? — КА отметил, что рассада сочная.

— По 80.

Вавилон

В конце лета КА с досадой написал в дневнике: «26 числа августа. Случилась большая неприятность, которая, может, и была следствием не столько неблагоприятных факторов, сколько безалаберного отношения и невнимательности. Пять страниц, написанных за прошлую неделю на даче, исчезли вместе с файлом — следствие освоения новой клавиатуры. И ясно понял, что если бы пропало всё, то восстановить бы не смог, ибо нет сюжета, нет идеи, просто жизнь, как поток. И ещё один урок: писать надо на бумаге, на бумаге больше вероятность сохраниться». КА отложил ручку. Писать надо на бумаге.

Вот и август пришёл, потом шёл, шёл и почти прошёл. Отсутствие значимых внешних, в первую очередь, военных факторов, в виде близких прилётов, создавали иллюзию безмятежности. Безмятежности ли? Один приезд детей чего стоил. Так радостно было и так тревожно. К счастью, только один раз пришлось прятаться, были тогда в городе. А куда прятаться? Бежать в укрытие, дома сидеть? Опыт той ночи, к счастью, опыт дома неподалёку, чужого, показал, что, как минимум, надо быть подальше от окон. Ах, опять эти окна! Окна в мир, но мир слишком недружественным стал. Через окно может прилететь смерть, ну, или хотя бы большая противная неприятность.

Кто теперь может представить себе жизнь в пещере? Как жить без света, который льётся в окно, наполняет жилище радостью дня? Может, и были пещеры с естественными окнами, но что это за окно? Просто дыра. Но через него можно было смотреть на окружающий пейзаж, быть под защитой пещеры и наблюдать жизнь вовне. Именно тогда мог человек впервые ощутить настоящесть своего дома.

Недавно звонил Фёдор. Боже мой, кажется, что совсем недавно бывало столько звонков, столько встреч, что осталось? Одноклассники давно растерялись, а некоторые ушли далёко ещё в период общения. Теперь однокашники по универу. Сколько их осталось? Только с Фёдором и перезванивается изредка, а виделись Бог знает когда.

Фёдор позвонил. Рассказ его, который КА назвал для себя «Вавилон», был такой.

Приезжала его младшая дочь со своими детьми из-за границы. Некоторых не видел три года. Особенно порадовал внук. Попал рассказчик в забавную языковую среду. Дочка в знак отрицания агрессора заотрицала русский язык, полностью перешла на украинский (КА и сам заметил: на чужой стороне, паче в эмиграции, тянет к своему, хоть бы и к языку). Пытался Федя ей объяснить, что отдавать родной язык какому-то путину — дело плохое, но с женщинами о политике и высоких материях лучше не спорить, у них эмоции главенствуют. Старшие её дочки тоже заговорили по-украински, бабушка также погрузилась в эту среду. Хотя со стороны очень чувствуется, что всё довольно искусственно, язык у них какой-то, как диалоги в американских фильмах, бедный, но спорить с женщинами не стал, а сам продолжал говорить на родном русском, с ними в том числе. Как-то установилось активное двуязычие. Но пятилетний внук вносил хаотичность: в садике он пребывает целый день английском, кроме того — местного уже нахватался — социальный такой. А мультики на английском, так внуки то и дело переходили на английский между собой (внучки учатся в немецкой школе, то есть ещё и немецкий у них в ходу, правда, в быту не говорят). Так дедушка с внуком уж и не знал, как общаться. «Представляешь, — как-то недоумённо рассказывал Фёдор, — ничего себе Вавилон?».

Странная вещь, подумал КА, экая конвергенция. С его внуками произошло почти то же самое.

Ах, Федя, не в том дело, пусть говорят, как им удобно. Это уже наша беда — незнание языков, были бы мы с тобой полиглоты, вообще не заметили бы этого Вавилона. К тебе внуки приезжали, к нам тоже, а что было главное? Страх за них. Когда уехали, вздохнул с облегчением.

Ремонт и реставрация

Не помнил КА, с какого момента стала привлекательной для него разнообразная деятельность по ремонту. Само восстановление некоего предмета было чем-то сродни созиданию, как бы повторное созидание — *recreation*. Однажды пришло в голову, что ни в Библии, ни в Торе ничего не сказано об уровне ремонтоспособности созданного Творцом мира. Как Он, в случае чего, планировал — заменять целыми блоками, или подкручивать гайки, или нафиг всё упразднить и создать сначала?

Нельзя сказать, чтобы КА мог починить телевизор, или там, машину серьёзно отремонтировать, но какие-то мелочи, вроде рассохшейся табуретки, реанимировать было всегда не то чтобы сильно радостно, но приносило какое-то симпатичное удовлетворение. Вернуть нечто к жизни или к обычной функции. Может быть, где-то в нём сидел врач, скорее всего — хирург, но не тот, что отрезает, а тот, что пришивает, сшивает. Очевидно, что ремонт старых вещей сродни геронтологической медицине. Может быть, ещё и поэтому восстановление, если не утраченных функций вещей, но хотя бы габитуса, стало привлекательно с годами. Ох, эти старые вещи! Допустим, они почти сохранили свои функции, в некоторых пределах, казалось бы, они практически равны новым таким же. Но это не так. Появляется усталость и проявляется изношенность. Но появляется ещё одна функция — мемориальная. Хочешь, пей из старого фарфора чай, а хочешь — просто поставь чашку в сервант — и пусть она тебе напоминает про бабушку, это была её любимая чашка. Оказывается, старая вещь — это аккумулятор времени. Овеществлённое время. Эти кракелюры на старом холсте, эти трещинки на старой глазури, это тебе не пергидроль, которым можно сделать двадцатилетнюю седой, это код времени, это следствие таких микропроцессов, которые нам не под силу понять и почувствовать из-за нашей собственной эфемерности. Поэтому старость — это не болезнь, это состояние, хоть вещи, хоть души, хоть тела, а хоть и мысли. Что до утилизации старья, то КА вполне понимал некоторую неоднозначность своей любви к починкам. Нет ничего хорошего для человечества в действительно эффективной медицине, цинично говоря. На другом полюсе от неё — войны, неурожай, голод. Чтобы новое нашло себе место, старое должно отмереть. Правда, ненасытная пасть войны поглощает отнюдь не стариков, точнее — их в меньшей степени.

Но зачем рассуждать о глобальном, если речь идёт о простых вещах, единичных предметах? Большинство людей безжалостны к старью. Тут, кстати, можно посмотреть на проблему нового и старого с точки зрения простого обывателя. Как было замечено одним известным психологом, приобретение каких-нибудь штанов в дорогом магазине приносит столько же положительных эмоций, что и покупка на секонд-хенде. Иногда второе может порадовать и больше, хотя бы ценой. То есть, в человеке отнюдь не превалирует неизбывная тяга к новому, собственно, но-

вому ради нового. Но, если старое нужно как-то опекать, точнее, тратить энергию на продление его существования, то новое пробьётся само. В этом и есть, конечно же, главный эволюционный секрет.

Приблизительно так размышлял КА над какой-то колченогой конструкцией, которую водрузил на стол около своей маленькой мастерской на даче. Почему-то пришло в голову: а может ли быть двуногая конструкция колченогой? Обычно он представлял себе колченогий стол, под одну ножку которого надо было всё время подкладывать сложенную бумажку. КА усмехнулся: стоит обратить внимание на какую-то чепуху, и она вполне может вырасти в важный опрос. Вот, например, идёте вы в обычных римских сандалиях по древнему Риму. Асфальт ещё не изобретён, пыльная улица и камушки. Эти камушки то и дело попадают в сандалии, и, вследствие а) частоты явления и б) дотошности и склонности к обобщениям римского народа, у этих камушков есть свой термин. Это называлось скропулами. Надо подметить, что большинство восточнославянского народа ходило в лаптях, но то ли камушки не те, то ли склонность к терминотворчеству не та, а может, климат, но такого термина не родилось, как и многого другого, римская цивилизация — это вам не так себе. И тут появляется интересная бифуркация: можно эти скропулы из сандалий или лаптей вытрясти — да и пойти своей дорогой, а можно глубоко задуматься о природе вещей, о причинах перемещения материальных тел (наверное, можно математически описать траектории, довольно сложные, попадания этих скропул в сандалии?), об уличном хозяйстве, о сапогах, в конце концов. Так родилось слово «скрупулёзность», неоднозначное, стоит заметить.

И здесь — колченогость (специально обратился к телефонному интеллекту) происходит от устаревшего слова «колтать», то есть хромать. А хромать можно и при двух ногах: что колченогая лошадь, что колченогий всадник (в седле незаметно, но изъян такой имеется).

В данном случае было совершенное искажение терминологии (хотя и здесь можно было найти простор для размышлений): ножек было две, и были они совершенно равны по длине (высоте), то есть все эти рассуждения впустую. Колченогость (получается, мнимая?) выражалась в отсутствии ещё двух. Существующие были довольно вычурно изогнуты, в этом изгибе можно было заметить какие-то отголоски реликтовых барочных форм, если бы первым впечатлением не было сравнение с малень-

кой толстой собачкой — мини-боксёром. И, как у нормальной, не колченогой собачки, ножек должно было быть четыре. Действительно, при равенстве имеющихся двух, это никак нельзя было охарактеризовать как колченогую конструкцию. Скорее — ущербную.

Сбор этого утиля имел, надо сказать, фамилиарный характер (от слова фамилия — семья). Насмотревшись в Ю-Тюбе роликов, как какие-то девицы за пару минут (монтаж, называется) превращают всякий хлам старый в произведения искусства, жена также тащила, что ни попадя, мечтая заняться реставрационными работами. На том желания и заканчивались, как правило. Остатки тумбочки были её приобретением. Теперь эти две ножки, две царги, ну, и крышка, «столешница» — всё, что осталось от, надо понимать, какой-то тумбочки из давних времён, пребывало на столе, ожидая решения, обычного для всех старых вещей — выбросить или продлить жизнь? Вспомнил вычитанное где-то в интернете, что такие вот операции, что была весной у него самого, в США, например, после достижения возраста Х не делают. Не надо врачу думать, оценивать реальное состояние больного, просто отказал в помощи — и всё, мол, не положено, Вы слишком стары, чтобы жить дольше! Интересно, что для тумбочек всё получалось как раз наоборот — чем старше, тем интереснее вернуть к жизни. Правда, тумбочкам не нужен наркоз.

Тумбочку, конечно, не восстановить, для палеонтологической реконструкции явно не хватает подавляющей части скелета. Но столик на низеньких ножках может получиться. Правда, было неясно, что с этим столиком делать, каков ожидаемый функционал? Но это вопрос малосущественный, на первом месте — решение технических задач. В гараже, в дальнем углу нашёлся брусок, из которого, в принципе, можно было смоделировать две ножки. Брусок был старый, запылённый, даже нельзя было понять, что за порода дерева. Как потом оказалось, это была берёза, КА обрадовался, могла же быть и сосна, сейчас самый распространённый материал. Какое же барокко из сосны? Правда, и связь барокко с берёзой была не совсем ясна.

Когда речь заходила о дереве, древесине, обработке её, КА всегда вспоминал отца. Он мог показывать ему, пацану, кусок фанеры, говоря с большим уважением к материалу:

— Ты посмотри, какая текстура!

Удивительный материал — это дерево! Может быть, такое сродство к человеку имеет только бумага, да и то, это же производное того же дерева, в основном, если исключить из тряпок и водорослей. Отец учил его различать породы: тёмный дуб или совершенно чёрный морёный дуб, ясень, белый, с прожилками, пестринками, а ольха! Ольха розова и бархатиста, как кожа блондинистого европейца. Как оказалось потом, можно рассматривать пластиковые имитации на ламинате в строительном магазине и знакомиться с массой экзотических пород, вроде жёлтого американского дуба.

— Но, видишь ли, папа, не возьму я в руки стамеску, как ты учил, чтобы попробовать сделать ножку того столика похожей на старинный образец. Ты бы, наверное, осудил применение болгарки со шлифкругом, конечно, это варварство, да разучился я уж работать стамеской. В конце концов, прогресс заставляет изменить подходы.

КА подумал, что оправдывается, наверное, зря, потому что к любому инструменту надо иметь уважение, к электрическому в том числе. Точную копию барочных ножек сделать, конечно, не удалось, но получилось похоже. Жена призналась, что не ожидала такого успеха реставрации.

Зачищал, немножко пришлось подшпаклевать щели, приклеить отслоившийся шпон, потом покрыл лаком, много слоёв. Столик получился, только непонятного предназначения. Ну, может быть, на ковре, на полу, устроить чайную церемонию. Или играть в нарды. Странная вещь, подумал КА, уже стал старый дед, а вот сделал какую-то вещь непонятного предназначения, но думается с трепетом — понравилась бы работа отцу?

Давно всем понятно, что время, само по себе, никак не влияет ни на людей, ни на предметы. Влияют разные факторы, время имеет отношение только к длению этого воздействия, если не учитывать разную агрессивность этих самых факторов. Ещё важное наблюдение добавил КА к своим размышлениям — почти всегда есть какой-то кумулятивный эффект этих влияний. Вот, казалось бы, жил человек, ничем особо не болел, а после какого-то юбилея весь посыпался. Совершенно та же история, что и с дачным глобусом, что простоял немало лет на столике у окна на мансарде.

Недавно КА обнаружил, что Тихий океан, прихватив с собой кусок Южной Америки, отслоился от пластмассовой земной мантии и таким сферическим образованием торчит где-то в верхних слоях атмосферы. Поразила почти невидимая толщина бумаги. Как хрупка наша планета!

Тот же солнечный свет, что несёт жизнь бесчисленному числу хлорофилловых зёрен, разрушает, разлагает, уничтожает. Что ж, надо Землю отремонтировать. Он всегда с уважением относился к правдоподобным моделям, во всяком случае, на глобусе Гренландия не выглядела как шестой континент. КА забрал с тумбочки объёмистый шар на ножке, водрузил на столе в мастерской, стал разводить клей, чтобы аккуратно зафиксировать океаны и материки. Ремонт Земли.

— Вот, к примеру, если бы вам, уважаемый Валентин Абрамович, выпала такая судьба — отремонтировать Землю, с чего бы вы начали?

— Непростая задача, — ВА появился в дверях мастерской, — я всё-таки геолог и палеонтолог, в чём-то мыслю узковато, тут бы надо Джеймса Лавлока самого спросить. Он как раз рассматривал в своей гипотезе Геи Землю как единый организм, вроде того.

— Давайте и его спросим, нечасто выпадает шанс вмешаться в самые основы, во благо целой планеты.

Сказано — сделано: пригласили и появился. Как раз с такой улыбкой, как на фото в Википедии. Симпатичный такой дядька, дожил до 103 лет, вероятно, потому что большую часть жизни не работал во всяких НИИ и научных центрах, а был свободным экспертом.

— А вам не кажется странным, что предметом моего исследования оказалась жизнь, в то время как я вообще не биолог? — спросил Лавлок, вежливо произнеся “Hello!” — И правильно ли мы определяем предмет биологии? Наука о жизни? А что есть жизнь, равнозначны ли эти понятия — жизнь и живое?

— Вопрос не столь уж парадоксальный, — заметил Валентин Абрамович, — вот мы можем увидеть в работах самого Вернадского: те же минеральные вещества, что есть в неживой природе, есть и в живой, те же раковины — это просто камни, карбонат. Где же граница между живым и неживым? Это вопрос к вам, уважаемый КА.

— А может, мы спросим у самого Владимира Ивановича?

— Рад приветствовать, господа, или следует обращаться — товарищи? — Вернадский сидел на старой табуретке, опираясь на стол, в очень похожей позе, как на распространённых портретах.

КА встал со стула, уступая его патриарху с бородой, всё-таки был он самым старшим, рождения ещё XIX века, правда, Лавлок прожил, в своём онтогенезе, намного больше, вот и реши, кто из них старше.

— О, господин Вернадский, к сожалению, я слишком поздно познакомился с вашей концепцией биосферы, возможно, если бы это произошло раньше, я бы всё выстроил иначе, — почтительно сказал Джеймс.

— Да, есть такая информационная беда, — заметил Валентин Абрамович, — 1/6 часть мира только понаслышке знала о концепции Геи, а другая, 5/6 часть, только слыхала что-то о биосфере. Хотя первичные идеи можно было почерпнуть из трудов Ламарка.

— Да, Джеймс, если бы вы познакомились с Ламарковыми соображениями, — добавил КА, — то заметили бы поразительные совпадения, даже с вашими концепциями. Ламарк ещё в XVIII веке рассуждал так: за очень длительное время, а он допускал, что Земля существует гораздо больший срок, чем очерчивает его Библия, всё должно было, как осыпающаяся куча песка, выровняться, всё должно было сбалансироваться. А реально существующий дисбаланс поддерживает именно жизнь. Кроме того, не в обиду Вам будь сказано, дорогой Джеймс, вот это отсутствие прямых научных связей привело, я полагаю (и Владимир Иванович, думаю, с этим согласится), к ещё одному недоразумению. Вы в своей последней книге, которая называется “Novacen”, совершенно логично пришли к выводу, что человечество стало геологической силой, освоив запасённую в угле энергию, а потом эта геологическая эпоха должна трансформироваться в Новацен, когда энергия солнца уже начала бы превращаться в информацию. Но это же, в основных чертах — концепция Ноосферы, вот он, автор, — он повернул голову в сторону Вернадского.

— Ну да, я так тоже писал, — ответил Лавлок, — по материалам сравнения атмосфер Марса и Земли, именно о дисбалансе, совпадает с вашим рассказом о Ламарке. Что до Новацена, то, согласитесь, в 1945 году Владимир Иванович вряд ли мог видеть вокруг это движение, развитие информационных систем. Но относительно того, что не цитировал в книге, прошу прощения. В каком-то смысле, конвергентное мышление указывает на правильность пути.

— О, господин Лавлок, — сказал Вернадский, — я не в претензии, действительно, совпадение направлений мысли — важный элемент оценки — мы на верном пути в науке. Да я и не сам придумал термин «ноосфера», а позаимствовал у одного французского философа. Думаю, и это важно, что Вы, как Ламарк, пришли к выводу о несбалансированно-

сти, это и есть основной показатель того, что на планете существует или существовала жизнь. Ищите планеты с несбалансированной атмосферой! Если хотите найти жизнь в космосе.

— Тогда что? — спросил Валентин Абрамович. — Атмосфера живёт тоже?

— Я писал о живом веществе, — Вернадский продолжил разговор, — я назвал всю интегральную совокупность организмов живым веществом планеты, но вот теперь думаю, не слишком ли ограничил то, чьи границы так расплывчаты?

— Тогда, — оживился КА, — тогда вся биосфера, живая биосфера — это и есть интегральная совокупность экосистем Земли.

— В таком случае, — как бы подытожил Валентин Абрамович, — получается, что Гея Джеймса — это не вся планета Земля, а её биосфера, и красивый античный термин не нужен. К тому же, можно сделать вывод, что жизнь — это не только и не столько существование белковых тел, а сосуществование живого и ближнего косного вещества, а биосфера — это система экосистем.

— Вы, по-моему, начали с глобуса, — вдруг откликнулся Мишка, который, как оказывается, всё это время пребывал незаметно в несколько затемнённом углу, — так стоит ли ремонтировать планету? Как поступать человечеству?

— А никак, nothing, планета сама себя отрегулирует, — уверенно отрезал Лавлок, — хотя в любой системе есть пределы регулирования гомеостаза. В существенном ремонте нуждается социум. Человеческая часть живого вещества. Надо было изначально понять, что мы не изменим ни атмосферу, ни климат, а нужна адаптация, приспособление на всех уровнях жизни. Столько средств потрачено на конференции, митинги, резолюции и соглашения! А куда деваться климатическим беженцам? Как обеспечить всех продовольствием? Но, как всегда, на митинги и войну деньги есть, на адаптации нету!

— Да, я читал в вашей, Джеймс, последней книжке «Новацен» о некой неоднозначности войн. Там ещё пример такой: до 18 века войны делались руками солдат и зависели от количества ружейного пороха. Но уже во время Гражданской войны в Америке, где погиб почти миллион человек, появились продукты изощрённого технического интеллекта — прообраз пулемёта. А появление авиации и бомбёжки городов полностью изменили представления о мирном и воюющем населении. Что

сейчас видим и в Украине. Там у вас ещё ужасный прогноз: если бы физики пришли к идее цепной реакции в 20-х, а не в 30-х годах, то вполне возможен был бы сценарий ядерной Второй мировой. Слишком дорого человечество платит за прогресс.

— Это правда, — ответил Лавлок, — это очевидно, но проблема и кардинальный вопрос в том, почему это так: если не весь, то значительная часть интеллекта всего человечества применялась в целях не созидания, а разрушения? Какие-то уродливые циклы, причём, как ни странно, как ни дико, именно в смертоносных изобретениях Новацен работает более эффективно.

— Ещё один вопрос, — КА обращался скорее к Вернадскому. — Вы, Владимир Иванович, не очень-то связали своё учение о живом веществе с учением о ноосфере. Вот, к примеру, львиный прайд, лежат себе под акацией в саванне и ничего у них нет, они, скажем так, голые, без какой-то оболочки. На дереве, над ними — ткачики, птицы, у них гнездо, они входят в биоценоз уже не «голые», а с имуществом, так сказать, с жилплощадью. А неподалёку — термитник, метра два высотой, миллионы насекомых. У них уже не просто дом, а целый город, они ландшафт саванны изменяют. И жить в этой саванне без этого города вообще не могут, это как бы продолжение их живого вещества, ну, как раковина у моллюска. Так вот, все эти обеспечивающие жизнь оболочки для своего поддержания требуют энергии. Но это энергия самой птицы, самого термита. Термитник тоже требует для создания и поддержания определённой энергии. А что с человеком? Картина иная: его оболочка не столь естественна, как гнездо, ему нужны и дом, и дача, и машина, а некоторым и яхта. И эта оболочка уже сама требует энергии для своего существования. Хоть ты в доме не живи, а отапливать надо зимой, хоть немного. Все недра земли вверх дном, потому что человеку надо кормить свои машины, нефть, газ нужны, то, что былые биосферы накапливали миллионы лет (ещё неизвестно, зачем, не для машин же, может, ещё и спросит с человека — куда растратил?), добываются и уничтожаются. И эта околочеловеческая оболочка растёт, не только сам человек, сообщество людей, плодится, потребляет, но и оболочка его тоже требует чего-то от биосферы, уже, наверное, больше, чем сам человек.

— Я думаю, что вы правы, — задумчиво ответил Вернадский, — это существенно корректирует мою концепцию. И вот вопрос — естественна

эта оболочка или противоестественна? Собственно, не человек давит на биосферу, а как раз его вещная оболочка. И должен ли он, как термит, жить исключительно в этой оболочке, и где её пределы.

— Какие пределы! Посмотрите вокруг, — Мишка возбуждённо встал со своего стула, — посмотрите на этих миллиардеров: нет пределов аппетитов, а у них семьи, а вокруг миллионы завидующих и мечтающих о беспредельной оболочке. Посмотрите хоть и на Киев, во время войны, маленькой машинки не увидите, все на мерседесах, а мечтают о бентли. Так что, что, собственно, надо ремонтировать — планету или некоторых обитателей? Не некоторых — большинство.

— А я бы, — с некоторым озорством заметил Валентин Абрамович, — что касается глобуса, передвинул бы границы Южной Америки, за счёт Атлантического океана, увеличилась бы площадь земли под производство зерна в распаханной пампе.

— Дорогой Валентин Абрамович, — заметил Мишка, — вы не учли, что эта прирезка суши, что на глобусе можно сделать, будет достоянием не всего человечества, а Аргентины. Не хватало только расширить до Фолклендских островов, тут Британия встанет на дыбы! Может, надо начать перестройку с объединения человечества?

— Но тут надо иметь в виду, что всё, что не явилось на свет в результате эволюции, обречено на недолгоживучесть. Смотрите, уже есть некие новые шаги к интеграции — мир идёт, кажется, к созданию двух сверхимперий, одной с метрополией в Вашингтоне, другой — в Пекине, — повернул всю дискуссию в другую сторону Валентин Абрамович.

— Ты где там? — послышался голос жены, — иди уже обедать.

— Сейчас, только надо вскрыть глобус лачком, чтобы прочнее Земля была.

Радости жизни

Задайте любому встречному вопрос: «Что такое радости жизни?» — и всяк вам ответит по-своему. Справедливости ради, стоит заметить, что список, в общем, небольшой (исключим некоторых оригиналов, вроде пьяниц, наркоманов, прочие патологии). Назовут вам: разные варианты достатка, семью, детей, еду, секс, творческий успех, кто-то добавит путешествия, кто-то книги. Кто-то посчитает, что любимая работа, кто-то — возможность не работать. Радости жизни — это то, что приносит ра-

дость, от жизни. Присутствие радостей, как чего-то бóльшего, чем простое существование. КА стал задумываться над этими радостями, скорее, в онтогенетическом смысле. Почему в детстве радостей было так много? Они рождались из самых неприметных и обыденных вещей. Летнее утро с его ярким солнцем, на дереве около дома пел скворец, ну, не пел, свистел, но всё равно, так мелодично и радостно! И впереди был длинный день, и это тоже приносило радость. А за днём разворачивался длинный июньский вечер, и над небольшой сосной во дворе почти невидимые в сумерках кружили, жужжали мраморные хрущи. И всё это радовало, душа настроена была на радость. Куда это всё уходит? А главное — зачем и почему? А ведь, пожалуй, можно построить и такую модель всей жизни: жизнь как расходование запасов радости, а может быть — потребление радостей? Это что-то вроде энергии, батарейки, которую дали тебе родители. Радость как мера жизненной энергии. Поначалу её так много, что нет смысла в вопросе: «А что тебя держит на этом свете?». Похоже, что эта валюта растрачивается на то, что обычно называется жизненным опытом. И вот, накопилось столько жизненного опыта, что он вытеснил все радости жизни, и тут оказалось, что держит тебя на этом свете какая-то мелочь, а весь этот опыт есть какой-то малонужный груз.

Часто КА приходили на ум гоголевские старосветские помещики.

— А что, Пульхерия Ивановна, не откушать ли нам грибочков?

— А отчего же и не откушать…

Грибочки-то остались, да Пульхерия Ивановна ушла, и стал свет не мил, не в них была радость жизни. Не они держали на этом свете.

— Ах, дорогой КА, — Толик возник, — всё так просто: что держит нас на свете? Любовь, конечно, любовь.

— У вас, я полагаю, и жизненного опыта не меньше, а уж постжизненного — точно больше, но мой вопрос не праздный, не придуманный. Вряд ли найдётся хоть кто-то, кто хоть бы раз не подумал, а что если вот сейчас смерть, о чём жалеть, что — истинная потеря? Знаете, один учёный настоял-таки на эвтаназии, правда, ему было за сто, просто почувствовал, что жизнь потеряла смысл. Но, если прежде она смысл имела, то, по-вашему, в ней была любовь?

— Конечно! Любовь — это так много. Я бы сказал, любовь — это положительное отношение к бытию. Со знаком плюс. А, там, любовь к женщине или семье, это уже всё вторично, частности. И пока есть эта любовь, жизнь имеет смысл. Позитивное бытие оправдывает пребывание.

— И что, радости жизни — и есть показатель этой любви?

— Я думаю, Анатолий прав, — Валерка появился в компании, — не буду обобщать, я не психолог и не писатель, но из своего жизненного опыта тоже делаю вывод, что любовь есть общий знаменатель всех формул жизни.

— Подождите, подождите, — вмешался и Мишка, — мы как-то уже вспоминали некоторые совпадения на это счёт. Про ту матрону древнегреческую. Мол, пойду я от вас в мир иной, потому что время радостей жизни подходит к концу. А вот другая история, мол, надо иметь коробочку с ядом, как закончатся радости, так свет и потушим. Но! Оказалось, что радости приходят и уходят, а держит нас на свете —что? Долг.

— Думаю, что Михаил ближе к истине, — явился на дискуссию ВА. — Я после седьмого десятка лет частенько стал задумываться о том, что жизнь не вечна, друзья начали уходить. И приходило в голову, а что если… и было главным аргументом против — как же так, а я же ещё не успел книгу дописать, не успел то, сё… Это и есть долг, в достижении цели.

— Я вас понимаю, дорогой Валентин Абрамович, — сказал КА, вспоминая свои размышления, очень похожие, — только вот, как мне кажется, здесь нарушается принцип некий, назовём — сопоставимости: смерть, она, как вам лучше известно, абсолютно конечна, а эти, скажем так, долги, они же сродни отговоркам, мол, подожди, ещё не всё доделал. Одну книгу дала судьба закончить, захочется следующую.

— Вот, когда следующую не захочется, — встрял Мишка, — вот тогда этот самый долг и неактуален.

— Я тоже думаю, что долг, — Ваня явно смущался, но ему хотелось высказать своё, — сколько раз было: огонь, а ты только и думаешь, должен добежать, должен, а что, если убьют, не сделаю, не добегу… Замполит всегда говорил — ваш долг перед Родиной! А я так и не знаю, что это за долг, спрашивать, правда, стеснялся, но всегда знал, что долг перед самим собой, — Ваня смутился, так много никогда не говорил.

— Право, не понимаю, о чём спор, — Татьяна всегда отличалась строгостью своих мнений, — что держит на свете? Привычка! Привычка жить. Кто-то же говорил, что за три дня человек привыкает к любым местам и обстоятельствам. Привыкаешь, проторчав тут семьдесят, а то и больше лет. Так привыкнешь жить, что переход в другое состояние совершенно неприемлем. Вот и всё.

— Согласен с вами, привычка имеет место, — отвечал ВА, — только вот привычка не заставляет размышлять. Привычка — это очевидность. Нет ни простоты, ни сложности.

— А жизнь, в общем-то, проста, — парировала Татьяна, — и совсем не надо с трудами доставать эти коробочки с ядом, вариантов предостаточно, как только всё идёт в разрез с привычками. Конечно, я не имею в виду какие-то мелочи, вроде привычки пить кофе по утрам, это пыль, есть более важные привычки. Она задумалась, замолчала, и как-то начала растворяться, вот уже и пропала.

А что, собственно, натолкнуло КА на эти размышления? Это понятно, что война, болезни, просто одряхление, износ механизма, не то, так другое, неизбежное движение от до. Но, кажется, привело это его к небольшому открытию. Как никогда раньше почувствовал он эту грань. Все эти рассуждения — часть этой жизни, по эту сторону грани, а там, за гранью, это всё неважно. Опять — время, потому что там — вечность, у вечности, наверное, свои проблемы.

Сценарии войны

Было бы странно, если бы в обстановке войны сама тема войны, противостояния людей не всплывала бы в голове КА в самых разных видах. Получил недавно от одного друга из-за границы книжку, казалось бы, о биосфере, планетарной жизни, ну да, уже вспоминал, Джеймса книжка. Но глаз в оглавлении сразу споткнулся на названии главы «War», война, то есть. Такая странная вещь (надо ещё сформулировать, в чём, собственно, странность), эволюция биотическая, конечно, имела элементы конкурентной борьбы, вытеснения, так сказать, неудачников, но была явно замешана и на тотальной кооперации, созидании на базе сотрудничества. Именно этот путь был важнейшим в фундаментальных изменениях жизни. Миллионы и миллионы лет жили себе простенькие прокариоты в океане, но суперскачок — появление эукариотической клетки, с ядром и прочими высокосложными элементами, произошёл именно за счёт кооперации, дружественных связей. Сколько ещё было симбиозов на путях эволюции! К примеру, термиты вообще поручили простейшим заботы о своём пищеварении каким-то жгутиковым. Масса примеров такого сотрудничества! Пришла на ум целая монография о вагинальной

бактериальной флоре — защитный барьер на базе всё того же симбиоза. Однако, что произошло с человеком (нет, с вагинальной флорой всё нормально, но это биология), что заставило его свою эволюцию накрепко связать с развитием способов разрушения? В той книжке, что прислал коллега, поразили сравнения: армия Наполеона была равномобильной армии Цезаря, и так было до битвы под Верденом, где впервые было использовано несколько тысяч! автомобилей для переброски войск. Блин, не для сбора и перевозки урожая, товаров, а для войны! За несколько лет той мировой войны авиация от похожих на летающих змеев этажерок шагнула в эру полёта, настоящего, управляемого полёта, а про Вторую мировую и говорить не приходится. Птицам понадобились десятки миллионов лет для своей эволюции, хотя, правда, стрекозы летали ещё в карбоне. Атомную бомбу сделали раньше работающей атомной электростанции.

Всё это встречалось по разным статьям и книжкам, но про Цезаря как раз у Лавлока в книжке и прочитал.

— И как Вы, Джеймс, можете объяснить эту акселерацию, но не столько ускорение, сколько смещение умов, двигающих прогресс, в область агрессии, разрушения?

— Уважаемый Константин, — в этот раз был слышан только голос, без визуализации, — рад, что мои размышления Вас зацепили.

— Не столько размышления Ваши, сколько реалии сегодняшние, скорее — сенощные. Когда слышишь гул ракеты, которая летит куда-то с целью разрушить, убить, то невольно задумываешься, не ошибка ли — вся эта цивилизация, этот прогресс так называемый.

— Но не стоит выпускать из виду, что кроме агрессивного стимула есть ещё и естественный биологический фактор самозащиты, самосохранения, есть ещё тоже вполне биологический и биосферный даже принцип растекания живого вещества, я теперь несколько просветился относительно идей Вернадского. Тут он прав: в некотором смысле, думаю, человек в рабстве у этого закона — может, ему и нет смысла расширять империи, но закон требует.

— За Ваши 103 года онтогенеза в мире параллельно прошли десятки, а может, сотни войн. Вы очень правильно подметили — произошла, можно сказать, на глазах у нескольких поколений, эволюция типов войн. Именно из-за интеллектуально-технического прогресса.

— Не уверен, *что* именно здесь первично: то ли собственно прогресс изменил тип войн, то ли война, как социальное, а в чём-то и биологическое явление, эволюционирует как самостоятельное явление в биосфере.

— Вероятно, техника доминирует. Вот смотрите, вы упомянули в книге Гернику как пример первого массового прорыва через фронт, атаку на мирное население, а в этой украинской войне таких Герник тысячи.

— Ну вот, разговор об эволюции, а меня не позвали, — Валентин Абрамович сделал вид, что обиделся, — мне кажется, надо согласиться с обоими тезисами: техника эволюционирует самостоятельно, война, как действо, стратегия — по своим законам. При теснейшей связи, конечно же.

— Знаете, — задумчиво сказал КА, радуясь, что нащупал конструктивную мысль, — мне кажется, стоит добавить и третье явление — политику и общественное, так называемое, мнение.

— Это интересная идея, — Валентин Абрамович откликнулся сразу, — в своей теории эволюции человека, в переходе его от биотической к собственной, социально-культурной эволюции, я этого не учитывал. Это интересно. Представьте себе аутодафе на площади современного Мадрида или Парижа. Может, и собралась бы толпа поглазеть, человек сам по себе не стал менее жесток, но толпа как целостность, скорее бы негодовала.

— Знаете, для негодования толпе тоже нужна соответствующая атмосфера, наверное, ещё и атмосфера общества должна эволюционировать, — высказал некую гипотезу Лавлок, — в 37-м в Германии не было никакого негодования, в том же году, в вашем Союзе на глазах у всех миллионы людей пропадали в лагерях, отдельные негодующие отправлялись туда же. Скажем так, или — зададим себе эволюционный вопрос: а что такое эволюция страха? Именно общественного страха. Техника изменяет войны, войны изменяют страх. Кроме страха, порождаемого физическим процессами, полётами, траекториями, возгораниями, взрывами, ещё и страх высказать свои соображения относительно причин, ибо сомневающийся не может стать героем войны, а для тех, кому война нужна, нужны и герои. Впрочем, наверное, стоит расширить — страх перед Государем?

— Теперь, когда прошли годы, очевидно, что фоном для тех двух атомных бомб было широко распространяемое в Штатах мнение, что

каждый японец — враг. Каждый. Не только армия императора, — Валентин Абрамович задумался, — или каждый еврей — тоже враг, как проповедовал Геббельс.

— Вот вам, Джеймс, ещё одна ипостась Новацена вашего, — сказал КА, — у техники своя эволюция, но она может идти совсем разными путями, если нет среды обитания, у атомных бомб должна была быть среда обитания, оправдание, необходимость. Идея самого зачуханного римского плебсмена, что за границами империи обитают дикие варвары, ну, почти как животные, именно она оправдывала растекание живого вещества центурионов. Вы думаете, что эта ахинея, мол, каждый украинец, точнее — житель Украины — отпетый бандеровец, есть просто плод больного мозга? Ничуть. Это тезис, оправдывающий полёт «Кинжалов». Вы чувствуете эти связи?

— Каждый украинец есть бандеровец, а каждый газовец есть хамасовец, а каждый россиянин есть путинист, но это же далеко от истины, — задумчиво произнёс Лавлок, — доведение до абсурда — главный инструмент любой пропаганды.

— Я бы хотел возразить, — сказал Валентин Абрамович, — и не по этническому принципу. Одно дело агрессия, другое дело защита от нападения. Спросите у заложников ХАМАС, спросите у невинно погибших при том нападении.

— Да, спросите у меня, — это возникла Рахиль, — мы просто приехали на фестиваль. Даже если нападающие и были солдатами ХАМАС, то с кем воевать должна армия? Это были простые бандиты. Если мирное население становится немирным, как отличить мирное от военного?

— Я прекрасно понимаю, что это полная утопия, — задумчиво сказал Лавлок, — но такое преступление, террор, может остановить не страх террористов получить возмездие от Израиля или страх Израиля за превышение силы, или России — за развязывание войны, а страх перед какой-то международной силой. Скажем, не страх, уважение. Наверное, Новацен — это всё-таки не создание сверхгаджетов, а создание действенных органов управления человеческим живым веществом.

— Не придём ли мы так к идее коммунизма, — спросил Валентин Абрамович, — или к модели мира за стеной, как у Замятина?

— А что, коммунизм, или там, социализм, — это уже подоспевший к разговору Мишка, — свобода, равенство, братство — прекрасные девизы, особенно если не подводит чувство меры, провалилась сама идея

вследствие отрицания главенствующей сектой (вот уже точно был нарушен принцип равенства, за ним — свободы) кибернетических, естественных, эволюционных законов самоорганизации систем. Мне кажется, что авторитетный международный орган управления мог бы сыграть важную роль, во всяком случае, в предотвращении конфликтов.

— Авторитетный, так где ж ему набраться авторитета? Вот в чём вопрос, — спросил ВА, — тут не авторитет нужен, а реальные рычаги управления.

— А я вам скажу, — Лавлок опять вступил в дискуссию, — объяснение разнообразия сценариев войны и смен их характера имеет простое экологическое объяснение. Пока Цезарь и Наполеон использовали единственный источник энергии — мышечную, солдат и лошадей, общий габитус войны, скажем так, был одним и тем же. Революция в Первую мировую произошла вслед за появлением мощного и довольно лёгкого, компактного бензинового двигателя. Энергия — в подарок от былых биосфер.

— Ну, да, — Мишка поддержал, — опять же, Вторая мировая не принесла прорывов в использовании энергии, зато вполне революционно подняла уровень информации, радиосвязь прочно вошла в орудия войны.

— И, чтобы подвести итог этого исторического экскурса, — добавил КА, — отметим, что скачок эволюции войны — вот здесь и сейчас — обусловлен двумя вещами: прорыв в технологиях производства лёгких и дешёвых аккумуляторов и лёгких и мощных электромоторов. Ну, и информация, управление, само собой.

Так всё правильно обсудили, подумал КА, всё логично, параллели разумные, но никак это не приближает к решению главного: почему так логично всё насчёт техники, но… руки опускаются перед проблемой, скажем так, «персистентного человека». Казалось бы, достижения технологий, рост общего благополучия, а человек, как персистентная, то бишь пережившая эпохи рыба кистепёрая латимерия, как шумерский воин, всё в той же оболочке страха перед чужими, агрессии против чужих, жалкого самооправдания.

Находиться среди книг было обычным делом для КА, там, на столе — стопочка, на полке ряд. Время от времени он брал одну (и ругал себя за непоследовательность и поверхностный интерес, да и за распылённость точек соприкосновения с реальностью), первую, что на него глядела, и пробегал по строчкам.

На глаза и теперь попалась стопочка. Рука почему-то потянулась за самой нижней. Оказалось — Экзюпери: «Мы живём на планете-страннице… связь лужи с луной обличает скрытое родство».

Сон разума рождает…

На фоне семейного молчания, долгосрочного — больше недели, отъезда жены на дачу и игнорирования СМС с её стороны, приснился КА сон. Может, сам он был следствием сильного утомления, поскольку, обуреваемый жаждой знаний, просидел за компом, не поднимаясь, часов десять. Устал и долго спал, со скрипом поднимаясь пару раз в сортир. Налётов не было. Психика, видимо, подспудно сместилась в область личных, а не общественно-военных переживаний.

Приснилась ему красивая Оксана. Они пошли к ней в дом, там их приветливо встретили. Как родных. И было ему спокойно. Не надо было ни за что переживать, ни думать, что и как сказать. Просто было и ясно. Интересные бывают сны — никаких действий, только настроение, только впечатление. Или тёмное, долго потом омрачает душу, или наоборот — умиротворение, остаётся светлым воспоминанием.

Что есть жизнь семьи? Вот Мишка нашёл другую, но как расстаться с первой? Просто — отчуждения приходят сами собой. Отчуждения, влечения. Только с болезнью, некоторые приёмы борьбы с которой требовали давления на гормоны, понял КА, что такое потеря интереса к женщине.

— Ты знаешь, Мишка, я вот сейчас думаю о рабстве человека, который живёт не свободно, а под давлением каких-то желёз, они вырабатывают и вырабатывают разнообразные вещества, которые и управляют организмом. Могут работать, а могут и не работать. Человек думает, что он свободен: в своих интересах, своих влечениях, своих оценках, выборе — а на самом деле он в полном рабстве, зависимости от каких-то химических формул.

— Не очень понятно, поскольку эти железы — не таблетка после еды, можешь пить, а можешь и не пить. Это часть человека, как рука или голова. Может, они сами в рабстве у какого-то другого властителя? Так и есть, ведь что-то даёт им команду — работать или не работать.

— Да, наверное, просто я как-то ясно увидел этого независимого человека, который вне подчинения гормональным указкам.

— Тогда остаётся одно: сознание, мозг. Но как ты себе представляешь рассудочную любовь? Вот, из своего опыта скажу: поссорились мы с женой, вроде бы, я понимаю, что есть некая иррациональность в этой ссоре, которую можно было бы избежать, но стою на своём. И так она мне некрасива, так опостылела, эта жена, что уже про рациональное и иррациональное не думаешь. Знаешь почему? Потому что тестостерон упал, другой вопрос — почему? Постепенно происходит накопление гормона, и картина меняется, и где закачивается конфликт? В постели. И эти циклы повторяются неоднократно. Ты думаешь, эту пилу взлётов и падений можно рассудочно сгладить? А может, как раз и не надо? Может, в ней и есть вся сущность отношений?

— Картина знакомая. Но вот ты жил с одной, потом она тебе, очевидно, разонравилась, расстались, стал жить с другой. Гормонам что, не один хрен? Это и есть свобода? Вырвался из-под гнёта биологических факторов? А тебе не приходило в голову, что семья — это вообще парадоксальное явление?

— Здесь надо добавить: в каком смысле, в каком аспекте? Биологическом, социальном, эволюционном, а может, в политическом?

— Да в разных. Вот даже в эволюционном. Казалось бы, если человек есть вершина эволюции, то его семья должна быть тоже некоторой вершиной организации сосуществования разнополых особей? Но у тех же птиц можно найти примеры гораздо более тесных и долговременных, надёжных связей.

— Биологические основы очевидны — воспроизводство популяции, точнее — создание благоприятных условий для рождения и воспитания детей, передачи опыта поколений и так далее.

— Да бросьте вы свои биологические концепции, — Валерка и Толик появились одновременно, — любовь создаёт настоящую семью, она же и держит её всю жизнь.

— Концепция всеобщего проникновения любви. Она у вас вроде гравитации. Не видно, не слышно, непонятно, но тела притягиваются, — Мишка задумчиво смотрел на двух поборников любовной концепции. — В этом есть нечто религиозное, значит, замешано на вере, а мы ищем натуральные причины, объяснения.

— А может, стоить принять концепцию синтетическую, часто это помогает в поисках истины, компромисс, так сказать. — КА прекрасно ви-

дел, что предмета для спора и обсуждения как-то нет, — предлагаю синтетическую концепцию семейного бытия: любовно-гормональную. Тут тебе и тело, тут тебе и душа. Полный комплект.

Блямкнул телефон — пришло сообщение. КА посмотрел на экран: сообщение от жены: «У меня всё хорошо».

— Ну и слава Богу, — КА подумал, подумал, что написать, и просто поставил сердечко.

Герои и жертвы

— Как сказать, чтоб не показалось кощунством, что значительнее в часы войны, после войны — память о героях или память о жертвах? Ты, конечно, скажешь, что и то и другое важно. Память, она вообще важна.

— Героев единицы, во всяком случае, количество памятников им относительно ограничено, как можно заметить, а жертв множество, потому их и упоминают как собирательный образ — жертвы.

Что ж, Мишка прав.

У всякого состояния есть свои приметы, ключевые слова, так скажем. В последнее время КА явно стал отмечать увеличение водителей дамского сословия. Причём, обращал внимание на то, что большинство из них были молоды и большинство ездили на BMW или Audi. Если КА за более, чем полвека, не заработал хотя бы на VW, откуда берёт деньги эта молодёжь? Два варианта — или зарабатывают, или воруют. Общественное мнение всегда склоняется ко второму. Наверное, воруют, или сами, или совместно с родственниками, может, любовники замешаны. Ворующие любовники, любовники-коррупционеры — это довольно романтично, такие риски!!! (Особенно здесь и сейчас!). И не для себя, а для улучшения автопейзажа, скорее, автостада, во всё том же пейзаже. С другой стороны, военное время, мужики где? На войне, в бегах от войны, ранение, кто же должен быть за рулём вместо них? В-третьих, просто эмансипация, крутить баранку при электроприводе совсем не сложно.

Ещё одна примета. По трассе — долгое строительство не совсем понятного свойства, вроде развязка тут менее важна, чем в других местах. Но стройка бурно продолжалась. Оказалось, что мемориальное кладбище, героический пантеон. Где-то там, в стороне от трассы.

Но родственники погибших на этой войне (впрочем, как и на всех войнах), вероятнее всего, хотели бы, чтобы могила была рядом, чтобы навещать, ухаживать. Кто из Закарпатья станет хоронить своего героя близ Киева?

— Ну да, как ты, Мишка, заметил, жертв слишком много, чтобы строить отдельные гробницы. Многоплановость состояния войны: сначала — где взять солдат, потом — где похоронить.

— Тоже проблема. Мне как-то врезалась в память одна картина, где-то видел, может, репродукцию. Называлась «Весна 1813 года». Стаял снег по Смоленской дороге, а из-под снега останки, трупы лошадей и людей. Много трупов. Ещё подумал: вот этот элемент в картине — труп в пейзаже, это можно считать портретом или это натюрморт? Вроде, цинично звучит, но не более цинично, чем сама причина появления тех самых трупов — или кто-то звал их туда, на чужую землю?

— Да, как-то одну повесть о жизни читал, про доктора, почти документальная повесть, хороший, кстати, писатель, жалко, умер в ковидный год. После Сталинградской битвы доктору этому, Лаптеву, поручили утилизировать мортмассу врагов. Устраивал на манер индуистских сожжений. Зола, пепел… Эти войны, сами явление отвратительное, заставляют обращаться к чудовищным вопросам. Пепел Освенцима и вот этот пепел Сталинграда — где, в каком круге ада между ними уже нет различия?

— Пепел священный и пепел презренный. Невинные жертвы и палачи. И всё это — люди. Надо бы у Вани спросить, ему это всё гораздо ближе.

— Я, товарищ старший лейтенант, — тут как тут Ваня.

— А скажи нам, Ваня, — Мишка призадумался, как сформулировать, — могилка одинокая под дубом и целый мемориал, где гранит, золотом имена, что похоже, а что различно?

— Что могилка? Один солдат, да и то неизвестный. Одна старушка придёт иногда. А когда много, то и почётный караул, и салют, памятник большой — красиво.

— Короче говоря, то — дело частное, а то — дело государственное.

А что же память, подумал КА, частная память и государственная… события, время — одни, а памяти довольно разные.

Второй сон

КА посмотрел на экран телефона, карта воздушных тревог показывала, что опасность угрожает только Черниговщине, Сумщине, а также, как всегда и постоянно, Крыму. Это в каком-то смысле успокаивало, хотя до трёх ночи, времени, как он заметил, наибольшей активности БПЛА, было ещё далеко. Тем более надо поспать. Он сунул телефон под подушку и стал устраиваться поудобнее. Дело было непростое, потому что по ночам начинала болеть спина. Днём ещё как-то можно было расходиться, двигаться, но ночью приходящая боль отдавала куда-то в ногу, и не было положения удобного, хоть сколько-нибудь комфортного. Но спать надо, надо отдыхать. Оказалось, что эти ночные тревоги больше всего были неприятны не страхом, а нарушением сна. Так хотелось спать! Во время тревоги хотелось, а сейчас ворочался с боку на бок, перебирая какие-то дневные мелочи. Пришло в голову, что когда-то, когда не было ещё телевизоров, в кинотеатрах крутили «Новости дня», строгую подборку — видеоряд к первой полосе газеты «Правда». Он не мог вспомнить, был ли там хоть один развлекательный сюжет. Новости дня — мелочи дня. Мелочи жизни. По дороге на работу, едучи в метро, продолжал читать довольно интересную книжку по психологии, но сейчас размышлять о проблемах психологии мелкого воровства (Глава X) не хотелось. Занимался рутиной всякой до четырёх часов. Кто-то вынес в коридор целую стопку старых книг, наводил порядок в шкафу, записка гласила: «Книги ищут нового хозяина». Взял одну, довольно увесистую, мелованная бумага, фотоальбом с текстами «Свет Ясной Поляны», в порядке отдыха в конце рабочего дня стал читать о предках Льва Толстого. Вот если бы сейчас жил себе в Ясной Поляне Толстой, мог бы он выступить против этой войны, вынести на повестку дня вопрос: Война и Мир? И посадили бы его в кутузку, за дискредитацию и фейки. Вот бы его ошарашило, когда б что-то им лично написанное назвали бы фейком (фейковый Толстой?). Засыпая, КА подумал, что народные массы склонны преувеличивать социальную и политическую значимость людей популярных.

И приснилась ему большая, нет, очень большая площадь. То, что это площадь в городе, было понятно — где-то на горизонте виднелись дома, а напротив них высокая и бесконечно длинная трибуна, вроде мавзолея, на которой стояли вожди. Было похоже, что они готовятся прини-

мать парад. Обстановка на трибуне была какая-то напряжённая, время от времени то один, то другой обитатель трибун громко произносил какие-то фразы, то обращаясь к соседям, то просто в пространство. Гитлер периодически взбрасывал руку и выкрикивал что-то в сторону Черчилля, тот не обращал внимания и продолжал беседовать с Джоном Кеннеди, стряхивая пепел сигары президенту в карман. Хрущёв, нервно то и дело трогая кисточки на завязках под горлом на вышиванке, грозным голосом что-то говорил Мао Цзэдуну, одетому в военный костюм эпохи Цынь. Молча, плечом к плечу, стояли Фидель, Че Гевара и Камило Сьенфуэгос, они поглядывали на Хрущёва, будто ждали, что вот-вот надо прийти к нему на помощь. Молотов с Риббентропом стояли почему-то под зонтиком, с которого капала вода. Дальше шли ряды людей в тёмных костюмах — и КА сразу понял, что это новый состав Политбюро. Они беззвучно открывали рты в такт движениям палочки, которой дирижировал сам Горбачёв. Сталин с Черчиллем «в цыганочку» передавали друг другу дымящийся окурок сигары (при этом Черчилль продолжал свой разговор с американским президентом), а Рузвельт посасывал сталинскую трубку. На плече пожилого вьетнамца сидела чёрная, тоже старая, ворона. Мало того, что Гитлер периодически вскидывал руку, что делало его самым беспокойным обитателем трибуны, он ещё довольно громко, но ненавязчиво, с оттенком истерическим провозглашал:

— Heil KPSS! — делая ударение на две последние буквы.

При этом каждый раз, между затяжками, Сталин, подмигивая Черчиллю, говорил:

— А товарищ Гитлер линию партии понимает!

Из-за горизонта начали появляться колонны, на трибуне произошло движение, будто кто-то подал команду «Готовсь!». КА обнаружил, что он в рядах каких-то трибунных ветеранов, и почувствовал мощное воодушевление. Один из ветеранов тепло пожал ему руку и сказал нежным голосом: «Поздравляю, товарищ!». Он хотел спросить, по какому случаю парад, но тот быстро отвернулся и исчез в толпе таких же стариков.

— Это парад, посвящённый 2256-летию победы Цинь Шихуанди, — прозвучал тихий голос Мишки, очень смахивающий на голос Левитана. — В парадных расчётах пройдут доблестные войска, а потом будет демонстрация народных масс, которую возглавят счастливые жители империи, всё той же Цинь.

КА оглянулся, но спикера не увидел, все трибуны пришли в движение. На площадь вышел первый полк. Это было красивое зрелище. Та самая терракотовая армия маршировала весьма слаженно. И у всех солдат и всех генералов на плечах были глиняные головы. КА присмотрелся, действительно, ни одной пары одинаковых! КА ожидал следующих «коробок», побатальонно, например, римские центурии или полки Александра Македонского, или, может быть, площадь должна была заполнить туча конников Батыя. Но тот же голос провозгласил торжественно:

— На площадь вступают колонны героев и жертв войны! Поприветствуем их, товарищи!

Действительно, колона подошла. Стройными рядами маршировали одноногие, однорукие, без голов, разорванные на куски и наспех сшитые, надо сказать, к параду подготовились: через бинты только где-нигде проглядывала кровь. Кроме того, режиссура и командование тоже были на высоте: в первых рядах действительно шли римские воины, за ними — варвары-кельты, и так далее по исторической табели о рангах, замыкали российские и украинский батальоны, а также был взвод сводный, палестино-израильский. КА сделал предположение, что герои и жертвы будут идти разными батальонами, но всё смешалось. Действительно, подумал КА, жертвы — это из цивильного состава, а все убитые, покалеченные из военных — все герои. Замыкал колонну героев Ваня Петренков, который восседал на белой кобыле, прихрамывающей на заднюю правую ногу. Он держал древко большого знамени, какого-то неопределённого цвета, бурно развевающегося, хотя ветра никакого не было.

— На площадь вступает доблестная техника! — прозвучал всё тот же торжественный голос.

Действительно, над площадью низко пролетел бомбардировщик B-2, скроенный по технологии «Стеллс», практически невидимый, в сопровождении двух истребителей, одного винтового и одного реактивного, похожего на F-16. Через секунды, пролетев с километр, все трое выпустили шлейфы дыма и рухнули на землю. Никакого взрыва слышно не было. На трибунах поднялся радостный галдёж и прозвучали аплодисменты.

Открывала парад техники БМП с оторванной взрывом башней, машина странным образом ехала на колёсах, без гусениц, без траков. На

месте башни стоял румяный майор в сгоревшем комбинезоне и отдавал честь трибунам. Далее двигалась бесконечная колонна разномастных грузовиков, в кузовах которых по одной, по две лежали ракеты и ракетоподобные предметы, тоже разного размера, но на всех при помощи очень похожих трафаретных шрифтов было написано «Oreshnik». Над колонной дружно жужжала целая армия разномастных дронов, периодически собирающихся в плотные облака, и можно было видеть, как из них получаются иероглифы, которые читались как «Слава Цинь». Прямо напротив трибун одна ракета взорвалась, кабина грузовика превратилась в блин. На трибунах опять поднялся радостный галдёж. Из других машин выскочили военные, тросом зацепили остатки грузовика — и колонна продолжала путь. Дроны, наподобие стаи испуганных ворон, стремительно улетели за горизонт.

–— На площадь вступают колонны физкультурников! — опять прозвучал голос Мишки-Левитана. Но никакие колонны не появились, а шла одинокая Полина Ивановна, в белом свитере и голубой курточке. Она махала трибунам — и трибуны, все ветераны, радостно махали ей. И в глазах у неё была такая тоска!

КА проснулся, тоже с чувством тоски, а ещё — с чувством переполненного мочевого пузыря. С трудом встал — болела спина, побрёл в туалет. Там и сям светилось. Вот они, малозаметные приметы наших дней, в каком-то смысле — ночной вариант ноосферы! Пробираясь в темноте до туалета и потом обратно, КА часто представлял себя космонавтом, летящим в межзвёздном пространстве. Звёзды и созвездия были вполне рукотворными. Светились цифры на холодильнике, ниже, около пола, горели цифры напряжения в сети на реле-отсекателе скачков напряжения же, вдалеке, на кухонном подоконнике светились огоньки микроволновки, выключатель света в туалете тоже имел свою лампочку, в комнате — маленький, но яркий огонёк на мониторе, что-то ещё. Огни прогресса, которые свидетельствовали о том, что пока мы спим, вся эта техника готова к востребованию.

Вернулся, лёг, опять со скрипом где-то в пояснице. Достал из-под подушки телефон — тревоги в области и столице не было. Что бы значил весь этот сон? Похоже, что слишком часто он стал убегать из мира обычной повседневности куда-то в мир воспоминаний, даже не воспоминаний связных, целенаправленных, может, даже и полезных, а куда-то в глубины подсознания, где сам был, как случайный путешественник. Что

толку в стариковском: «О, как мне всех вас не хватает, друзья далёкие мои!» — вычитал у одного пожилого же поэта. Нет ничего более иррационального, чем тосковать об ушедшем времени.

Ну, хорошо, Молотова он где-то на исторических фотографиях, наверное, видел, но Риббентропа совершено не помнил (только по карикатурам Бор. Ефимова), но почему-то был так уверен, что это он? Это всё стереотипы мышления: там, где Молотов, там и Риббентроп.

Трудный хлеб издателей

Сосед по даче, Юра, спилил дерево недалеко от забора, КА частенько пользовался плодами его. Ветки дружественно свисали в их двор. Диалог в семье соседей:

— Зачем ты дерево спилил? — спрашивает жена его.

— Да ты посмотри, какие маленькие яблочки, на что оно нам!

— Это не яблочки были, а боярышник, лекарственное дерево, от сердца. Твоя мама посадила специально. У него и листья совсем не такие, как у яблони.

Тишина. Наверное — раздумья.

— Та я ж хотел, как лучше, чтобы посадить какой урожайный сорт.

Понятно, конечно, никакого злого умысла. Только мысли о благополучии семьи. О хорошем, прогрессивном. Никто не думает о нехорошем, никто не распевает, как старуха Шапокляк, мол, как хорошо делать всякие нехорошие дела! Все делают какие-то дела, и все более-менее успешно доказывают, что они хороши! В данном случае, задумка у соседа была неплохая, правильная и прогрессивная. Бывает иногда, что не получилось. Но это почти никогда не признаётся: всё получилось, и, как всегда, мы правы! Самое главное: никакой правды добиться здесь нельзя, потому что тот, кто что-то совершает, пока его голос имеет цену и вес, будет доказывать, что если не сами дела, то их намерения был благородными, а когда приходят новые оценщики (так бывает), оказывается, что никакой хорошей задумки-то и не было, что, впрочем, уже не столь важно, поскольку существует один из законов диалектики — отрицания отрицания.

Был у КА хороший приятель, который много лет в разных ипостасях занимался издательским делом. Как-то раз КА попал на большую книжную ярмарку. Книжный пейзаж за последние годы изменился абсолютно.

Ни одной книги на русском языке. Впрочем, на крымско-татарском тоже, или на венгерском, что ещё за языки бытуют на просторах Родины? Но не это бросалось в глаза на фоне политического бытия. Поражало обилие толстых переводных книг, причём не классики, вроде Диккенса или Маркеса, а современной. В этом случае, подумал КА, это же сколько роялти надо выплачивать этим авторам, ныне живущим! Наверное, потому и книги стали так дороги. Помнится, он тогда позвонил своему приятелю, мол, искал палатку вашего издательства, да что-то не нашёл. Ответ был: в таких базарах не участвуем, недавно ездили в Прагу на европейский книжный фестиваль. Вот!

А теперь их свела случайная встреча. Дело к вечеру. И место хорошее — в сквере, который называют парком (никто не знает правильного соотношения размеров), здание университета рядом, памятник в большой фанерной коробке, на случай авиаударов и бомбёжки. Лавочки, те, что в памяти были, из каких-то реек в чугунных обоймах, заменили давно на модерн — чёрт знает, как на них сидеть. Ну, как дела? КА был готов, что информации будет много и слова вставить не даст, что и хорошо, ибо свои проблемы он и сам знал, а особенности жизни в прочих сферах современного бытия его интересовали.

— Ты звонил, помню, расскажу про нашу жизнь, — они присели на скамейку, приятель достал сигареты, КА, к сожалению (именно для таких случаев — беседа под сигаретку), давно уж не курил.

— Конечно, мне интересно, я же не только читаю, но и пишу кое-что. Хоть бы та же наука.

— Ты правильно заметил тогда, пейзаж книжный изменился сильно. Перемены всегда неизбежны, хоть эволюционные, хоть революционные. Только вот эволюционные происходят медленно, и они определяются системой прямых и обратных связей: писатель — читатель, издатель — рынок. А революционные имеют волюнтаристский характер, подчинены идее, иногда политической, тут не до рынка и не до читателя. Читатель уже сам, может, и незаметно для себя, входит в число потребителей идей. Но, как понимаешь, меня более интересует рынок, который напрямую связан с парой «читатель — писатель», понятное дело — рынку до зарезу нужен писатель, которого читают, которого покупают. И тут, казалось бы, времена «Малой Земли» канули в Лету, время миллионных тиражей с обязательной отправкой по всем сельским и городским библиотекам прошло — свобода духа и письма! Но что-то пошло не так.

Надо сказать, что его приятель вышел когда-то на очень хороший проект, как сейчас говорят. Издавал такой небольшой, неглянцевый совсем журнальчик, кроссворды, шарады, головоломки. Большую часть сам и придумывал. Оказалось, что круг любителей таких занятий весьма широкий. Вот тебе и рынок: копеечный журнал при хорошем спросе может дать вполне приличный доход.

— Ты понимаешь, что происходит, — выпустил колечко дыма, — после закона о языке, творчества ещё команды Порошенко, в дополнение новые положения и подзаконы появились. Теперь все СМИ должны быть державномовными, а если и выпускаешь газету, на мадьярском, например, то должен делать такой же — дубль на украинском и с тем же тиражом. Но в мадьярской газете печатают то, что может быть интересно, собственно, венграм, у державного перевода в принципе не может быть такого же числа читателей. А расходы на печать, а рентабельность производства? Проблема есть, вопросы есть.

А вот кроссворды: ну, как сделать дубль, если слова на разных языках имеют разное число букв, хоть могут быть и похожи? Ну, никак. Так делайте кроссворды на державной мове! Хорошо! Только спроса на них нет. Новое поколение, что склоняется к украиномовности, кроссвордов не решает, в лучшем случае, поручает их искусственному интеллекту, даже не Википедии. Интеллектуальные игры стали не те, да и интеллект изменился. Кое-кто, в Одессе, например, продолжает старые традиции: на обложке — «Цікаве дозвілля», а внутри журнальчика всё те же умственные упражнения, старорежимные. Но это до поры до времени, найдётся какой-то активист, напишет куда надо.

— Да, твоё издательское дело в сложном положении.

— Вымирает целый жанр, не в мировом, конечно, масштабе, локально.

— А что насчёт переводных изданий? У меня такое сложилось впечатление, что эта сфера процветает.

— Боюсь, что это иллюзия. От незнания деталей. Переводы машинные, редактирование — говно, хорошее редактирование — это расходы, а самое главное — время. Рынок забит некачественной литературой. Поток западных переводов открыл «неожиданную вещь», оказывается, не всё, что там пишут, нашему читателю интересно. Там свои, не всегда понятные проблемы, другая эстетика, другая история. Времена Маркесов и Хемингуэев, понятных всем, прошли, ушли. А ещё, как бу-

дешь на таком базаре, сделай эксперимент: спроси, а почему это у вас в этой большой переводной книге на титуле не написано, с какого это издания перевод, год, издательство, место?

— И что они мне ответят?

— В 90 случаях из ста ничего, потому что эта книга вообще никаким американцем никогда не была написана. Есть, особенно в издательствах побольше, целая когорта писателей-полурабов, они и пишут, *а'ля*. Фамилии американских авторов придумывают редакторы. Или там, японских.

— Прекрасная мысль! Тогда о роялти и думать не надо. Кроме того, вроде как и нет никакого криминала, можно считать, что это псевдоним. Вон, Набоков долго писал как Сирин, мол, писал Сирин, все претензии к нему.

— Как любил говаривать один исторический персонаж: «Думали, як краще, а отримали, як завжди». В том и ключевое слово, если бы думали… Если думать, то можно в чём-то и засомневаться, а это упаси Боже! Политикам опасно, населению — недосуг.

Покурили, КА хотел задать вопрос: а как же быть, да друг его заторопился, покурили и хватит, пора делами заниматься. Убежал. КА огляделся и заметил, что как раз приближается самая лучшая пора суток — предчувствие сумерек. И сидит он в парке, а между деревьев проглядывают красные колонны университета. Он во второй раз пожалел, что нет возможности достать из кармана пачку сигарет, закурить, делая размышления ещё более глубокими и неспешными, додуматься до чего-то мудрого. В конце концов, что-то с кем-то обсудить. И в который раз — почти найти истину.

Сначала хотел пообщаться с Мишкой, но потом решил, что с Валентином Абрамовичем будет полезнее, надо только сформулировать тему. Конечно, дело не в украинских книжках. Это частный случай (для кого частный, а для кого и животрепещущий), а что не частный? Книжка, газета, родной язык, экономика, суверенитет.

— Вот, Валентин Абрамович, Вы опять на киевской скамейке. Вы же в Киеве родились.

— Да, мы жили неподалёку, на бульваре, когда-то он назывался Бибиковским. Внизу, на площади, был большой базар, толкучка, занятное место, особенно для пацанов.

— Вот, в связи с тем, что мы обсуждали с приятелем, да с учётом последних слушаний в ООН насчёт палестинского государства, почему

бы там, на Ближнем Востоке, не обсудить другую модель? После осени 23 года в этом Секторе Газа вообще всё вверх дном из-за операций военных Израиля, но были же другие времена, более спокойные. И что мешает всяким союзам? Вот вам граница между Сектором и Израилем, но без колючей проволоки, вот вам возможность работы в Израиле, и вот вам полная культурная самостоятельность. Зачем им вообще нужно своё государство?

— Всякое явление в природе и социуме имеет свой историзм. Ведь в 1948 могло повернуться совсем наоборот, и сейчас бы обсуждался вопрос о создании, наконец, самостоятельного — еврейского государства. Вы не первый раз упоминаете идею культурной автономии на фоне экономического единства. Но посмотрите, много ли таких реально примеров? Та же Швейцария — это четырёхязычие, соответственно, разнообразие культур складывалось веками. Да там уже и нет ни итальянского, ни французского, ни немецкого, тем паче — ретороманского этносов, есть один — швейцарский, скажем так, с языковыми подкультурами. Слишком мало примеров сконструированного многообразия в единстве. Была такая федерация — Югославия, да распалась. Эти федерации всегда почему-то тяготеют к имперским принципам организации. Вон, на Россию посмотрите.

КА с собеседником встали и побрели в сторону некоего центра всего парка. К возвышающемуся огромному параллелепипеду, из уже довольно потрёпанной дождями фанеры.

— Посмотрите, — КА и Валентин Абрамович обнаружили появление третьего, Мишка появился, — фанера скрывает образ Тараса Григорьевича, что символично, от бомбёжек (там, наверное, ещё мешки с песком), а сам он стоит на постаменте памятника Николаю Первому. Может, в этих символах можно найти какие-то ответы на ваши вопросы?

— Символы интересные, оба руку приложили к очагу просвещения, Николай основал, Тарас работал тут, в красном здании, напротив, — сказал Валентин Абрамович, — но если бы первый не основал, где бы второй своей археографией занимался? Как ни крути, чтобы грамотно рисовать всякие исторические памятники старины родного края, надо было сначала кое-чему научиться в столице, её тоже основал один из императоров.

— Да, с основаниями у поэтов, как правило, неважно дело обстоит, вот «до основанья, а затем…» — как-то лучше, — заметил Мишка.

— Может быть, в этом есть некая эволюционно-историческая правильность, знаете, если бы всё основанное до сих пор стояло, то поместиться бы от этих университетов, храмов, пирамид, триумфальных арок было бы негде. Мысль не новая, но заслуживает повторения. Противоиллюзорная мысль.

— Вот, Тарас Григорьевич, — Мишка уже обращался к Шевченко, который возник по правую руку, — вы писали: «… і ворожей чорной кров'ю землю окропите», это был призыв или пророчество? Вот учёный нам говорит, что эволюционный путь лучше. Однако, эволюция не имеет такого термина — «враг». Никто никому не желает зла, пожалуйста, адаптируйся, выживай, ну, не получилось, сочувствуем.

— Знать бы, что будет через 200 лет, — Тарас Великий явно опечалился, — боюсь, что Вы сильно преувеличиваете роль поэтов в истории.

— Вы не правы, — Мишка явно хотел поспорить с классиком, — ваша задумчивая постать водружена на пьедестал императорского памятника, кстати, есть ещё свободные, неподалёку, причём оба на бульваре вашего же имени, а Вы говорите, что преувеличиваю.

— Вы про Ленина и Щорса, надо понимать? — спросил Валентин Абрамович.

— Нет, не хочу новых пьедесталов, я вообще против излишеств памятников и всяких спекуляций. Слишком много талмудистов. Нельзя мою эпоху переносить на современность. Это был совсем другой мир.

— Нельзя-то нельзя, но всё новое вырастает из старого, — это появилась Татьяна и взяла Тараса Григорьевича под руку. — Не только поэты, вся культура играет свою роль. Часто мы этого не замечаем.

— Ну да, — Мишка почувствовал любимый запах полемики, — кто виноват в войне, конечно — Пушкин! Вот, недавно, КА цитировал мне одного поэта из Харькова:

Пилот Чехов поднял в небо самолёт
По приказу командира Пушкина,
Выпустил по украинскому Днепру ракету,
Разработанную Тютчевым и Есениным[1].

— Никакую культуру не обнулишь, — Мишка продолжил тему. — Пушкин всё, что смог, уже давно написал, он что, и в финской войне

[1] Новый Гильгамеш, 2025.4.

был замешан, или в сговоре в 39-м году? И вообще, как-то не совсем понятно получается: в Буче ведь не только русские были, но и буряты, и чеченцы. Так вот, Пушкин виноват, а бурятские поэты ни при чём, как и чеченские песенники. Где-то, может, даже сквозит, мол, эти чеченцы чуть не братья по несчастью, тоже угнетённые русским шовинизмом. Этновзгляд, как самый исконно-биологический, закрывает все тонкости социального устройства.

— К вопросу об отодвигании культур, — заметил КА, — я бы сказал, о раздвигании, растекании. После революции 17 года русская эмиграция растеклась, да потом и украинская, но русская дала Набокова, Бунина, другие осколки имперской как-то не очень. Была вторая волна, сталинская, потом брежневская со своими бродскими, бобышевыми, да мало ли ещё. Теперь вот, война.

— Я думаю, — ответил Валентин Абрамович, — что, в отличие от некоторых издателей, ваши власти делают неверные шаги. Поэтов, которые в Париже пишут на родном русском, сохраняют свою культуру, надо уважать. Но ваши русскоязычные, они же поддерживают свою, украинскую культуру, язык один – культуры разные. Тем более, своё разнообразие ценить надо. У вас тут почти, как в Израиле: в окружении кроме врагов перманентных, друзей полноценных-то не столь много, из всех соседей мало с кем не поссорились, кроме Чёрного моря, да и то благодаря морским дронам, что потеснили флот неприятеля.

— Мир другой, он меняется — а люди те же, — заметил КА, — Пушкин в другом мире жил, тем не менее, сама идея «ненашего» витает, вот, современный стих:

Не так тиха украинская ночь
Как убеждал апостол а.с.пушкин…
…
Тачанкой птицей мчится тройка-русь,
Как кистью написал её ван гоголь,
в ней, в основном, лежит «двухсотый» груз,
и бога ради, «сотого»[1], немного.

— Когда впиздит ракета, извините за выражение, пишется не так, как при чистом небе, где только ласточки парят, эти ракеты — худший

[1] «Двухсотый» — перевозка покойников, «сотый» — перевозка боеприпасов. Там же.

друг нюансов, — вставил Мишка. — А что, и Пушкин приложил руку к самоидентификации русских, а от этого, при недалёком уме, можно и к самовосхвалению, шовинизму перейти, нацизму, всё связано.

— Благородный шовинизм и ущербный что ли существуют? — Татьяна вмешалась. — Что-то вы ушли от первичной, вполне социально-экономической темы. Тарас Григорьевич, вы в общих чертах представляете обстановку на Родине?

— Думаю, более чем, тут каждый день вспоминают, то те, то другие, иногда такую чушь порют.

— Тогда прямой вопрос: надо ли запрещать русскоязычным писателям, в эту эпоху, писать книжки на родном языке, как вам когда-то запрещали писать на своём родном? Правда, свободы стало якобы больше, пиши — не запрещают, а то ещё из Брюсселя пригрозят, но на рынок вынести, к читателю — нельзя. Тогда боялись революционных идей. Сейчас, видимо, пятой колонны. Запреты — это страх? Или победа справедливости?

— Знаете, я пришёл к выводу, что страх есть удел неправедных. Праведными правит любовь. А что до всяких запретов, то мир их много видел. И кто мне мог запретить писать, думать? Оказалось — я свободен! И вы пишите, и вы свободны!

— Как-то не выходит из головы, — КА подал голос, обращаясь скорее к Валентину Абрамовичу, — как в природе? Ведь всё дышит разнообразием, и всему находится место, эволюционный, постепенный ход событий, приспособление приводит к росту этого разнообразия, тем природа и живёт. Любое излишнее доминирование есть аномалия, патология в экосистеме, как, например, бурный рост популяций водорослей, или там, саранчи. Каковы же механизмы нарушения этих принципов в социуме? Простая глупость, неуважение к ближнему? Жажда власти? И вот что интересно: ведь некая эволюция существует и в социуме, вы сами писали, что эволюция не прекратилась, она перешла в другую ипостась. Так почему же эти нелепые принципы живут, они должны были отмереть как нерациональные.

— Эволюция — ведь это кибернетика: прямые и обратные связи в управлении, — откликнулся Валентин Абрамович, — моделируют её сложные компьютеры, а тут приходит человек с кувалдой своих придуманных законов, со своими иллюзиями власти над кем-то и над

чем-то. И кувалду эту некому отнять, это тоже будет насилие и волюнтаризм. Она должна отмереть сама собой, стать ненужной. Уйти в историю.

— Но простая этика. Если народ вас выбрал во власть, делегировал какие-то полномочия, так уважайте его. Ты что, умнее меня, раз ты предписываешь мне, как я должен думать? Откуда это сомнение в моей мудрости? Впрочем, если я вас таких выбрал, то уже не мудр.

— А вот мне интересно, что Тарас Григорьевич мог бы сказать о своём времени? — Мишка вмешался, — ведь не было свободомыслия, свободы слова, цензура, правильно? И понятно, почему — мысль была персонифицирована, была главная мысль, императорская. Даже сопоставление с другими выглядело как кощунство. Но при демократии, казалось бы, всё должно быть не так.

— А я об этом много размышлял, за то и на каторгу военную попал, и сейчас размышляю. И прихожу к вопросу, пока без ответа: а не в государстве ли дело? Вы сравните — много ли изменилось в самой государственной машине? А ещё — правящие всегда почему-то имеют пристрастие к сотворению кумиров, вот тут пути и сходятся.

— Ой, посмотрите, уже ночь наступила, — озадаченно сообщила Татьяна, — так что, писать русскоязычным писателям во время войны или не писать?

— Писать! Это я вам как классик говорю, — промолвил Тарас Григорьевич и исчез.

За ним и остальные. КА постоял ещё некоторое время, разглядывая красные колонны с чёрным. Вот как интересно, чёрно-красный флаг — символ международный анархистов, и у Повстанческой армии был такой же, и эти колонны, Святой Владимир, цвета его ордена, всё смешалось. Диалектика противоречий. Вдруг из-за колонны показался Мишка.

— Знаешь, не могу отделаться от сложного чувства, — он стоял, опершись о колонну, — смотри, классик, сколько перенёс от этого имперства, самодержавия, и вынес главное — я свободен, и вы будьте свободны! Рождала эта земля мудрых людей. Я-то со стороны уже как бы смотрю, я уже свободен. А тебе ещё свою свободу отстаивать надо. Только вот почему немудрость заставляет это делать?

Избыточность

Исчезли друзья, такие странные видения. КА уже престал удивляться и этим визитам, и этим беседам. Ничего здесь нет сверхъестественного, это просто зигзаги собственной памяти, путешествия по неизвестным закоулкам собственного мозга. Пока в этот мозг поступают кислород, питание клеток, и, конечно же, информация, он тратит себя не только на поддержание обыденной жизни, кое-что — на автомате, как, например, корректировки работы зрительных рецепторов, но бывает так, что заносит в такие неординарные глубины. Похоже, есть много уровней памяти, чаще всего нам, как оказывается, достаточно самой поверхностной. Но есть глубинная, именно благодаря ей иногда сложно понять, почему всплывает так много информации, которая где-то аккумулирована, даже без нашего контроля. Оказывается, я так много знал о своих друзьях, теперь это знание позволяет мозгу конструировать целые диалоги, в которых я это я, а они — это просто неизвестная мне самому информация о них. Но откуда приходит эта избыточная информация? И, потом, приходят люди, которые вообще раньше не были в числе знакомых. Тогда это всё — просто фантазии, навеянные особым типом одиночества — одиночеством старости. На этом этапе КА решил, что достаточно разобрался.

В каком-то смысле, подумал он, это всё — отражение возрастной концентрации то на одном, то на другом вопросе. В молодости проблем, задач много, и появляются всё новые и новые. Пейзаж проблем и задач богат и многопланов. В старости начинаешь понимать, что сюжетов жизни, в общем-то, не так уж много, вполне можно сосредотачиваться то на одном, то на другом. В последнее время КА часто размышлял о дружбе, о друзьях. Есть же люди, у которых много друзей, плюс целая куча просто приятелей. Понятное дело, что КА не садился в своё рабочее кресло и не говорил себе, мол, пора, согласно расписанию обдумываний, подумать о дружбе и о друзьях, что это, в сущности, такое? Нужны были триггеры, какие-то события, случаи из жизни. Ему показалось, что он увидел интересные параллели между недавней встречей с другом детства и одними своими друзьями, про которых тоже часто в последнее время вспоминал. Такой сюжет: немолодая пара любит путешествовать. Потом, рассказывая о своих приключениях, которые не по плечу, казалось бы, и молодым, имели рефреном в своих рассказах: а нам друзья то, а нам

друзья это, там помогли, там устроили. И тут КА раздваивался. Один, жёлчный старик, задавал вопрос: а правильно ли это — обременять своих друзей собой, своими проблемами, внедрять их в свои планы. Хорошо ли это, и по-дружески ли? Может, это — эксплуатация дружбы? Но второй, тоже старик, вспоминал: как там у Экзюпери — предложить помощь просто и приятелю, тем более что масштабы помощи различны, а вот попросить помощи можно только друга? На такого рода размышления и вопросы нашёлся как-то ответ у дочки.

— Ты не прав, — сказала дочка, — они всю жизнь ковали это сообщество хелперов. Не специально, исподволь. Ты же сам ходил к ним в гости, они встречали вас дома, они поддерживали свою оболочку друзей. Не у вас же встречали Новый год, а у них. Я думаю, что теперь, когда они постарели и уже не могут отдавать, могут рассчитывать на ответ. Мудро и справедливо, так оно и есть. Пестуй всю жизнь сообщество друзей — и в старости тебе воздастся!

Он начал перебирать разные коллизии из собственной жизни. Действительно, круг, у кого он мог бы попросить, был совсем узок. Сообщество хелперов было довольно хилое, чтобы вообще называться сообществом. Тут он вспомнил одного своего коллегу-студента, вместе жили в общаге, у того было множество друзей, никогда не было денег, и все ему одалживали, кто трёшку, кто пятёрку, правда, он старался долги отдавать (потому денег и не оставалось). А КА никогда ни у кого не занимал, считал это невежливым и даже стыдным, и ему почему-то почти всегда хватало стипендии. Правда, никому и в долг не давал. Коллеге давали чуть ли не с радостью, а КА не просил, но и у него не просили. Где же взяться оболочке хелперов? Всё же в основе этого замкнутого круга был принцип: неудобно напрягать кого-то своими проблемами. А вот у родителей же просил, но это был скорее их просчёт, им было, наверно, неудобно сказать, мол, а не заработал бы ты сам себе на новые джинсы (какие джинсы! тогда и в помине не было, может, в том всё и дело).

Или вот вопрос, который мучил Валерку, он не так уж наивен — про искусство и творца. Не про курицу и яйцо. Казалось бы, какое может быть искусство, если нет творца, митця? Он и творит искусство. Но одно дело — творить, когда искусство уже есть, например, древнему греку, а другое — когда есть только охота, собирание съедобных плодов и кореньев, выживание. Тогда получается, что эмбриональное искусство было как раз тем, что не было прямо полезно, утилитарно. Было избыточ-

ным. Когда есть запасы мамонтятины, можно и орнаментами хижину из его же, мамонта, костей расписать. Расписывающий, по определению — выродок, вне стандартов, вне обыденного. Он ещё должен убедить сообщество, что эти орнаменты — вещь необходимая, важно, мол, соплеменнички дорогие, не только пожрать от пуза, но и полюбоваться красотой. Когда и как возникла концепция красоты? (Пожалуй, в размышлениях упустил сакральную компоненту). Когда — вряд ли можно выяснить, а вот как — гипотеза поэта Бродского казалась КА наиболее подходящей. Искусство родилось от избыточности. Стоит человек, за спиной — пещера, его жилище, там дым, вонь, шкуры, дети, остатки еды, кости, говно вокруг. А перед ним — прекрасная осень средины четвертичного периода. В долине — в багрец и золото одетые леса, олени с большими рогами ходят на полянах, а дальше, к горизонту, уходит равнина, в зелёных, летних ещё и бурых пятнах травы, два мамонта с детёнышами далеко. Речка голубой лентой. И всё сияет в лучах осеннего тёплого солнца, до зимы с её холодами ещё далеко. И стоит он, и впитывает эту картину, и чувствует, что эта картина не только полезна, но и есть в ней ещё что-то, что выплёскивается за край понимания, восприятия, памяти. И спешит, идёт в пещеру, и выцарапывает на стене две фигурки мамонтов и маленькую чёрточку, это горизонт. А свет и краски остаются где-то в памяти. Пока.

Утро туманное

Есть вещи, с которыми нельзя спорить, не нужно спорить, потому что недоверие к истинам может привести к нежелательным последствиям. Например, прислал один бывший коллега, пенсионер-бодрячок, с самого утра, выудил в интернете. Что-то вроде советского плаката с довольно могучего вида врачом (белый накрахмаленный до фанерного вида халат) в центре внимания. Внизу крупно, рубленым шрифтом: «Каким бы ни было Ваше здоровье, его хватит на всю жизнь!». КА подумал, что бесспорность данной сентенции была равна бесспорности другой: «Если что-то пошло не так, то в будущем станет ещё хуже». Или: «Готовься к худшему, если станет лучше, ты этого просто не заметишь». Это всё пришло как из интернета, так и спонтанно в голову, неизвестно откуда. Было серое тёмное пасмурное утро, ноябрь, всё уже голо, безлистые ветки шевелились от ветра где-то в сумраке, внизу, когда он делал за-

рядку на холодной свой лоджии. Через стекло было слышно стрекотание «чачиков»[1] — в окрестностях: электричества нет. С горькой, сочувственной усмешкой КА вспомнил, что вчера, просматривая рабочие дневники, отмечал через страницу: «на работе света нет, ехать не стоит (ноябрь, 2023 год)». Потом стало как-то веселее, даже в сетях спрашивали, мол, что делать с генераторами, куда девать? Оказалось, надо поставить на грамотное хранение.

В эти сутки график отключений электричества был такой, что большая часть суточного круга — как раз без электричества. Вся история войны была пропитана эфемерным оптимизмом: тогда, в 23-м, тоже приближалась зима, тоже было страшно подумать о холодах, жизни без света и воды, но выжили же. Раз вспоминаем, значит живы, то есть, как бы ни была плоха ваша память, худо-бедно хватит на всю жизнь. Но просто надеяться, мол, прорвёмся, не стоит. КА в который раз стал перебирать варианты способов выживания. Надо, обязательно купить керосин, на даче в виде декора есть фонарь типа «Летучая мышь», есть ли только там фитиль?

— Валерка, ты помнишь, одно время были у нас в городке большие перебои со светом, какая-то реконструкция сетей. По вечерам у нас горела лампа-керосинка. Эти лампы создают какой-то особый уют.

— Помню, хорошо помню. И этот забытый уже запах керосина. Впрочем, он был тогда распространён, на керогазе же готовили. Керосинная лавка была в таком погребке, за магазином, ближе к речке.

— О чём ностальгировать? О керосине? Хотя, знаешь, видел как-то, где-то в Польше, кажется, в одном небольшом краеведческом музее солидную коллекцию этих самых керосинных ламп. Великолепный дизайн, такое разнообразие форм. Мне вообще кажется, что сама сецессия взяла начало именно от дизайна и представлений о красоте именно от этой самой керосинки. Еду можно вполне сготовить на плите, на дровах. Но свет! Тяга к свету рождает красоту.

— Знаешь, я как-то пытался представить, как Пушкин вечером писал при свечах. Мне почему-то казалось это каким-то нонсенсом — слишком тёмная окружающая среда для стихов. Уверен, что поэты при свечах думали и писали совсем не так, как потом, при электричестве. Мировидение было совсем другое. Что, в XX веке, сел за стол, включил

[1] Ласковое название переносных генераторов

лампу, в люксах то же освещение, что и днём, ты выпадаешь из природной системы, если хочешь, даже космической — день/ночь, вращение Земли. Пушкин был ближе к природным силам, самому космосу.

— Интересный взгляд, я вот сейчас как-то представил какого-то другого, гонимого, разными внешними силами угнетаемого поэта, к примеру, того же Шевченко. Это как-то вполне органично, что он пишет, даже не перед канделябром, а с одной свечкой. *Реве та стогне* — он вообще там, — где ночь, буря, та, маленькая свечка, может, и в оконце. Может, кому-то путеводный огонёк.

— А ещё никак не могу себе представить, — продолжил размышления Валерка, — как выглядели эти самые балы. Хорошо смотреть фильм, Наташа Ростова вся трепещет, потом этот вальс… А ведь в зале было почти темно. Сколько надо было свечей, чтобы сияло и сверкало! Я бы даже поставил такой эксперимент — зал, танцы при свечах. Как это выглядит на самом деле.

— Сияло и сверкало. Вчера был большой налёт, аж в Тернополе прилетело, чёрте-где от фронта, ракета врезала прямо в большой дом, несколько десятков людей сразу исчезли с лица земли, многие десятки в мучениях. Во времена свечей и даже керосина такого представить было себе нельзя, чтобы рука смерти простиралась на тысячи километров. Не лучше ли жить при свечах?

— Дивергенции неизбежны! — Мишка возник. Да не один, а сразу на пару с ВА, — интересно, но мы с Валентином Абрамовичем совсем недавно обсуждали похожий вопрос. Пришли к выводу, что у эволюции социума есть много разнообразных проявлений.

— Так *что* неизбежно — эта диверсификация, увеличение разнообразия? — КА не смог сходу впрыгнуть в скоропальную Мишкину логическую конструкцию.

— К разнообразию ещё подойдём, мне сдаётся, мы с Михаилом соорудили довольно интересную концепцию, — это вступил в разговор Валентин Абрамович. — впрочем, у вас был какой-то другой разговор, мы вам помешали?

— Мишка зря не врывается, наверное, ваша конструкция тоже про войну. Мы тут обсуждали, как прогресс даёт всё больше и больше света, но прогресс же, если ракету можно считать прогрессом, относительно мушкета, этот свет и уничтожает.

— Да, если вкратце, и про войну тоже. Мы уже обсуждали, прикинули, сколько тратил Юлий Цезарь на убийство одного галла во время своих колониальных походов, получалась что-то полтора-два доллара на труп. Вопрос: хотел бы он потратить больше, чтобы его военная машина работала более эффективно? Может, и хотел, но все обычно на всём экономят. Однако, главное — не мог он тратить больше! Какой ни богатой мы представляем Римскую империю, общий валовой продукт был во многие тысячи раз меньше, чем сейчас, например, у Евросоюза.

— Это значит, — вмешался Мишка, — что Юлий, хотя и был также жаден, охоч до чужих земель, как Путин, но не мог вложить в войну больше, чем позволяла тогдашняя экономика.

— Ну да, дурному басня — как платить легионерам больше, если в казне нет этих самых сестерций?

— Не в том дело, — Мишка прямо загорелся от возможного спора, — баланс приходов и расходов был всегда. А дело в том, что за две тысячи лет все страны, весь мировой социум стал в тысячи раз богаче! Но при этом…

— Но не стал в тысячи раз умнее, — констатировал Валерка, не совсем ещё понимая направление всей беседы.

— Не стал, но вот вопрос: мог ли стать? Не остановил убийства и не остановился перед тем, что стоимость одного убийства выросла в тысячу раз и более.

— Тогда, получается, — подсчитывая в уме что-то, сказал КА, — если соотнести общее богатство и траты на войну, то получаем в истории некую константу? Тогда, повторю вопрос Валентина Абрамовича, действительно ли это неизбежная плата за эволюцию? Или это от дьявола? От, как раз, недостатка коллективного здравого смысла, наличия какой-то эволюционной лакуны?

— А что такое коллективный здравый смысл? — было видно, что Валентин Абрамович ещё не сформулировал мысль, но идея уже была, — коллектив, как вы говорите, социум, от семьи до всего человечества, он же разнороден, и не только многообразен, но структурирован. Существует определённая иерархия. И у каждого слоя, каждой страты, каждого этажа этой структуры свои интересы, свои принципы жизни. Проведём такую аналогию. С жизнью прочих, не гомо сапиенс. Какова жизненная цель особи? Выжить и оставить потомство, кроме того, и амёба в каком-то смысле «хочет» прожить жизнь свою короткую краси-

во, без болезней, мучений. Но уже у популяции амёб своя стратегий и своя цель, отличная от индивидуальной. Популяция-то и живёт этим оборотом индивидуальных жизней. У неё свой взгляд на гуманизм, жизнь одной особи для неё только звено в круговороте, который, по возможности, должен поддерживаться вечно. Ну, а сообщество — популяция волков тем и жива, что истребляет популяцию лосей. На что и на кого направлены здесь лучи милосердия и гуманизма, впрочем, термин не подходит, гуманизм, от гуманус — человек, тогда — гуманизм в общефилософском смысле явно дифференцируется на волкизм и зайцизм, или, там, лосизм.

— Тогда, получается, одна страна должна обязательно напасть на другую, — Валерка был явно не согласен с построениями Валентина Абрамовича, — эти зоологические параллели мне совсем не нравятся.

— Конечно, если их трактовать прямо, — ВА продолжил излагать свою концепцию, — если проводить абсолютные параллели, если бы были доказательства того, что кроманьонцы истребляли неандертальцев с трофическими целями, но среди костей всяких охотничьих животных в пещерах неандертальских костей не находили.

— Я бы не удивился, ведь ещё в позапрошлом веке Гумбольдт и Бейтс описывали случаи и саму идеологию каннибализма в Амазонии, — вставил КА.

— Подождите, вы уводите меня в другую сторону, я ещё не закончил свои размышления, — мягко остановил полемику ВА. — Я просто хочу показать вам сложность и определённую неизбежность социальных структур, в частности, связанных и с войнами. Кстати, не стоит преувеличивать дарвиновских принципов борьбы за существование, тем более, мальтусовых. Человечество давно придумало торговлю как более эффективный способ распределения ресурсов, чем агрессивные захваты, хотя многим политикам, к сожалению, больше нравится палеонтология. Так вот, если говорить об отношениях к войне, впрочем, не только к войне, ко всем ключевым проблемам, то вы, как мне кажется, делаете одну ошибку, хотя и из самых гуманистических побуждений. Здесь стоит рассмотреть несколько страт, уровней, иерархию своеобразную. С точки зрения особи, личности, человека, индивида, война — это безусловное зло. Именно потому, что риск, опасность, смертельная опасность нависла над каждым. Того же Наполеона могла шальная пуля или ядро пришибить, а Карл XII, король-забияка, казалось бы, не солдат простой, а

под пулю попал, что потом ох как сказалось на его военной деятельности, а тот же Сталин сына на войне потерял. Нет защищённых, абсолютно защищённых особей. Посему и оценки абсолютны. Не только «дерьмо», как сказал шофёр своему командиру тененте у Хемингуэя, в смысле неприемлемого образа жизни, существования, но и, как самое важное — дерьмо, потому что непомерные риски.

— И что, эти принципы не хороши? — вопрос от Мишки.

— Принципы правильные, но на своём уровне. Дальше идёт уровень субпопуляций, социальных групп. И тут оценки уже диверсифицируются, появляется некое разнообразие. Во-первых, ту или иную войну кто-то же начал: что путинская камарилья, что ХАМАС, то есть у них уже нет полного отторжения самой идеи войны. Возможно, ядро этой группы невелико, но в целом похоже на капусту, и появляются всё новые листья. Кроме всяких «идеалистических» заблуждений, вроде «величия» нации, страны, партии и прочего, есть ещё компонента простой выгоды. На войне можно ещё как нажиться при помощи отмывания плохо лежащих денег, слыхали же про украинскую энергетику? Также получить сверхприбыли совершенно законным путём, производя снаряды, пушки, вместо масла. Хотя все индивиды этих групп тоже боятся физически, но считают риски очень малыми, допустимыми. Ну, например, производители самолётов, которые предавали по ленд-лизу из Штатов. Или те, что полагают, что военная добыча стоит рисков.

— Да, ещё политики, — Валерка начал понимать ход мысли ВА, и это его радовало, — политики, они тоже как бы раздваиваются: у них свои интересы, равноважные — власть и деньги. Отсюда и отношения всей этой группы к войнам, революциям.

— Ну да, этих групп можно выделить много. И, что важно! Есть не только те, кому война есть мать родна, но и те, кто против. Они берут, однако, в свою идеологию не только биологический страх перед опасностями войны, но ратуют за кооперацию, взаимную помощь, положительные отношения, а не за военное решение вопросов. Надо сказать, что в разных исторических ситуациях их может быть как большинство, правда, малоактивное, так и меньшинство, ещё менее активное, коротающее время в концлагерях.

— Вопрос только в том, что, — как показалось Мишке, он нащупал главную линию развития концепции, — проблема в том, что производст-

во динамита, крылатых ракет, пожирающих махи, имеет совсем иной экономический эффект для страны, даже для человечества, чем производство мыла, хлеба, штанов гражданского образца.

— Ну вот, Вы, Михаил, предвосхитили мой следующий этап эволюционных построений, — с улыбкой сказал ВА, он был явно рад, что его приятель схватил суть проблемы. — Я продолжу. Если коротко, а пока так только и можно, тут надо много думать ещё, но мы приходим к парадоксальному и циничному, с точки зрения особи, заключению: военные конфликты, войны, пока, во всяком случаев этом, наверное, в этом тысячелетии, происходят и будут происходить, как неизбежный акт эволюции человека, его общества.

— Хм, я подумал вот о чём, — сказал КА, — Вы бы, Валентин Абрамович, наверное, сейчас очень хорошо дополнили соображения дедушки Вернадского, может быть, это и есть тот самый ключ к ноосфере? Чёрт с ним, с этим разумом и его гипотетической сферой, важно то, что в эволюционном процессе должна исчезнуть неизбежность роста внутренней энергии биосферы, скорее, уже ноосферы, за счёт военных технологий, военного производства, я думаю, это само по себе изменит тот самый коллективный разум, приблизит его к индивидуальному.

— Знаете, мне кажется, человеку современному последние две тысячи лет сильно мешает преувеличенное внимание к собственному Я, — Валентин Абрамович был явно доволен не только описанной им схемой, но и пониманием собеседников, — мы совсем недавно вышли из биосферы чисто биотической, где только водоросли, мхи, бабочки и прочее биоразнообразие. Представьте себе, два миллиарда лет (если это можно представить) властвовали на планете, в океане цианобактерии, но теперь их оттеснили в пруды и водохранилища другие представители Великого биоразнообразия. Это неизбежный прогресс, но с точки зрения сине-зелёных водорослей это же катастрофа. К сожалению, у нас всего один Мировой океан и немножко суши. Накопление энергии неизбежно, просто люди пока ещё не преодолели, сами того не понимая, массовой психологии не то, что бронзового века, но и пещерных цивилизаций. Вот вам пример: как был популярен фильм про звёздные войны! Это хороший показатель того, что массовое сознание вполне согласно с вектором принципа актуализма в далёкое будущее, мол, как же без войн? Но это неизбежно должно измениться.

— Только вот жить в это время прекрасное… — КА спохватился, жить, — мне… придётся… Вокруг стало пусто.

Всё то же серое утро. Из-за тумана не стало видно дальних домов, не только верхушек, но и до самой земли. И земли не видно. График света на сегодня полностью поломался. Какие могут быть планы, хоть бы и на два часа вперёд, не то, чтобы на эволюционное будущее.

Новое и старое

Хоть ты не смотри в эти прогнозы погоды, так думал КА, глядя в серое окно. Такая досада: как суббота-воскресенье, обязательно мелкий дождик, переходящий в сильный к вечеру. Но в понедельник уже нарисовано солнышко, проглядывающее из-за туч. А в пятницу какой прекрасный осенний был денёк! Правда, всё это — мелкие флуктуации и мелкие к ним адаптации. Был же вчера на даче, не побоялся прогноза, и весь намеченный план работ выполнил. Смелее надо быть, смелее! Смелее надо адаптироваться к новому, к переменам в жизни. Вот, к примеру, такая адаптация.

Проснулся тёмной ночью, света нет, за окном ни огонька, у них тоже света нет. Циферблат, цифры на часах не горят, время остановилось. Опять пришла мысль: надо не только оживить на даче фонарь «летучая мышь», что висит в гараже, не то как декор в кантри-стиле, не то как хлам, но запустить в эксплуатацию. Теперь не хлам, точно, потому что без света как раз хорошо вспомнить запах керосина. Керосин уже купил, теперь продаётся как растворитель, а не как осветитель и отопитель, дороговат для сжигания, и мышь эту летучую апробировал. Фитиль как-то сразу начал коптить. Есть такая чёрная краска, называется «Ламповая копоть», глубокий чёрный цвет. Надо попробовать отрегулировать горение фитиля. Так что это, эта мышь — старое это или новое?

Адаптация к новым реалиям через старые приёмы. Старое и новое, всегда они в диалектическом противоречии. Вот, когда на дачу ездил, наблюдал такой случай, тоже пример непереносимости новшеств. Прямо хочется с кем-то поделиться.

— Как вам, Валентин Абрамович, такая жизненная зарисовка, прямо из магазина, нет ли здесь какого-то намёка на неоднозначность эволюции?

— Вас с самого утра волнуют эволюционные проблемы, интересно узнать — после завтрака или до?

— Нет, это скорее, связано с графиками отключения света: темнота и безводье создают дискомфорт, но начинаешь понимать и разнообразие дискомфортов. Есть дискомфорт физиологический, есть психический, есть моральный, ну, там ещё, интеллектуальный. Также разнообразны и причины. И, как ни странно, весьма нередко мы страдаем от новизны. А что такое новизна, как не закреплённый эволюцией прогресс? Страдания от прогресса. Не парадоксально ли это звучит?

— Отчего же? Никакого парадокса как раз нет. Большинству эта новизна, как правило, не очень нравится. Она потому и новизна, что не вписывается в старую систему. Пока. Ей ещё надо прижиться. И что за случай из жизни вас так вдохновил на обобщения?

— Ну да. Случай. Зашёл я в магазин, такой, дешёвых товаров, целая сеть появилась таких магазинчиков, эта часть сети называется «Аврора», может, просто красиво, может, вспомнили тот самый революционный крейсер, мол, вот оно счастье пролетариата — бери, покупай, всё доступно! «Налетай — подешевело!». Купить что-нибудь по дешёвке — тоже один из факторов комфортного состояния. Я за этим комфортом и сам захаживаю в такие магазинчики. Так вот, гражданка, выше средних лет, но моложе меня, как мне кажется, устроила прямо истерику. Причина: где у вас лампочки на 100 ватт?! Нет лампочек таких, ей говорят. И уже давненько, теперь лэд-лампочки. Можете купить ватт на 12–15, будет вам, как старая на 100 ватт, ещё и экономия электричества. Нет, дайте ей на сто ватт, она к такому привыкла. Так и не убедили, ушла, вся в дискомфорте и обиде. Я только вслед ей подумал, что эта смена освещения уж давно произошла, неужели у неё за эти годы ни одна старая лампа не перегорела, тогда её можно понять.

— Я вам скажу, что не стоит придаваться иллюзиям насчёт эволюционного прогресса и его благ, движения вперёд. Согласно тому же классическому дарвинизму, если что-то новое появляется, оно должно быть закреплено, стабилизировано (чувствуете, сразу противоречие: движение и остановка, как бы одновременно), и, если этой стабилизации не будет, какой-то признак не закрепится, то он не успеет передаться потомкам и пропадёт, не даст эволюционного эффекта. И всегда есть в экосистеме, да и в социуме как те, кому милы перемены, так и те, кто жаждет стабильности.

— Знаете, я нашёл у Заварзина, такой был неординарный учёный, микробиолог, гениальную мысль. Вполне по уровню значимости достойная дарвиновской идее о борьбе за существование. Да, наверное, иногда и Дарвин прав — достигает успеха тот, кто выигрывает в борьбе за существование, в конкуренции. Но чаще — тот, кто уходит от этой конкуренции и занимает свою нишу, вне конкуренции.

— Да, это мысль, и не только мысль, сама стратегия мудрая, но есть одно НО!

— Какое же?

— Пространство ниш, — заметил ВА, — не безгранично, так сказать, мест и специализаций на базаре жизни, в общем, не так уж много. Есть естественные ограничения роста разнообразия среды обитания. Можно открыть ювелирную лавочку на овощном базаре, но не могу прогнозировать 100% коммерческий успех. Всё дело как раз в одном фундаментальном противоречии.

— В каком именно?

— Противоречии между давлением жизни, с одной стороны, и конечностью принципиальных вариантов адаптаций, конечностью физической ёмкости среды обитания.

— Давление жизни — хорошая метафора!

— Это не метафора, это реальный факт, — убеждённо сказал ВА, — вполне осязаемая реальность. Это то, что приводило к глобальным кризисам в биосфере. Но не только кризисам, эволюция вообще имеет единственный источник энергии — это давление жизни, активность жизни.

— Вы имеете в виду такой сценарий: масса живого растёт, кто-то кого-то вытеснил с арены жизни, но большинство убегают от прямой конкуренции, занимают свои ниши, и ниши всё уже и уже, специализаций всё больше. И тут наступает предел этого дробления — больше нет ни пространства, ни ресурсов. А масса всё равно растёт, а видов новых всё больше. БАХ! И вся система рушится, тем более что уже построена на тончайших сложных связях. Не в этом ли ключ к революциям?

— Я бы сказал, не к революциям, а к переходу в некогерентные фазы эволюции. Но, боюсь, что в человеческом обществе сложнее. Человек, в отличие от прочих живых организмов, может не только выискивать некие ниши, новые, ещё не занятые места в обществе, но и сам создавать их.

— Знаете, недавно пересматривал свои записи, нескольколетней давности, обнаружил целый конспект одной книжки Заварзина, того самого.

— Не просто был биолог, а выдающийся биолог. Я, когда в Москве одно время работал, слышал про него много. На мой взгляд, выдающийся эволюционист. Правда, его другой хороший палеонтолог и эволюционист же называл микробным экстремистом.

— За что же, или — почему?

— А дело в том, что Георгий Александрович был микробиолог от Бога, как говорят. И, на мой взгляд, совершенно правильно придавал огромное значение именно миру микроорганизмов. Ведь, по сути, всю геохимическую, вернее, как говорил Вернадский, биогеохимическую основу ещё два миллиарда лет назад в биосфере создали именно микроорганизмы. Никаких бы многоклеточных не было, и всей эволюции живого тоже, если бы микроорганизмы не создали необходимую среду жизни. Да, я вас перебил, что вы отметили в своих записях?

— То есть, имеем два кардинальных механизма: конкурентная борьба и уход от борьбы в свою бесконкурентную нишу. Достигают успеха не только, и не столько те, кто побеждает в так называемой борьбе за существование, но те, кто избегает конкурентных отношений, уйдя в собственную бесконкурентною нишу. О первом пути учит дарвинизм, второй путь — недарвиновская эволюция.

— Кроме того, те, кто ушёл от конкуренции и нашёл кооперацию, взаимопомощь, разные симбиотические отношения. Борьба и кооперация, опять мы приходим к диалектике.

— Эволюция эволюцией, но мои выписки и цитаты касались другого. Сей эволюционист, впрочем, как и вы, от биотических отношений перешёл к различным социальным рассуждениям и умозаключениям. Наверное, это вполне естественный ход развития мысли всех, кто связан с проблемами эволюции. Многие его соображения социальные выглядят весьма неоднозначно сейчас, когда идёт война. Я в который раз задумался: вот, учёный, он как бы наблюдает за разными процессами со стороны. И он первым может попасть в число совершающего, с точки зрения власти, мыслепреступление.

— Тут уж деваться некуда: или иди своей дорогой, или включай самоцензуру.

— Наверное, не совсем корректно, да и непродуктивно, обсуждать уклад жизни и мысли динозавров, живя в кайнозое, совсем в других условиях, но я хотел бы с ним обсудить некоторые вещи, тем более что корни сегодняшних проблем уходят в историю.

— Я думаю, что мы это можем устроить. Мне самому интересно, я его философских и социологических работ-то и не знаю.

Какосфера

— Ну вот, — появился Валентин Абрамович, да не один, — пригласил Георгия Александровича. Оказалось, что у нас даже было много общих знакомых. А уж работы друг друга изучали. Но встречаться как-то не приходилось.

— О, Георгий Александрович, — КА даже встал с кресла, — я большой поклонник Ваших трудов. Особенно мне импонирует тот самый микробный экстремизм. Даже учёному, не говоря уж о простом обывателе, сложно представить себе историю биосферы, в основном начинают историю с динозавров, в лучшем случае — с трилобитов.

— Вы знаете, это, наверное, естественно, — вмешался Валентин Абрамович — что-то связанное с неконтролируемым использованием принципа актуализма в прошлое, да и в будущее.

— Здравствуйте, Константин Аполлинариевич. Что вы имеете в виду, — теперь уже Георгий Александрович вступал в разговор, — перенесение виденного сегодняшнего дня в прошлое и будущее?

— Да, нечто в этом роде. Что видит человек вокруг себя в природе? Леса, луга, пустыни, море с рыбами и дельфинами. Ему сложно представить, создать картину, в которой всё живое — только невидимые микроорганизмы. Представьте, стоит такой человек на докембрийском берегу, плоская равнина, но кажется, что вот там, за горизонтом, будет лес, но нет там ничего. Как это может быть, чтобы НИЧЕГО?

— Но микробы эти за миллионы лет создали километровые толщи разных руд, известняки, другие, ставшие уже геологическими, породы. Жизнь только со временем становилась камнем. Жизнь плюс миллион лет — получается камень.

— Ну, уж Бог с ними, — решил задать новую тему КА, — с этими бактериями, они своё дело сделали и исправно делают до сих пор. Я бы

хотел, в некотором смысле, о нас с вами, да и с Валентином Абрамовичем поговорить. Вы как-то писали, что это нормальный процесс, можно даже сказать, этап онтогенеза учёного — перейти на склоне лет от своих узких проблем к неким обобщениям, особенно в сфере оценок социума. У меня в последнее время образовались сложные комплексы. Всё кажется, что в своей науке чего-то не доделал, не закончил, не додумал, но всё же я специалист. А теперь, когда пытаюсь разобраться, обобщить для себя проблемы человеческих обществ, отношений, кажется, что всё это — дилетантство несерьёзное.

— Последнее подтверждает моё наблюдение: ум учёного дисциплинирован, заточен на определённый стандарт, определённый уровень. Но тут есть нюанс, который подтвердит и Валентин Абрамович: биологу, который как-то касался вопросов историзма жизни, биосферы, не столь сложно двигаться дальше — от развития биосферы до человека и к очеловеченной биосфере.

— Он не только создал какосферу, но теперь может изучать жизнь в ней, свою собственную, в том числе? Термин, Георгий Александрович, Ваш — какосфера, — заметил КА.

— Что-то мне этот термин не очень нравится, причём, с двух сторон, — сказал Валентин Абрамович, — во-первых, неблагозвучен, хотя, «какофония» — вполне прижилась, но пожалуй, это единственный термин с этой древнегреческой приставкой, которая переводится как плохой, некачественный. Второе, что более важно: мне кажется, нельзя противопоставлять хорошей, так сказать, природной, биосфере некую плохую, «како-» может быть только частью биосферы, причём, меньшей частью, иначе она бы не могла существовать. Может, да, скорее всего, это некий какосегмент биосферы?

— Да меня уже многие критиковали, я особо и не полемизировал, — сказал Заварзин, терминов много, моей задачей было противопоставить. Вон, Лавлок, я слыхал, предложил термин «Новацен», тоже нечто в этом роде. Я бы хотел добавить, как ответ Константину Аполлинариевичу: мне кажется, что строгий ум учёного может открыть много важного в нестрогом мире человеческих связей. Причём, именно учёного из сфер более чётких и конкретных, чем история, социология, политика.

— Георгий Александрович, вы же в курсе, что сейчас идёт российско-украинская война?

— Да, конечно! И осуждаю её безоговорочно.

— Но я недавно наткнулся у себя на некоторые выписки из ваших статей, публицистика, несколько странное впечатление сейчас: некоторые соображения прямо льют воду на путинскую пропаганду, некоторые отрицают. Вы бы сейчас хотели переписать их?

— Каждому времени свой взгляд и свои идеи.

— Да, но идеи иногда переживают своё время. И когда приходит другое время, ими могут воспользоваться совсем в другом смысле. Вы не раз писали о том, что США — главный враг России, что их целью многие десятилетия было ослабить Россию. Прямо процитирую выписку: «Россия, как континентальное государство, имеет постоянного врага, островное государство Соединённые Штаты». Не этот ли тезис стал одним из оправданий для путинских войны? Основная идея всей пропаганды — мы не агрессоры, мы жертвы, мы только обороняемся, нас вынудили, мы на секунду упредили неизбежный удар. Мне кажется, если бы планы были именно на максимальное ослабление России, то Штаты не вели бы себя столь неопределённо в украинской войне, просто выступили бы на её стороне.

— Никто не хочет воевать, тем более за чужие интересы. Вы же видите, многие годы есть повод ослабить Россию, и всё делается через экономические санкции. Так менее рискованно. Более того, напрямую или косвенно приносит результат.

— Мне понравилась у вас одна метафора, для объяснения именно, не для того, чтобы перед кем-то оправдаться. Мол, как я могу отрицательно относиться к спирохете только по причине того, что она вызывает сифилис? Оттого, что я буду её отрицать, больному легче не станет. Её следует изучать, чтобы получить ключ, ту самую иглу её жизни, её существования. Изучать среду, в которой она благоденствует, и среду, которая для неё опасна, смертельна. Это было объяснением необходимости для вас изучения феномена Гитлера.

— Да, я так считаю, для изучений, поисков объяснений явлений не может быть препон. Более того, видимо, именно самые отвратительные явления заслуживают пристального внимания. Почему они могли произойти? Ведь вам известно, что Гитлер пришёл к власти самым что ни на есть демократическим путём. Около двадцати миллионов избирателей стояли за ним. Где эта точка невозврата, в которой демократия трансформировалась в нацизм? Голосовали, явно подавляющее большинство, не за нацизм, не за войну, не за геноцид, голосовали за обе-

щанную лучшую жизнь. Кроме прочих факторов, я бы тщательно исследовал феномен страха. Социального страха, который многолик. В демократических обществах страх нарушить правила «приличия» выступает доминантой в поведении члена общества. И это другой страх, нежели страх перед подавляющей машиной диктатур. Но результат один: в униженной просьбе «Говорите потише!».

— Вот Вы цитировали Гитлера: «Задачей после капитуляции противника, потерявшего волю к сопротивлению — уничтожение народа, это естественная биологическая задача для победителя…», — приспосабливая к мыслям врагов во время холодной войны, но сейчас же вполне горячая. Уж больно много страшных параллелей, которые вам тогда, конечно, были неизвестны, тогда были они ещё «в будущем». Ну, допустим, история, допустим, возвращение в империю Новороссии, продукта той самой империи, но, если у агрессии планы продвижения дальше, на запад, вы думаете, это реально — «бескровное», как говорил Гитлер, уничтожение народов?

— Знаете, что меня неприятно удивило после начала путинской агрессии? Молчание российской интеллигенции. Не знаю, как бы я поступил, будь я жив там в то время, у меня тоже есть страх, я тоже хочу выжить. Наверное бы уехал. Но на ваш вопрос могу только сказать, что в истории главное — это время. Вот, смотрите, в 2014 началось на Донбассе, оставим пока в стороне причины, те, кто родился тогда в Донецке под свист снарядов в ту и другую сторону, уже пошли в школу к 2022-му. Я сомневаюсь, что из них получатся патриоты Украины, сомневаюсь, что и патриоты России. В 1920 земли Галичины отошли по Рижскому договору к Польше. Хотя Бандера сотоварищи и устраивал террористические акции против, как они считали, оккупантов, дети ходили в польские школы, жители территорий судились по польским законам. Прошло 80 лет, как Лемберг сталь Львовом, и ничего польского там не осталось, камни только. Знаете, это только таким феноменальным странам, как Китай, удавалось принимать оккупантов и буквально за десяток лет их полностью ассимилировать. При всей своей имперскости я, пытаясь найти историческую правду, не раз размышлял об Украине. Или о Беларуси. Это особые страны. Это пограничная полоса, которая пролегла от Балтики до Чёрного моря, разделила гигантскую Евразию. Корни религий чрезвычайно глубоки, а на поверхности, если не каноны, то исторические следствия, насле-

дие, где-то глубоко в сознании людей. Казалось бы, христианский мир — от Атлантики до Камчатки, ан нет, вот он конфликт между Римом и Константинополем. Я полагаю, что ваш Майдан 2013 года из того же исторического теста. Это, по сути, та же историческая проблема, что стояла перед Хмельницким, он её так и не решил, ушёл от проблемы. Да и смог бы решить? Греко-католических храмов настроить можно, договориться о компромиссах, хотя это и противоречит ортодоксальности глубинной всякой религии, тоже можно. Но как построить промежуточное между двумя мирами государство? Вот оно и строится до сих пор. Вы серьёзно думаете, что вступление Украины в Евросоюз решит вопрос евразийского разделения?

— К Евросоюзу у меня отношение сложное. Особенно в сегодняшних условиях.

— Кроме того, сама Евразия меняется, посмотрите на Китай, за эти полтора десятилетия, что идёт российско-украинский конфликт, — сказал Георгий Александрович, — и страна изменилась, и роль её в мире.

— Весь мир меняется, к сожалению, в некоторых местах взрывообразно, а не эволюционно. Сложно сказать, почему так происходит, это по части Валентина Абрамовича — периоды в истории когерентной и некогерентной эволюции, — КА, сделал паузу, задумался. — По идее, и в тех, и в других есть и смысл, и объяснение, только вот жить в периоды некогерентных как-то не хотелось бы. Знаете, есть такой тип зависти — к простым решениям. Может, не столько к простым, сколько к раз объяснимым. Вот тот же дарвинизм и эволюция. Накапливался биологический, геологический, палеонтологический материал, стало очевидным, что происходило развитие, появлялось новое, новые виды животных, растений, стало даже закрадываться сомнение насчёт человека — действительно ли создан Богом? Но как это развитие происходило? Гениально просто. Дарвин объяснил! И всё! Теперь все историзмы можно объяснить одной концепцией, что и делают.

— Я скажу вам больше, Валентин Абрамович подтвердит, эта идея стала стержнем социальных взглядов. Если социализм проповедовал коллективизм, а результат, во всяком случае, судя по магазинным полкам, неважный, то выход увидели в рынке, конкуренции, успехе в борьбе за существование. Но не на всех уровнях организации это работает! Я как-то писал о дарвиновской и недарвиновской областях эволюции.

— Знаете, Георгий Александрович, я абсолютно с вами согласен, — заметил КА, — и эти подходы — дарвиновское-недарвиновское — сходны для разных систем, для той же организации науки, например.

— Подчеркнём: иерархических, многослойных, так скажем, систем, — вставил Валентин Абрамович.

— Да, это важно, — подтвердил КА, — в частности, меня, повторюсь, заинтересовал такой подход в сфере организации науки.

— Вполне обоснованный подход к научным коллективам, всему сообществу. Здесь тоже есть структурная иерархия: индивидуальные учёные ассоциированы в популяции, малые коллективы, с узкими задачами и возможностями, они, уже, как целое, входят в боле крупные группы и так далее. Причём, на каждом уровне круг интересов и возможностей расширяется.

— Вы, конечно, помните, 90-е годы? — КА обращался к обоим собеседникам, — На меня неизгладимое впечатление произвела одна кампания. Объявился некий Сорос, кто про него знал раньше? Никому он был не нужен, ибо, если имел какие-то фонды, то для нас они были недоступны. А тут вдруг прошла весть: фонд Сороса собирает заявки на гранты!!! Мол, желает поддержать бывшую советскую, ныне — суверенную украинскую науку. И пошёл базар! Помню я, где-то в Институте физиологии было нечто вроде временного офиса. Осада! Какие-то новоиспечённые клерки принимают заявки: «Да ладно, что там подробности проекта, давайте название…». Что интересно — не собрали пачкой, например, от одного института, нечто выверенное, обоснованное, утверждённое и обсуждённое учёным советом, а лично, индивидуально — у каждого есть шанс выжить! Каждому даём шанс осуществить свою мечту! Интересно было бы посмотреть на этот список предложений, думаю, соответствующие специалисты «там» тщательно изучили. Никому в голову не приходило, что если вдруг этому Соросу и захочется дать тебе денег на твой проект, то нет же никакого механизма получить эти деньги.

— Да, — сказал Георгий Александрович, — я помню, у нас тоже была такая авантюра. Я только думаю, а что, если бы этот фонд, неким чудесным образом, взял да и выделил из себя, как корова молоко, эти самые требуемые тысячи и тысячи долларов? Представьте: тысяча самых разных, разнообразных и никак не связанных друг с другом проектов, все они профинансированы, и все они завершились, даже многими публика-

циями. И что? Они же изначально не были частью какой-то системы получения нового знания, заранее было ясно, что у них нет будущего. Через пять лет — опять толпа, опять — дайте денег.

— Однако, — ВА оживился, — это мне чем-то как раз и напоминает эволюционный процесс, как раз по Дарвину. В первую очередь, все эти соискатели грантов отнюдь не профаны и не гонят полную туфту, во всяком случае, процент туфты мал. То есть, в целом вся эта толпа в основных чертах представляет собой научно-познавательный ландшафт современности. Во-вторых, работает более или менее здоровая конкуренция, поощряется активность, деятельность, способность сформулировать проблему, заинтересовать. Ну, и, как учил старина Дарвин, эти победители в борьбе за существование с большой вероятностью дадут потомство, ещё грант отхватят, будут развивать своё направление.

— Ну да, вполне успешная популяция! — заметил КА, — но из элементарной экологии нам известно, что хоть две, хоть десять успешных популяций, не связанных между собой функционально, не представляют сообщества. А нет сообщества — нет экосистемы. Только структурированное, взаимосвязанное в своих частях сообщество учёных может войти в экосистему, если мы страну, государство такой посчитаем, что думаю, есть вполне разумная аналогия.

— Хм, государство как аналог экосистемы, — Заварзин, подперев голову рукой (точно, как на фото в одном научном журнале, подумал КА), — разноспециализированные популяции людей, как это Маркс писал о разных классах, но это нечто другое, они формируют разнообразные сообщества, например, научные, военные, промышленные, аграрные, управленческие, писательские — у всех свои функции.

— Осталось включить сюда среду обитания, источник энергии, источники, скорее. В первую очередь — природные ландшафты, помните, у Гумилёва, именно они, первичные ландшафты, определяли ход дальнейшей истории популяций-этносов. А кроме того, сверх того, а скорее — во многом — вместо того — агро- и техноландшафты, дома, города.

— Так вот, — Георгий Александрович продолжил рассуждения, — очевидно, что конкуренция, рыночные, я бы сказал, отношения вполне приемлемы, даже приветствуются, а может, и неизбежны на популяционном уровне. Но! Но популяция не может полноценно существовать вне сообщества. Популяция не может выполнять все, как писал Вернадский,

биосферные функции. Очевидно, что здесь отношения на конкуренции, одной конкуренции, быть построены не могут, сообщество — это система кооперативных отношений.

— Я думаю, что не совсем уж абсолютно, элементы рынка здесь вполне могут быть, — высказал предположение КА, — кооперироваться всё-таки лучше с более надёжным, более удачливым, более трудолюбивым.

— Конечно, но это, скажем так, дополнительный, вспомогательный механизм. Так вот, исходя из этой модели совершенно нельзя принять так называемую «грантовую систему» как основную, главную для организации науки, тем более —единственную, если мы хотим иметь положительный экосистемный эффект.

— И что из этого следует? — спросил Георгий Александрович.

— А Бог знает, что следует, вы же, Георгий Александрович, уже эту концепцию, пусть в несколько другом аспекте, неоднократно излагали, и что? Социуму свойственно увлекаться какой-то одной идеей. Дарвинизм с капиталистическим лицом управляет пока что, что будет дальше, покажет история. Но на коротких временных отрезках, может быть, на каком-то учёном сборище, вроде учёного совета, выскажу эти идеи. Уж больно хочется внести свою лепту.

— Свою лапту́! — Мишка объявился в компании, — ты мячик бросаешь, он отбивает, потом надо бежать, почему-то в лапту уж никто не играет, а почитаем многими бейсбол, хотя это одно и то же. Впрочем, из «Википедии» узнал, что лапта — это не древнерусская игра, а британская.

— Из «Википедии»?..

Языки

— **Х**орошая, всё-таки, это вещь — аккумулятор, — размышлял КА, сидя за столом и клацая по клавишам ноутбука, — этот накопитель энергии, особенно сейчас, когда внешнего электричества не будет до ноля часов. А после ноля? Может, и после ноля не будет. Но спать можно и без электричества, однако, ночью выгодно заряжать аккумуляторы, потому что за полцены за киловатт.

Ход мыслей определялся внешней обстановкой, а внешняя обстановка, это, по сути, всегда — просто смещение доминант. Ведь, если разобраться, вся жизнь, бытие, состоит из вполне конечного количества

элементов, компонентов. Даже и перечислять не стоит, всем известно и про еду, и про сон, и про духовность, и про то, как лучше устроиться в этой самой жизни, где побольше заработать, где поменьше поработать. Но внешняя среда, обстановка, текущий момент делают то одно, то другое самым важным, отводят в сторону то, что было ещё вчера необходимейшим и важнейшим, причём, всё это аргументировано, обоснованно и целесообразно. Вот и живой пример: «свет» вдруг появился… Странная всё-таки вещь, почему-то из всех ипостасей, в котором в быту и в жизни предстаёт электричество, электрическая энергия, именно свет выбран как самое важное, олицетворяющее: «пропал в квартире свет», но ведь и плита не работает, картошку не на чем сварить, но важнее то, что стало темно. Интересно, как это сложилось в других языках, что, например, говорили англичане, когда бомбили немцы и попали в электростанцию (они, скорее, говорили: power out! (что, конечно, точнее), добавляя: чтоб вы сдохли!). Или, например, какая бы сложилась языковая конструкция в бушменском языке, если бы в деревеньку в Калахари провели электричество, но как-то абы как, всё время что-то случалось на линии и (свет?) бы постоянно пропадал? Слова электричество в их словаре нет, а свет — есть. Про тепло им неважно, у них и так всегда тепло. Но бушменов надо было бы сразу снабдить аккумуляторами.

Что это вообще за явление — аккумуляция? КА пришло в голову, что это тоже часть диалектической пары: аккумуляция — диссипация, накопилось и рассеялось. Ничто не может аккумулироваться до бесконечности, рано или поздно накопленное 1) должно рассеиваться и 2) ничто не может рассеиваться, если оно до того не накопится. Всем, даже Винни-Пуху, известно, что сначала надо подкрепиться, а потом уж можно и немного поработать. Но тут что-то с аккумуляцией природа не доглядела, надо подкрепляться раза три-четыре на день. Вообще, с аккумуляцией жизненных сил дело обстоит плоховато. Был бы хороший аккумулятор, сколько в молодости можно было бы поднакопить на старость лет! И как бы изменилась вся психология человека и весь уклад онтогенеза, если бы можно было дурную энергию молодости положить, как в банк, в такой энергетический аккумулятор! Да это бы изменило весь мировой порядок. Войны бы шли не за территории, а за, скажем, «Национальный аккумулятор». Завоевал его — и правитель страны-агрессора может подпитываться энергией ещё 250 лет! Игра стоит свеч! Могла появиться целая когорта воров и жуликов, украденные или полученные в виде взятки ки-

ловатты молодой энергии могли бы из-под полы продаваться в разные геронтологические учреждения. Много чего интересного могло бы произойти в мире, появись аккумулятор жизненных сил.

Это так, экспромт получился, на злобу не то, что дня — минуты. Аккумуляция, рассеивание. Всё дело в том, что для стабильности какой-то системы накопление должно уравновешиваться рассеванием. И наоборот. Как население страны. Если жить дольше, а рожать меньше, то сначала и незаметно, что это уж не баланс, а временная видимость стабильности. Потом население начнёт сокращаться. Но миру это не грозит, общая людская численность, как известно, растёт, но, похоже, и тут человек нарушает экологические законы. А из экологии известно, что существует две главные стратегии выживания популяций: высокой плодовитости и заботы о потомстве. Треска даёт миллионы икринок, но нет никакого трескового перенаселения, а у пингвина всего один детёныш — и популяции их в Антарктиде вполне процветают. Подходы разные — результат похожий. Есть, правда, внешние регуляторы, вроде хищников. Каждая львица или слониха, рожая, решает проблемы не своей семьи, не своего стада, прайда, а проблемы популяции. И только человек…

Опять про войну, про глупость и неизбежность. КА спохватился, что мысли его уползли куда-то в сторону, малоуправляемо и не очень продуктивно. При чём тут эти рассуждения о размножении? Но какая-то связь, видимо, была? Может, с какими-то общими рассуждениями относительно того, например, а что нужно для комфортного проживания в той или иной стране? Кроме биологических вещей, вроде пищи, что ещё истинно человеческое? Мир, отсутствие войны? Может быть, такая вещь, как взаимоуважение государства к личности? Как это связано, подумал КА — аккумуляторы и уважение к личности? Либертарианские аккумуляторы. Хорошо, в постсоциализме накопление денежных средств перестало быть грехом, государство теперь не против, чтобы обогащался каждый, где-то понимая, что сумма достатков индивидуумов есть достаток его же, государства. И всё, больше ничего не надо? Допустим, у этих потребностей есть какая-то иерархическая структура. Понятное дело, на первом месте, на вершине, простая физиология: поесть, не замёрзнуть, не умереть слишком рано от болезней. Потом — «основной инстинкт»? Тут, скорее всего, путаница. Потому что мы ничего не знаем об удовольствии, которое получают инфузории при конъюгации, ну, и далее — по лестнице существ. Удовольствие, в том числе и сексуальное — это всего

лишь раздражение некоторых нервных центров некоторыми химическими веществами, поэтому основной инстинкт — это совсем не инстинкт продолжения рода. Говорят, что продолжение рода вообще побочный продукт любви. Хорошо, а любовь, она на каком месте? Любовь к родине, в данном случае, к государству, окружающим ландшафтам и населению, фауне и местной флоре? Потребность или необходимость? И что важнее, что первично — любовь и уважение государства к особи или сумма любовей граждан — и создаёт, собственно, приемлемое государство?

— Вот, приведу тебе, Мишка, такой пример, наблюдение.

Но Мишка не появился и в диалог не вступил, и слушать не стал. Вот она — индивидуальность призраков! У каждого свой характер, да и своё, видимо, расписание. Ну, ладно.

— Вот, Валентин Абрамович, вы хорошо знакомы, как минимум, с двумя государственными системами — советской и израильской, о чём бы вам поведало такое, пример, наблюдение?

— Надо сказать, с последней знаком слабо, все проблемы после переезда решали родственники, а я читал лекции в университете, на английском.

ВА откликнулся на приглашение пообсужать, только пока сама проблема не выкристаллизовалась. Странная вещь с этой их индивидуальностью. Почему бы не размножиться, время для них вообще не имеет значения, тем более — пространство, место. Что мешает присутствовать там и там, если время не имеет значения?

— Вот такое наблюдение. Надо было в поликлинике поставить печать на справке, зашёл в некий кабинет, печати ставят всё же в кабинетах, которые олицетворяют нечто от власти, официоз, как минимум. И такая симпатичная начальница, печатехранительница за столом, мол, что у вас, печать? Поставим. Поставила, ещё пару слов по медицине. И тут обращаю внимание на её уши. В мочках у неё пусеты в виде тризуба, украинского герба. Я вообще считаю украинский знак государственный одним из выдающихся в геральдике. Лаконично и изящно, только бы государствующие мужи не испортили его барочными завитушками да фигурками от Нарбута. Но дело не в этом. Вы можете себе представить кабинет, в котором милая дама за столом, с серьгами в виде герба СССР? Я могу только в сочетании с такими же золотыми на погонах с синим просветом, да в синих же петлицах. Если помните, синие петлицы были у войск КГБ.

— Нет, на это как-то не обращал внимания, я вообще думал, что они всегда в штатском.

— Отчего же, на родине можно и в мундире. И как вам эта государственная эстетика? Почему украшение по мотивам одного геральдического знака выглядят худо-бедно приемлемо, во всяком случае, не коробит, а другого — полное отрицание?

— Знаете, звезду Давида тоже часто как украшение-символ используют. Не просто украшение, а знак. Может быть, дело в том, что и тризуб, и звезда имеют историю, историзм, они как бы, уже с позиций XXI века, выплыли каким-то эволюционным путём из седой древности, потому такая отточенная лаконичность. А знак СССР был насквозь искусственным, эклектичным. Я думаю, если бы россияне тоже взяли себе за символ-знак государства орла своего с шумерскими корнями, византийского происхождения, как он был вырублен три тыщи лет тому на скале, тоже бы получилось нечто более изящное, чем калька с имперской эклектики.

— Тогда всё дело в эстетике? Но это не орнамент, это знак, семиотика. В ушах, на погонах — неважно, за этим не может не быть отношения к самому тому, символом чего знак этот является. Стало больше любви к государству? Больше уважения? Мы были совки, а теперь мы не совки! А хто? Ведь сущность государства никак не меняется.

— Шо ты к бабе привязался? Ну, подарили ей золотые пусеты, почему не надеть? — Мишка появился.

— Но она же понимает, обязательно по-женски чувствует, что это не нелепо, может, даже и красиво. Что это — только знак красоты, а не лояльности к государству?

Но Мишка уже пропал.

— Понимаете, Валентин Абрамович, не знаю, как у других, но у меня отношения с государством всегда занимали какое-то не последнее, не пустяшное место в жизненном укладе. Не постоянно, но временами — сильно. И я всегда как-то остро чувствовал ту часть людей, из общей массы, с которыми приходилось встречаться, которые так или иначе были звеньями, ближними или дальними, цепочки этих связей: я и госбюрократия. Я всегда не то чтобы боялся, но стеснялся этих членов социума.

— Этот синдром, наверное, есть у всех обычных людей. У меня тоже. Но я нашёл выход: я стал их изучать, эту бюрократию. Когда они становятся объектом исследования, большая часть этого налёта с них сле-

тает. Просто люди, но в других, не всегда понятных тебе обстоятельствах. Поскольку они живут в несколько ином мире, то и действия их могут быть «оттуда», из того мира, потому нам не очень понятные.

— Про иной мир — это точно. Я как-то бывал в пустыне Негев. Думаю, вы бывали со своими палеонтологическими изысканиями много раз в этом сухом щебнистом мире. Едем по трассе, промелькнули какие-то жалкие строения, мне говорят гиды, мол, деревня бедуинов. Бедность, заброшенность. И вот, представьте, пришёл октябрь 2023 года, ХАМАС устроил резню — и пошла война. И в Кнессете вашем приняли закон, что язык-то у этих бедуинов с израильскими (думаю, если вообще есть) паспортами — арабский, поэтому теперь постановляем языком его вообще не считать — и никакой поддержки ему уже нет.

— Странный пример, и предположение. Впрочем, от властей можно ожидать чего угодно. Думаю, что бедуинам это как-то всё равно. Они как говорили, так и говорят, читали и читают. Некоторые и пишут. А что за странные параллели? Это пример гипотетического отношения государства к своим гражданам?

— Не совсем гипотетического, в том и дело, над тем и размышляю.

— Ну, так и что в реальности?

— А в реальности — Хартия, — это Мишка опять встрял, куда-то пробегая.

— Что за Хартия? Заинтриговали.

— Да интриги никакой нет, просто на днях прочитал в сетях, что наши парламентарии внесли поправки в своё и предлагаемое населению, гражданам, видение международных некоторых соглашений. О существовании некоторых документов, может, даже и весьма важных, узнаёшь по каким-то косвенным решениям. В начале 90-х была Советом Европы принята такая Хартия региональных языков, или языков меньшинств. В официальных документах было написано, что «Хартия направлена на обеспечение использования этих языков в образовании, СМИ, общественной жизни, а также в обращении к властям, признавая их как часть культурного наследия, а не как угрозу. Цель: сохранение культурного разнообразия Европы».

— Это очень правильно, — сказал, ВА, — это сродни защите биоразнообразия. Конечно, языки, диалекты имеют свои пределы существования, как в пространстве, так и во времени. Не всем так повезло, как английскому, китайскому или русскому, но есть же языки,

на которых общаются буквально десятки всего человек. Перестанут они общаться — и язык умрёт. Исчезнет навсегда. Это большая потеря для мировой культуры.

— Знаете, здесь есть один парадокс. С одной стороны, язык — это коммуникационная система, система знаков для передачи информации. Чем меньше потерь информации, чем более однозначно, с меньшим шумом передаётся она, тем лучше, очевидно, сам коммуникатор, то есть язык передачи. В этом смысле, английский, видимо, не зря стал столь распространённым. Как раз подходит для устранения последствий вавилонской информационной катастрофы.

— Но это явно ведёт к снижению разнообразия. В Вавилоне, во всяком случае, при строительстве «Вавилон-тауэр», оно, надо понимать, было равно нулю. Так в чём беда? Зачем, на ваш, скажем, биологический взгляд, поддерживать поствавилонское разнообразие? Это просто разные системы знаков, описывающих одно и то же — жизнь.

— Первое вы уже отметили: язык формировался веками, как-то обидно будет, если он исчезнет из культуры, просто как единица. И потом, наверное, как и в экосистеме, каждый вид занимает свою нишу, так же и язык, мы просто можем не знать, какую. Второе, а может, это и первое, вы заметили: «и обращение к властям…»? — это проявление уважения государства к своим гражданам. При этом оно рассчитывает и на обратный ответ! Оно рассчитывает, что в Париж не будут идти заявления на бретонском языке, ибо заявитель, хоть и не парижанин, но уважает некие правила и не создаёт технических проблем. Хотя, почему он должен считать себя каким-то неполноценным, из-за того, что в XV веке Париж оккупировал Бретань?

— Ну, положим, не оккупировал, а присоединил вследствие династических браков, где-то в начале XVI века. Кажется, королева Бретонская Анна вышла замуж за Карла какого-то там по счёту. Семейное дело.

— Но для простого люда большой разницы нет, что так, что этак, в лучшем случае им грозила билингвальность, в худшем — полная ассимиляции их с их языком и прочими атрибутами собственной культуры.

— А что Хартия?

— А Хартия пишет: «Содействие использованию языков состоит в поощрении использования этих языков в повседневной жизни, в письменной и устной форме».

— Толерантность к многоязычию, — заметил ВА, — чревата определёнными техническими, скажем так, проблемами. Честно сказать, не знаю, как решают их в Швейцарии. То есть, в принципе, в каждую контору могут приходить заявления на одном из четырёх. Мне приходилось бывать в Цюрихе, все говорят на своём немецком. И тут кто-то присылает заявление на ретороманском.

— Я думаю, это частный случай, обычно люди кучкуются в языково-культурном смысле. Есть французская Канада и англоязычная, одни на западе, другие на востоке. Да и украинский народ определённым образом поляризовался на запад и восток, разные исторические пути, разные традиции. Я, знаете ли, всегда был на позициях невмешательства государства в естественные этнопроцессы. Пожалуй, кроме того, что совпадает с этой самой Хартией: иногда надо, например, оказать государственную помощь, может, какую газету на умирающем языке поддержать, учебник грамматики издать. Однако эта Хартия есть типичное дитя бюрократизированной либеральной политики Евросоюза: хорошая идея не более чем провозглашается. Если в одном из пунктов написано, что каждое государство само определяет состав этих языков, требующих поддержки, а иногда и защиты, то это сразу сводит всю идею к бюрократической птичке. Ведь в самой идее национальных государств заложено противоречие, которое сродни одному из имперских принципов — главенство некоей группы.

— Честно сказать, я не очень понимаю смысл самого термина «национальные государства», особенно в наше время глобализаций. Национальное, это не значит — для одного этноса. Одно из серьёзных противоречий такого государства есть противоречие между равенством всех граждан, разнообразием культурных характеристик, включая язык, религию, менталитет и стремлением декларированным, провозглашённым, помните — «дойчланд убер аллес!»? Почему-то в экологии очевидно, что стремление к нулевому разнообразию губительно для сообщества, а некоторые политики считают, что доминирование некоторых элементов, вплоть до нулевого разнообразия, приводит к укреплению государства.

— У политиков своя логика. Теперь как пишут: «русский язык больше не защищён Хартией», — потому, что здесь обновлённый список языков меньшинств его не включает. Ещё пример своеобразной логики: поскольку в Молдове, опять же политики, утвердили, что молдавского языка не существует, а есть единый румынский, то и из списка языков здесь,

у нас, молдавский, как не существующий там, тоже упразднён. Интересно, а как молдаване-граждане Украины считают, может, они не согласны с упразднением своего языка?

— А как насчёт иврита?

— Иврит и идиш в списке. Знаете, я бы хотел попасть в Киеве в книжный магазин, где бы на полках стояли книги на всех языках из этого списка. Например, как вам книга на караимском или на румейском, или на урумском? Правда, у ромского, вроде как, и письменности своей нет. А вот на русском там не будет. Я думаю, что несколько миллионов граждан, считающих русский, трохи, да нет, сильно, уже украинизированный, своим родным, наберётся немало, а книг, журналов нет.

— Это всё следствия агрессивной войны, — как бы делая заключение, сказал ВА, — но в чём виноваты свои граждане? Бедуины вообще газовцев не любят. Что из того, что много веков назад арабский заполонил весь Восток и половину почти Африки? И кроме того, сейчас, насколько мне известно, идут какие-то переговоры об окончании войны. Россияне за придание русскому языку высокого статуса, а с другой стороны — исключение его даже из списка языков. Если он не язык большинства, а в списке меньшинств его нет, то его что, вообще не существует? Своеобразная дипломатия, надо сказать. Как бы исчез сам предмет обсуждения.

— Да уж. О, смотрите, и Михаил к нам опять пожаловал.

Мишка появился с озабоченным видом. На нём была тёплая куртка, хотя уже несколько дней стояла совершенно недекабрьская тёплая погода. Ага, его старшая дочка, кажется, где-то в Швеции или Норвегии оказалась с началом войны. Может, он был у неё? Вот как время бежит, ей уже хорошо за сорок, КА вообще как-то слабо ориентировался в женских возрастах. Тем более, что видел её очень уж давно. Наверное, папу вспомнила, помощи от него, понятное дело, никакой, но может, поделиться чем хотела. А может, она вообще тут ни при чём, Мишка ничего не рассказал. Но раз появился, значит он чем-то нам был интересен в этом разговоре. А может, собственная инициатива?

— Я тут отлучался немного, но в курсе вашего разговора, — сказал Мишка, — мне кажется, что все эти пересуды языково-культурно-религиозного толка есть просто ширма для политиков. Это просто эколого-биологический инстинкт: инстинктивное чувство сообщества, биоценоза. Чувствуют, что общество должно быть чем-то объединено, да

не могут придумать, чем именно! Очень полезная идея внешнего врага доведена до абсолюта, однако, скорее этим же самым врагом, получается, заслуга не их, ну, может, чуть-чуть. Да тут ещё одна диалектическая закавыка.

— Какая? Что-то новое в философии закавык! — КА сильно заинтересовался.

— Диалектическая потому, что получается та самая диалектическая пара и одно отрицаемо другим, диалектика налицо. Вот скажите, Валентин Абрамович, вы родились раньше всех нас и опыт у вас побольше, может, абсурдная идея —объединить общество?

— Историческая практика показывает, что не только абсурдная, но и хуже. Оказалось, что совсем не обязательна активная поддержка народа этому самому государству. Вон, Германия в тридцатые годы…

— Ну да, — Мишка вполне согласился, — так и у нас, здесь. Идея социализма, тем паче — коммунизма, она замешана на коллективизме, мы это уже обсуждали, коллективизм подразумевает связи, связи хоть как-то подразумевают концепцию цели. Общей. Попасть в рай коммунизма, например. С социализмом обкакались, добробут не сложился, колбасы на всех не хватило. Вывод простой: идём по пути Запада, путь Востока, далёкого, с его синтезом коммунизма и капитализма, сложноват оказался. А капитализм на чём стоит? На дарвиновских принципах борьбы за существование! А как можно за него бороться? Индивидуально! Ну, семейно. Эффект оказался налицо, колбаса действительно, в изобилии присутствует, но коллектива — нет! Нет коллектива — нет идеи. Но и идеи некоторые есть, да хавать их некому. И незачем. А если и да, то самое простое, ближе к природе, идея популяции, идея своих, популяционная, или, на человечьем языке — национальная.

— Хоть грубый эскиз, но в общих чертах правильный, — согласился ВА, — эколого-социальная вилка получается: хочешь экономического успеха — иди по пути индивидуализма, но не сетуй относительно рыхлого и несцементированного сообщества.

— А я бы не так вопрос поставил, — как бы ещё размышляя, сказал КА, — здесь, опять же, как в экологии — уровни, иерархическая структура. Индивиды и мелкие группки конкурируют, гнобят слабых, достигают успеха, это даёт свои плоды. Но если подняться выше, до сообщества, социума, то, как экологические законы прописывают, должна быть кооперация, разделение ниш, сотрудничество, циклические процессы, опять

же, возможные только при взаимодействиях. А тут без идеи, которая цементирует, объединяет, не обойтись, во всяком случае, в человеческом сообществе. И как раз идея избранности, доминирования, противоречит цели успеха всего социума. Вместо идеи примата избранных, хоть и большинства, жизненна идея равенства и свободы личностей.

— Да где ж вы видели, — оживился ВА, — чтоб в какой-то конституции не было про равенство всех граждан?!

— Но, как писал Оруэлл, все у нас равны, но некоторые немножко равнее других.

— Да, Оруэлл — это голова! — задумчиво произнёс Мишка.

Зимовка без льдины

Зимы стали, совершенно определённо, теплее, а остаток жизни — явно короче прожитого. И статей по климатологии читать не надо, тем более — по геронтологии. КА заметил, что в воспоминаниях детства преобладали какие-то экстремальные картинки, что, впрочем, было естественно, ибо запечатлевается самое впечатляющее. Если летнее утро, то в сиянии солнца, зелени и росы на траве. Если зима, то в сверкании сугробов, особенно в сиянии лунного света. Тиха зимняя ночь, величественна! Особенно, когда у тебя есть тёплый дом: полюбовался величественностью — и шмыг в тёплую атмосферу уюта, такого особенного зимнего уюта, величественного!

Холодно. КА вспомнил, как мать довольно часто пересказывала историю про одного сельчанина, что замёрз на печи. Такая парадоксальная смерть — на печи, которую можно было сделать тёплой, но что-то не получилось. Не то с печью, не то с хозяином. Мораль ясна: не лежи на печи, двигайся, борись. Бороться как-то не хотелось. Для хотения также нужен запас сил. Может, этот запас и есть самый главный, а не тот, что растрачивается потом на собственно движение. К цели. А что есть цель? Выжить! Как говорит биология, цель существования организма — выжить и дать потомство. Из этого совершенно определённо следует, что после того, как потомство оставлено, дальнейшая жизнь теряет биологический смысл. Немного смысла остаётся социального, большая часть из которого иллюзорна, если речь идёт о передаче чего-то полезного потомкам. Но, как минимум, довести потомство до стадии, когда они сами смогут оставить потомство, с точки зрения популяционной,

видимо, целесообразно, ещё надёжнее — потомство потомства, то есть внуков. Как оказывается, это всё — выработавшиеся эволюцией системы надёжности. Она на бабушках и дедушках гораздо надёжнее держится, доказано эволюцией.

Но лучше всего размышлять не об этом, а о весне, возрождении и триумфе жизни, когда холодно и ненадёжно всё вокруг. Надо вставать, печка совсем остыла.

Жена спала, вся, как в кокон, укутавшись в два одеяла. Утренние сумерки, серо за окном. В комнате, где ночевали, немного тепла оставалось. Вышел на кухню, там совсем холодно, что и понятно, она была пристроена к дому как летняя, отопления там совсем не предусмотрено. Ох, эти дачные проекты! Они рисуются, может, и зимой, но в предчувствии летнего тепла и яркого солнца, длинного дня. Вопрос — не будет ли слишком жарко под железной крышей? — более важен, чем — не будет ли холодно? Опять мелькнуло воспоминание детства. Тоже кухня, маленькая, но с большой плитой, которую мать уже давно растопила, хотя ему казалось, что встал он так рано. На чугунной поверхности были такие замечательные кружочки, наподобие конструкции солнечной системы, можно было снимать по одному — и круглое отверстие становилось всё шире, а там, внизу, шевелилось ручное кухонное пламя. Маленький космос. Огненная дыра, чёрная дыра. Чёрная дыра памяти, подумал КА, — всё туда проваливается под действием гравитации времени, и только самая малость преодолевает горизонт событий, в обратную сторону. Интересно — зачем? Что мне с этих воспоминаний? Не раз он ездил с родителями жены в их родную деревню, на «гробки», на родовое кладбище. Вот это были воспоминания! Всю дорогу тёща с тестем между собой в который раз пересказывали историю родни. А помнишь? А как это было? Они ж были из одного села. У него с женой было мало общих воспоминаний — из разных сёл были. Какие вообще находились общие темы? Обсуждать дачные планы не было смысла, потому что это были два параллельных плана, которые, как эвклидовы прямые, не хотели пересекаться. Дети выросли и благополучно вышли из системы планирования. Да и вообще, что сейчас можно было говорить о планах, военное время. Кто ж мог планировать, что вот так, в одночасье, и те скудные планы, которые казались ещё приемлемыми для планирования, рухнут — и они окажутся здесь, зимой, без особых запасов, в мире скудного

света коротких дней и ограниченности внешнего электричества? Можно было предположить, что кольцо атак на электростанции, котельные, трансформаторы — всё сужается и, рано или поздно, высоченная труба котельной, что поблизости, тоже станет мишенью шахедов, или ракеты, чёрт его знает, что там прилетит, но священное «авось НЕ» уводило от логики в область зыбких надежд. И вот, неделю уже здесь, на даче. Хорошо, что ещё с прошлого года есть какой-то запас бензина для генератора. Ещё есть дрова.

За много лет после обрезки деревьев накопилась целая поленница грушевых, яблоневых, кизиловых, абрикосовых дров. Были даже экзотические сиреневые. Конечно, лучше бы дубовые. Но дубки встречались на участке только в виде маленьких ростков, сойки приносили жёлуди, наверное. Иногда довольно много. Теперь КА жалел, что просто пропалывал их, как Маленький Принц баобабы, надо было хотя бы выкапывать и относить саженцы в лес.

Электричества с утра не было. Придётся заводить генератор, вообще-то надо было уже приспособиться готовить на плите. Хорошо, что когда-то додумались сложить печь мультитипа — в комнате, где сейчас спали, которая ранее, по начальному проекту, предполагалась как кухня, была плита с теми самыми кружками, другая сторона печки была в соседней комнате, работала как грубка, правда, не очень эффективно, кроме того, там был ещё небольшой камин. И всё это требовало дров. Упомянутые выше, в связи с малой энергетической ёмкостью, быстро сгорали, давая не так много тепла.

Вышел на улицу. Серо. Скучно и тоже холодно. Конечно, холодно, на улице и должно быть холоднее, чем в доме. Зимой, во всяком случае. Зима, как известно, изменяет не только температуру окружающей среды, но и ландшафты. Вот, микроландшафт шести соток изменился от этого снега, за кустом вечнозелёного самшита намело сугробчик, надо пойти расчистить дорожку к туалету. Но, наверное, и к двери в гараж, где лопата, тоже намело. Туалетные детские воспоминания. На краю школьного двора стоял большой дощатый сортир. Вот она, коллективная жизнь. Никаких тебе кабинок, и эти замёрзшие какашки. На переменах туда-сюда сновали стайки школьников — от школы к домику. Для учителей, кажется, был отдельный. Интересная и малоизученная сторона жизни. Вот как соотносятся, как взаимодействуют две части человечества — те, у кого

тёплый туалет дома, и те, у кого хлипенький сортир на улице. Мало того, что они получают совершенно различную информацию о физиологических процессах, вернее, о их результатах, у них какие-то разные представления о демократичности, общественных связях.

КА ввалился в комнату с охапкой дров. Действительно, по сравнению с улицей здесь было довольно тепло. Надо почаще выходить на мороз, чтобы благодарить себя, дрова и эти стены за некий комфорт. Ох уж этот комфорт! Мы всегда к нему стремимся и никогда не достигаем цели, истинный комфорт просто недостижим. Да, надо почаще на мороз, тогда требования к комфорту попроще становятся.

— Вставать уже пора, наверное, — сказал КА, громыхнув дровами около печки.

— Пора, но в холод не хочется. Помнишь, ты мне как-то рассказывал о двух полярниках, которым пришлось зимовать на каком-то острове. Они вспоминали, что два или три месяца провели, как в анабиозе. Хорошо бы сейчас впасть, как летучие мыши, в такую гибернацию.

— Гибернация — дело непростое. И потом — жалко всё-таки времени, как в том детском стишке: Миша всю зимушку проспал и на ёлку не попал.

— Да и ёлки бывают, и каток. Мы же — частный случай. У одних дом сгорел, в другом доме свадьба. Но по статистике — у большинства обычная жизнь.

— Ну да, на фоне города, наших с десяток домов, что котельней обогревались, это мелочь, частный случай, военная маленькая неудача ПВО. Ничего тут поразительного нет, это разнообразие жизни.

Дрова уже были в печке, лучинка горела и немного коптила.

— Полагаешь, что разнообразие полезно для системы, поэтому, если у кого-то война, то у других должно быть ясное небо и радость бытия? Но я бы не хотела, чтобы при нашем мирном небе у кого-то была война и беда, наверное, и там, где тихо и тепло, тоже желают нам того же. Почему же получается по-другому?

— Что толку от наших желаний и пожеланий? — дрова разгорались, он прикрыл дверцу.

— Если бы все захотели хорошего, то и не было бы ничего плохого.

— Так все и так хотят только хорошего. Только хорошее, оно у всех разное. В этом и нестыковка.

— Хорошо, что ещё телефон работает. Если бы у полярников были телефоны, им не было бы скучно.

— Если бы у них были телефоны, они не могли бы впадать в анабиоз. И тогда бы им всё время хотелось есть.

— Я не замечала, что телефон влияет на аппетит.

— Это потому, что тебе до сих пор не надо было впадать в анабиоз. Я вот телефона сегодня ещё в руках не держал, а есть уже хочу. Вставай, надо что-то приготовить.

— Выбор небольшой, сварим быструю кукурузную кашу, и ещё есть сардельки. Кстати. Надо подумать о пополнении запасов.

— Бог его знает, может, всё-таки починят. Вон, Трипольскую станцию сколько раз атаковали, а она восстанавливалась. Правда, Каховская ГЭС не выдержала. У каждого своя судьба. Но за продуктами сходить или съездить надо.

Это разговор навёл КА на странную не то чтобы мысль, на какой-то проблеск мысли. Вообще-то он понимал, что коренным образом в мире ничего не меняется, одни живут лучше, другим везёт меньше, всё по-разному, но почему-то с детства ещё ему казалось, что в ту войну, которая закончилась за несколько лет до его рождения, она касалась всех. Не то чтобы образ какого-то единства ему насильно внушался извне, он был как бы частью жизни. Теперешнее понимание иллюзорности этих представлений никак не меняли оценок тогдашних. Сейчас он видел жизнь совсем по-другому. И понимал, что эти, не сказать, страдания, неудобства, были их индивидуальной семейной проблемой. И, что важно, это теперь не казалось аномалией. Идеология индивидуального успеха, как цели, как бы зеркально отразилась на взглядах на индивидуальные неприятности. Он представил себе логарифмическую шкалу и график, который идёт от единицы, пожирая целые порядки величин благополучия, так и вниз — минус одна десятая, одна сотая, минус одна тысячная. И той части кривой, что стремится вверх, никакого дела нет до той части, что стремится вниз. Нет, конечно, кто-то же восстанавливал, ремонтировал, и не только для того, чтобы побыстрее подать, а точнее, продать тебе электричество. Интересный факт: после того, как электричество стало в дефиците, начались отключения, счета «за свет» катастрофически подскочили. Оказалось, что продавцам энергии эта ситуация более выгодна, чем нормальная работа. Парадокс, впрочем, парадокса не было. Когда свет включался, надо было

массово зарядить аккумуляторы, когда свет был, но не было отопления, надо было включить нагреватель. Здесь ситуация другая, зато есть автономная совершенно печка! Правда, если быть точным, не совсем, скорее — совсем не. Она зависела, как и очень многое, от космоса, от солнца, от исправной работы хлорофильных зёрен в листьях и хвое, что обеспечивало накопление древесины, рост дровомассы, правда, не сейчас, а много лет назад.

От печки начало исходить тепло, за окном светлело, хотя день не обещал солнца и зимних радостей. Дел особых не было, кроме как напилить из старых досок охапку-другую дровишек. Пожалуй, можно сесть под печкой, почитать что-то из старых книг или записать какие-то впечатления в дневник. А что, собственно, писать? Что писали эти полярники? Может, они всё-таки измеряли температуру воздуха три раза в день и вели дневник погоды? Может, начать писать какую-то историю? Жили-были старик со старухой. Ага, Пушкина позвать… у самого синего моря… ей с поклоном старик отвечает… Сейчас — жизнь как катастрофа, а в пушкинские времена все так жили — печка, свечка, санки-валенки. Да чего там! Сам детство провёл в таком же домишке, только что свет да радио были, иногда с большими перебоями. Надо сказать, что беда старухи пресловутой была совсем не в непомерной жадности, а в отсутствии аналитического ума, может, и опыта. Не понимала она, что все эти золоторыбкины чудеса имеют смысл только до некоторого порога. Порога насыщения. Да, корыто надо заменить, домик подрихтовать, «Жигули» какие-нибудь… И всё!!! Дальше идёт обратный процесс — это так называемое благополучие обходится всё дороже. А уж царицей захотеть стать — совсем придурковатость: интриги, покушения, революции, гильотины, наконец. Ради чего? Ради корыта?!

Пошёл пилить дрова. Это полезно и для здоровья, и для печки. Генератор заводить не хотелось, да и бензин надо экономить, а может, и свет дадут днём, для электропилы. Сейчас можно в порядке физических упражнений.

В дальнем углу в гараже КА раскопал среди инструментов старую пилу с двумя ручками. Наследие, в полном смысле слова. Отец никогда не выбрасывал инструментов, и КА тоже, поэтому собралась большая коллекция всяких рубанков, лучковых пил, странных строгальных инструментов с немецкими названиями, вроде «ценубеля» — такой рубанок с фигурной железкой. Эпоха ручного инструмента и сильных рук про-

шла. Пила была наточена не сказать, что хорошо, но как-то искать ещё и напильник не хотелось, не дубовые же доски, в конце концов. Вот только пилить одному двуручной пилой не очень удобно. Валерку, что ли, в помощь позвать.

— Ну, давай попилим, — КА потянул пилу на себя и сразу почувствовал, что давно её точили, — вспомним молодость.

— А что, хорошо размяться, — Валерка был в больших солдатских рукавицах, образца Бог знает какого года, трёхпалых, для указательного пальца было отдельное место, это чтобы можно было зимой стрелять, не снимая рукавиц, а то, как в варежках стрелять? Но без шапки. Густой ёжик волос. Сколько ему было? Ну, тридцать где-то, никаких признаков залысин, а у КА уже к тому времени были.

КА зацепился почему-то за эти рукавицы. Сейчас приходишь в строймагазин, там сто вариантов перчаток, о пяти пальцах. А вспоминая свою молодость, как-то и не мог представить тогда нечто более элегантное, чем брезентовая рукавица. Кирпичи ещё класть в них можно было, но не более того. Уже с каким-то инструментом работать — никак. Вроде и мелочь, а очень показательно: есть в настоящее время забота о рабочих руках (в прямом смысле)? Налицо. А что формальной была, это уже детали. Всё равно эти рукавицы зеки какие-то шили, почему бы зекам, у которых времени навалом, не шить перчатки? Неужели бы не справились? Но рукавиц они шили, видимо, миллионы, а перчаток бы, наверное, только тысячи. Оказывается, всё было продумано. В конце концов, хоть брезентовые рукавицы, всё лучше, чем ничего.

— Да вы пилить-то не умеете, — КА вздрогнул и обернулся, на скамеечке, укрытой толстым сугробчиком, сидел отец, и снег под ним никак не прогибался, не рушился, почему-то тоже без шапки, но в своём коричневом пальто с цигейковым воротником.

— Да это я его позвал! — Валерка явно был рад эффекту неожиданности.

— А чего это вы оба без шапок, зима же?

— Да нам не холодно, моя куда-то подевалась, мой гардероб — это отдельный вопрос, в другой раз.

— Ладно, не холодно — и хорошо. (Проблема дресс-кода у приведений, наверное, не простая, — подумал КА).

КА вспомнил, что много лет назад они с отцом были тут, на этом участке, где не было ещё ничего. Нет, был какой-то сарайчик, который считался домиком для обитания всей семьи. Он долго рассчитывал, как сделать наибольший объём при наименьшем расходовании материалов. А жёнин родич, из села, подарил им добротный дощатый туалет. Сам привёз на прицепе. И стояли они тогда с отцом и прикидывали, где же заложить первый камень дома. Жара была, какую сейчас, в мороз, посреди снегов и представить нелегко. И копали они траншеи под фундамент, и было видно, что отец устал. Вот она, сыновья, детская глупость: как это может быть, что отец не сильный, что устал? Детские впечатления растягивались на всю жизнь.

— Знаешь, — Валерка, двигая пилой туда-сюда, начал как-то в задумчивости, вроде не зная, стоит ли продолжать, — встретил Толика, разговорились. Интересная получилась у него судьба. Понимаешь, какие-то параллели меня задели, вроде предпосылки похожие, да результаты разные. Вот, казалось бы, два больных человека, но один как-то уходит в свою болезнь, а другой живёт, находит свою любовь, и у него получается жить! Просто повезло или что-то ещё важное, но что?

— Так чем он тебя так задел?

— Вот смотри. Ты же мою биографию знаешь. Болезнь меня вышибла из простой нормальной жизни, когда мне было двадцать лет. Боролся, как мог, и что она мне эта жизнь дала? Тоску больничной палаты, неудачную любовь, нелюбовь к той, что меня любила? Хотя, может быть, если бы я успел жениться до своей болезни, может быть, всё было бы по-другому. У меня была бы какая-то опора.

— Но у тебя же до армии была такая любовь! Я думал, вы обязательно поженитесь.

— Всё думалось, вот приду из армии, начнём жизнь новую, счастливую. А оказалось не так. Из армии пришёл досрочно и уже с болезнью. И, как оказалось, такой уже не нужен. Оно и правильно, что ей начинать семью с больным человеком. Но я встречаю этого Толика, оказывается, может быть иначе, по другому сценарию. Болезнь приковала его к дому уже после женитьбы. И, знаешь, они с женой нашли оптимальный вариант: она и за ним присматривает, и своей жизнью живёт. А ведь мог же требовать к себе особого внимания, сиди, мол, возле меня, из ложечки корми.

— Это тоже вполне естественный ход, в конце концов, это же семья. А что, папа, — обратился он к отцу, — на твоё мнение, насколько допустима эта сила требования внимания к себе? Не могу определиться, укрепляет ли семью это, в каком-то смысле, принуждение?

— Не знаю, это не про меня. Я сейчас, оглядываясь, вижу только такую картину: я никогда не требовал внимания к себе, а если мне казалось, что такого внимания, какое мне нужно, отсутствует, я просто замолкал и уходил в сторону, в себя. Это даже не обида, обида предполагает взаимосвязь, взаимодействие. А тут — оболочка, скорлупа, вакуум-окружение. Этот вакуум гораздо больше разрушает отношения, чем скандалы. Но жизнь прожита, как прожита, что уж теперь говорить.

— Твоя прожита, моя ещё нет. Ты свой тип отношений передал мне, а я своим детям. Вон, смотрю на сына, то же самое, было время, когда ближе жили, мог наблюдать за его семьёй. Никогда скандалов в семье у них не было. Но и разговоров, объяснений тоже. Просто разойдутся по разным своим углам на месяц, потом как-то возвращаются. А жизнь-то проходит, а куда деваются эти месяцы, а в сумме — годы отчуждения? А ещё жизненный опыт показывает, что все иллюзии есть только иллюзии. Например, обычно муж старше жены, для меня, например, почему-то было совершенно неприемлемо рассматривать кандидатуру невесты старше себя. Так и все думают, мол, будет мне много лет, а жена моложе, будет на старости помогать, тот же стакан пресловутой воды подаст, ещё до предсмертного состояния. А получается так, что ему семьдесят пять, а ей ещё и семидесяти нет, а у неё подруги из клуба вдов, она на курорт ещё хочет поехать, а он ковыляет на своих непослушных ногах в гастроном, овсянку купить да сварить себе, пока она в отъездах да с подругами. Наоборот, должна быть традиция более старшей жены, так больше шансов умереть в один день, что за счастливый финал всего семейного счастья обычно почитается. Это к тому, что у семейной жизни есть разные состояния. Отчуждения сменяются примирениями, скандалы — мирной жизнью. А в старости приходит просто пустота.

— А у нас в семье никаких очищающих душу скандалов и не было, были простые, обыкновенные, так сказать, без катарсиса, неприязнь просто, — продолжал свою мысль Валерка, — я часто задумывался, зачем это друг с другом мои родители живут? Но потом как-то дошло, что это и есть их семейная жизнь. Да, начал рассказывать про своего знакомого. У Толика получилось сложнее. Жена его уезжала по делам, пенсия-

то у него маленькая, по сути, она его содержала, видите, а могла и бросить! А уход нужен. Стала приходить медсестра, а потом началась любовь. Жена легко догадалась, но так и осталось, *де труа*. Чем не счастье больного человека?

— Ну да, формально говоря…

— Формально говоря, но я ему не завидую совсем. Я был один несчастный человек, а здесь сразу трое.

— Ты думаешь, они были несчастны? Ну, смотри: Толика, друга твоего, приятеля, опекают сразу двое, даже если у жены и прошла та ранняя стадия любви, всё равно, она же его не бросила, ответственность какая-то, может, она и ревновала, но думала: ай, и хорошо, что за ним присматривает неравнодушный человек. Медсестра эта, как её звали, Даша? Дарья, понятное дело, несчастной не была, у неё была любовь, которой она время от времени могла свободно пользоваться, может, ей больше и не надо было. Кроме того, история умалчивает, а с кем Толикова жена в командировки ездила. Вполне много счастья, на всех!

— Нет, думаю, что они были несчастны. Это не любовь, это не жизнь. Это похоже на предательство. Хотя никто не знает, почему у человека моногамия — это норма, а не отклонение. Моральные договорённости.

КА призадумался, вот, он сам не сказать, чтобы здоров, хотя дрова пилит, но на место этого Толика себя поставить не мог бы. В том смысле, что не может определиться в вопросе счастья на троих. Полигамия в мире — не такая уж большая редкость, всё дело в общественном договоре. Небольшое количество самцов биологически вполне оправданно. Пятьдесят на пятьдесят — это, пожалуй, неэкономное расходование биологического материала. И потом, это как-то, наверное, дисциплинирует, когда много жён, есть некоторая конкурентная борьба между ними, тут уж не до скандалов: спишут на берег — и до свиданья.

— Семья, семейная жизнь, — КА начал, не зная ещё, куда поворачивает мысль, — наверное, я как-то неправильно жил. Так мало у меня семейных воспоминаний. Вот я веду дочку в школу, первый класс. Был какой-то невообразимый туман с утра. И вот, мне кажется, ушли мы в этот туман, потом линейка и школа, а что дальше? Туман был, но не помню, что было в её третьем классе, а в пятом? Ни одного её мальчика не знал, и она ничего не рассказывала. И домой как-то одноклассники её

не приходили. Всего десять школьных лет даётся на общение с ними, сын закончил школу и уехал в другой город учиться. С тех пор только урывками и виделись. Папа, ты помнишь моё детство?

— В каком-то смысле это удел отцов — удалённость от детей. Работа, заботы, мать ближе, от самого рождения, — отец задумался, вспоминая. — Я помню, как мы ходили в лес по грибы, я всегда радовался твоим удачам. Больше, чем своим. И всегда жалел, что не рыбак, мы бы с тобой ходили на рыбалку. А, вспомнил, мы как-то ловили рыбу таким большим сачком — топтухой.

— Но у нас была мастерская. Валерка, ты помнишь, как приходил к нам, мы строили корабль?

— Строили, но не достроили, — Валерка просиял, какое прекрасное воспоминание! — Да, я тогда страшно завидовал тебе. Понимаешь, для меня было необычно — отец помогает нам строить корабль. Я тогда многому научился. Мой отец меня никогда не учил, ни как паять, ни как пилить, ни как строгать. Ты помнишь, в школе были уроки ручного труда? Во втором классе учительница учила нас, как штопать носки, я пронёс это знание через всю жизнь. Не раз пригодилось.

— А я и сейчас носки штопаю, у меня в коробочке для ниток большая игла, почему-то называется цыганская, так я всё время шерстяные, что продают тётки на базаре, штопаю по мере надобности. Я вообще люблю ремонты. Ну, хорошо, напилили досок. И я согрелся. Надо подбросить дровишек в печку.

Двуручная пила, снег пушистый на скамейке, но кучка опилок на снегу — результат работы. КА взял топор, обрезки досок кололись легко. Это радовало, но и несколько удручало, потому что быстро сгорают. Охапка получилась большая, но лёгкая, в минуту превратятся в золу, опять подумал КА.

В комнате стало существенно теплее, на тех самых кружочках, под которыми жил домашний огонь, доваривалась каша. Вот и завтрак. Похоже на серое мирное утро. Но всё-таки холодно, сумеречно и будущее туманно, как у Меньшикова в Берёзове.

— Уже всё готово, я даже согрелась, — жена сервировала маленький столик, — жалко, что на кухне холодно, тут так тесно.

— Ничего, сколько той зимы, будет тепло, приедем летом, сядем просторно и вальяжно. И будем радоваться.

— Что живы.

— А это не самый худший повод для радости. Знаешь, пилил эти так называемые дрова, вспомнил, что некоторые доски ещё от того самого нашего первого домика остались, — сказал КА, наливая чай из чайничка, купленного когда-то на барахолке, оказалось — раритет, только крышечка немного отбита.

— Да, я иногда тоже вспоминаю то время. Ты всё твердил, что не надо нам этой дачи, возьмём палатку, да на природу! Я совсем не думала, что ты тут приживёшься.

— У дачи есть один плюс, кроме прочих, оказалось, что это такая преадаптация, причём, в нескольких смыслах.

— В каких?

— В самом очевидном — это преадаптация к старости. Тогда и мечталось, и ходилось на природу с палаткой, силы были, интерес был, не то, что сейчас. А, кроме того, жизнь-то как изменилась!

— Да, и даже не всегда можно понять, в чём.

— Деталей много, но самое главное в том, что мы перешли из мира коллективизма в мир индивидуализма. Это можно, наверное, сравнить в какой-то степени с историей естествознания. Читал как-то у одного хорошего философа от биологии. У него целая зигзагообразная дорога — схема. Например, Гумбольдт пытался охватить всё, весь мир, пытаясь найти связи. А потом стал царствовать в умах Дарвин с его хаосом причин и следствий, и индивидуальным решением вопросов происхождения, а с этим и всей истории. Ты обрати внимание, мы реально пережили смену эпох. Ты про палатки вспомнила, а я вспомнил толпы туристов в субботу на вокзале, полные электрички. Палатки, костры, песни и прочая романтика. И всё это — отражение некоей коллективистской парадигмы, от родной школы до родного завода, до родной страны. Это не атрибуты социализма, это его гуманитарная суть. Это то, что выше задумок ЦК, даже самого Марксолениносталина. Коллективизм — это естественно, это эволюционно оправданно, ибо биосфера состоит из экосистем…

КА вдруг спохватился, чего это его с утра понесло в эти рассуждения, это был не экспромт, он давно уже задумывался об этих эпохальных сдвигах. Но почему сейчас? Вот, наверное, в чём дело, в сопричастности. Ведь все эти явления, движения происходят и в природе, и в обществе людей не абстрактно, а через вполне конкретные организмы, будь то бактерия, дерево или человек. Вышеупомянутый

коллективизм не есть/был свойством какого-то мифического общества, а происходил в жизни действиями вполне конкретных людей. Они/мы считали естественным, правильным, единственно возможным именно такое поведение — рюкзак, поход, костёр, песни под гитару, все вместе. С другой стороны, пренебрежение, осуждение, отвращение современного индивида, когда ему рассказывают про ту жизнь совсем не есть обретение истины. Гумбольдт не подходит, давайте обратимся к Дарвину! Беда этих зигзагов в том, что несвойственны им принципы большого разнообразия, раз принята идея, так стань же единственной парадигмой! Раз социалистический коллективизм оказался историческим просчётом, необходимо полностью окунуться в капиталистический индивидуализм.

— Ты понимаешь, — хоть и спохватился, но остановиться не мог, — оголтелое охаивание всего прошлого, это совсем не особенность современной нашей идеологии, на местной почве, это следствие смены парадигмы. Новая парадигма ещё только борется за существование, для подтверждения её правильности одного гастрономического разнообразия и мерседес-богатства маловато — и общество это чувствует. Но, как всегда, всё должно быть доведено до полного абсурда, тут, как показывает история, нужно хотя бы несколько десятилетий. Ты помнишь, в начале войны, эту вспышку единения, Война Народная, а потом как-то пошло на спад.

— И где же выход?

— Выход простой, но мало реальный, в синтезе, в иерархической структуре. Как в природе — индивидуализм, конкуренция на уровне популяций дополняются кооперацией на более высоком уровне.

— Интересные разговоры за завтраком, если бы не фон.

— Может показаться странным, но если бы не фон, то побежали бы заниматься всякими мелкими делами. В обычной жизни вся наша обычная бытовуха имеет такое большое значение. Некогда поговорить о важном, может, и главном.

Зима в деревне, зима на даче. Время зимнего тайм-аута, хоть в мирное время, хоть в военное. Не время ли сейчас заняться тем, о чём мечтал — резьбой по дереву? Надо пойти в мастерскую, поискать инструменты.

Через два дня позвонил сосед, как-то что-то починили. Жизнь возвращалась в своё хилое, неустойчивое русло, теперь — в городе.

Поиски истины или урок глупости

Вот вам старость, вот вам молодость — один и тот же человек, в двух состояниях. Взять молодость, к примеру, так лет 18–20, что главные черты этого состояния, этой стадии онтогенеза? Казалось бы, просто — сколько раз звучало: молодость — это порыв, это влюблённость, это поиск и т.п. Но сейчас КА задумался, а что же было у него, конкретно, доминантой молодости? Инвариантой, которая, может быть, потом перешла и в другие состояния. Однако молодость — это такая же мозаика, как и прочее, дробится на свои куски и кусочки. Одно дело студенческая молодость, другое — армейская, или рабочая. И у каждого фрагмента свои приоритеты, свои цели. Но всё же, чем можно их объединить? Наверное, это что-то можно назвать векторностью. Появлялось постоянно что-то новое, увлекающее за собой, старое оставалось позади, нетяжёлым багажом, следами какими-то впечатления, опыта. Новые дороги, новые книги, новые герои. Старое уходило — и казалось, что всё новое лучше, разумнее, краше. А потом всё больше стали проявляться циклические процессы. Дом-работа, дом-работа, это стало нормальными циклами. А рождение детей? Тоже — от пелёнок до школы, сначала сын, потом дочка. Вроде два разных человечка, но всё равно — циклично. А в старости, может быть, эти цикличности и есть самый важный тормоз на пути к финишу? Старческие циклы замешаны на возвратах всё к одним и тем же темам. Может быть, это есть скрупулёзность? Хочется обдумать всё досконально, рассмотреть с разных сторон, а может, это просто топтание на месте и постоянная забывчивость насчёт генеральной линии пути? Если верить одному из хайбунов Басё, то старость (но что поэт знал о старости, умер-то в 50 лет?!), она стремится к покою. Какая связь между покоем и циклами? Если не приглядываться, то мелкими круговоротами можно пренебречь, важно другое, — лотический ли это поток, текуча ли субстанция жизни, либо лентический — спокойная вода, хочешь — озеро, хочешь — болото. КА убеждён был, что тихая созерцательность к нему ещё не пришла, а стремление к покою, не тому, что приближается к абсолютному нулю, было лишь следствием простой усталости уже изношенного организма, подистёршихся чувств.

Вот тебе пример цикличности. Всё та же тема — про свободу слова, языки, либертарианство. Может, цикличность от безуспешности анализов? Недавно был какой-то придуманный повод сформулировать своё

кредо по этим вопросам, а не смог. Какой-то логики не хватило, аргументов. А так ли это важно — сформулировать своё кредо? Ни оценки твои, ни поступки не будут всегда оглядываться на это кредо, а скорее — на обстоятельства. Важнее сформулировать своё кредо по отношению к разнообразию обстоятельств. Раз не смог сформулировать сразу, лучше это делать по пунктам. Пункты — это структура, а конструирование структуры может быть сложнее познания сути. Это кружение, может быть, просто неудачи туповатого старика, который ищет нечто, что все вокруг уже давно нашли.

— Ты знаешь, Мишка, получил на днях интересный по впечатлению и мощный по нервам урок. Перевариваю. Скорее — переперeживаю, как это у меня всегда происходит, вспоминаю, проигрываю и рассматривая со всех сторон, ищу, где же поступил, как дурак. А где — как умный. Ну, скажем, как честный дурак.

— Ну, и что за случай и урок? В какой области, по какому предмету? — Мишка явился, готов выслушать. А может, и помочь.

— Да, интересный вопрос: в чём же, собственно, предмет? Можно сказать, что о языке, но это узко. Можно сказать, что о стычке старого и нового, но это где-то на заднем плане. О войне и мире? Сложный, оказывается, вопрос.

— А ты начни с самого простого. Решение самого простого вопроса зачастую устраняет прочие, в том числе и самые сложные.

— Пожалуй. Самое простое обычно и бывает самым главным.

— Давай по порядку, тем более что в дневник, как обычно, историю ты уже, конечно, записал.

— Знаешь, это хороший способ сбросить с себя некоторое количество ненужных впечатлений. Как там древние говорили — «Написанное остаётся!». Описанное пережитое как бы уходит из ближних хранилищ памяти. Что освобождает место для нового.

— Ага, вот, к примеру, сидит себе Нестор Летописец, пишет летопись и из памяти выбрасывает, пишет — выбрасывает, забывая при этом, что всё! живёт в памяти народной.

— Ни черта в этой памяти народной не живёт. Мало того, что написанное можно переписать, можно ещё и заставить забыть. Вон, у инков не было письменности, но при главном, при Солнцеподобном, были специальные люди, которые, как флешки, хранили информацию о всей истории, но своеобразно, только об истории данного властителя. Если тот

умирал, перемещался в некое царство вечной славы, то новый властитель просто приказывал убить всех флешек, и новым была открыта суть истинной истории, истинная правда, которую и надо было запомнить. Перезагрузка информации. Никакого накопления ошибочной, исторического информационного шума. А что народ? Он что, в своей народной памяти не хранил истории, какой она была на самом деле? Хранил, может быть, но отдельные особи народа, каждая особь самостоятельно понимала, что лучше и свою флешку перезагрузить. Знаешь, начал про инков, а подумал о разных странах и историях.

— Ну да, смена инки была подобна революции. Надо обосновать глубинную суть возможных перемен, а главное — перезагрузить, при необходимости, систему «свои — чужие».

— Из этого вытекает большая странность существования какой бы то ни было реальной Истории, более того, доверия к истории.

— Спасают только Помпеи: засыпало случайно пеплом, а потом нашли.

Конечно, хотелось поделиться, конечно, обсудить какие-то выводы, но как обойтись без фона событий? События были такие. Да и не событие вообще, а так, эпизод.

— Начну с фона, — у КА вроде как сложился сценарий рассказа, но явно не до конца сложился. — Начну с фона, может быть, это тогда имело значение. Вот представь, тихий летний вечер, всё так расслаблено умиротворённо, неконфликтно. Какие могут быть споры, какие недоразумения? Все погружены в этот вечер, длинный, дружелюбный. Здесь же была полная противоположность. Семь часов — уже поздний вечер, как для января, кроме того, шёл холодный январский дождь.

КА ещё с утра часто смотрел в телефоне погоду, как в табличках предсказаний почасовых, так и в спецприложении, где всемирная карта погоды, со всеми циклонами, и анти-, температурой на разной высоте от земли, направлениями ветров и воздушных потоков. Гигантский циклон, от Балтики до Чёрного моря, охватил кусок Европы, а город сейчас как раз в центре циклона. С юга неслись потоки тёплого воздуха, с северо-востока — холодного, эта смесь и давала свой мокрый и холодный эффект. Можно было бы, конечно, никуда не идти, но прочитал в интернете, что будет выставка знакомых художников. Правда, сами они персонально не приглашали (уже давно никто персонально никого не приглашает, смотрите мои новости в фейсбуке!), и это уже было молодое поколение,

у них свой круг, но раз задумал сходить, менять планы не хотелось. Хотя по дороге от метро несколько раз, скользя по мокрому льду, думал, не вернуться ли.

Выставка была в центре города, в каком-то баре весьма неопределённой и затейливой конструкции. Было не очень понятно, как он вообще притулился к дому, какой-то навес, чуть ли не из тростника, перед входом. В баре просто так сидеть без стакана в руке неудобно, но КА совершенно не хотел ни пить, ни есть. Вообще не было куражу. Потому что не было и знакомых. Кроме авторов. Мило поздоровались, даже, по-видимому, были рады гостю, тем более в такую нелётную погоду. Графика их висела по стенам, эти бары вообще мало приспособлены для экспозиций, одно дело украсить картинками интерьер, другое дело — повесить и организовать экспозицию. Не совсем было понятно, что руководило авторами, когда планировали свою выставку именно здесь.

До чего же замечательно в такую погоду припереться в тёплое местечко, где наливают, потеснить круг друзей за столом, подставить свой стаканчик под струйку какой-нибудь водки, или там, виски, поднять тост за здоровье всех, выпить и почувствовать теплоту со всех сторон и изнутри! И до чего же тоскливо и одиноко — не пить, не перебросится словом привета и размышлять — нахрена пришёл, да ещё в такую погоду?

Началось с соседки, рядом был диванчик. На столе книжка какая-то, и прозвучало что-то про писательство.

— О, да вы писательница, я тоже писатель, — надо же было что-то соврать, чтобы завязать разговор.

КА не совсем соврал, была книжица в сумке, на недавнем каком-то вернисаже он ко многим цеплялся и всучивал её посмотреть, что было, в общем-то, нормально и безобидно: этакий Хвостов наших дней. А зря он не анализировал своих воспоминаний, ему самому не нравились авторы, которые с первых слов выхватывают из кармана телефон, чтоб показать «последние работы» — фото картин, или книжечки, обычно самиздат — заплатил и напечатал. Но теперь он понимал, что делали они это не из хвастовства, а просто — от чистого сердца, хотелось поделиться, только немного, совсем чуть-чуть, надеялись быть обласканными критиками. Вопрос только в том, а хотели ли слушатели, чтобы с ними поделились? Где эта грань между скромностью и неумением ухватить судьбу за хвост?

КА добыл из сумки свою книжку. Писательница полистала.

— О! В цьому році видана у Києві на російський мові?!

— А что тут такого? — спросил КА, и как-то у него засосало под ложечкой, ни названия не прочитала, ни о чём книжка, только — про мову. — Закон не отменяли, издаётся половина на половину, на державній та на інших мовах.

— Ні, я на російській не читаю.

— И Гоголя тоже? Великий украинский писатель, как тогда говорили — малороссийский.

— Ось тому, що малоросійський.

Озадаченный КА замолк и спрятал книжку в сумку свою рабочую. Тут как-то стало ясно, что вопрос с соседкой закрыт.

Вот что значит — не держать руку на пульсе общественной жизни, что случилось, правда, много лет назад. Но ведь совсем недавно он показал свою книжку на какой-то сходке, и не было никаких эксцессов. Наверное, это какой-то бар не тот, к нему не дружелюбный. На том бы и остановиться. Атмосфера не та, погода не та, место, видимо, не то, и время тоже. Карма не та сегодня.

По своему обыкновению КА достал планшетик и стал делать беглые зарисовки. Очень удобно, хотя и не всегда графически эффектно — пальцем по экрану, экран маленький. Но иногда удавалось парой линий схватить образ случайного попутчика в метро, КА этому очень радовался. Через столик напротив сидела длинная борода, разглагольствовала, но суть речей была непонятна, да КА и не вслушивался. Толстый нос, борода эта, не очень опрятная (как ни стали эти бороды в моде, никак КА не мог к ним привыкнуть, не XIX же век, впрочем, зигзаги моды неисповедимы, кроме того, отключения света, воды, сложности бритья), глаза, где-то над бородой, всё-таки живые.

— Давайте познакомимся, а то я вас рисую, а не знаю, кто вы.

Бар баром, но объявлен же вернисаж, собрались люди не только выпить, но, видимо, и друзья авторов, то есть в чём-то единомышленники. Знакомство вполне обоснованное.

— Александр.

— Тоже художник?

— Да, и преподаю в училище, монументальное искусство, мозаика.

— О, я знал некоторых художников из училища, был один, Алексей П., тоже монументалист, но потом стал живописцем, однако все работы его станковые были точно фрески. А потом запил.

— Ну, запил, это бывает. Творческая личность, нужна разрядка.

— Может быть.

И тут КА сделал непростительную ошибку. А всё — от чистого сердца, но ведь один раз услышал — кое-кто не читает книг на языке врага. Беседы не получилось. На вопрос, почему художник-монументалист не признаёт ни Пушкина, ни Булгакова, он ответил, что у него аллергия на русскую культуру. И вообще, на всё российское, не уточняя, именно на российское или только на русское.

— А у нас, в Киевском бывшем музее, большая коллекция Шишкина, например, что с этим делать? — опрометчиво задал вопрос КА. — Я и Поленова люблю.

— Я б їх взагалі знищив, що там на тих картинах? Російські пейзажи, нам що, треба навчати молодь любити російські пейзажи?

— Зачем же обязательно любить, просто знать, тем более, совсем не обязательно любить Сену Моне или Писарро, но полюбоваться можно. Да Шишкина пейзажи вообще мало отличаются о наших, одна зона смешанных лесов, да и вообще биосфера едина. Нет ни русской, ни украинской.

— А шо ви зі мною взагалі розмовляєте на російський мові?

— Да это просто мой родной язык. Тем более, что вы прекрасно тоже говорите и понимаете.

— Рідна мова?! Чемодан–вокзал–Москва!

Вот такой разговор, а выглядело так, что люди интеллигентные. Почему не обсудить? Оказалось, что обсуждать нечего. КА посидел ещё немного, послушал про открытие выставки и стал собираться. Один из авторов пытался вставлять в свой русскоязычный рассказ-выступление украинские слова. Получалось довольно нелепо, но было видно, что он старается.

— Ты мой характер знаешь, — Мишка дослушал рассказ до конца, — я бы устроил скандал.

— А о чём скандалить? Понимаешь, трудно их в чём-то обвинить на фоне этой войны.

— А у тебя не появилось чувства, которое, может быть, испытывал негр, выставленный из бара только потому, что у него чёрная кожа? Мо-

жет, он богаче всех этих посетителей, может, талантливее, может, в конце концов, он стране полезнее? Никто не спросил, никто не поинтересовался, но не ко двору, по признаку поверхностному — габитус не тот!

— Что-то похожее почувствовал. Но меня не это больше волнует, можно даже причины этой гетерофобии понять, особенно на сегодняшний день. Да, я ещё этому преподу, который детей учит, рассказывать пытался про записки фон Гумбольдта, на Ориноко, как одни индейцы охотятся на врагов, индейцев же, чтобы подкрепиться. Он только заметил, что не знает, кто такой Гумбольдт, больше ничто его не заинтересовало. Да, вспомнил, та писательница мне сказала, что не любит ещё немецкий, но переборола себя и станет учить, потому что он ей нужен.

— Ты знаешь, у меня тоже было отторжение немецкого, — заметил Мишка, — это отголоски той ещё войны, я над этим думал, как так, я же родился аж через шесть лет после, а оно как-то передалось. Но, ты знаешь, мой батя в Германии служил, и мы с ним были там с матерью. Хоть и военный городок наш закрытый был, но с немцами общались. Наверное, тогда я понял, что они — такие же люди.

— У меня было что-то похожее. Тоже немецкий ассоциировался с войной. Да что говорить, у меня сын на немке женат, правда, из бывших поволжских. Но как же такие же люди превращаются не в таких же? Это чистая биология. И где она сидит? Самое неприятное, а может, и страшное, в том, что как бы в ответ, под давлением, происходит индукция. Индукция такой же гетерофобии. Только что ты позиционировал себя как интеллектуал, который понимает и причины, и следствия, а вдруг обнаруживаешь, что те, кто не воспринимает тебя как предмет уважения, становятся уже на каком-то биологическом уровне неблизки тебе, даже не нейтральны, что можно было бы просто вычеркнуть, а, как бы это сказать, активно-отвергаемыми.

— Вот тебе и Гумбольдт, с его описаниями взаимной охоты.

— Почти. У меня близкие мне люди — вот так, как та писательница, тоже отвергли малоросса Гоголя и иже с ним, а я пытался вникнуть в эту фобию, разобраться вместе с ними, но никакой ответной реакции. Мол, ты наш родственник, но не поступимся принципами. А в чём принцип?

— Может, в том предложении, про чемодан? Почему бы не зажить комфортно, отправив русскоязычных сограждан в Тамбов, Магадан, евреев в Иерусалим, кого-то в Кишинёв или Бухарест, что, оказывается, одно и то же, мадьяр, понятное дело, — в Будапешт, а ещё лучше, в Ла-

пландию или Коми? Во, уже пора и ромов вернуть на историческую индийскую родину, — Мишка остановился, поняв, что список может быть длинным, вспомнив, что в Хартии он, собственно, и приводится.

— Но что делать, диалектика истории: за эпохой империй, скажем так, холистический подход, пришла эпоха национальных государств, дивизионистский подход. Обе эти парадигмы могут существовать только согласно тому же диалектическому сценарию: должны быть доведены до совершенства, то есть до полного абсурда. И всем становится понятно, что парадигма себя изжила. Но история оперирует столетиями, а особь — лунными циклами.

— Ну, не все особи ориентируются на луну. История социума совпадает с историей когнитивных парадигм, как писал Георгий Александрович, он этот вопрос досконально исследовал: за Гумбольдтом, вышеупомянутым, пришёл Дарвин, и так далее. Сэра Чарльза можно позвать…

— И что мы у него спросим? Я бы поинтересовался насекомоядными да лазающими растениями, у него это хорошо получилось.

— А про борьбу за существование? С отключениями света и тепла под аккомпанемент соло на «Орешнике» ты, пожалуй, про борьбу за существование знаешь больше.

— Но тут интересная борьба, как-то без конкуренции.

— Сплюнь через левое плечо, пока… без конкуренции. На три миллиона жителей в городе поставили пять палаток для обогрева, чем не предпосылка к конкуренции?

Эх, обогрев, обогрев! Зимушка-зима! Какие прекрасные картины пошли вереницей перед КА! В школе была специальная большая кладовка, где хранились лыжи. Зимой физкультура — на лыжне. Что за чудесное и совсем забытое сейчас чувство — управление совершенно новым механизмом перемещения в пространстве. Странная вещь: пока одна лыжа скользит, стремительно несётся вперёд, вторая находит опору на этой отполированной лыжне и мощным толчком оправляет тело вперёд, и всё это в ритме какого-то шагающего гиганта. Но гигант не двуног, к чему мы и так привыкли при ходьбе, а четвероног, нет — четвероконечностен, мощный толчок палками — и новый импульс! Это и не ходьба, и не бег, это почти полёт! С коньками в детстве было хуже, только расчистишь пятачок льда на пруду, его опять снегом запорошит.

Зима, зима. В этом году случился прямо возврат в детство. После мощного циклона пришёл холод с востока. Ветра не было — и всё по-

крылось пушистым снегом, все веточки, сухие травинки. Из-под снега сверкал лёд, как память о циклоне, дожде и мокрых порывах ветра. КА смотрел утром в окно и не узнавал пейзажа. Белым-бело, и даже зимних чёрных веток деревьев не видно.

Есть свет, нету света, всё равно — на прогулку. Надо спешить, зимний день короток. Вот он, и как прекрасно выглядит вблизи! Знакомые деревья совершенно изменили свою форму, все ветки согнулись под тяжестью льда и снега, хотя он казался таким невесомым. КА добрался до своего леска. Кружево кустарника, белые облака на вершинах стволов деревьев. И это чувство хрупкости и эфемерности всей чудесной картины. Только дунет ветерок, и всё это кружевное великолепие исчезнет в один миг, осыплется и вернётся веточная графика зимы.

Избыточность красоты, да такая, что понимаешь невозможность отобразить. Запомнить просто, присоединить к архиву радостных впечатлений.

Снег, снег. Пушистая субстанция. Сугроб, в который можно упасть, как в облако! Этот звон под ногами. Морозный звон мириад ломающихся невидимых иголочек льда. Незабываемая восхитительная тишина полнолунной чёрной ночи с алмазным блеском снеговой равнины. Что за чудо эта зима!

Только диалектика её в одной детали: во взаимном отрицании отрицания холода и тепла. Так свеж, так радостен этот мороз, но только при условии гарантии тёплой печки, какого-нибудь камина, какой-нибудь батареи. История знала много примеров тотального военного варварства: отравили источник, из которого питался осаждённый город, сожгли хлеба, дабы заморить голодом, плотину разрушили, чтобы затопить водой города и веси. Но один из гнуснейших — заморозить осаждённый город. Что — город! Осаждённая страна! Хотя некоторые гастрономы и торговые центры и создают иллюзию нерушимого благополучия, без электричества, без энергии долго не подемонстрируешь. Летом, правда, ещё хуже — холодильники не работают. Слишком уж привыкли к электричеству, и на радость, и на горе! Действительно — облога, как у Гоголя, в «Тарасе Бульба». С востока — война, с севера — пособничество войне, с юга море недружелюбное, с запада — компания, где друзей от недругов бывает сложно отличить. Предполагает ли облога торжество дарвинизма, борьбы за существование? Такая странность: вроде бы город должен быть как единое целое, как организм, должен бороться за

существование, но не совсем. Одни наживаются за счёт других, которые в осаде же, другие ищут внутренних врагов, по разным формальным признакам.

— А не напоминает ли тебе история с языком историю в Испании с евреями в XV веке? — Мишка, оказывается, как бы не выходил из беседы, следил за мыслью КА.

— Ты имеешь в виду то, что конфликт языковый имеет такие же корни, как и религиозный?

— Что-то такое. Каждому человеку язык даётся по рождению почти, как мать с младенцем заговорила, а может, он её ещё в утробе слышит, — такой язык ему дан как родной, это неотъемлемое индивидуальное свойство. Без второй сигнальной системы человек — как Маугли, а первичный код заложен не им самим, а обстоятельствами.

— И, как бы и вынужденное свойство популяции тоже, они ведь должны обмениваться информацией, она их объединяет. У них, естественно, должен быть общий код.

— Ну да. А родившийся в еврейской семье как бы автоматически приобщён к иудаизму, это тоже маркер, код популяции, также и в мусульманской семье, код припечатан по рождению, я, конечно, упрощаю, могут быть и атеисты, но это скорее исключение. И вот, поборов арабов, испанские король с королевой взялись за семитов. Чемодан–порт–Иерусалим. Или переобувайся в христианство. Вряд ли кто-то делал анализ, сколько потеряли короли от развала системы отношений, торговых, финансовых, когда евреев постиг очередной исход, ума у короля с королевой хватало только на то, чтобы порадоваться конфискованными сию минуту богатствами. При этом, не думаю, что религиозный признак был сугубо надуманным и формальным. Возможно, это был чистосердечный порыв — за веру! Опять Гоголь на ум пришёл, помнишь триггер той облоги, города Дубно, где Андрий гуманитарку подпольно возлюбленной своей доставлял?

— Знаешь, я бы ввёл ещё один, новый, диалектический принцип. Что-то вроде уточнения, скорее — принцип недополнительности.

— До — или Недо, но к чему?

— К закону отрицания отрицания.

— Ну-ну.

— Ты же сам видишь, что этот закон не имеет компромиссов. Но сама жизнь их подсовывает, он вообще противоречит эволюционному

пути развития. Он предполагает кардинальное отрицание, новое уничтожает старое. Хотя, на самом деле, так почти никогда не бывает. Новое всегда включает в себя что-то от старого, иначе бы оно не смогло вписаться в ту среду, в которую оно, это новое, попадает. Ленин-Сталин отрицали империю, но смогли удержать власть только вернувшись, правда, под другими лозунгами, к той же модели. У Путина тоже выбора нет.

— Но посмотри, в Европе империи распались на национальные государства, и живут же.

— А не кажется ли тебе, что они живут, во многом используя разные принципы имперской модели? В чём диалектика существования квазиоднородности при реальной неоднородности? Допустим, во Франции процесс офранцуживания имел свою давнюю историю, зашёл далеко, но был построен именно на имперской модели руководящего центра и управляемых вассалов. А в Испании, посмотри, Каталония, Страна басков и Мадрид, они сосуществуют не без принципов империи. И, как мне кажется, каталонцы некоторые, правда, могут меня не поддержать, этот атавизм, в целом, даёт положительные плоды. Ну, станет Каталония отдельной страной, и скажут всем, не говорящим на catalan, а на castellano: «чемодан–автобус–Madrid-Toledo»? Это что — формула счастья?

— Парадоксальная картина, однако! Националисты, при ближайшем рассмотрении, с учётом уточнений философских законов, становятся ещё большими имперцами, чем сами имперцы!

— Выходит, что так. Ты понимаешь, всё как в экологии — нет жёстко очерченных дискретностей, есть континуальность, переходы. Поэтому революции приемлемы только как часть эволюционных мегапроцессов, они, скажем так, полезны только тогда, когда допускают частичную преемственность, сохранение адаптивного потенциала к новому.

— Да, тут есть над чем покумекать, — Мишка и задумался. — Только я представил, как бы ты стал развивать эти идеи перед той бородой, он бы охерел, не столько от пива, сколько от диалектики. Один всплеск мысли, про то, что слово «диалектика», которое слышал ещё студентом, имеет какое-то отношение к реальной жизни. Это явно за рамками. Он бы закричал: «чемодан–машина времени–древняя Греция!!!». Там и тогда был спрос на диалектику. Ну, а Гегель?

— Ну, если неприемлем Гоголь, то уж Гегель и подавно! А я ещё хотел бы развить принцип дискретности парадигм.

— Не-не-не, достаточно! Самое ведь интересное не в принципах, а в реальной жизни, в быте, отношениях, — Мишка сам сделал крен в философию. — Всё тот же вопрос: «Что делать?» или «Как жить каждый день?». Вот пойдёшь ты в другой раз на какую-то выставку, и что? Молчать, огладываться, жаловаться себе самому в своих записках на несвободу? Ты же понимаешь, что, если в другой раз будешь молчать, вставляя иногда замечания поддерживающего толка, на нужном языке, всё равно идея гетерофобии никуда не делась. Можешь ещё услышать на какой-то презентации: «О, той русофіл став на українській мові писати поеми!»; к «вовремя переобувшимся» ещё большее презрение, чем к стойким «врагам». Если евреи-сефарды были в низах общества, то мараны, те из них, что приняли христианство, стали ещё ниже.

— Да я не знаю, как насчёт быта. Я до 13–14 года был вполне лоялен переменам, даже подобрал где-то самоучитель украинского языка, хотя ничего нового там не нашёл, я же статьи и книжки пишу на державній мові, но потом вступил в силу принцип Ле Шателье — если на систему давит какая-то внешняя сила, она противодействует адекватно давлению — не надо на меня давить! Но ты же помнишь анекдот, который заканчивается словами: «Бьют, моя радость, не по паспорту, а по морде…»? Тут стратегия и тактика простая: живи в своём микрокругу и не высовывайся особо.

— Но ты же отметил, что и в микрокруге есть аналоги той самой бороды.

— Да, это тяжёлый вопрос. На требование уважения к твоим принципам всегда есть аналогичное контртребование. Если меряться, чей принцип лучше, логичнее, то компромисса не будет. Важно не это, разнообразие принципов вещь нормальная, важно, что есть ситуации, когда нет разумных компромиссов.

— А не приходило в голову такое: сейчас война, мороз и кровь, и смерти стали обыденностью, а мы с тобой обсуждаем вопросы несущественные?

— Да, внешне так, наверное. Но ты посмотри — война… а она, собственно, за что? Понятно, что и жителю Закарпатья обидно отдавать наглому агрессору каждый клапоть земли на Донбассе, любые территории, очерченные так или иначе исторически сложившимися границами. Чего ради! Тут такой Ле Шателье!!! Но если твоя сила не

позволяет вернуть награбленное, приходится смириться. Люди гибнут. И не за землю. А за принципы. Ну, а мы про шо обсуждаем? Это и есть — Разговор о Главном!

Лес в снегу, низкое уже солнце яркогрудым снегирём пробирается между веток, надо так стать, чтобы какой-то сук закрыл диск солнца и только сияние лучиков выбивалось, тогда можно сфотографировать. КА сделал уже с десяток снимков, прекрасно понимая, что это прибавление к полутора тысячам других в телефоне никак не повысит ценность всей галереи. Подумалось, может, некстати, что именно эта зима вполне может стать последней, хорошо, что последняя окажется такой красивой. Впрочем, это только избранные дни зимы. Ведь совсем недавно, на той неделе, был циклон, и дождь, и мокрый противный серый снег в окно.

Монументы

Всё чаще стало приходить КА на ум это загадочное слово — герменевтика.

Герменевтика — наука о чтении древних текстов. Вернее — о понимании прежних смыслов. Это важно — форма остаётся, смысл ускользает. Назовём это принципом ускользающих или, может быть, исчезающих смыслов. Читаешь текст, написанный давно, но читаешь сейчас, а что он означал тогда? А почему нужно думать, что он означал нечто другое, чем нам представляется сегодня? Почему бы не применить и здесь принцип актуализма? А именно: люди всегда мыслили одинаково, приспосабливались к окружающей среде при помощи одних и тех же приёмов, в борьбе за существование использовали однотипные методы и так далее. Так и про смену монументального пейзажа: как при смене фараона могли быть уничтожены все изображения предыдущего, так и в 1917 царские памятники сбросили с пьедесталов, потом настроили новых, потом опять поломали и новых понаставили. И нет тому конца-края. Ибо время течёт, всё меняется. Только маркеры времени порой весьма громоздки. Благословенны страны, подумал КА, в которых можно встретить монументы от первых идолов до последнего канцлера, да есть ли такие?

Приходят и проходят эпохи, отмечая свой приход новыми монументами и разрушением старых. Вот попались два предисловия в двух книжках, две правды. Прямо материал для герменевтических упражнений.

Тоже отражение эпох. Какая была эпоха, такая была и правда. Глупо, наверное, и даже несправедливо упрекать кого-то, ибо ты живёшь сейчас, сейчас жизнь другая, фон другой, отношения другие, оценки другие.

В который раз КА заметил, что какой-то случай, поворотик жизни, может, случайный, может, предобусловленный каким-то законом, подсовывает то встречу, то книжку, то картину, то разговор, то какое-то сочетание того и другого. Совершенно спонтанно полез в специальное отделение на книжной полке, где были разные поэтические вещи — тут тебе Аполлинер, тут и Верлен, и какой-то Черкашин из Ханты-Мансийска, любитель хокку. А полез специально, за одной книжечкой. Вот она — «Кобзарь» Тараса Шевченко. Когда-то давно подарила её одна коллега из Беларуси, почему-то захотелось ей, чтобы печатное слово вернулось на родину. Книжечка была формата коробочки от сигарет, такой же толщины. Поэтому текст был набран кеглем, ну, наверное, вторым, читать надо было с лупой. Но зато можно было запросто носить в кармане, если бы была такая необходимость, захалявная такая книжечка. Издана в 1950 году в Киеве. Предисловие написал некий академик, О. Корнейчук. Вот она история! Написал: «некий», а этот «некий» был… все награды, высокие должности, что перечислены в Википедии, за один раз на экране телефона не помещаются! Одних сталинских премий было пять штук! И что осталось? Была станция метро «Корнейчука», и ту переименовали (хорошая, надо сказать, идея — все топонимы «в честь» срочно переименовать географически: имени леса, речки, поля, горы Джомолунгма. Спокойнее, да и сэкономить на переименованиях можно массу средств. Вот уж точно: «Все йде, все минає — і краю немає…».

Когда исполнилось 100 лет со дня рождения Т. Шевченко, в 1914 году, власти всяко старались не допустить торжественных памятных собраний, чествований, не то чтобы памятники ставить. Ну да, раз царь-батюшка наказал когда-то поэта, отправил его в ссылку, нельзя же дать понять, что сам царь был не совсем прав!

Но, в «жовтні 1917 року керівництвом героїчної партії Леніна-Сталіна була знищена тюрма народів, Російська імперія, була повалена, влада буржуазії і український народ з допомогою великого російського народу звільнився від кабали…», ну, и так дале. И потом, в июне 1918 года, В. Ленин подписал декрет о создании в Москве и других городах монументов «найвидатнішим діячам минулого». В Петрограде в торжественной обстановке был открыт, — читал дальше КА, — первый в мире памятник

Тарасу — «борцю-революціонеру». Оказалось, это не совсем правда, вычитал в другой книжке, что ещё в 1898 году в имении семьи Алчевских в Харькове был поставлен памятник — бюст Шевченко. И дальше: «а в пожовтневі часи українські буржуазьні націоналісти, маскуючись, намагалися у своїх писаннях довести, ніби Шевченко був націоналістом, але… Тим самим вони питалися довести, що українській класичній літературі властивий націоналізм».

Что ж получается, размышлял КА, всяк, кто пишет на родном языке, уже может быть причислен к националистам? И вообще, кто они такие, эти националисты? И где эта грань между естественным отнесением каждого себя к какой-то популяции, этносу — и чем? Может быть — активным стремлением к изоляции своего? Может, активным доказательством превосходства своего над чужим? Ещё один термин интересный — *буржуазные* националисты. Тогда что, если буржуазные националисты осуждаемы, то пролетарские или крестьянские — это хорошие, приемлемые? В общем-то, линия Корнейчука понятна, и вполне даже КА была знакома не понаслышке, в виде лекций, ещё со студенческой, даже школьной скамьи: угнетатели, хоть свои, хоть многонациональные, угнетают многонациональных же трудящихся, поэтому враг их буржуазия, без различия расы, этноса и пола, а брат — угнетаемый трудящийся, без различия этнических и культурных особенностей. Обобщение, надо сказать, не столь уж неправильное. Угнетают, это факт, и Маркс показал — как.

И писал этот академик, как и требовала тогдашняя парадигма: пролетарии всех стран — соединяйтесь, но лучше это делать не спонтанно, а под руководством партии Ленина-Сталина. Писал академик то, что надо было писать. Это вопрос о форме и содержании. Имеет ли значение форма, если содержание формально? Написавши множество таких предисловий, он уж, конечно, и сам в это верил. Надо сказать, что, поглядев на судьбу самого Шевченко, его семьи, вполне можно согласиться с концепцией: любое угнетение несправедливо, негуманно и надо с ним бороться. Любое, но что было в то время, во времена самого Шевченко? Грубо говоря, за что его, собственно, сослали, за что охранка и сам император выбросили на много лет из общественной жизни? Один из ответов приводит Корнейчук, цитируя газету «Правда» (без указания даты, но по тексту — в период 100-летнего юбилея): «Дело в том, что Шевченко совершил два преступления: во-первых, он вышел из народа, из крепо-

стных крестьян, а во-вторых, оказался не только поэтом, но и поэтом-демократом, певцом угнетённых масс народа». А вообще-то, подумал КА, интересен вопрос о читателях. Сам поэт был тесно связан с петербургским бомондом, а что этому бомонду были чувства крестьянки:

На панщині пшеницю жала,
Втомилася, не спочивать
Пішла в снопи, пошкандибала
Івана сина годувать.
Воно сповітеє кричало
У холодочку під снопом…

У тех даже, кто радел многие годы за его освобождение, были свои сотни, а может, и тысячи крепостных в рабстве, крестьян. Да и читать по-украински они вряд ли умели и хотели. Они никак не могли объективно оценить, хороший ли он вообще поэт. Даже, наверное, тот же Герцен, который писал: «он тем велик, что он совершенно народный поэт…», вряд ли свободно читал его в оригинале. Значит, основной посыл был: если ты за угнетённых, значит, в первую очередь против системы, а система, вернее — центр всей консорции, империи — это царь, то ты — революционер-демократ. Тут Герцен и царь были единодушны. Надо сказать, пришло КА в голову, то как-то даже и удобно для критики всей системы — царь, Трамп или Путин, критику можно персонифицировать, тогда и глубоко в проблемы вникать не надо.

Хорошо, но затравка размышлений и повод, эта книжка, были направлены куда-то не совсем туда, куда приплыли, сообразил КА. Тема интересная, но совсем безнадёжная — что думал поэт, когда слагал свои строки? Сложение стихов — оно вообще не от мысли, а от чувства, а кроме этого, у стихов есть необъяснимое свойство самонаписания.

Жалко, что как-то не с кем это обсудить. Вопрос в той самой герменевтике — искусстве толкования древних и не очень текстов. Первый ключ, пожалуй, был найден. Это довлеющая парадигма общественного устройства. Она определяет ход мысли. Основа мысли — адаптивная, не надо высовываться против парадигмы, ибо!.. Окружающие, которые могут оценить степень высовывания, живут, в основном, в рамках этой самой парадигмы. Люди проникаются ею не только из чувства самосохранения, но и из чувства возможного согласия (убедили!), если не со всей,

то с теми или другими элементами парадигмы. Кстати, чувство самосохранения вырабатывает преинтересные формальные приёмы, у-у-у, тут целое исследование — от искусного копирования или псевдокопирования референсных текстов и схем до эзопового языка, который, правда, уже шаг от формализма.

Где там второе предисловие? Подтвердит или опровергнет рабочую гипотезу определяющей роли парадигмы? Скажем так — проблему обсудили, можно продолжить историко-социальный анализ. Но тут вдруг, совершенно неожиданно и вроде бы без особой причины, возник Мишка.

— Слушай, тут такая интересная штука, — по его виду как раз и можно было заметить, что штука интересная действительно, — ты случаем не читал роман небольшой Андрея Куркова про сады господина Мичурина?

— Привет, рад слышать и даже видеть! Ну, читал, но, кажется, не до конца, потому что не помню, чем всё закончилось, а может, забыл. (КА не добавил, что знаком не только с романом, но и с самим автором, сейчас это было не важно).

— Что в конце — не важно, важна сама идея! Не поверишь, но в жизни, у вас, — уточнил, — кое-что повторяется, автор придумал, вроде, некую абсурдную ситуацию, а жизнь ваша оказывается сложнее.

— Что предвидел? Давай яснее, у меня мозги сейчас совсем на другое настроены.

— Мозги мозгами, а чувства? Уверен, что не последнее место занимает сейчас чувство холода. А также чувство неуверенности, будет ли завтра возможность с успехом нажать кнопку унитаза, есть ли вода?! Что в дефиците, кроме здравого смысла? Энергия, в данном случае — электрическая! Ты помнишь этот фантастический сюжет курковского романа? — продолжал Мишка, — якобы, американцы сильно заинтересовались селекционерскими успехами Мичурина и пригласили его, прямо с его садами, в Штаты. Погрузили сады, наверное, вместе с насекомыми и птицами, на некую баржу — и айда через океан. Но по дороге открылся сюрприз от КГБ, оказывается, пошли-то навстречу американцам с весьма коварной идеей: баржа была нагружена не только садами, но была полна взрывчаткой. Как только она прибудет в Нью-Йорк, должна взорваться, очевидно, нахрен с этим Мичуриным, городу капут, но тут и вступает в силу главная задумка: агентура будет тщательно собирать все секреты

восстановления и строительства небоскрёбов! Проекты там, материалы, использование детского труда и труда негров, попутно. Чувствуешь силу мысли ЦК и КГБ?!

— Чувствую. Ещё больше почувствовал силу фантазии автора.

— Так я тебе и скажу, чего и пришёл, я тут у нас встретил одного российского генерала, его не то взорвали, не просто так почил от язвы, неважно. И он мне поведал, почти что под секретом, что, оказывается, от самого главного поступила директива, мол, бомбите усиленно электростанции, прямо от Чернигова до Киева и Львова.

— Я и не сомневался, что команда от основного, ибо военного, фронтового смысла не имеет.

— Ну да, военные и спросили, зачем, мол, мирное население пострадает (гуманисты херовы), а он им отвечает, строго и прямо: мы дорогие ракеты посылаем одна за одной, а они восстанавливают, мы уже столько ракет потратили, могли за эти деньги у себя пять электростанций построить, а они раз — и восстановят, мы хуярим (извините за военную прямоту), а они восстанавливают. Поднять всю агентуру, спутники различные, и чтоб всё тщательно фиксировали и все секреты восстановления выведали!

— Что идиоты, я давно определился, но это как-то слишком!

— Ну, ты что? Генералу не веришь? У нас врать не принято — смысла нет.

И пропал.

Сидит КА, роман про Мичурина вспоминает. Ещё тогда подумал, вот какой молодец автор, придумал такой сюжетик! Полный абсурд! А жизнь богаче всяких фантазий. Может, Мишке сказать, чтоб генерала этого позвал, да ну его нахер, что, деталями интересоваться? Детали налицо — темно и холодно. Если им так интересно насчёт спасательно-восстановительных работ, чего бы на месте не решать проблему? Попросите, чтоб Трамп кинул десяток «Томагавков» на Москву, сразу и поймёте все детали процесса. Печальная современность, но Мишка отвлёк его от размышлений об истории. Вернее — погрузил в самую гущу современной.

Большинство людей мало задумываются о том, как они попадают в эти формальные клещи. В голову сразу пришёл пример из его, КА, жизни научной. Лет 30 назад, взявши в руки автореферат по любой, совершен-

но любой специальности, читатель мог споткнуться на первой странице о большие буквы ХХ или ХХУІ, которые были совсем не буквы, а подобие римских цифр, ну, не было латинской пишмашинки, вместо V шлёпали У, в общем, похоже. И это было не важно, а важно было в данном научном изложении твоих достижений, в данной диссертации отметиться в области демонстрации своей лояльности власти. Непременно вставить, как основной тезис и даже глубинную мотивацию научного поиска: «в соответствии с решениями ХХ (икс-икс) съезда КПСС…», и дальше по тексту, хоть про экономику, хоть про сельское хозяйство, хоть про митохондрии. Если думаете, что это была неприглядная черта сугубо социализма, так нет, потом стало вместо ХХ бросаться в глаза на первой станице буквы ЄС: «з огляду на те, що наша держава прямує до ЄС, а також згідно з Директивою ЄС», — и всё дальнейшее, как бы только для того и было обдумано и написано, чтобы приблизить это будущее. Почему бы не написать, не отвалится от автора ничего. Формальные признаки важны! Писал бы Шевченко, как свои дневники, свій «Журнал», на русском, также и стихи (он и писал, но маловато), может, и не было бы претензий от властей, хотя у цензуры изредка проявляется свойство вникать в суть.

Добрался КА до второго предисловия. Книжка про киевские памятники. Случилась новая эпоха, пришли новые оценки. Оценки вытекают из новых парадигм. Но откуда берутся парадигмы? КА мог только сказать, что научные и социальные парадигмы имеют разные происхождение и генезис. И, чаще всего, трудно определить, сами они рождаются, или спускаются «сверху», ибо власть не власть, если не имеет собственной парадигмы.

Эти творцы предисловий — так и тяготеют к передовицам в духе «Правды», но вот интересно, почему? Казалось бы, по месту расположения в книге предисловие должно быть искренним и благодарным вводом целой толпы читателей в книгу, за тобой, автором предисловия, за самым первым читателем. Но желание встать НАД писателем неизбывно. Кроме того, желание (необходимость?) вооружить читателя важными атрибутами и инструментами нынешней, сегодняшней парадигмы.

Ну, вот такой мотив, из предисловия профессора, в данном случае, ещё не академика: мол, про Киев что-то писали, писали, но не то, а вот «про національне місто почали писати лише після 1991 р. Кліше Києва М. Булгакова та К. Паустовского (читай П. Столипіна і Миколи ІІ) тривалий час тяжило над києвознавством».

Вот какая проницательность! КА взял с полки книжку, чтоб поискать что-то столыпинское.

«Сады стояли безмолвные и спокойные, отягчённые белым, нетронутым снегом. И было садов в Городе так много, как ни в одном городе мира. Они раскинулись повсюду огромными пятнами, с аллеями, каштанами, оврагами, клёнами и липами. Сады красовались на прекрасных горах, нависших над Днепром, и уступами поднимались, расширяясь, порою пестря миллионами солнечных пятен, порою в нежных сумерках царствовал вечный Царский сад».

— И что этот профессор нашёл здесь от Столыпина? — недоумевал КА, — наверное ничего не нашёл, да и не искал. Парадигма сама диктует что писать. Хорошо быть в парадигме. А вот киевоведение художника Александра Павлова, 1985 год (что — читай клише Брежнева?). Это о его поисках места, где был дом Казимира Малевича:

«Неподалёку высится костёл святого Николая, возведённый В. Городецким, эклектичный и витиеватый, гордость киевского модерна. Окрест — малоэтажная застройка бывшей Кузнецкой, Бульонной и Ямской. Мокрые глухие улочки, сохранившие характерные приметы купринских описаний бедности и порока. Район пакгауза и Байкового кладбища, где похоронен дед Казимира — Лукиан, шальные местечки Протасова яра и Александровской слободы…».

Вот он — Город, уже другой, что, он более или, может, напротив — менее национальный? Украинский Киев, французский Париж, индийское Дели, американский Нью-Йорк, кубинская Гавана — что это? Что такое город? Ландшафт, архитектура и горожане. Малевич вообще был поляк. Обычное дело в оценках: как плохиш, то чужак, а как гений — наш, родной, национальный герой.

Но, не забывая о парадигмальном фоне, вернёмся к памятнику, что обозначился в начале.

КА подумал, а что, если бы этих войн с памятниками не было, как бы смотрелся памятник Николаю I в парке Шевченко сейчас? Сказать честно — довольно нелепо. А вот, в Парке старых памятников был бы интересен. С простой табличкой: кто, когда жил, с какой радости был воздвигнут монумент. Много поучительных историй бы поведала экспозиция.

Из книжки можно узнать, что долгое время не было памятника Шевченко в Киеве и «лише 1919 року, в перший прихід більшовицької влади було встановлено невеликий на теперешній Європейській площі, але на

час окупації міста військами Денікіна, також у 1919 р., пам'ятник було знищено». Много описано перипетий, как с самим памятником, что сейчас напротив Красного корпуса университета, как и с постаментом — наследием царизма. Однако ж стоит тот, что открыл в 1939 году Никита Хрущёв, первый-главный коммунист тогдашней Украины. И памятник неплохой, и стоит на месте, почему бы не сказать просто спасибо тем, кто его поставил? Что-то мешает, может, неуважение к истории, к такой, какой она была? Была просто жизнью людей, жизнью страны, земли. Хотелось с кем-то обсудить, но, подумал КА, имеет ли он на это право? Хоть и прожил он в этом городе много лет, не был он его родным, по рождению. Важно ли это и насколько?

— Валентин Абрамович, вот Вы — коренной киевлянин, — ВА живо откликнулся на приглашение, — а у меня как-то нет права судить о городе, высказываться, например, о его национальной сущности.

— А что я могу сказать об украинской сущности, если я не украинец? Знаете, мне кажется, что городу или, точнее — Городу, с большой буквы, глубоко безразличны все эти оценки. Город — слишком большой организм и слишком долгоживущий, чтобы принять какой-то один образ. У еврейского Киева своё лицо, у русского своё, украинский тоже имеет своё лицо. Можно, наверное, представить себе и Киев, построенный по модели, например, Сингапура: в одном районе — Чайнатаун, китайский город, в другом — индийский. Мне рассказывали, что на Брайтоне, в Нью-Йорке, попадаются жители, особенно старики, которые десятилетиями не покидали своего района, им и английский учить не надо. Так что, они не стали нью-йоркцами, что ли?

— Ну да, так и некоторые страны устроены. Так сложилось, такова история. Районы разные, культуры разные, но что важно — они все считают себя сингапурцами.

— Появление и расцвет национальных государств внесли некоторую неопределённость в этнокультурный пейзаж. Американский русский или украинец имеет возможность сказать: я — американец. Но не могу же я сказать, что я украинец. Или, например, кашуб в Польше, ему приходится говорить, что он поляк, хотя он знает, что он кашуб. Я уже не говорю про кубинцев, такого этноса вообще не существовало, пока история не сплавила испанцев, йоруба и иже с ними: африканцев, китайцев, индейцев — кто выжил. Кроме того, что сами испанцы — ого, какая смесь!

— А скажу я вам, дорогие, — Мишка обозначился голосом прежде, чем образом, — скажу я вам, что банальные вещи вы говорите. Ну, это же всем понятно, что национальное лицо Парижа сформировали испанец Пикассо, белорусские евреи Шагал с Сутиным, голландец Ван Гог, не без компании, правда, собственно французов, как Моне с Гогеном. Скажу я вам, и Гоголь, и Шевченко, те же Вернадские, отец с сыном, были неотъемлемой частью культуры Петербурга.

Николай Васильевич был где-то, видимо, занят, а Тарас Григорьевич явился.

— Тарас Григорьевич, как же это получается, — пристал к нему Мишка сразу с вопросом, — памятник вам поставили коммунисты, а потом эти же деятели разгоняли сходки у памятника, а потом, уже другое поколение, тех, что поставили памятник, порицало и отрицало, и при этом все были правы?

Тарас Григорьевич сразу не ответил. Размышлял, может, мы оторвали его от какого-то важного дела.

— В ваше время, может, и не было такого термина, такой науки — герменевтики, хотя я и не очень понимаю её приёмы, — вставил КА, — но, как мне кажется, это всё от разночтений ваших призывов: «… вставайте! Кайдани порвите! / Вражею злою кров'ю / Волю окропите!». Одни утверждают, что кайданы — это точно! — кайданы самодержавия, царизма, феодализма. Академик, тот, что автор предисловия к вашим стихам и поэмам, прямо жалеет, что вы просто не успели познакомиться с трудами Маркса. А другие утверждают, используя, видимо, какие-то другие принципы герменевтики, что речь шла о цепях колониального рабства, которыми опутали великороссы всех, до кого дотянулись, включая и украинцев.

— Я думаю, что в любом случае, поэт, — Тарас Григорьевич приостановил речь, задумался, — поэт, настоящий, он никогда не может быть, как это через полвека после меня писал Ульянов-Ленин, пропагандистом и агитатором. Поэт живёт образами, это был образ мятежной души, несогласной с мировой несправедливостью. Добро, как и зло, не имеет национальности.

— Но была же какая-то доминанта в этом образе, — не переставал допытываться Мишка, — угнетение царской власти шло-то из Московии.

— Ты, Михаил, хоть и учёный, — отвечал классик, — а не понимаешь принципа мультисвязности. Все доминанты в сложных системах ус-

ловны. Или придуманы, для каких-то особых целей. Ходом истории образовалось большое государство, логикой истории и социогенеза такие образования требуют особой формы управления, империи практически неизбежны. А империя предполагает что? Предполагает некое центральное образование, скажем так, костяк, скелеты тоже бывают разные. По неразвитости цивилизаций такими центрами были и есть до сих пор некие этносы. Не мне рассказывать вам о процессах глобализации. Может быть, в будущем тоже будут империи, исторические-то циклы повторяются, только центром в них будут мыслители, гениальные изобретатели, даже поэты. Потому не будет от этого центра идти насилие, неуважение, а мудрое управление.

— То ли пророчество, то ли утопия, во всяком случае, тут неприменима формула «поживём-посмотрим», подлежит наблюдениям только «оттуда», — заметил КА, — а вот, скажите, Тарас Григорьевич, почему именно поэты часто становятся символами стремлений к переменам? Вот Вы, Хосе Марти, Пушкин, в конце концов. Желательно — бурным, желательно — бесповоротным?

— Феномен непростой. У Пушкина была пара стихов («*и на обломках самовластья*…») и всё — враг. Мандельштам один стих написал — «*мы живём, под собою не чуя страны*…» — и всё, сгинул на Второй речке. А Гоголь прозой писал, хоть и назвал свой труд поэмой, и проза пришлась ко двору, сам царь «Ревизора» похвалил. Эти ритмы стихов, они что-то такое будоражат… даже в императорах.

КА вдруг обнаружил, что график отключения электричества сильно нарушен. Должны были выключить в три, а уже шестой час, за окном темно совсем, настольная лампа горит, а вдалеке, почти на горизонте, за деревьями мерцает огонёк. Приятно надеяться на чудеса, хотя здравый смысл и подсказывает, что последствия мгновенного взрыва, хоть бы и от маленького «Шахеда», можно восстанавливать годами.

Вот и телефон зарядился успешно, КА привычно поводил пальцем по экрану. От новостей, список которых состряпан Гуглом, никак не отделаться. Пробежался. Интересное сообщение. Суть сводилась к тому, что министерка культуры сообщила где-то, что 71% украинского населения смотрят, слушают русский контент (знать бы ещё, что такое контент, хоть по-украински, хоть по-русски). Это сообщение навело КА на размышления, как о самом контенте (допустим, что это некое поле информации: новости, литература, творчество блогеров), так и потребителях этого

контента, как и о реакции руководящих органов. Если его самого можно было отнести к этим 71%, то как относиться к этому гугловскому сообщению? А никак не относиться, жизнь есть жизнь, если народу надо 71%, ничего с этим не поделаешь. Контент, он жив, пока на него есть спрос. Что там, в интернете, ещё мелькнуло? Сообщение, что принято решение удалить с Андреевского спуска памятник Булгакову.

Эволюции, революции. Да и садов тех уж нет в помине. Сады, сады…

Выставка

Чудно́е здание бывшего музея Ленина, врезанное во Владимирскую горку, по идее, могло возвышаться над площадью, но у него это не получалось, потому что выше был собор, костёл святого Александра. КА, подходя, подумал, может, и не в первый раз, что стоило бы этот бывший музей приравнять к киевскому архитектурному наследию малофункциональных форм, наравне с «домом с Химерами». Зиккурат ушедшей, скорее всего, навсегда, религии. А бывали ли ископаемые религии, которые по разным причинам возрождались? В целом, похоже, что нет, но некоторые элементы…

Серый вечер, мокрые ступени, скорее ледяные, эти ступени так милы всем архитекторам храмов. Обычно они переживают сами храмы. Внутренне пространство здания огромно и пусто. Вернее — наполнено холодом. Сейчас в этом холоде жили картины. Много, на двух этажах. Трудно было выбрать более подходящее место и время для выставки, посвящённой памяти безвинных жертв войны. Официальное открытие должно было быть на большой площадке, на первом этаже, где когда-то давно стояло идолоподобное скульптурное изображение вождя. Где-то оно сейчас? Исчезло за ненадобностью (так и не поведало, а в чём, собственно, была надобность?). В который раз КА подумал, что все эти реликвии прошлых эпох стоит сохранять, не столько в поклонение к самой истории, сколько в назидание. Никакого нового идола не было поставлено, чем пополнят потомки свои закрома истории, когда и эта эпоха станет далёким и подзабытым прошлым? Стал перебирать в памяти, что-то ничего равного, хоть бы и памятнику вождю на бульваре, который явно сгинул физически, может, распилили на камушки красивые, на ум не приходило. У каждой эпохи свои метки в истории.

Спешить было некуда, до открытия было время, КА, стоя на последней ступени лестницы и глядя на мрачноватую и мало освещённую площадь с медленным круговращением автомобильного редкого стада, стал размышлять о признаках, знаках и сигналах. Тезис о том, что ничто не вечно, каждое состояние конечно… КА спохватился, как это он размышляет сам с собой, где же его собеседники. Уже как-то привык, можно поделиться. Тут, видимо, не обойтись без философии, ясно дело, надо с Валентином Абрамовичем пообщаться. Да, кажется, у него в этих числах день рождения, надо посмотреть в Википедии, давай-ка, а то можно и промахнуться.

КА вытащил телефон, сдвинул изображения пальцем вверх — открылось меню Гугла. Напишем: «Валентин Абрамович», клик, ага, в начале декабря родился, а это дата смерти близко. Избыточность информации интернета всем известна, рядом с фото ВА (всё в той же футболке, ни на одной фотке не видел его в галстуке) — другой портрет, та же фамилия и имя. Лицо молодое, может, родственник? Избыточность интереса ко всяким случайностям в интернете тоже всем известна. Оказалось — с сайта погибших на украинской войне россиян, двадцать лет, доброволец, из Еврейской автономной области. И приписка — один из сотен тысяч.

— Вот, Валентин Абрамович, ваш однофамилец, доброволец, наверное, был убеждён, что за правое дело сражается. Впрочем, вы легко можете с ним пообщаться у себя там.

— Бога ради, не хочу я с ними общаться. У добровольца не может быть другого мотива взять оружие в руки, кроме как дать отпор врагу, который пришёл незваным в твой дом. Вы слышали хоть об одном украинском солдате в Биробиджане? Вы дальше полистайте, впечатляет, мне этот сайт один москвич, из бывших знакомых, показывал, мол, вот они, наши герои. Какие герои! Они — жертвы. Знакомство с москвичом осталось в прошлом.

— Но, если преступили заповедь «не убий», то они преступники скорее, чем жертвы.

— Да, по отношению к объекту своей деятельности неправедной они, конечно, преступники, но по отношению к самим себе они жертвы. Жертвы мозговой патологии, жертвы воспитания, жертвы своей интеллектуальной и душевной лени, жертвы своей доверчивости, опять же замешанной на лени мозгов и неумении анализировать происходящее. Вы щёлкните на физиономию.

КА щёлкнул, и весь экран заполнила какая-то шагреневая кожа, как он себе её представлял, Бальзак подробно не описал её вид. Для классика это была метафора, но почему шагреневая? КА отправил этот сайт временно на электронную полку и задал вопрос Гуглу: «что такое шагреневая кожа?». Вот-те раз! Оказалось: дерматологический термин (но, понятно, кожа же!), это когда кожа у человека покрывается такими бляшками, неровностями, в общем, на экранчике было что-то подобное, вроде чешуйчатой кожи какой-то довольно противной рептилии. О, эти нехитрые чудеса современного интернет-дизайна! Стоило сделать zoom, и из-под каждой чешуйки выбралось на поверхность лицо. Это были тысячи и тысячи лиц сгинувших на войне российских солдат.

— Валентин Абрамович, это похоже на мемориал.

— Да какой там мемориал, просто журналисты-расследователи подтверждают, документируют верность своих подсчётов. Знаете, мы тут с Михаилом, по собственной инициативе, по городу прогуливались, — КА удивлённо поднял брови! — а что удивительного? Могут у нас быть собственные планы? Тут недалеко, около Михайловской площади, есть стена, тоже вся в фотографиях. Внешне похоже, суть — разная! Эти, чьи портреты на стене, честно защищали свою землю, а те — кто за деньги, кто за бредовые иллюзии душу свою продали. В мире так много внешне схожих вещей, но стоит заглянуть глубже…

— Знаете, я на выставку пришёл, она тоже про войны и про жертвы войны. Но не этой, а ещё той, Мировой. Посвящена памяти Холокоста.

— Это хорошо, что память. Но только ли та война? Только ли эти несчастные евреи? Весь ужас произошедшего в том, что одни люди уничтожали других, взявши за критерий своего оправдания только формальный признак — принадлежность к какому-то народу. На этих убиенных евреях не было никакой вины. Но Холокост, к сожалению, всего лишь часть большой мировой несправедливости — слишком часто формальный признак служил оправданием насилия: не та национальность, не тот язык, не та культура, не та история, не та религия. Холокост — это крайний случай широкой патологии. Тут даже и без пулемётов можно обойтись. Унижение бывает хуже смерти.

Было у КА своё воспоминание, которое делало много раз слышимое и читаемое вполне осязаемым, своим. Своим горем, своим страхом. В воспоминании была фотография из семейных архивов. Какая-то

стройная девушка, не обделённая особой красотой 30-х годов, стояла во весь рост, и надпись благодарственная на обратной стороне. Мать рассказывала её, девушки, историю. Когда пришла оккупация, согнали всех евреев, и было их немало в том селении, перед большой ямой расстреляли. А этой посчастливилось как-то из-под мёртвых тел выбраться. И мать её у себя прятала. Потом она ушла, уехала и объявилась уже после войны. По каким-то случаям вспоминая эту фотографию и рассказ матери, КА примерялся, смог бы он вот так, рискуя, скрывать кого-то? Наверное, если бы рассуждал, взвешивал риски, то не смог бы, достойные поступки обычно спонтанны.

КА бродил по второму этажу бывшего музея, то и дело встречая взглядом прекрасные пейзажи. Большие и маленькие, особенно удачны были серые зимние. Горизонты, горизонты, снег, деревья. Небо, дороги в обрамлении серого снега, опять небо. Хоть на картине и облака, но воздуха нет — космос. Второй этаж был хитро сконструированной кольцевой галереей над первым, там, внизу простиралась какая-то слишком большая площадь, как для здания, микрофоны для выступлений и потихоньку собирающаяся толпа. Люди были по-зимнему неповоротливы и серы. И от этого взгляда сверху, как с небольшой колокольни, на эту толпу вдруг дохнуло такой войной, такой невидимой, но ощущаемой разрухой, не рядом, не вблизи, а где-то в другом царстве, царстве, где шумеры убивали мирных иудеев, а те в отместку уничтожали зиккураты.

Были речи, призывавшие хранить память. Не было речей, призывающих посмотреть на самих себя. Не было покаяния, не в чем каяться, сами — жертвы. Люди, взгляд сверху, как с колокольни, люди перед храмом, пришли спасаться от нашествия, что под стенами города. Неустроенностью, печалью и холодом так веяло, что КА отошёл от парапета и от этого зрелища. Но потом запел хор, все в камуфляже, военная капелла. Пели молитву — и звук отражался эхом от гранита и мрамора, бетонного пола, улетал вверх, в холодные объятья этажей, к далёкому, застеклённому потолку. КА увидел что-то большое, может быть, это была целая страна, опоясанная со всех сторон фронтами, или остров, окружённый холодным свинцовым морем. И всё это было гораздо больше, чем его собственные неурядицы, неудобства, страдания и переживания. Что-то большее, значительнее, чем его поиски частных истин.

Политика

Хочешь не хочешь, а политика влезала, проникала в бытие, обычное, простое. Через новости, разговоры, оценки жизни. Нельзя сказать, что бытие этой политикой и определялось, но некоторые аспекты — уж точно. Может, через то, что принято называться политикой, как-то формируется у обывателя некий взгляд на мир, который за калиткой, за стенами дома. Исторические персонажи, которые, как всем казалось, управляли чем-то в мире событий, мелькали в интернете, в телевизорах, наверное, в газетах (раз они существовали, значит их кто-то читал, сам КА давно в руках не держал). И было странно представить, что это всё люди, обычные люди совершают какие-то действия, которые потом могут обернуться войной, миром, потрясениями, или наоборот, успокоением целых стран. Одним властителям удавалось провести мирно годы старости, удалившись, чаще всего не по своей воле, от бурных дел, жизнь других ближние прерывали с помощью какой-нибудь бронзовой табакерки. И все они были просто людьми, но попавшими в особые обстоятельства. Их было мало, их феномен был в чём-то случайным, в этом была какая-то неинтересность: мало ли что иногда случалось с индивидами. Интересен был другой феномен: как получалось, что все эти массы, толпы, или, напротив, диффузно распространённые особи, приходили к состоянию подчинённости, а то и тупого обожания этих избранных обстоятельствами, которые были так высоко, так далеко, что, может быть, их вообще не было? Может, и не было, но бытие напрямую или косвенно от них зависело. Может быть, просто не укладывалось в голове то, что бытие может существовать без какого-то управляющего центра? Раз есть бытие, значит кто-то им управляет — Бог, Царь, Герой. Всегда живёт надежда, что мудро.

Много ли пользы принёс человеку этот современный избыток информации? А эта иллюзия важности знания о событиях в новозеландском парламенте, а также погоды на островах Туамоту? Эти иллюзии создают вокруг себя новые круги иллюзий, в частности, о том, что мы, в общих, но главных чертах представляем себе расположение точек влияния тех самых избранных исторических персонажей, а также точки расположения архимедовых рычагов, с помощью которых можно поднять Землю.

Эволюция политической жизни сделала очередной зигзаг: политический ландшафт мира катастрофически резко снизил разнообразие.

Один только Трамп владел умами интересующихся новостями от политики и просто новостями. Что до военных новостей, то тут разнообразие, к сожалению, возрастало. К Украинской войне прибавлялась то Газа, то Иран. При таком раскладе — доминирование одного политического персонажа — бытие чревато большими рисками: если он выберет правильный путь, то хорошо, но если ошибается, последствия могут быть катастрофичными.

КА, конечно же, обратил внимание на такой дипломатический ход: этот самый Трамп позвонил тому самому Путину и попросил! не бомбить Киев и электростанции, потому что, де, мороз и все замёрзнут. Чёрт его знает, как относиться к такой дипломатии. А вообще, какие подходы и какие действия следует считать правильными?

В первую очередь, безусловный тезис: те шаги, которые ведут к завершению войны, исключая путь полной капитуляции, следует считать правильными. Вспомним советы Макиавелли: капитуляция есть всего лишь создание более комфортных условий для последующего окончательного уничтожения неприятеля агрессором. Вот как обозначилось два пути, правда, ни один из них пока не привёл к победе. Первый, назовём его условно «байденовский» (хотя, конечно, не один он, Евросоюз, все демократические, скажем так, страны), состоял в том, что надо силу одолеть силой, победить и покарать агрессора. Этот путь выглядел, и КА с этим вполне был согласен, вполне логичным, естественным: на тебя напали с палкой — бери палку и отбивайся, с ножом — бери меч! И сколько тысяч тонн снарядов было выпущено и с той, и с другой стороны! Результат: фронт застыл в каком-то равновесии. В том смысле, что застряли, не дошли до Киева — сработало, но в том смысле, что это привело к перелому в войне — нет.

А что не так со вторым подходом, «трамповским»? Можно ли это считать аморальным: просить агрессора поменьше убивать людей. Мол, когда вы ударяете ракетами по электростанции, то кроме искорёженного железа может быть несколько трупов, а если не будет света и тепла в городе, то могут замёрзнуть сотни, заболеть и умереть тысячи. Первое, ещё Бог с ним, но второе — это уже нехорошо.

Вот она, пропаганда, построенная на визуализации, подумал КА, вот сила агентства «Рейтарс» с его сверхчёткими фотографиями, но серыми безэмоциональными подписями: «Мужчина стоит возле своего взорванного дома в Газе», «Пожилая женщина, замерзающая в свой

квартире на 15 этаже в Киеве». Один комментатор даже высказал гипотезу, что несколько фотографий стопки окоченевших трупов в подъезде городского дома могут так сдвинуть общественное мнение, что сам Макрон прилетит воевать на «Мираже». Пара удачных репортажных фотографий мирных, но неживых горожан могут перевесить сотню тысяч портретов, сделанных с вполне когда-то тёплых и вполне сытых, но неудачливых бойцов.

Что-то в этом высочайшем звонке и просьбе есть аморальное, но ракеты вроде не летели, на самом деле, якобы, эффект маломорального был моральный. Высокоморальное и героическое даёт слабые плоды, а аморальное — ведёт к какому-никакому перемирию. Или к передышке и возможностям подкопить ракет. Что-то вроде: «Господин Гитлер, не бомбите Гернику, негоже воевать с мирными жителями».

Зигзаги политики. Желаемое и реальное. Желание, оно всегда в поле других желаний, которые могут не совпадать с твоими. Желаем, чтобы Донбасс оставался в составе Украины! Путь АТО не привёл к исполнению желания, путь переговоров был формальным, потому отдавал аморальным.

— Вот скажи, Мишка, у вас там, наверное, можно заглянуть в будущее, что за оценки сегодняшних событий будут, например, в 2050-х годах?

— Не буду вдаваться в подробности, но это напрямую невозможно, более того, опасно, ибо проникновение информации из будущего в настоящее может катастрофически сказаться на целостности время-информации. Но у нас есть возможность сплетать сложные сети причин и следствий, ибо наше поле информации несравненно больше вашего. У нас нет такого понятия как тайна, недосказанное, или «припрятанная мысль». Что изменится? Существенно — ничего. Как и всегда бывает, эту войну, которая войдёт в учебники истории как «Российско-Украинская война 2022–2026 гг.», уже многие будут знать только по учебникам же. Будут ли в мире новые конфликты и войны? К сожалению, да. Вспомни Макиавелли, захватнический инстинкт входит в число распространённых.

— Вот смотри, сейчас февраль, полгода назад, летом, Израиль с Ираном перебрасывались ракетами, теперь ещё и Америка подключилась. Украинская война на пятом году. Такое впечатление, что политика полностью перешла в плоскость военных взаимоотношений. Дня нет, чтобы где-нибудь не было войны. И это длится веками. Кроме частных

причин, есть, наверное, какая-то общая инварианта, если бы её найти, направить политику на её искоренение, то многое бы изменилось в мире. Но, как ни крути, война — это нечто экстремальное, время войн неизбежно меньше времени мира, войны — это рассеивание богатства, но, чтобы рассевать, надо что-то накопить, а накопление всегда более медленный процесс, чем разрушение. Политика и жизнь, а вот — политика и наука? Меня как-то зацепила одна история…

— Что за история, — Мишка заинтересовался.

— История как раз про науку и политику, только, видимо, было бы неплохо ещё кого-то подключить, вот, давай позовём Татьяну и ВА, ты увидишь, что они как раз и могут быть экспертами.

— Привет, мальчики, — Татьяна появилась в кресле, — о чём разговор?

— Здравствуйте, — ВА возник в дверях, высматривая, где бы присесть.

— Приветствую! Я без преамбул, — сказал КА, — такой вопрос, как модель для продолжения дискуссии о политике и науке. Вот ты, Татьяна, изучала мир рептилий, жили они себе в меловом периоде, некоторые виды существуют до сих пор, я это к тому, что за ними — миллионы лет. И вот, посчастливилось тебе отправиться в Африку изучать гадов, а тут оказалось, что намибийская гадюка живёт в регионе, который оккупирован ЮАР, и, чтобы проводить свои изучения, ты должна получить разрешение от юаровских властей, но намибийцы тогда будут считать тебя пособником оккупантов, потому что это их исконная территория.

— Ты же сам сказал, — вмешался Мишка, — что за ними, этими гадюками, миллионы лет, как сопоставить локальные территориальные споры и вечность, почти что, биосферы?

— Так-то оно так, — Татьяна задумалась, — миллионы были и прошли, а мне надо подумать о своей безопасности. Юридически проблема неразрешима.

— Но мой вопрос не в юридической стороне дела, а в моральной. Что важнее — редкий, может, вымирающий вид или территориальный конфликт, спор?

— Как учёный я полагаю, уверена, что сохранение вида важнее, но и политику надо учитывать...

— Ну, пошло-поехало, — как бы возмутился Мишка, — где она — свобода научного поиска на благо всего человечества?

— К сожалению, — ВА прислушивался к разговору и началу спора, решил-таки сделать замечание, — дело в том, что за учёным с его рептилиями только тяга к знанию и научный долг, а за политикой сила, намибийцы могут и пристрелить.

— Ну вот, тут как раз и начало нашего разговора, история одного учёного, — КА решил от общих идей перейти к жизненному примеру, — история такая. Много лет вели археологи раскопки в одном месте в Крыму, и украинские, и российские. Потом Россия Крым аннексировала, захватила. Украинские, понятное дело, ездить перестали, а российские продолжили работу. Их руководитель работ ездил по Европе, лекции в университетах читал, но украинские власти обвинили его в незаконном копании, и Европа его задержала, теперь грозит экстрадиция и наказание уже по украинским законам. Вот тебе и греческое поселение, тыща лет до нашей эры, а вот тебе и сегодняшняя война.

— Что-то история напоминает мне твоего кумира — Вернадского, — сказал Мишка, — шо ему смена украинских властей! Если надо создать Академию! Наук, не так себе.

— Боюсь, мы рискуем сделать неправильные заключения, не зная всех фактов, — ВА размышлял об инциденте. — Может, он копал и все исторические артефакты мешками увозил в Москву? Может, вообще ими торговал. Кроме того, ведь всю информацию и всякие экспертизы делали, очевидно же, украинские археологи, может, и те, что копали с ним до войны, до аннексии, мне было бы интересно услышать, что они думают о романтике вечной науки и преходящести политики.

— Вы правы, — КА посмотрел в сторону Валентина Абрамовича, — вопрос не в частном случае, а в том, как жить учёному в политизированном мире? Помните, я как-то рассказывал историю хранителя ценностей музея в Киеве, кто-то обвиняет его сейчас в том, что он-де сотрудничал с немецкими оккупантами, пописывая в газету об искусстве, о музее, который, кстати сказать, его трудами и сохранился. Вот, например, для вас, ВА, как соотносятся эти пространства и времена, ведь вы палеонтолог, и неизбежно приходится смотреть на мир двояко: ареал какого-то мезозойского растения простирался на территориях современной Сирии, Израиля, Саудовской Аравии, а теперь он поделён границами государств, Десятки миллионов лет и десятки лет, ареалы континентального масштаба и локальные границы. Кстати, я недавно встретил одну знакомую, имеет отношение к археологическим кругам, сказала, что до войны с тем самым

незадачливым археологом встречалась, по Европе поехал лекции читать, для заработка, мама, семья. А насчёт «мешками», то уточнила, мол, мимо Керченского музея муха не пролетит, то есть всё накопанное на полуострове же и остаётся.

— Да, вопрос непростой: можно ли копать на Голанских высотах без разрешения и Сирии и/или Израиля? Не думаю, что биогеография мезозоя будет хорошим аргументом, если перевести проблему в настоящее время. Наверное, тому археологу было бы лучше поостеречься.

— Ну, а как же наука? — Татьяна задала вопрос и сама задумалась, — нет ли здесь противоречия между тем, что наука есть достояние человечества, а границы исторические пульсирующие — всегда частности, географические, временные.

— Но, — вставил своё Мишка, — у нас нет мирового правительства, к которому можно было бы апеллировать, дайте мне, мол, разрешение, проводить раскопки в Крыму, несмотря на неоднозначность политики, или — вопреки политике, а все мои результаты станут известны всему мировому сообществу учёных, коллекции будут во всемирном музее.

— Знаете, всё это утопии, — заключил ВА, — есть реальный мир, который включает и законодательства разных стран, и моральные оценки. Насколько я понял, судья в европейской стране только принял решение об экстрадиции, пусть, мол, степень виновности установит украинский суд.

— А вот тут уж точно всплывёт политика, — Мишка высказал уверенность, — ты знал, что мы декларируем своё право давать разрешение? Знал! Почему нарушил?! Сколько тут за это можно получить?

— Пишут, что до пяти лет тюрьмы.

— Во, так и решат. На этом фоне твои, Татьяна, соображения о мировых ценностях не то, чтобы на втором плане, а вообще вне рассмотрений.

— Боюсь, что да, — КА понимал, что разговор, в общем, не совсем корректный, и то существует, и другое: и наука во имя мирового поиска нового знания, и политика, и законы, продолжил, — однако меня больше затронули некоторые комментарии, в интернете их предостаточно. Некий чиновник украинский, радуясь тому, что археолог уже почти в руках местного правосудия, сетует на то, что наказание может оказаться недостаточным, с его точки зрения. И приводит историко-юридический факт касательно того, что это всё надо рассматривать шире. Надо рассматри-

вать как акт «культурного геноцида», мол, ещё в XIX веке неким юристом было предложено такое понятие, которое «имеет не только физическое и биологическое измерение, как уничтожение людей, но и культурное». Могу прочитать из материалов одного издания.

— Да, это шире, чем одна раскопка, — заметил ВА, — когда-то для оправдания массового истребления картин, книг, вы знаете, был введён даже специальный термин «дегенеративное искусство», Геббельса, наверное, была идея. Прочитайте, что там пишут, в том издании.

— Сейчас найду, — КА начал шарить по экрану телефона, — ага, вот, нашёл. «Культурный геноцид — это систематическое уничтожение традиций, ценностей, языка и других элементов, которые отличают одну группу людей от другой. Уничтожение интеллигенции, культурных памятников, художественных, литературных произведений» («Украинская правда», апрель 2026 года).

— Хочу добавить, — вмешалась Татьяна, — я бы добавила ещё понятие экологического геноцида, но это другой вопрос.

— Почему же, — заметил Мишка, — не другой, а дополнительный, разносторонний. Экоцид направлен, собственно, на природу. А экологический геноцид направлен на экологическую среду, традиции природопользования человека. Примеры? Истребление бизонов в американских прериях было направлено не столько на получение шкур и мяса, но и на подрыв жизненного уклада и экологического пространства индейцев. А дефолиация лесов во Вьетнаме? И так далее…

— Да, Холокост, — отозвался ВА, — был направлен не только, а может, и не столько на истребление людей, но на уничтожение культуры, культурной памяти целого народа.

— А я бы обратил внимание ещё и на то, что все революции имеют отношение к «систематическому», не заложены ли в них идеи, скажем так, элементы культурного геноцида? — задумчиво сказал Мишка, — пришла советская власть, изменила календарь, упразднила буквы алфавита некоторые, признала довольно-таки дегенеративным церковное искусство, архитектуру, уничтожила памятники прошлой эпохи… А другие революции?

— Интересно, интересно, — ВА оживился, — революции — это некогерентные состояния развития. Частью этой некогерентности и является элиминация, скажем так, отжившего, устаревшего, того, что не соответствует новым условиям. Но ведь трилобитов, или там, динозавров,

никто целенаправленно не уничтожал, просто условия изменились, как внешние, климат, например, так и внутренние, в сообществах. В этом, наверное, и разница — в спонтанном, естественном, потому — прогрессивном и намеренном, в угоду каких-то принципов, может, иллюзий.

— А пример национально-освободительных революций? — Мишка хотел развить тему. — Британия ушла из Индии, но английский язык остался, получил в стране, даже в конституции записано, статус вспомогательного официального языка, в некоторых штатах вообще один из официальных. Могли запретить, искоренить, книги уничтожить. Мудрый народ.

— Наверное, это и есть некое резюме нашего обсуждения, — задумчиво произнёс ВА, — можно привести множество примеров как мудрости народов, так и недальновидности, немудрости. Но дело в том, что политику делают политики, а политики — это государство, если бы за действиями стран стоял народ, а не политики, может быть, и не было бы этого ненужного, а иногда и преступного разрушения.

— Ох, Валентин Абрамович, — вздохнул КА, — мы уже как-то обсуждали, что главная черта народа, народных масс — не в том, что он/они всегда правы, а в том, что никогда ни за что не отвечают.

Вот, ёлки-палки, опять свет стали вырубать! КА протянул руку и нащупал в темноте выключатель, в подзабытом уже месте, включил аккумуляторную лампу. Наука наукой — это как в биосфере, всё происходит через просто особь, через её поступки, ошибки. Вспомнил про этого археолога несчастного, дурака, ведь знал, что преследуем, надеялся на авось или на «понимание» высокой науки там, где его и повязали. И знал, конечно, что и власти, и коллеги бывшие украинские не одобряют…

Темы интересные, но фоном в настроениях КА было совсем другое сейчас. Так бывает сплошь и рядом, когда главное, фундаментальное уходит на второй план под давлением сиюминутного, откровенно сказать, никчёмного. Из чего же состоит жизнь, какова доля главного, но если всякой шелухи больше, то может, это и не такая уж ерунда?

Колёса! Вот он о чём думал, да, скорее, не про колёса, а про свою глупость и нерасторопность. Даже не столько думал, сколько ощущал, где-то сосало и мучало. Да ещё проводил параллели, отца вспоминал.

— Вот, папа, точно вижу тебя на своём месте, в этой истории.

— Ну-ну, опять что-то сделал не так, а хочешь свалить на дурную наследственность?

— Да нет, не на дурную, вполне хорошую. Знаешь, бывает так: неудобно отказать, делаешь так, потому что чувствуешь нечто вроде долга, обещал же… Хотя и понимаешь, что нерационально.

— Ох, сколько раз этот «долг» наказывал меня в жизни! Я даже в чем-то завидовал некоторым, кто мог сегодня сказать, пообещать, но, знаете, обстоятельства… Так что за история? Я заметил, рассказанная история, хоть бы и про свои ошибки или глупости, не так мучает. Вроде как переложил часть проблемы на слушателя. Это большое искусство — перекладывание проблем на кого-то, но чтобы было незаметно.

— Довольно глупая история. Но не выходит из головы, ночью проснулся и панически размышлял о возможных катастрофах. Вот тут и тебя вспомнил. Знаешь, эти перевоплощения удивительны. Я переживал, прямо как ты в похожих случаях, корил себя за нерасторопность, за податливость, за неумение отказать. История такая. Поехал менять зимние шины на летние, там очередь «переобуться», там — по записи, этих «Шиномонтажей» много окрест, но сезон, весна. Приехал, договорился, а мастер смотрит на мои летние шины — и засомневался в качестве, что-то уж резина старовата. У меня прямо паника, это же надо ехать на авторынок или в интернете искать. А у меня планы. А у меня на завтра обещание приехать в одно место. Тут он мне говорит, мол, рядом в автомагазинчике есть шины. О, прекрасно. Но шины-то б/у, и говорит мне ещё мастер, фирма классная, но им уж больше десяти лет. Каждому понятно: менять старое на старое глупо, но мне уже как-то и продавцу отказать неудобно, а он товар свой хвалит, мол, посмотри какая фирма! И ещё, понимаешь, как-то потерял я ориентиры ценности денег. Отсчитал ему 4 бумажки по 1000 гривен — и рука не дрогнула.

— Ого! Это много, наверное.

— Много — не много, потом, инфляция, ценность нулей резко падает. А мастеру что? Поставил. Поехал, а чувствую, что совсем дубовые. Вот и проснулся ночью, весь в кошмаре предчувствия катастрофы. Как они на дороге, эти шины, разваливаются. Ты понимаешь, я не про шины и не про деньги, я про свой характер дурной. Обещал приехать, значит надо приехать любой ценой. И это неумение принять быстрое решение.

— Я это знаю. А насчёт быстрых решений, всё равно потом будешь сомневаться и грызть себя, мол, зачем поспешил.

— А, кроме того, в который раз понял, наблюдая за собой, что всё дело в недостатке информации, теперь я посмотрел интернет, даже спросил искусственный интеллект, который мне так и ответил: дурак ты, старьё покупаешь.

— Я тебя понимаю, сам всю жизнь мучился в этих колебаниях, не знаю, что тебе посоветовать, это опыт жизни, он никогда не заканчивается.

Вот тебе и политика, и народные массы, а всё дело в индивидуумах, одни шустрые, другие так себе, а третьи вообще олухи. Впрочем, в политику идут из всех трёх групп, причём, с почти одинаковым успехом.

А того археолога обменяли на кого-то, не попал он в украинский суд. Один коллега киевский негодовал, мол, ушёл, гад, от правосудия. Другой сказал: «Хоть передачи носить не придётся»…

Пасхальное

Вот это туман! КА проснулся рано, но его один приятель ещё раньше, только открыл газа посмотреть на часы-оракула, что там за циферки встречают пасхальный день, а уж пикнул телефон на тумбочке. Привет вашей конфессии от католиков! На часах как раз хорошее сочетание: 6 часов и 42 минуты (в сумме — 12!), Христос воскресе! Надо подниматься, в вайбере довольно много корреспондентов, ждать не будем, чтобы не подтверждать сомнительное событие, опередить с поздравлением-констатацией. Будем констатировать наличие легенды, хотел подумать КА, но решил религиозных сомнений не развивать и не трогать. Вот, совпало с Днём космонавтики — это другое дело, непреложный факт, сам свидетель, 65 лет тому назад. Чёрно-белый, серый телевизор, демонстрация, радость народа! Интересна была бы анатомия этой радости сейчас. Что этот радостный народ понимал в космосе? До картинок с Хаббла… Радовался победе страны? Успеху соревнования с капитализмом? Да нет, астрономию почти все учили в школе, от Птолемея всё-таки ушли.

Вот это туман! КА смотрел в окно и ничего, кроме матовой субстанции, с еле заметным пятнышком более светлым — солнце — не видел. В другом окне картина была разнообразнее: кое-что было видно и на земле, потом шла вата тумана, а из неё выпрыгивали верхушки двух недостроенных небоскрёбов о 28 этажах. Прямо как на Тенерифе, если от Пуэрто подниматься по серпантину к вулкану. Из пасмурности под крышей облаков вдруг выскакиваешь к солнцу — и эти облака, как ватное море, остаются внизу.

Жена уехала навестить детей, вернётся к концу апреля, так что сиди один, даже обычный ритуал поездки в собор, освятить пасхальную корзинку, и тот стал не неизбежен. Впрочем, праздник есть праздник. Надо сказать, сама легенда, сказание, этот эпос про Бога, который, вроде как, и не совсем Бог, не бесплотный, вполне идентичная человеку экоморфа, всегда покоряла КА своим изяществом композиции. От партеногенетического зачатия до аннигиляции трупного детрита — всё так сложно, загадочно, непостижимо, запутанно, но колоссально поэтично! Не то чтобы КА усиленно изучал Евангелие, но и по косвенным сведениям, явно был недоработан вопрос о, собственно, пропаганде. Программы жизни праведной, из десяти пунктов, было всё-таки недостаточно для повседневного использования. За тем же вполне очевидным «Не убий» кружил целый рой оговорок. Вероятно, при большей детализации, вся декларация могла бы стать действительно инструментом создания хорошего, справедливого мира.

Кстати, о хорошем мире: договорились о пасхальном перемирии, на фронте это, конечно, нереально, но весьма высока вероятность неприлёта ракеты или дрона. Оказывается, где-то в глубине постоянно сидела эта напряжённость, теперь как-то можно на пару дней забыть.

Итак, жена уехала, что-то вроде чувства прибавления некоторого количества свободы. Хорошо было бы поехать к кому-то в гости. Но КА понял, что и перебирать не стоит варианты, просто не к кому. Мишку, что ли, пригласить?

Долг и ревность

Надо сказать, что для охлаждения помещения до некомфортных температур совсем не нужны зверские морозы. Если не включают отопление, то и в октябре (или в апреле), при пяти-шести градусах на дворе, становится сыро, холодно, неуютно. Голова лысая мёрзнет, пальцы совсем не хотят бегать по клавишам (нет, не рояля, чёрной китайской клавиатуры компа), а кулер начинает скрипеть. Зима эта, к несчастью, выдалась слишком красивая и слишком зимняя, КА помнил такие, прямо как в детстве, даже захотелось на лыжи. Если бы было электричество в нормальном режиме, можно было бы ещё как-то работать за столом, обставившись подогревателями. Но увы, за пару часов нагреться было невозможно. Надо было ещё эти часы уловить. На работе, когда ещё были

в силе графики отключений, если кто-то приходил раньше, то включал подогревалки во всех комнатах, и КА мог приехать в уже довольно тёплую, дружескую атмосферу. Воду из труб отопления на работе спустили, как бы не прихватило морозом, да и когда она была, толку от такого отопления было немного. Надо сказать, в этом не было ничего особенно нового, и до войны отопление было не ахти, то банально не было денег в учреждении на отопление, то были, но мало, только до февраля. Благо, интернет объединял всех, кто был совестлив или просто не чурался работы, КА устраивал время от времени онлайн-сессии с докладами об успехах. Успехи, при работе дома за компами, были не ахти какие, но всё же это была деятельность: обсчёты, базы данных, обобщения какие-никакие.

У такой домашней деятельности были, понятно, как у всего, свои плюсы и минусы. Часов по десять просиживал за компом, который работал то от сети, то от аккумулятора. Благо, дни были сумеречные и короткие. КА знал, и знал это твёрдо, по своему опыту, что это и есть важнейшие дни года, когда можно что-то написать, подготовить какую-то статью, так и коллегам внушал. Сложился какой-то свой быт и расписание. Непременная прогулка около полудня. Поначалу он как-то приспосабливался к расписанию включения света, чтобы, придя домой, подняться на лифте. Но потом и графики все стали ненадёжны, и, вследствие этого, пришла осторожность — как бы не застрять в лифте, если вдруг отключат свет. Восхождения! Один пролёт — это 9 ступенек, 14 этажей, это девять на два и на 14, получается 252 ступеньки. Пару ещё можно было на первых шагах пропустить, остальные две с половиной сотни нужно было пощупать своими ногами.

Дни зимы были, по своему обыкновению, короткими — и как-то хотелось ухватить в эти короткие часы разные радости дня. И прогуляться, и, если было настроение, написать какой-то натюрморт. Давно было подмечено, что, стоит какому-то предмету немножко запасть в душу, и он уже сам начинает диктовать, требовать к себе внимания. Иначе дело не идёт.

— А вот у меня такой вопрос, — КА обращался сразу ко всем своим обычным собеседникам, — мир предметов, разных, отдельных, обычных и — натюрморт, что это за пример трансформации обыденного в предмет искусства?

— А в чём разница? — первым откликнулся Валерка. — Пейзаж, природа или какие-то предметы, сделанные человеком? Они все — наш внешний мир.

— Ты понимаешь, я всё-таки сторонник концепции Бродского — искусство начинается там, где переливается через край. Когда взгляд, душа уже не могут вместить увиденного, услышанного, то есть творчество замешано на существовании избыточности.

— Ты хочешь сказать, что сверкание золотой осени может подвигнуть на творческий акт, а простой будний день, понедельник, вполне вмещается — и ничто не переливается через край, — это уже Мишка присоединился.

— В обычном сером дне может быть своя прелесть.

— Ну вот, обычное становится необычным. Кроме того, вещи — это знаки. Смотрим на Рублёвскую Троицу: натюрморт на столе — всего одна чаша, в ней что-то, наверное, символический хлеб. А получается, что это и есть самый центр иконы. Предмет-символ.

— Это понятно, я про другое: как это получается, что предметы вдруг приобретают какую-то особую значительность? Казалось бы, разные бутылки, старый чайник без крышки, тряпка какая-то, вдруг вступают с тобой в какой-то диалог.

— Я тоже это заметил, — Гриша не мог не присоединиться, всё же в компании он был единственным членом союза художников. — Я когда ставил какой-нибудь натюрморт, просто чувствовал, как между предметами возникают связи или, наоборот — отталкивание. Именно эти взаимоотношения и определяли композицию. А потом, ещё одна интересная вещь. Когда на холсте уже появляются отражения предметов, я заметил, как они — реальный и изображённый — начинают общаться, иногда даже спорят, кто из них лучше.

Поездки на работу, они как-то обозначали «рабочие дни», которые принципиально отличались от выходных, этими своими перемещениями в пространстве, к тому же, по расписанию. Теперь это всё слилось в какой-то один рабочий день, ко всему прочему, этой зимой дороги стали совсем непроезжими, дача практически закрылась. С субботними поездками на «трудотерапию» пришлось притормозить. Поскольку зимой, в холодное, скажем, время года ездил один, мог распоряжаться своим временем и мог брать с собой маленький этюдничек. Страшно вспомнить, его сделал так много лет назад отец, и где

потом он только с ним не бывал! По дороге на дачу надо было сначала заехать на базар, потом можно на часок — по дорогам, в поисках сюжета. Все места были знакомы, но что-то менялось: погода, свет, деревья. Этюдиков этих накопилось уж немало, прямо календарь природы. Чувствовал он, состояние зимней полуспячки ему как-то становится ближе, чем активная суета. Не то, что полуспячки, но без резких движений.

Так или этак, получалось некоторое затворничество. Вон, сосед не выходил несколько лет из дома, правда, причина была скорее в простом страхе, как-то упал в обморок в магазине, стал бояться, что может упасть по дороге. Упасть дома как-то надёжнее. Дети харчи подвозили, собачку пришлось забрать, выгуливать стало некому, только полоса осталась на стене, от собачкиной шерсти. КА всегда удивлялся этой накопительной способности стен: вроде никто специально о них не трётся, а тысячи мелких касаний создают вечные следы. Или — куда девается этот мрамор древних ступеней, по которым ходили не железными ногами, а просто в сыромятных сандалиях, правда, много веков? Никуда, просто это портрет времени.

Одно радовало, что это не вынужденное, а почти самодельное затворничество. Вспомнил в связи с малой подвижностью некое маленькое недавнее наблюдение. Шёл он по дорожке в гастроном, потом маршрут должен был быть направлен в лес. Впереди с палкой двигалась высокая фигура, не спеша, прихрамывая. И что заметил КА: да он же его догоняет, а вот уже и обогнал. Всё ему чувствовалось в последнее время, что ноги плохо слушаются. А вот, перегнал же. А тот, что остался позади, радуется, что перегнал того, что еле катит в своей инвалидской коляске. А тот радуется, что катится, куда хочет, а кто-то в постели и подняться не может.

В общем, зимняя спячка была условной. Ни с того, ни с сего поставил натюрморт. Не, был троп: решил себя побаловать — купил половину немаленькой копчёной рыбы. Золотистая тушка. Откуда берётся это золото копчёных рыб? Поставил на мольберт свой любимый небольшой формат 30 на 30, да и давай изображать.

Но был тут и некий самообман, замешанный на одной старческой иллюзии. Если особо не прислушиваться, то ты почти здоров, даже не так, — ты почти такой же, как был когда-то. На самом деле, и без большой наблюдательности было очевидно, что время не то сморщилось, не

то, наоборот, растянулось. На то, что делал раньше за час, теперь надо было потратить полдня. Старость не болезнь, просто в анамнезе много прожитых лет, хотя бы даже и благополучных.

У второго члена теперешней семьи расписание было совсем другое. Что ж, это и есть разнообразие. После выхода на пенсию жена обрела свободу, ибо слишком добросовестно в своё время предавалась трудовой деятельности, и это свобода совсем иного рода. Одно дело освободиться от малозначащих, почти формальных обязанностей, другое — сбросить груз ответственности, может, несколько и надуманной. Оказалось, что вокруг существует немало подруг, да и приумножить их можно путём всяких семинаров, кружков и прочих мероприятий под лозунгом «Активная старость!». Рисование, концерты, КА даже начал сомневаться в верности своего собственного пути.

Но, чем дольше длилась эта зима, и эта, не то убогая, не то милая изоляция, тем больше он чувствовал какую-то ревность. Он понимал, что глупо ревновать к подругам, к активному движению от старости, но видел, что, если и были какие-то ниточки связи в семье, становились всё тоньше. Одиночество при наличии присутствия.

— Ты знаешь, — Валерка появился в комнате около окна, КА обратился к нему со своими размышлениями, — я как-то глупо почувствовал ревность к жёниным подругам. Что, если сейчас такой график, на работу не езжу, то и ей дома сидеть? Вроде, не так, но… Но, понимаешь, в целом-то я довольно здоров, могу и поехать, могу и работать. Но вижу, как бы за тем, не то, что предательство, но, может, безразличие. А если болен? А если нужна помощь? Трансформация в совсем больное будущее, до которого, может быть, к счастью, и не доведётся дожить. И хотелось упрекнуть, мол, не рано ли записалась в клуб вдовушек? И чувствую, что упрёки несправедливые.

— Да в ревности вообще мало справедливости, больше придуманного. Если придуманное отбросить, то фактов может и не быть, этих, там, платочков Дездемон, — Валерка не прочь был обсудить проблемы семьи.

— Да, вспомнил наших собеседников. У Толика твоего, правда, с гормонами всё было в порядке. Когда получаешь дозы для угнетения гормонов, чтобы отложить несколько на потом процесс явного умирания, проблемы с медсестрой, как у Толика, приятеля твоего, не актуальны. Всё те же задачи — о гармонии. Гармония молодости, гармония старости.

— Ну, ты даёшь! Ты же в лес ходишь, на дачу ездишь, сам себе сварить кашу можешь, и не дай Бог тебе проверять уровень самоотверженности жены в случае чего. Надумано это всё.

— Я даже не о фактах и надуманности, это просто наблюдение. Интересно наблюдать, как меняется с годами жизнь, оценки, суждения. Но в любом возрасте хочется чувствовать какое-то единство, как любили говаривать в прежние времена — единение.

— Может, скорее, подчинённость? Вот, жена пенсионерка, сидит дома, готовит для тебя, а ты приходишь и говоришь, мол, друг приглашает в гости, поеду к нему на неделю-другую. И тебе это не покажется предательством. Может, это просто эгоизм?

— Наверное, ты прав. И, потом, мне всё равно не к кому примкнуть, нету у меня на примете клуба вдовцов. Поразлетелись как-то рано друзья. А дети? Понимаешь, семья это одно, друзья это другое. Разные измерения. Неизбежные одиночества старости.

Так складывался зимний образ жизни, такие детали, как ракетные обстрелы, довольно устойчиво сгруппировались в ночи между пятницей и субботой, субботой и воскресеньем. В нерабочее время. Но получалось так, что для КА особой разницы не было в днях недели, все дни были и рабочими, и свободными, свободная работа. Ночь была как раз с субботы на воскресенье. Бахкало, но далеко. Где-то в час пришло сообщение от дочки: «Пишут, что летит к вам со всех сторон, ховайтеся хоч у колидори». В эту ночь в Софиевке Борщаговской разнесло ракетой дом, шахеды как мухи на мёд слетались к этой самой несчастной Трипольской электростанции. С четырёх часов КА почти не спал.

Красная звёздочка на обелиске

Второй день не выходил из головы этот разговор с Федькой. По телефону. Давненько не созванивались. Надо сказать, разговоры были малосодержательными. КА за собой не замечал, хотя и у него это, наверное, было, но Федька в их беседах постоянно совершал циклические пируэты — от дачи и отвоёванных двух соток земли у соседнего болота, что было лет с десять уж назад, до внуков и обратно. Цикл замыкался. Даже о политике почти не говорили. А что говорить, политики внутренней как бы не существовало, на фоне внешних пертурбаций. События на Ближнем Востоке задевали и интересовали больше, чем какой-нибудь

обычный коррупционный скандал в Верховной Раде. Разговор затронул не тем. Как в той китайской притче, почувствовал КА — ослаб Федька, и рефреном всего разговора звучало «Не хочется…». И то надо сделать, и это, но НЕ ХОЧЕТСЯ… Какая там тяга к жизни, хоть бы привычка к жизни, и та уходила. А может, это просто приближение весны, гиповитаминоз, зимняя бездеятельность дачелюбителя. Никто же не знает, как выходит из спячки медведь, наверное, ему тоже поначалу мало что хочется делать, полежать бы.

— Ты понимаешь, пятые сутки не сплю, — с досадой говорил Федька, — а пугает даже не это, а странная реакция организма, казалось бы, должен быть разбитый, куняющий, а я со светлой головой, как будто так и надо.

— Так что ж ты ночью делаешь?

— Полежу, потом телек включу, там смотреть нечего, выключу. Так лежу.

Последние ночи КА и сам плохо спал. Вроде заснёт, а как проснётся часа в три, на часах 3:12, это хорошо, хорошо, что обстрелов нет, тревога не гудела, а потом заснуть не может. И тогда приходит на память Федькино горе, действительно, страшное дело это — выбиться из ритма жизни. Жизнь — это, во многом, ритмы и есть. Как ритмы сердца. Автоматические сокращения и расслабления. И регулировать отдельными командами не надо. Так много в жизни определяется этим автоматизмом. Родился, учился, семью завёл, детей растил, работал — да и помер. Можно вообще не задумываться ни о чём, просто вписываться в эти схемы, автоколебательные эти процессы. Активная жизнь, как это ни странно, и состоит в том, чтобы преодолевать предписанное. Может, это как аритмия у сердца — тоже болезнь? Активность как патология? Вполне возможно, тем более что активность зачастую приводит совсем не к тем результатам, что были задуманы, а пассивность — она надёжнее. Но больше КА думал о другом, о том, что жил себе его друг своей обычной жизнью, жил-жил, да остался один. Оказалось, одиночество имеет оттенки, например, одиночество с присутствием и без такового. Вот, к примеру, он не спит, а жена сопит себе, может, утром и «доброе утро» друг другу не скажут, но присутствует, что само по себе радует. Ибо связи всегда могут возникнуть, было бы с кем связываться. Страшно, когда не с кем. Полно людей, а связей нет.

Всё-таки хорошо, когда не выключают электричество. Ночь, поздным-поздно, а во мраке дальних домов светятся окна, кто-то не спит, может, страдает, может, работает, есть такие, может, просто забыли выключить свет. Но весь этот ночной пейзаж, с мерцанием дальних окон, создаёт впечатление жизни, преемственности ото дня ко дню, передачу эстафеты суток.

Поскольку плохо, с перерывами спал, проснулся поздно, уже солнце во всю било в глаза. Полежал, надо, по обыкновению, обдумать план на день. Это была, конечно, уловка, чтобы не вскакивать и не спешить с переходом к той самой активности, что может привести не совсем туда, куда хотелось бы. План на завтра с вечера был записан на бумажке, лежал на столе. Изобразить план буквами — это выглядело, как подготовить штабной приказ, даже последовательность пунктов имела значение.

Первым пунктом было выдать задания подчинённым по вайберу, ибо состояние работы вне работы продолжалось. Никакого отопления на работе так и не подключили, электричество с перебоями, хорошо, что интернеты-вайберы позволяли поддерживать связи. Вторым пунктом значилось: «Ветки на могиле». Неделю назад, несколько изменив маршрут обычных своих лесных прогулок, прошёл КА мимо могилы неизвестного солдата. Ого, какая неприятность чуть не произошла! Лесоповал здесь вообще был знатный, то тут, то там дерево упало. От естественных причин — старость, ветер, просто надоело стоять. Громадный тополь рухнул, чуть не на саму могилку, потянув за собой множество мелких деревьев и кустов. Какие-то лесники, народ, ведущий скрытый образ жизнедеятельности, никогда не встречал их КА в лесу с пилами, но следы их активности были — свежие обрезанные ветви и стволы, которые загромождали тропинки, всё же как-то сохраняли вид не леса, а лесопарка. Так вот, куски ствола тополя валялись вокруг, а сама могила была под шатром веток разного калибра. Вид был страшно неопрятный, сказать прямо — недостойный. Почему этим лесникам в голову не пришло убрать эти ветки? Может, они вообще могилки не заметили?

КА решил тогда навести порядок, надо было с дачи привезти инструменты. Инструменты были привезены, можно пойти на выполнение задания. Так что план был вполне обширный, можно вставать.

Снега было ещё довольно много, хотя в последние дни прилично потеплело. Но в лесу всегда снег держится намного дольше, чем в городе. Тропинка была не сказать, чтобы сильно утоптана, всё-таки это был

такой мало посещаемый народом гуляющим угол леса. КА шёл не спеша, не столько потому, что спешить, в общем-то, было некуда, сколько потому, что в последнее время сама ходьба стала как-то выпадать из круга сугубо автоматических операций. Болела спина. Ноги были тяжёлые, и казалось, что каждый шаг есть процесс индивидуальный, хотя, скорее всего, было не совсем так, маятник всё же двигался туда-сюда. Надо поменьше обращать на эти неудобства внимание.

Инструмент, которым вооружился КА, был довольно коварный, хотя и эффективный. Как-то купили для дачных дел секатор аккумуляторный, вещица отличалась безжалостностью и грубой силой. Ветки перекусывала солидные, причём без всяких, казалось, усилий. Есть такой стиль работы, и у человека тоже: делает спокойно, уверенно, планомерно, безотказно, НО до какого-то предела, не тормозит, не намекает, что вот уже и не под силу, а просто нет и всё. Это, в общем-то, благородное поведение. Надо только его знать, изучить. Вообще, искусство общения как с инструментами, так и с людьми в том и состоит, чтобы не требовать больше того, что он может тебе дать. Тогда — гармония. Но в данном случае была большая опасность, которая состояла в отсутствии предохранителя: малейшее нажатие на такой красненький спусковой крючок приводило механизм в действие, а что там попадалось под нож — ветка или палец, инструменту было всё равно. КА всегда с опаской наблюдал, как жена возится с этим прибором среди своих роз.

Но сейчас инструмент был более, чем кстати. Веток было много, и все они были весьма толсты.

— Вот, Ваня, — момент для общения вполне подходящий, — надо навести порядок, пока зима и нет листьев.

— Да, товарищ старший лейтенант, — Ваня возник на скамеечке возле оградки, — точно, если всё зазеленеет, получится шатёр, под которым ничего не будет видно. Я вам помогу.

— Давай, подержи вот эту длинную.

КА подумал, что интересно было бы понаблюдать за прохожим, если б таковой был, может быть, ему бы показалось, что это два мужика, наверное, лесники, режут ветки, или только один. Конечно — один. Но я же вижу, что вон та ветка, что Ваня пригнул ко мне, она движется, а я её не касаюсь. Загадочный мир.

— Знаешь, Ваня, — КА подумал, что надо ввести бойца в курс последних событий, — новая война, скорее старая, опять полыхнула.

— Где?

— На Ближнем Востоке. Америка вместе с Израилем решили придушить Иран.

— А чем он им не угодил? — ещё одна ветка, уже кучка собралась, надо вынести подальше.

— Ты понимаешь, там такой, в том Иране, получился, как сейчас говорят, режим, наподобие советского, только вместо коммунистической религии религия мусульманская. А когда государство строится не на целесообразности, а на вере, то тут может возникнуть очень много противоречий с окружающим миром. Там у них тоже главный религиозник, вдохновитель всех побед и главный знаток правильной жизни, наподобие Ленина или Сталина есть, существует и что-то вроде политбюро Центрального комитета и так далее. Ты понимаешь, когда есть какой-то центр, неважно, на какой основе созданный и существующий, вокруг него всегда концентрируется какая-то масса. Она его, даже если и не хочет, но как-то защищает, пусть даже вокруг много недовольных тем, что этот центр всегда забирает много свобод.

— Я вот иногда, страшно даже вспомнить, задумывался, а что, если Вождь наш вдруг умрёт, всё-таки человек, казалось, что неизбежно всё должно развалиться.

— Во, и американцы сейчас так думали, шарахнули ракетами по дому главного, разнесли всё, вместе с семьёй, мол, мы ваш режим обезглавим, и он сам собой рухнет. И что? Они нового выбрали, если что, следующего выберут. Личности, они не только вокруг себя поле зачищают, для своей безопасности, но и создают систему. Системы, которые базируются на вере, они иррациональны, тем и сильны, как это ни странно.

— Иррациональны, это как?

— Это значит, идут как бы против обычного здравого смысла. Обычный подсказывает, что важны в жизни дом, еда, работа, дети. А иррациональный подход подсказывает, что всем этим можно пожертвовать ради идеи. Жертва ради идеи становится священной. С рациональными можно договориться, заключить сделку, договор, иррациональные непреклонны.

Дело двигалось. Вот уже почти и расчистили. По тропинке мимо прошли три школьника с рюкзаками, за ними мама, которая, видимо, забирала их из школы, недалеко за леском высились два больших

дома — новостройки. Пацаны приостановились и стали разглядывать деда с пилкой, как раз надо было отрезать большой сук. КА отметил, что интерес их был поверхностный, дед — да и дед себе. Солнце уже коснулось верхушек деревьев, скоро и вечер, день стал, конечно, намного длиннее, да ещё и солнечно, скоро весна. За спиной, на высоком дереве, резко вскрикнул маленький дятел и выдал свою дробь по сухой ветке.

На тропе показался какой-то человек. Он шёл довольно быстро, явно не прогуливался.

— А шо это вы тут делаете? — он приостановился резко. — Прибираете могилу с этой красной звездой?

— Ну да, дерево упало, всё ветками накрыло, надо порядок навести.

— Под этой красной звездой на нас ракеты летят, а вы порядок наводите!

— Ну, как видите, здесь не только звезда, здесь и крест стоит. Написано «ИНЦИ». И, потом, я думаю, что звёзды стоит различать, внешне похожи, содержание разное.

— А вы шо, не знаете, есть закон, по которому шо звезду, шо серп с молотом приравняли к свастике? Я бы снёс этот памятник к чертям.

— Звезда вообще-то масонский символ мудрости, не говоря уж о серпе и молоте — рабочие инструменты.

— Пока ваше поколение не отомрёт, ничего не изменится. Красная звезда, бля…

— Пожалуй, — КА как-то инстинктивно взвесил на руке свой инструмент, чуть нажал на спуск, инструмент пропищал и щёлкнул клювом, ветка так бы и отлетела, — вряд ли спорить стоит, все кое в чём да правы.

Человек резко повернулся и заспешил дальше, а КА задумался, Ваня-то, наверное, наблюдал. Что подумал? Тысячи таких, как он, остались в земле, а то и на земле, не достались им такие случайные могилы, хоть какая память, можно сказать, повезло, если можно это присоединить к смерти. Честно боролся с врагом, делал свою солдатскую работу. Праведную, оборонял свою страну, какой бы она ни была. Вон, иранцы, были пособники терроризма, теперь обороняются от агрессии, совсем другая роль и совсем другие жертвы. А этот чувак, странную ему для пользования сконструировали систему. Серп и молот, получается, вдвоём неправильно воевали против свастики, а правильные, как оказалось, либо вообще были в стороне, либо воевали и с теми, и другими. Но это всё

история уже, со своими знаками и символами, современность — со своими, зачем их путать? Путать, Путин же перепутал, если он проводит параллели, стоит ли идти по его пути?

— А что он хотел, этот человек? — Ваня был в недоумении. — Вы думаете, что он мог бы сровнять могилу с землёй?

— Не знаю, может, ждёт ещё команды какой. Это тоже из иррационального, рационально хранить память такой, какой она есть. С другой стороны, ты же видишь, примеры в истории, иррациональность почти что непобедима. И во время войны бывает полезной. Иногда единственный выход.

— А тогда, во что же он верует?

— Скорее, не во что, а кому?

Уровни опасности

Где-то далеко-далеко был взрыв. На уровне инфразвука, очевидно, который благодаря военным адаптациям стал вполне ощущаться, как у слонов — они инфразвук ногами ощущают. Естественная адаптация. Они, эти адаптации, появляются на таких интересных базах, которые вроде бы и не присутствуют в организме, но если для выживания надо, то можно научиться и рентгеновские лучи наблюдать. Правда, и тут некоторые загадки. КА вспомнил, как когда-то в детстве, в те времена, когда в окружающей его природе ещё было много летучих мышей, он вполне ощущал, слышал, что темнеющий вечерний воздух наполнен всплесками ультразвука. Вроде оно было ему и не надо, ведь не бабочка же он, вне опасности мышиного радара, но как знать, как откликаются в нас разные атавизмы.

Инфразвук взрыва, взглянул на будильник — 5 часов 49 минут, о, хорошее число! Хорошее число под аккомпанемент. Простенький анализ: несколько уровней опасности, которые, безусловно, заставляют встать с постели. Уровень первый заставляет мыслить так: раз тревога, бомбят, могут опять повредить электросети, пропадёт электричество, нельзя будет подогреть кашу из холодильника, нельзя будет заварить чай. Нагретую в микроволновке миску с кашей можно замотать в свитер, до завтрака не остынет. Чай заварить в термосе (плохо держит тепло, хоть и не китайский (а что! китайские как раз и были супер! но это было в старину). Потом можно подремать. Второй уровень опасности — окна, если бахнет

поблизости, вылететь может стеклопакет, как раз спал он напротив окна. Тут уж стоит перебраться под эфемерную защиту двух стен, на раскладушку. Глупость, конечно, особенно для следующего уровня опасности, если прилетит прямо в дом. В начале войны КА купил огнетушитель, который уже не один год стоял на кухне в углу. Вообще-то его ежегодно надо проверять, перезаряжать, но как-то такой план в голове не укладывался, всё равно это скорее самообман, этот пожарный инвентарь. Если прилетит, то какой там огнетушитель! Всё ещё как какую-то экзотику рассматривал КА фотки на разных каналах, мол, и туда прилетело, и туда, но всё как-то верилось и не верилось, что это реальность. Хотя, скорее всего, дело не в «не верилось», а в подсознательном отрицании, несогласии. Пойди за два квартала, да и посмотри: чёрная стена дома, выбитые стёкла в окрестностях, второй год всё восстанавливают и восстанавливают, никак не восстановят.

Встал, пошёл на кухню, подогрел кашу, замотал в свитер. Рано ещё, инфразвуков больше не было, хотя телефон докладывал о тревоге в области. Лёг подремать. Стал раздумывать о неизбежности. Вспомнил всё ту же греческую мамашу, которая собрала потомков объявить, мол, пора валить с этого света, пока ещё не вкусила всех прелестей старости, болезней, страха, нищеты, горя и прочего, мол, уходить надо, пока хорошо. Психологический этюд Монтеня запал, видимо, в душу не только ему, попался и у одной писательницы рассказик, тоже одна вполне благополучная дама захотела иметь в загашнике коробочку с лекарством от жизни. Но на неё неожиданно свалились заботы, которые надо было вообще превратить в долг, поэтому коробочка осталась где-то за эпилогом рассказа. Ага, уже как-то с друзьями этот случай обсуждали. Неизбежность и вероятность. Смерть неизбежна, а вероятность неудобного варианта имеет свою степень. Не стоит при каждом инфразвуке вспоминать про какое-нибудь ядовитое средство, хотя звук может приблизиться и вполне стать ультразвуком, на самых высоких нотах, последствия которых мало предсказуемы. Может, и пронесёт?

Другое дело болезнь. Говорил недавно с Петькиной женой, забыл совсем поздравить с 8 марта, появилось так много разных списков, телефонных книжек, одна в вайбере, другая в вотсапе, третья для тех, у кого до сих пор кнопочный телефон. Последние как раз и оказываются за пределами внимания. Что она такое припомнила, что заставило вспомнить разговор? Да, говорит, когда он уже лежал и почти на поднимался…

Когда знаешь человека, представить это печальное состояние легче. И страшнее. Тут уровень опасности явно накладывается на уровень вероятности. Надежды — никакой, вероятность 100%, уровень высший, но что-то держит на свете. А это, видимо, уже другой рассказ. У той гречанки, наверное, благополучия было в избытке: внуки подрастают, философией интересуются, зять или зятья не пьют, торгуют удачно, войны нет, Карфаген уснул. Да это же просто скучно-счастливая жизнь! Что-то, наверное, некий жизненный опыт, заставляет делать мрачные прогнозы, но в целом ничего, прилично! Забот у неё не было, долгов — вот в чём дело. Долг держит, наверное? Как уйти, а они останутся, как же они без, а эти книги, а эти безделушки? Вид из окна, наконец? Хоть и неявный, но долг.

Задремал, посмотрел на часы, обидно стало — время потеряно, уже полдевятого, не надо было возвращаться в постель. Но не было какого-то увлекательного плана, вот в чём дело. Однако, когда взял гантели для зарядки, увидел на часах в комнате, что ошибся, оказалась, что ещё нет восьми. Находка целого часа порадовала и сняла с души часть какой-то вины.

Две войны и больше

— Ёлки-палки, Валентин Абрамович, что у вас там в Израиле творится? — Мишка прямо негодовал. — Только одна война закончилась, началась вторая. Уже месяц, а обещали за два дня побороть этот Иран.

— Вы, Михаил неправы. Никто не обещал. Это затяжная субмировая война…

КА не ожидал такого, чтобы сами пришли поспорить, вроде как бы его не замечая. Впрочем, не совсем так. Он сам размышлял о разных параллелях уже который день. Вот такая мысль, исторического плана. О свержениях режимов. Антанта в 1918 году хотела, правда, как-то слабо, свергнуть большевистский режим, восстановить монархию, а может, демократию. Хорошо бы, конечно, отхватить кусок территории, но главное — сменить режим, сделать его лояльным себе. Наверное, у немцев, в 1918 году, в Киеве, была такая идея, а у Карла XII, совместно с Мазепой?

— В том и дело, — это Мишка, — не надо захватывать земли, это дорого, надо сменять режимы. Иран, Украина, Венесуэла, Куба и т.д. Вьетнам, Афганистан. Где повезло, где напротив. Сходство стратегий России и США — Трампа и Путина —очевидно, но страдают простые

люди, население. Мирное население. Но почему такой разный взгляд на режимы? И какой вариант существования самому режиму больше подходит? Не состояния ли войны? Кому выгодна война? Парадокс устойчивости режимов в нестабильных условиях войн. Молчаливое большинство вдруг становится активным защитником режима, того же сталинского, или иранских аятолл. Неизбывная адаптогенность народов? Трамп почему в Иране не достиг быстрой победы? Потому, что он не знает, как настоящий американец, что такое Отечественная война. Ну, был у них Перл-Харбор, так это же далеко от страны. Внешняя агрессия, она объединяет народ, народ как целое.

— Интересная мысль, что такое — народ как целое, — сказал ВА, — это было бы интересно, со многих точек зрения, по-научному исследовать этот вопрос. Даже не знаю, в какой области больше — в антропологии, зоологии, биосферологии, психиатрической медицине? Во-первых, некая классификация воздействия на народы как целое. От изменений климата, сначала стали против засухи бороться, каналов настроили, потом сдались, случилось великое переселение народов. От климата до ГУЛАГов. От Ирода до Хаменеи. Это с одной стороны, а с другой — каковы способы адаптаций, именно, народа как целого, этноса.

— Ну да, ведь многие народы-то просто исчезли, не смогли адаптироваться, — заметил КА.

— Или трансформироваться, — вставил Мишка.

— Трансформация и есть один из способов адаптаций, — ВА задумался, — но трансформации имеют некоторые пределы, когда основа остаётся. Вот, евреи, можно ли сравнить их, тех, времён Пилата, и современных? Или болгары, пришли с Волги, осели среди славян, и славянам же дали азбуку, трансформировались или сами трансформировали?

— Ну да, а что говорить о Латинской Америке? Кто кого поглотил — колонизаторы или колонизируемые?

— Это так, — подал голос КА, — но здесь своя эволюция. Вспомните идею растекания живого вещества, которую так любил Вернадский. В пределах границ растекается определённое живое вещество того или иного этноса.

— Знаете, — ВА решил возразить, частично, — Вернадский всё же писал о веществе живом, но не разумном. Отчего бы не включать мозг? Человеческое живое вещество не только ассимилируется другими такими же, но и взаимопроникает одно в другое. Возникает но-

вая, уже синтетическая система. Вон, апартеид, при всей замкнутости белой общины, что, африканцы не оказали своего влияния на всю бурскую культуру?

— Какие мозги??? — Мишка чуть было не вознегодовал, — какие мозги? Что, у народа есть какие-то коллективные мозги? Мозг — то учёные, их единицы, и никогда больше не бывает. Народ живёт как раз по Вернадскому. Растекаются от худшего к лучшему. От безводной пустыни к реке, от неё — к морю. И не стой на пути!

— Пути, путин, — задумчиво вставил КА, — мы, так кажется, упустили важный принцип здесь, важную диалектику. Не вспомнили про её Величество Энтропию.

— А что, собственно, такое, этот народ, как целое? — ВА всё ещё размышлял о предыдущем тезисе, — народ это и есть целое.

— Не всегда, народ можно рассматривать как совокупность единиц, особей, а как они там связаны, это другой вопрос.

— Но целое потому и целое, что имеет структуру соединения частей. Иначе, это просто глыба.

— Как-то на Ю-Тюбе мелькнул сюжет, интервью, — КА приостановился, будто листал фрагментики этой передачи, — на этаком оппозиционном Путину канале, тебе, Мишка, бы понравился этот диалог. Ведущая спрашивает у приглашённого какого-то экономиста, тоже где-то в Штатах в университете преподаёт, мол, посмотрите, — она говорит, — в Москве огурцы страшно подорожали, намекая на то, что в конце концов, не может ли это стать триггером народного бунта, восстания… А он ей, уже с точки зрения вроде как своего, но стороннего, псевдоамериканского наблюдателя отвечает, разъясняет: «На их войне уже вышло из строя жизни, кто навсегда, кто частично, кто покалечен, миллион человек, своих, не говоря о смертях с другой стороны, может, и больше, и они это схавали, извините, за сленг, так что им огурцы!..».

— Если ни за что не отвечать, то и виновных нет, но мне кажется, что это тупик, в смысле отсутствия желания, а может, способности воспринимать сложности бытия. Мне один киевлянин рассказывал, несколько озадаченно — был на открытии некоего культурного мероприятия, приветствия авторам, краткий обзор достижений, а в заключении торжественной части все хором, и авторы, и зрители, и хозяева мероприятия, как грянут: «Смерть москалям!». Он ещё подумал, всем или выборочно, и как выбирать… Вот тебе другая сторона вопроса о фронте и тыле.

— А в каком смысле и в какой связи ты про энтропию вспомнил? — это Мишка.

— В смысле того, что у неё главная задача — разрушение систем, отживших, или тех, что ещё в приличном состоянии, не важно, важно удушить разнообразие, свести к равновесию.

— Что ж, — Валентин Абрамович одобрительно покивал головой, — это вполне правильно. Не было бы этих энтропийных процессов, от произведений рук человеческих негде было бы стоять, не только сесть, но ведь и жалко-то их как. И ничего не поделаешь, неизбежное поглощение. Но что-то остаётся всегда, иначе бы не было великих творческих циклов.

— Информация бессмертная, вот что остаётся, — заметил Мишка.

— Не маловато ли? Или, может быть, информация — это не только знание, знаки, но и впечатление, трудно описываемый акт?

— Ну да, вот он, принцип Вайсберга, — КА вспомнил этот принцип из какой-то статьи по эволюции. — Художник передаёт в будущее нечто совершенно нематериальное, но то, что побуждает другого художника творить. Не думаю, что человек появился сразу с этим неуёмным чувством творчества, тут своё развитие.

— Принцип правильный, безусловно, но передача информации, идеи, без какого-то носителя информации для меня большая загадка, — сказал ВА.

— Ну, вот тебе и здрасте, — как говорят у нас, — недоумённо поднял брови Мишка, — а весь наш с вами мир — это что, не доказательство реальности этого принципа? Кроме того, картина — это что вам, не носитель информации?

— Ну, вы загнули! Реальность принципа в нереальном мире!

— Но если принцип реален, справедлив, то и мир этот, в котором он существует, тоже реален.

— Философская ошибка, друзья, — вмешался КА, — вы слишком узко принимаете принцип реальности. Как бы с моих, моего положения, в данном случае — пока, позиций. Может быть, с точки зрения вашего мира, мы все здесь совершенная нереальность, только приготовление к истинной реальности?

— Возможно, — задумчиво ответил ВА, — существует третья, а может, и четвёртая реальность, которая объединяет две первые?

— Тогда она должна совершенно непостижимым для нас образом, объединять вещество, энергию и информацию в нечто единое.

Это преинтересно — предполагать существование чего-то, что в принципе не может быт познано, — Мишка прямо пришёл в восторг от своего открытия.

— Но, почему-же, — ВА не воспринял открытие как неожиданность, — может быть, формулировка и есть первый шаг?

КА размышлял о зигзагах диалогов, с чего это они начали? Вообще-то, триггером были экспромты какой-то речи, перед аудиторией, во сне. Обрадовался с утра, что не забыл, проснувшись. Может, этот диалог был просто продолжением сна? И фон, эти разнообразные фоны всегда стоят на заднем плане, как декорации в театре. Не могут актёры быть вне декораций, иногда, правда, декорации путают рабочие сцены. Джульетта на ветвях вербы, как Мавка. Такой фон: одна война заслонила вторую. Да, ВА был прав, это не кулисы, которые задвигаются, перекрывая друг друга, а одна система, просто идёт субмировая война. Поэтому удары по Ирану уже как-то мало отразились на местной войне: как летало, так и летает, счёт идёт на сотни. Энтропия пожирает деньги, шутка ли — полмиллиарда в сутки в топку войны. Это тут, а Штаты под миллиард. А в Африке, как всегда, в этих случаях говорят, люди голодают. Тоже — энтропия.

Сон наяву: настоящее в будущем

Никто не знает расписания снов. Долго-долго нет, а потом целая ночь снов. Да ещё каких ярких! Золотая крыша, а на ней — довольно приличного размера золотые же пушки. Старинные. И это всё почему-то — русский какой-то город. КА во сне посмотрел на это всё презрительно. Золото было какое-то ненастоящее, пластик дешёвый, но сверкал почище золотого. Это было где-то в средине ночи, но почему-то запомнилось. Это тоже тайна — запоминание снов, почему-то одни пролетают, вроде яркие, а что, собственно, было во сне — и не помнишь, а иной раз мелочь какая-то врезается в память чуть не на всю жизнь.

Проснулся в восемь — и вставать не хотелось. Конечно, не надо было сидеть за компом до полдвенадцатого, режим — дело полезное. Но сонливость какая-то удручающая была в последние дни. Усталость. Может, это весенний гиповитаминоз? Встал поздно, потому что на работу сегодня не собирался. Ещё с понедельника решил остаться в пятницу дома, тем более что озадачил подчинённых насчёт окончания одной статьи. Вспоминать о коллегах не хотелось, опять начинал тихо психовать

из-за нерасторопности и инертности этой самой относительной «молодёжи». Или — не хотелось признаваться, что, скорее всего, чересчур активен был сам.

Проснулся в восемь, и вставать не хотелось, это значит, что разверзалась перед КА бездна старости, та самая, что перед его другом Федькой, когда «ничего не хочется», кроме как лежать под одеялом. Тот самый остаток жизни, который Федька, его друг, сейчас и вкушал, параллельно с ним самим. На улице, несмотря на конец апреля, был собачий холод, в доме был холод, только и хотелось лежать, не высовывая носа.

Зашёл после туалета руки помыть, в полумраке ванной (что свет включать — только руки помыть) из сумрачного зеркала смотрела какая-то одутловатая рожа в чёрной шапке, похожей на феску. Холодно в квартире, спал в шапочке, той, что на манер лыжной, теперь, когда лыжи в большой редкости, все стали носить такие шапочки. Подумал, что до приезда жены ещё неделя.

Ещё неделя до приезда жены. Мысль-вопрос: было бы уютнее, если бы она была здесь? Хотя уют не так уж зависит от разговоров, возможно, они как-то бы согрели, но в последнее время утра проходили в обоюдном молчании. Ну вот, стал бы он сейчас рассказывать свой предутренний сон? Вряд ли. Да, руки помыть, но ещё и пополоскаться немного в холодной воде, под струёй, приговаривая мысленно: «Куда вода — туда и сон… сон, сон, сон…». Хотелось отделаться от этого сна, а более — от возможных последствий (нет, не то слово, может быть, следствий, но можно ли верить в следствия какие-то реальные, того, что вообще только мелькание сознания, надо сказать, несколько утомлённого, а может быть, и больного?). Сон под утро был какой-то сухой и отдавал слишком жарким ранним утренним светом (лейтмотивом его была больная тяжесть наполненного мочевого пузыря, которая, согласно логике сна, вела понятно куда — в туалет). Это был старый сортир, очень похожий на один из вариантов из его детства. Досадно было то, что пошёл он туда босиком, но оплошность эту исправить никак не мог (может быть, бытовая, невидимая часть сна была такой, что и ботинок-то у него не было вовсе?). Земля была под ногами сухой и пыльной, доски пола в сортире — тоже пыльными и неструганно-шершавыми. Всё это не коррелировало с хорошим утром за дощатыми стенками уборной. Да ещё этот комок говна, тоже сухого, на полу. Там, во сне (он это сейчас, пропуская воду меж пальцев, чувствовал), его расстраивало то, что его же,

но в ипостаси героя сна, это совсем не расстраивало, это была часть жизни, обычная форма жизни. Обычная часть содержания её. Логика толкования снов (если вам снятся собственные похороны, значит проживёте ещё долго) обнадёживала: увидеть дерьмо во сне — это к счастливому дню. С тем КА и повернул, закрыл кран. Вода не журчала, сон унесла.

К чему эти намёки на прошлое? Может, это просто следствия того самого закона: старость питается прошлым, не имея будущего? И вообще, это — закон? А может, эмпирическое обобщение? Обобщение — вряд ли. Ведь для того, чтобы сделать жизненное обобщение надо не только добраться до Точки Х, но и перейти её. Старость и будущее — такой неуклюжий дуэт. В последнее время КА часто размышлял о будущем, как явлении времени. В некотором смысле, причиной того было чтение (в основном, по дороге на работу — с работы) «Центурий» Нострадамуса. Чтиво, надо сказать, не сильно увлекательное, из тех, что «надо прочесть». Ибо часто слышал: «Так пророчествовал Нострадамус!», а как же он на самом деле пророчествовал? И что он там предвидел, из своего XVI века? Но дело было даже не в предвидениях, а в открытии, которое сделал для себя КА. Ведь простая же мысль! Проникновение в будущее, хоть бы и представить себе это как машину времени, это — отнюдь не преодоление лет, веков, на манер плаванья по огромному океану, это просто присутствие в своём настоящем, которое, однако, не совпадает с «обычным», что называется, «для всех». Он, этот предсказатель, просто живёт в своём настоящем, которое представляется прочим как некое гипотетическое будущее. Так и с прошлым — вот я, КА, стою на пыльных досках, а где-то рядом та жизнь, детство (довольно поздний период).

Обычный алгоритм утра: подогреть кашу из холодильника, а если это вторая порция из кастрюльки, то сразу поставить вариться новую порцию. Так и получалось, что питался по утрам или вчерашней, или позавчерашней кашей. В этом было своё удобство, скорее — элементы надёжности: встал с постели, а завтрак, в принципе, уже готов давно. В чём-то это был ритуал зимний, когда с электричеством были проблемы: вари тогда, когда есть свет, иначе будешь без варёного, колбаской будешь питаться. Он и термос воды кипячёной с вечера в свитер продолжал закутывать, мало ли что. Стреляют…

Нострадамус, Нострадамус, читаю, читаю, подумалось КА, а что-то не нахожу предсказаний, когда закончится эта война. Наверное, из XVI

века она выглядела просто маленьким горячим (а может, и не сильно горячим) узелком на хронологической нити. Впрочем, со стороны, любая война выглядит не такой уж большой катастрофой, как в пространстве, так, тем более, во времени. Да и объективно — не мировая же война, а, надо сказать, все предпосылки к росту масштабов тому были.

Вот, например, был Валентин Абрамович палеонтологом, что это значит? Это значит, что имел он дело с камнями, но имел дело не в геологическом смысле, а в биологическом. Это значит, что ему надо было доказать, что этот камень, похожий на лист какого-то тропического растения, таким листом 150 миллионов лет назад и был. То есть, никуда не переносясь, ни в какой машине времени, он просто жил в недоступной нам реальности, которая для нас — прошлое. Так, Валентин Абрамович?

— Думаю, что да, — ВА сидел за обеденным столом на кухне и наблюдал, как КА помешивает кашу в кастрюльке, — именно так, потому что иначе эти камни так и могли бы оставаться камнями. Мало написать статью, мол, ископаемые остатки… надо ещё и побродить по мезозойскому лесу, к тому же быть начеку, чтоб динозавр какой не схватил.

— Я вычитал, что Нострадамус дошёл в своих предсказаниях до 3797 года, правда, в его «Центуриях» я пока ни одной даты не встретил.

— Ну да, какой же предсказатель серьёзный будет вам указывать даты! Он только очерчивает тенденции, чтобы не промахнуться. Впрочем, о 3797 годе можно говорить и писать всё, что угодно, верификация при жизни невозможна.

— А всё же интересно, вот у вас в руках фоссилии, окаменелости прошлой жизни, а что будет в руках учёного в 3797 году? Ведь даже просто прочитать наши тексты будет непросто. Не только относительно языка, что за языки будут тогда (?), сколько в аспекте понимания смыслов.

— А что смыслы? Тексты в гробницах фараонов вполне нам понятны, про жизнь, про всё те же нужды человеческие, о войне, о мире.

— А я вам скажу, — Мишка возник совершенно по собственной инициативе, — скажу, что многие прозрения у Нострадамуса, как же его звали, а, он же мой тёзка, меня просто поразили. Вот как можно поверить, что через 400 лет —

Звезда восходящего скоро погаснет,
И был не у власти безвольный монарх.
Взял верх созидатель несбыточных басен:
Парадом командует хитрость и страх.

Разве это не предсказания революций 1917 года? Безвольный монарх, Николай Второй, более того, Нострадамус предвидел и будущее — идеи оказались баснями!

— Чем менее чёток и конкретен прогноз, тем легче прицепить к нему то или иное уже свершившееся явление, — возразил ВА, — я думаю, что, если покопаться в истории, можно найти немало примеров и безвольных монархов, и пришедших им на смену демагогов.

— Хорошо, а как вам такой катрен?

Я вижу, как рушатся царские троны,
Когда их сметает людской ураган,
Республику сделает хуже короны
И белых, и красных жестокий обман.

— Вообще-то я бы посмотрел на оригинал, — продолжал сомневаться ВА, — перевод-то с латыни сделали, может быть, какие-то русские эмигранты, книга-то издана в Штатах[1], они могли вполне под своё понимание истории перевод подогнать.

— Ну да, никто не хочет обсуждать концептуально, все сразу цепляются за конкретику, — каша сварилась, КА отставил кастрюльку, — а чего спорить. если так важно, что сбылось, что не сбылось, могли уже сто раз его самого, там, у себя, спросить.

— Да это ты затеял про эти предсказания. Потому что книжка попалась, если бы мне попалась, может, я его бы и нашёл. Я цитировал, то потому, что ты сам на этом споткнулся, это что-то вроде цитат из тебя, — сказал Мишка. — вообще, для нас это имеет сугубо теоретический интерес, исторический. Для вечности, как ты сам понимаешь, будущее — понятие так себе, малозначащее. Ну, может, для учёных философов. Раз на то пошло, давайте позовём, в конце концов, узнаем, предвидел он эти революции или нет.

Сказано — сделано: щуплый такой человек (похож на одного художника, Мишу Щиголя, подумал КА, потом подумал, что если вспомнил, то художник может и пожаловать. Посмотрим…) появился напротив ВА, сидя на краешке табуретки. Вот ведь странно, такой, казалось бы, не могучий, а был же героем борьбы с чумой и прочими эпидемиями. Впрочем, чтобы с биологической чумой бороться, мускулы не нужны, в отличие от других чум.

[1] Нострадамус. Центурии. Адрианополь. 1974.

Нострадамус вежливо поклонился и молчал, видимо, ожидая вопросов. Валентин Абрамович внимательно его огладывал. И вспоминал, есть ли его бюст в том дворе с фонтаном в виде 6 струй, вблизи одного музея под Хайфой, где стояли бюсты знаменитых представителей еврейского народа. Впрочем, Нострадамус был католиком, но и Сервантес тоже был католиком, не говоря уже про Колумба, а их бюсты стояли. Пауза несколько затягивалась, даже Мишка, всегда бойкий на язык, и тот не то, чтобы стушевался, но как-то проникся почтением.

— Мсье Мишель, — начал КА, — извините, что побеспокоили, но у нас возникли некоторые спорные вопросы относительно предсказаний вообще и некоторых ваших, в частности.

— Достопочтенные господа, я рад очутиться в такой благородной компании, — отвечал Нострадамус, — это вполне естественное человеческое желание — заглянуть в будущее. Только не спрашивайте меня относительно механизмов, как говорят сейчас, о методиках. Кто может знать, откуда и почему приходят божественные озарения? Подробнее я всё поведал своему сыну, в своём послании ему. Не зря же в «Центуриях» каждый катрен как бы сам по себе, это как отдельные вспышки.

— Но у Вас же была и есть возможность следить за тем, что исполнилось, а что нет, — спросил Мишка, — неужели не было просто интересно?

— Дело не в том, чтобы потешить своё самолюбие, и не в том, чтобы констатировать факт, вы, как и большинство, не поняли главного: мои прозрения не были описанием некоторого набора явлений, которые должны произойти в будущем, это были предупреждения. Стоит подчеркнуть — предупреждение и предсказание, это совсем разные жанры.

— Но, тогда, если бы предупреждения приняли к сведению, то и не было бы того или другого факта? — Мишка видел здесь явный парадокс.

— Ну да, и разве это не прекрасно — увидеть, что мои предостережения предотвратили, например, какую-то войну?

— Не потому ли ваши «Центурии» некоторые историки считали первой антиутопией? — вмешался в разговор ВА, — уж больно мрачно всё, войны да смуты. Но в соответствии с концепцией предотвращения бед, вполне логично было сосредоточиться на возможных плохих сценариях.

— И кто же к предостережениям прислушивается? — был вопрос от Мишки. — Хотя, дело, наверное, ещё и в авторитетах. Наверное, если бы

кто-нибудь Путину да и сказал, хоть намекнул, мол, не начинай войну, увязнешь, как Брежнев в Афганистане, тем более что сам Нострадамус предостерегает, может быть, рослидер и призадумался бы.

— Мне кажется, что я что-то писал о войне, что идёт сейчас, в этом месте мира. По-моему, во второй или третьей центурии. Да-да, я вспомнил, у меня так мало было точных дат, виделись только события, может быть, место, а здесь прямо точное указание даты, кажется, 2025 год. Я ещё подумал, Боже мой, XXI век, как это далеко!

— Сейчас поищем, я ещё до этого не дочитал, в pdf мы легко найдём, — сказал КА, уже нажимая на клавиши ноутбука, 2025, говорите, я в последнее время часто вспоминаю 1984. Когда там Оруэлл свою антиутопию писал?

— Кажется, в 1948 или 49, — Мишка поморщился, вспоминая, — да, где-то читал, что он просто сделал рокировку цифр 4 и 8, тоже якобы предостерегая, что не такое это далёкое-предалёкое будущее.

— Нашёл, гм, — КА замолчал, читая, — ничего себе! Вот это да! Ну, хорошо, пусть автор-составитель книги несколько отходил от подстрочника перевода, он сам в послесловии писал, что его некоторые критики укоряли, но всё равно, книжка-то 1974 года издания, до 2025 ещё полвека. Читаю, послушайте:

Конец октября двадцать пятого года,
И век двадцать первый с тягчайшей войной,
Крушители веры своих устыдятся народов,
Шах Персии смят египтянской враждой.

— Да, — тут уж и ВА вступил в разговор, — действительно, предсказание впечатляет! Не знаю, что там было насчёт последних дней октября, кажется, ничего исторически важного, но когда война идёт уже 4 года, точность в днях не столь важна. Да ещё Персия! Действительно, и войны эти вполне связаны — Иран и Украина.

— Тут ещё комментарий интересный, — КА продолжил чтение, — именно своей неуверенностью большой в правильности невероятного прогноза. Представьте себе, 70-е годы, составитель книги, хоть и не в Союзе живёт, эмигрант, но обстановку хорошо представляет. Он в глубоких сомнениях пишет, читаю сноску-комментарий к этому катрену: *«Исходя из данных астрологической математики, русские апологеты Нострадамуса утверждают, что 2025 год будет последним годом, когда*

в Советском Союзе будут праздновать годовщину октябрьской революции. Статуи Ленина будут сбрасываться с пьедесталов разъярённой и отчаявшейся толпой». Как вам такой пассаж?

— Апологеты немного промахнулись, — заметил ВА, — празднование Великого Октября стало неактуальным гораздо раньше.

— По сути, как Союз развалился, — уточнил Мишка.

— Читаю дальше: «*…русские апологеты Нострадамуса находят, что период времени с 1990 по 2025 годы будет периодом массового подрыва революционного престижа. Толпа остаётся толпой, и никакими космическими достижениями и уровнем образования её не усмирить»*.

— Верно подмечено, — ВА сделал паузу, — уровень образования, особенно высокий, всеми рассматривается как норма, а к достижениям как-то привыкают, сейчас уже все подзабыли, что в 60–70-е именно советские космокорабли летали, и не один раз, к Венере, фотографии поверхности планеты сделали, и тогда к этому уже стали привыкать, только вот никак не привыкалось к тому, что за полёты в космос надо было платить пустотой в магазинах.

— Что космос! — воскликнул КА, — читаем дальше, там ещё интереснее: «*Дело в том, что когда, по мнению русских апологетов Нострадамуса*, — извините, господин Мишель, как-то непочтительно звучит, но нам это очень интересно! Да и Вам, наверное, тоже, ведь это проверка, скажем так, прогноза, — извинился перед прорицателем КА, — *Советский Союз будет втянут в постоянную войну».*

— Вот он, ключ! — возликовал Мишка, — постоянная война, постоянный поиск врагов! Вот на что уходила энергия государства! Как Вам виделось, господин Мишель, так и получилось — и век двадцать первый в тягчайшей войне!

— А Вы знаете, господин Мишель, — КА обратился к Нострадамусу, который внимательно ко всему прислушивался, — мне кажется, что успех вашего прогноза, в данном случае, был в том, что вы тогда, четыреста лет назад, уловили один тренд, тенденцию.

— Какую же?

— Назовём кратко и, в общем, условно — милитаризации. Глобальной, мировой. Недавно попалась такая статистика: в 2025 году европейские члены НАТО, это, господин Мишель, такой военный союз, потратили на вооружение пятьсот с половиной миллиардов долларов, а

мировые расходы на вооружение растут неуклонно всё последнее десятилетие во всём мире. В 2025 году, о котором вы упомянули в прогнозе, военные расходы были около 3 триллионов долларов! Это столько, сколько стоят все товары и услуги, произведённые за год, например, в Индии или Великобритании.

— Да, в 70-е трудно было поверить, что не пройдёт и два десятка лет, — Мишка сделал задумчивое лицо, — вся эта глыба СССР-овская просто рухнет, развалится.

— В 70-е как-то сложно было представить, — добавил КА, — что за последующие два десятка лет так стремительно покатится вниз вся экономика и вся жизнь. Вот тебе и следствия войны, Афганистан и прочие мелкие. То же ожидает и Россию, в этой войне. Такой исторический парадокс: вроде бы существует тренд на милитаризацию, и это даже приводит к росту экономики, прогрессу техники, но потом, когда эти пушки и истребители, по логике этой милитаризации, идут в дело, страны начинают пожирать сами себя изнутри.

— Тут, пожалуй, ещё один парадокс прогресса, — откликнулся на идею КА Мишка, — ведь все пропагандируют свои самые мирные устремления, в таком случае всеобщий мир мог бы поддерживаться двумя соглашениями: полное отсутствие армий, у всех, нет военных — некому воевать. Но, как нам сеньор Макиавелли разъяснил, тяга к захвату чужого есть неизбывное свойство человека, значит, надо иметь возможность защитить себя. Второй вариант — паритет, ни у кого нет преимущества. В таком случае, зачем прогресс вооружений? До сих пор могли бы существовать армии типа римских центурий. Если эволюцией движет давление жизни, то войной движет давление… чего?

— Как чего? — задал вопрос и сразу ответил КА. — Давление страха! В наполеоновские времена народ боялся не самих военных действий, битвы шли как в театре, на довольно локальных полях, боялся грабежей, что отберут урожай, и народ сам был не прочь помародёрствовать после какой-нибудь битвы при Аустерлице или под Бородино. А степень страха после Хиросимы?! А когда дроны стали долетать до Урала? Совсем другая степень страха при стирании грани между фронтом и тылом.

— Вы знаете, — Нострадамус задумчиво оглянул всех, — действительно, я как-то упустил страх как фактор истории, хотя все предупреждения-то и были построены на том, что не разумом люди их поймут, просто через обыкновенный страх!

— Стоп, мы уже этот вопрос обсуждали, — КА привлёк внимание всех, — помните, Антонио Мачадо: страх перед ужасами войны не останавливает войны, а заставляет только вооружаться. Фактор важный, но неоднозначный.

— А может быть, — высказал догадку ВА, — мы не на то, не на самое важное обращаем внимание. Гений господина Мишеля (все с почтением посмотрели на прорицателя, который не то одобрительно, не то удивлённо посмотрел на ВА) был в том, что он внедрил в практику прорицания принцип цикличности истории. Может быть, это и есть главное отличие эволюции человечества и эволюции остального живого мира. Эволюция — процесс поступательный и необратимый, а история, она вся в циклах: империи рождаются и умирают, республики становятся деспотиями, потом всё рушится в революциях, и всё — по кругу. Вот пример вам, Россия, если не отойдёт от старых принципов имперской организации, распад и развал неминуем. А уж в каком десятилетии или даже веке, это уже случайное предсказание. Конечно, о 2025 годе в прогнозе прочитать, когда за окном жужжат шахеды, это впечатляет, но думаю, тут были и элементы случайного совпадения.

— Не исключено, конечно, — задумчиво произнёс Нострадамус, — но эта дата прозвучала во мне вместе с предчувствием самого явления. Это было не порознь.

— Много загадок в мире, — резюмировал Мишка.

— А что вы думаете об этой нашей войне? Естественное желание — увидеть конец, — обратился к прорицателю КА.

— Она скоро закончится, и совсем не так, как все думают и предполагают. Но будет ещё много крови. Главные лица уйдут в одночасье, трое или четверо, точно не знаю. В этом смысле война окажется значимым пунктом в истории, не только двух стран, но Европы, да и всего мира. Гораздо боле важным, нежели другие локальные войны.

За окном кухни было безоблачное небо и торчали, одиноко безлюдные, два небоскрёба. КА подумал, что, как-то перечитывая свои старые записки, с большим интересом вычитывал, даже искал заметки о погоде. Зима 2001 года была холодной, но было мало снега, а лето 2023 было жарким. Надо обязательно где-то в дневнике записать: «Зима 2025–2026 годов была поразительно (с точки зрения Киотского Протокола) холодной, морозной, снежной (как в детстве). На даче помёрзли многие растения. Хреново было с электричеством, отоплением, чуть сами не замёрзли… Нострадамусы от политики предсказывали катастрофу энергетическую, но как-то выжили».

Весенняя элегия

КА стоял перед картиной, вспоминал, где же её видел впервые, много лет назад. Какая-то обычная выставка, соцреализм, Гриша, наверное, точно помнит. Только сейчас подумал, — а что это за жанр? На полу стояли банки, обычные трёхлитровые, но были видны только кое-где их контуры, все они были просто свет! В них сияло солнце, это было не стекло, это было солнечное стекло. В этом свете где-то потерялись две женские фигурки, те, что мыли и надраивали эти банки. Сколько компотов, огурцов маринованных будет на зиму! Ещё тогда запало как-то в душу некое несоответствие — вокруг на выставке всё было обычно — пейзажики, цветочки, портреты трудящихся, а тут — просто живой свет. Как таковой.

Спич свой заготовленный он таки на открытии выставки произнёс, хотя и не сказал всего, что хотел. Не сказал, может, главного. Вот оно, подтверждение того самого принципа Вайсберга: художник реально отправил в будущее не только и не столько сами холсты, сколько свою идею света, солнца, идею радости, вечности жизни. Художник так же, как динозавры когда-то, отправил в будущее саму идею, наподобие того, как мезозойские рептилии отправили в будущее не только крокодилов и змей, но и саму идею жизни на суше, не так, как жабы, в поисках влаги, а свободно — хочешь живи в сельве, а хочешь — в пустыне. А потом родилось много новых идей, которые подхватили млекопитающие и так далее…

Толчея открытия вернисажа. Сложно сказать, что лучше — пустой зал и ты один на один с каждой картиной, с их ансамблем, или эта толпа, люди. Несколько знакомых. Новости. Вспомнили старые времена. Хорошее, счастливое время было. Потому что мирное? Тогда мы этого не знали, к счастью, не с чем было сравнить. Скорее всего, потому что активное было время. Активная жизнь. Но время уходит. Недавно мальчика встретил, из тех времён, а он совсем седой уж. А вот ещё один приятель, тоже друг тех времён, как всё связано! Только что вернулся из Германии, масса впечатлений, во-первых, свобода, уже 60 недавно стукнуло, выпускают из страны, встретился там со своими друзьями, с которыми уж и не чаял повидаться, эмигранты. И всё это с восторгом, взахлёб. Проскочил мимо бывший директор большого музея, еле успели за руку поздороваться.

И так везде, так много уж разбросано этих клочков воспоминаний. А как выкристаллизовываются из этого опыта те самые идеи, которые мы отправляем в будущее? Да, странно получается, советы на будущее формируются из прошлого опыта. А из чего же ещё?

Вот и опустели залы, хватит слоняться, пора, но всегда кажется, что чего-то недосмотрел. Так оно, наверное, и есть.

Музей, с его нарочито перспективными, якобы уходящими ввысь колоннами, бетонными львами, охраняющими лестницу, был огорожен забором и имел не столько реставрационный, сколько заброшенный вид, впрочем, в Музейном переулке было темно и не видны детали. КА шёл к Европейской площади, там тоже была уже ночь, ни фонаря, только огни окон, да машины фарами подсвечивают. Знакомый пейзаж, покатая площадь, в сторону Подола, он ещё помнил, как по этому спуску ходил трамвай о двух головах — тяни-толкай, не было кольца для разворота. В сумерках белело здание филармонии, справа — пятно парка. Всё знакомо. Город, в котором прожил полвека, даже больше. Почему здесь? И что это ему дало? Знать и чувствовать. Прожить всю жизнь в городе, который не стал родным. Но и не потерять того, что было родным. Потеряно было, наверное, не место, потеряно было время. Время совсем других чувств. Восторга жизни, радостей встреч, истинных болей расставаний.

Поворот к метро. Майдан с его чудаковатой колонной, тоже в сумраке ночи, люди навстречу, самокаты, огни машин на сумеречном Хрещатике. Всё пронизано какой-то нереальностью, а может быть, просто тревогой. А вечер-то хорош! Тихий мартовский вечер, первого весеннего вечернего тепла! Как там у Мачадо?

— Был тихий вечер медленного лета, fue un tarde de lente verano… Медленность — атрибут не только лета.

Тихий и тревожный вечер вялотекущей весны. Ага, тут ещё и другой поэт вторит: «Не кончается время тревог, но кончаются зимы…», — это уж точно.

Тёмный и печальный Хрещатик остался наверху, есть всё-таки место, где нет ни зим ни лет, ни дня ни ночи, и тревоги не слышны. Эскалатор, подземка, поезд, который ходит по строгому расписанию — иллюзия мира без проблем. Пассажиров совсем немного, молодёжь, в основном. Кого-то ждут дома, а кто-то едет в общагу, где никто его не ждёт. Разные судьбы, а не просто разные жилищные условия. Как-то получилось, что сейчас КА жил не так уж далеко от своей старой студенческой общаги.

Жизнь помотала туда-сюда, а потом как бы вернулся к «истокам». Ну, и что из этого? Кое-какие детали сохранились и переживут многих, но ландшафт окружающих новостроек, все эти детали уводит на задний план. Совсем другие мальчики оккупируют эти дома и улицы. Эти улицы, они сродни рекам: берега вроде всё те же, хотя бы похожи, да вода совсем не та, старая утекла, далеко утекла.

Когда КА пришёл домой, жена не сильно интересовалась, где был, озабочена была предупреждениями в «Телеграмме» о весьма вероятном массированном налёте в эту ночь. Ну, и что им было из этого знания? Бежать в неглубокую эрзац-схованку метро? Достать тревожный чемоданчик? Молиться?

Ожидай, предчувствуй, рассчитывай вероятность — всё равно, беда приходит неожиданно, подло. Дом подпрыгнул в три часа ночи. Всё, что было сверху, сразу оказалось внизу, на полу. Что-то сильно ударило по ноге. Шахед вряд ли мог бы дать такой эффект, очевидно, ракета, или очень близко, или попала в дом. Запахло гарью. Всё это мелькнуло в голове, когда КА одним скачком очутился возле входной двери, к счастью, её не заклинило! Можно проникнуть в коридор, где чудом тускло светилась лампочка. КА позвал жену, которая спала до этого землетрясения в соседней комнате. Вот она, предусмотрительность старого офицера: спал-то он в жилетке, где по карманам были распиханы важные вещи, от паспорта, денег, до маленького фонарика и телефона. Так и есть, жену снесло в кровати на пол, видимо, ударилась о стену. Послышался стон, значит жива. Запах гари был всё сильнее, спасаться надо, мысль об огнетушителе в голову не пришла. В тревожном рюкзаке были кое-какие медикаменты, бинты. Прихватил, подсвечивая себе фонариком. Никакой стресс не помешал отметить, что аквариум в его комнате не развалился, чудеса! Вода, правда, выплеснулась. Закинул руку жены за шею себе и потащил, оказалось, не так-то легко. Бесчувственные тела как-то сразу набирают вес.

Вот он, пожарный балкон. С трудом спустились до 8 этажа. Не то, чтобы КА анализировал, мол, до 8 этажа пожарная лестница дотянется, просто обычная бетонная лестница, по которой столько раз хаживал, когда лифт не работал, как-то перекосилась. Засыпано штукатуркой. Жена очнулась и тихо застонала. Только тут КА почувствовал, что в высоких комнатных чунях что-то хлюпает, и ощутил страшную боль в ноге. Стоять было невозможно. Но силы откуда-то взялись, он стал кричать в темно-

ту — и показалось, что там, далеко внизу, кто-то откликнулся. Там уже мелькали огни машин. А ещё фонарик, включённый, иначе бы сюда не добрался. Стал им размахивать с балкона. Время деформировалось, вроде этот взрыв прозвучал несколько секунд назад и, в тоже время, всё так растянулось: может, это было в прошлом году? Внизу что-то лязгало и скрипело, а потом КА действительно увидел, как к ним подползает конструкция пожарной лестницы. Из ночи, из месива темноты и тусклых огней. Медленно снизу поднималась неуклюжая фигура, и когда пожарник добрался до балкона, КА охватила, сквозь боль и холод, такая радость!

— Мишка, это ты?! — простонал он. — Я тут не один…

Как по этим шатким лестницам спасатели переносят людей, одному Богу известно. Первой забрать женщину. Вот и КА уже на земле, вернее, на носилках. Пожарник устало облокотился на крыло машины.

— Думаете, выживет? — спросил он у молодого доктора скорой помощи.

— Пятьдесят на пятьдесят, похоже, что много крови потерял. Но с женщиной всё в порядке, небольшая контузия.

Молодой врач скорой помощи командовал погрузкой раненых.

— Этого скорее, — показывая на КА.

От Автора

Когда-то давно, на большой выставке, меня сильно задела одна работа. Небольшая и неброская. Из наследия одной известной художницы, того периода её онтогенеза, когда старость и болезни наваливаются грубо, неотвратимо, выматывают все силы, остаётся совсем немного, на пару акварелей. Это было окно, с каким-то предметом на подоконнике, а за окном — небо и верхушки деревьев. С наклоном: наверное, там, за окном, треплет их осенний ветер. Как раз то, что человек может увидеть, лёжа в постели, наверное, уже давно.

Так много всего там, за окном, так пёстр тот мир, но тебе повезло, тебе повезло сосредоточиться на чём-то немногом. И тебе кажется, что на главном…

25 июля 2026 года

СОДЕРЖАНИЕ

У окна 8
История Веры 16
Роман как зеркало души 20
Татьяна 25
Мишка и время 27
Мир информации 29
Знаки 31
Дома 33
Размышления о современности 37
Толик и Лариса 41
Старый секс 44
Анюта 49
День победы 55
Документы для политинформации 59
Три богатыря 71
Парад 76
История обществ 79
Письма 87
Паутина света 97
Повесть или роман 104
Ночь шумна 105
Ван Гоги 110
Знаки 118
На даче 120
Встреча с органом 124
В кольце 129
Друг детства 134
Рондо мудрости 151
Дневник войны 160
Вавилон 170
Ремонт и реставрация 171

Радости жизни 180
Сценарии войны 183
Сон разума рождает… 188
Герои и жертвы 190
Второй сон 192
Трудный хлеб издателей 196
Избыточность 205
Утро туманное 207
Новое и старое 214
Какосфера 218
Языки 225
Зимовка без льдины 235
Поиски истины или урок глупости 249
Монументы 261
Выставка 272
Политика 276
Пасхальное 285
Долг и ревность 286
Красная звёздочка на обелиске 291
Уровни опасности 297
Две войны и больше 299
Сон наяву: настоящее в будущем 303
Весенняя элегия 314
От Автора 317

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Библиотека “Крещатика”»
Заснована у 2023 році

Александр
ПРОТАСОВ

ОКНО

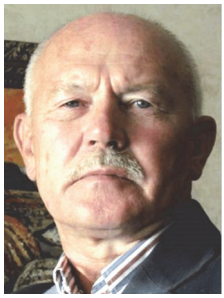
(російською мовою)

Редактор О. Мордовіна

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60х84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. №7158
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 20
Гарнітура «Arial Narrow». Підписано до друку 11.09.2026 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл.,
м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

Это пятая книга Александра Протасова в «Библиотеке журнала “Крещатик”». Две из них назывались «Место и время», в этом романе речь тоже о Месте — это город автора, его героев, их страна, и о Времени — бурном, сложном и трагическом.

Как редактор не одного произведения Александра Протасова и, несомненно, самый внимательный его читатель, думаю, в этой книге мы имеем дело с гармоничным, душевным, спаянным внутренним единством текстом. Роман «Окно», этот вполне реалистичный киевский роман времён ракетных налетов, переполненных убежищ и стрекочущих на улицах электрогенераторов, сдобрен и мистическим элементом: на протяжении всего повествования — разговоры с призраками внезапно возникающих из небытия ушедших друзей, знакомых и незнакомых учёных, солдата Второй мировой. На фоне поэтичных описаний обыденности военного времени это выводит читателя за пределы этой самой обыденности. Но, может быть, самое главное, это роман-размышление, о человеке, гражданине, его стране, эволюции человечества, немного — о любви.

Е. Мордовина

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

9 786178 477158